

Тундржер БАЙКАРА

ЗАКИ ВАЛИДИ ТОГАН

KÜLTÜR BAKANLIĞI YAYINLARI: 1042

ZEKİ VELİDÎ TOGAN

Prof. Dr. Tuncer BAYKARA

TÜRK BÜYÜKLERİ DİZİSİ: 110

Тунджер Байкара

Заки Валиди Тоган

Уфа
«Китап»
1998

Байкара Тунджер. Заки Валиди Тоган / Составление, перевод на русский язык, дополнения, указатель Р. М. Булгакова, А. М. Юлдашбаева. — Уфа: Китап, 1998.- 328 с.

ISBN 5-295-01967-5

В 1989 году в столице Турции городе Анкаре была напечатана книга турецкого историка профессора Тунджера Байкары «Заки Валиди Тоган». Автор с большой любовью рассказал в ней о своем учителе — Ахмет-Заки Валиди Тогане (1890-1970). Детство и молодость, политическая и военная деятельность в Башкортостане и России, годы скитаний и обретение новой Родины, драматическая жизнь в республиканской Турции и мировое признание, характеристические черты личной жизни и своеобразие научного творчества — все это не может не представлять интереса для земляков великого политика и ученого.

Издание предназначено всем, кто интересуется жизнью и творчеством Ахмет-Заки Валиди Тогана.

Б 0503010000-11 без объявл.-98
М 121 (03)-98

ISBN 5-295-01967-5 (Рус.)
ISBN 975-17-0367-0 (Тур.)

© Kültür Bakanlığı, 1989
© Р. М. Булгаков,
А. М. Юлдашбаев.
Составление, перевод на русский язык, дополнения, указатель. 1998

ТУНДЖЕР БАЙКАРА И КНИГА

Читатель держит перед собой русский перевод книги Тунджера Байкары «Заки Валиди Тоган»*. Книга имеет простое название, с характерным для турков опущением имени Ахмет — первого из двух имен собственных. Нет здесь никакого приложения к имени, никаких определений, нет даже подзаголовка... Но зато какое имя! Тунджер Байкара сразу дает понять, что это имя говорит само за себя.

«Заки Валиди Тоган» — издание Министерства культуры Турции, вышедшее в 1989 году тиражом 15000 экземпляров (значительный для Турции тираж!) в достойной для него серии «Великие турки»** и имеющее свою историю.

По словам самого автора, с произведениями Валиди он познакомился в 1958–1959 годах, с 1963–1964 учебного года он начал «регулярно посещать его занятия», «1969 и 1970 годы стали годами моего всестороннего и близкого знакомства с ним» и после его кончины «почувствовал себя обязанным написать о его жизни и начал собирать материал». Прошло 19 лет. Ассистент Байкара стал господином профессором, который много писал о своем учителе, готовил к изданию и переизданию его труды, приводил в порядок его архив, много думал о его жизни, о судьбе его политического и научного наследия и наконец написал о нем книгу.

*Башкирский перевод от раздела «Первые годы в Турции» до «Мировоззрения Заки Валиди» включительно можно найти на страницах журнала «Ватандаш»: *Байкара Тунджер. Заки Валиди Тоган / Төркөсәнән төржемәселәре Ә. Юлдашбаев [һәм М. Исмағилев] // Ватандаш. Өфө, 1996. №1. 113–118-се биттәр; №2. 114–120-се биттәр; №3. 156–165-се биттәр; 1997. №1. 146–155-се биттәр;*

***Baykara Tuncer. Zeki Velidi Togan / Kültür Bakanlığı yayınları. [Ankara], 1989. X, 229 s. — (Türk büyükleri dizisi).*

Книга была замечена не только в Турции. После конференции в Уфе, посвященной 100-летию со дня рождения Валиди (21 декабря 1990 г.), она появилась и в Башкортостане и была оценена по достоинству: в июне 1993 года ее автор был назван *первым* лауреатом Международной премии общественности Башкортостана имени Заки Валиди. Позже на эту книгу обратила внимание Академия наук Республики Башкортостан*, а следом — и издательство «Китап», благодаря которому, к радости Т. Байкары, свет увидит его книгу теперь и в переводе на русский язык.

Тунджер Байкара родился в 1940 году в деревне Ятаган иля (провинции) Денизли на юго-западе Турции. После окончания Стамбульского университета он работал в Эрзуруме и Анкаре, а в настоящее время он — профессор Эгейского университета города Измир**. Он автор нескольких больших работ по истории Турции периода средневековья и нового времени, а не эпохи бронзы, как ожидалось от ученого, чье имя по-русски будет «бронзовый человек».

Тунджер Байкара написал о своем учителе книгу, жанр которой можно было бы определить как научная биография, если бы не ее тональность — искренняя, взволнованная, несколько сбивчивая, с многочисленными повторами удачно найденных характеристик, с огромным чувством уважения, порою переходящим в поклонение (слово Учитель и местоимение Он, говоря о Заки Валиди, Т. Байкара пишет с прописной буквы).

Насколько нам удалось передать авторский стиль и тональность — судить читателям. Тем, кто прочтет эту книгу от доски до доски, возможно, бросятся в глаза эти повторы, но мы сочли возможным сохранить эту особенность оригинала.

Количество цитат из «Воспоминаний» Заки Валиди невольно наводит на мысль о том, что Тунджер Байкара написал своего рода толкование к ним, причем толкование жизнеутверждающее, так как сам он признался однажды: «После чтения этой книги («Воспоминаний») душу охватывает глубокая печаль». Мы верим Тунджеру Байкаре и благодарим его за то,

*Считаем своим долгом поблагодарить Академию наук Республики Башкортостан за поддержку, без которой данный перевод не был бы закончен и по сей день.

**См. о нем: Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 1996. С. 140.

что своей книгой он показал: и в политике и в науке победа в конечном счете осталась за Валиди.

Несколько слов о структуре этой книги. Подробно изложив биографию Заки Валиди в *первой части*, Тунджер Байкара *вторую часть* ее посвятил раздумьям о нем как об ученом и мыслителе, аргументируя свою точку зрения подробной библиографией трудов своего учителя и воспроизведением ряда его статей и фрагментов крупных работ, помещенных в *приложениях*. Это честный и похвальный прием. Тунджер Байкара тем самым говорит: «Я рассказал вам о своем герое. А теперь — читайте и размышляйте сами! И ваша воля согласиться со мной или сделать другие выводы».

Не будем скрывать своих симпатий: мы согласились с автором и решили, в меру своих возможностей, усилить его аргументацию, во-первых, уточнением и расширением *библиографии**, а во-вторых, присоединением к его тексту *дополнений*, соответствующих, как нам представляется, замыслу автора. Кроме того, мы снабдили авторский текст небольшим количеством *примечаний переводчиков* и составили *указатель имен*. Последний, являясь элементом справочно-вспомогательного аппарата книги, поможет читателям полнее использовать ту информацию, которую так тщательно собирал и так бережно передал нам автор.

Турецкое издание этой книги завершается сообщением Тунджера Байкары об использованных источниках. Он перечисляет работы Заки Валиди и свои собственные статьи (частично вошедшие в текст книги) и ссылается на то, что некоторые сведения он получил от самого учителя, а также от Абделькадира Инана и Апаная. Отсутствие ко времени сдачи данной рукописи в издательство русского перевода второй части «Воспоминаний» вынуждает нас сохранить авторские ссылки на них по стамбульскому изданию.

А. Юлдашбаев перевел «Приложения» (кроме «Биографии профессора Заки Валиди Тогана», «В Канцелярию Председателя для передачи Великому Национальному Собранию» и «Ошибочного направления, проявившегося в международной инициативе относительно истории тюркских народов») и «Дополнения» (кроме статьи Н. Тоган, И. Арыджанлы, Т. Байка-

*Отдельное издание ее см.: Материалы к библиографии Ахмет-Заки Валиди Тогана / Составитель Р. М. Булгаков. Уфа: Издательство «Гилем», 1996. 160 с., ил.

ры «Бумаги, отложившиеся в результате деятельности А. Заки Тогана и размещенные им по папкам»). Перевод первой, второй частей книги и перечисленных выше разделов «Приложений» и «Дополнений», а также составление «Библиографии Заки Валиди» и «Указателя имен» принадлежат Р. Булгакову.

В заключение мы просим Тунджера Байкару принять нашу сердечную благодарность за возможность перевести его ценную книгу на русский язык.

*А. Юлдашбаев,
Р. Булгаков*

ПРЕДИСЛОВИЕ К НАСТОЯЩЕМУ ИЗДАНИЮ

Это — книга о моем учителе, который вложил свой труд в мое воспитание и согревал меня теплом своего дома. Когда я писал ее, я и не подозревал, что она вызовет такие отклики. Просто после его кончины я почувствовал себя обязанным написать о его жизни и начал собирать материал.

Несмотря на некоторые уважительные для меня причины, эта книга все же появилась на свет благодаря тому, что мои друзья Д. Йылдырым, Дж. Озёндер и А. Коркмаз постоянно оказывали мне содействие.

Позже эта книга была удостоена премии имени Заки Валиди Тогана, учрежденной в Башкортостане. Тогда же я познакомился со многими людьми, стараниями которых премия была вручена именно мне.

Одним из моих новых знакомых стал Амир Юлдашбаев. Во время моего пребывания в Башкортостане в июне 1993 года этот улыбчивый с мягким характером человек, располагающий к доверительным отношениям, был одним из тех, на кого я мог полностью положиться.

Издание перевода моего произведения в Башкортостане для меня сейчас важнее его повторного издания в Турции. Этот факт меня очень радует, и эту радость я и хотел бы выразить в этих строчках.

Далеко на севере на тюркской земле в маленьком ауле родился и вырос человек, молодые и зрелые годы которого были полны драматических событий, но который завершил свою жизнь большим ученым. Я говорю о Заки Валиди Тогане. Он для меня — и прекрасный человек, и уникальный исследователь.

Для меня, анатолийского турка, в этой книге важно было попытаться показать прежде всего характер исследователя. Кажется, мне удалось уловить и другие его черты.

В августе 1996 года я останавливался в туркменском городке Джебел, где, возможно, в 1920 году несколько тревожных ночей пережил и мой дорогой учитель.

А закончить мне хочется словами уверенности в том, что в будущем мире будут господствовать дружба, мир и братство, и в великой семье тюркских народов башкиры займут свое достойное место.

*С благодарностью Тунджер Байкара
Борнова-Измир*

18 октября 1996 года

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТУРЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

Не могу вспомнить, когда я первый раз услышал имя Заки Валиди Тогана. Скорее всего, я услышал его от своего дяди Эмина в связи с имевшимися у него националистическими журналами. Среди книг, прочитанных мною за летние каникулы 1958 и 1959 годов, конечно же, были и его книги. Но в памяти моей те годы не оставили сколь-нибудь заметных следов.

В конце 1960 года на историческом отделении, располагавшемся в одном комплексе зданий с нами, я случайно узнал, что в такой-то аудитории он будет читать лекции. Мне очень захотелось увидеть его самого и я из любопытства отправился на занятие. Лекция, на которую я попал, по-видимому, была первой. Вошедший был небольшого роста, с улыбочивым лицом, в жилетном костюме. Мне он показался тогда как бы пронизанным светом. Количество непонятных слов в его лекции меня поразило. Кажется, это было начальное занятие по «Методологии исторических исследований». Через некоторое время один юноша спросил: «Прошу прощения, разве это не предыстория?». «Да, — воспринял вопрос по-своему Заки Валиди, — предыстория, то есть то, что предшествует истории и составляет ее сущность», — и продолжил развивать эту тему. Юноша смутился и больше не подавал голоса. Видно было, что он один из многих, кто, подобно мне, никогда больше не придет на эти занятия.

Любопытство мое было удовлетворено: я наконец увидел прославленного историка, о котором так много слышал. Так получилось, что в том году я стал посещать занятия ныне покойных Исмаила Хаккы Узунчаршылы и Мюкримина Халиля Инанча. Значит, в те годы именно они были для меня более авторитетными.

В 1961 году я принял окончательное решение стать историком и в 1962 году перевелся на историческое отделение, но в том году Тоган не читал у нас лекций. И только начиная с 1963–1964 учебного года я стал регулярно посещать его занятия. И в год его смерти, уже будучи сотрудником исторического отделения, я также бывал на его лекциях. Я не был с ним рядом лишь в 1967–1968 учебном году. 1969 и 1970 годы стали годами моего всестороннего и близкого знакомства с ним. Этим произведением я хотел выразить испытываемые к нему чувства уважения и признательности.

*Проф. д-р Тунджер Байкара
Борнова*

5 сентября 1988 года

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖИЗНЬ

1890–1915

Семья. Детство. Учеба

Заки Валиди Тоган родился 10 декабря 1890 года на земле башкир в составе современного Советского Союза*, в ауле Кузян Стерлитамакского кантона. Согласно традиции его родословная выглядела так: ветвь *суклы-кай* рода *телтим* клана *эльчик-темир* племени *юрматы*. Основу аула составляли ветви *суклы-кай* и *унгут*, числом не более 30–40 жилищ, а с середины XIX в. в нем поселились и совместно проживали татары, мишари и чувашаи-мусульмане.

Ветви *кай* и *унгут* были известными в истории восточными кочевниками, которые, подобно катаяцам, салджыютам, табынцам и кирешитам в монгольскую эпоху (после XIII в.), по видимому, вошли в состав башкир в качестве господствующего и воинственного элемента. Старинные предания суклыкайцев и унгутов называют их родиной местность Ер Карагай к востоку от Урала.

Предков Заки Валиди мы можем проследить до XVIII и даже до XVII века. В одном из тюркских земельных документов 1757 года сохранились имя и тамга Чурака Кузян-улы, сына Иш-Тугана, внука старика Кузяна из семейства Кузян-улы, жившего в ауле с XVII в. Один из внуков Чурака, Кузян-улы Валид-бай в середине XIX в. был владельцем самого большого постоянного двора в ауле. У Валид-бая было два сына: Вали-

*Книга Т. Байкары опубликована в 1989 г. — Примеч. пер.

мулла и мулла Ахмет-шах, или Ахметша. Позже Ахмет-Заки взял псевдоним Валиди (по имени деда), а фамилия Тоган восходит к имени Иш-Туган (в значении «близнец»).

Мать Заки Валиди, Уммульхаят, все называли «мугаллима» (учительница). Его дед по материнской линии Сатлык-улы Кафи (умер в 1900 г.) происходил из среды людей, тесно связанных с Казанью. Будучи владельцем медресе, он дал своей дочери образование и хорошее знание персидского языка. Дядя Заки Валиди по матери, Сатлык-улы Хабибназар был одним из тех, кто оказал на него наибольшее воздействие, как бы подтверждая пословицу «племянник весь в дядю».

Заки Валиди рос в многодетной семье, у него было 3 сестры и 5 братьев, а мать его была настоящим образцом многодетной тюркской женщины.

Далекие предки Заки Валиди, подобно людям своего времени, грамоты не знали и жили жизнью скотоводов. Поэтому и отец Заки Валиди, и сам он очень любили все, что связано с животными. Для его отца, муллы Ахмет-шаха, все земледелие заключалось в том, чтобы посеять просо у подошвы горы. Заки Валиди пишет в «Воспоминаниях» (с. 30)*: «Обрабатывать землю я совсем не любил. Косить сено было для меня наслаждением, но жать хлеб — пыткой».

Отец Заки Валиди, не в пример окружающим, был человеком сведущим и выписывал «Терджюман» Исмаила Гаспринского. К тому же его перу принадлежали «Описание путешествия в Хиджаз» и «Жизнь Сатлык-улы», оставшиеся неопубликованными. Он хорошо знал старинные предания и легенды. Но истинным знатоком их был его старший брат, Вали-мулла, который буквально оживлял для Заки Валиди слова известных ему родословий и дастанов. Отец же, Ахмет-шах, будучи муллой, тем не менее, чтит многовековые традиции тюрков настолько, что иногда предпочитал их законам шариата.

Дядя Заки Валиди, Сатлык-улы Хабибназар, был одним из самых успевающих учеников Шихабеддина Марджани (умер в 1893 г.). Он с любовью занимался историей, 12-томную «Историю Джевдета» несколько раз прочитал от начала до конца, сам написал «Мифтах ут-Таварих» («Ключ к хроникам») и опубликовал несколько произведений об арабском языке. Именно он повлиял на выбор Заки Валиди стези историка.

*Здесь и далее ссылки на турецкий текст «Воспоминаний» Заки Валиди Тогана даются по стамбульскому изданию 1969 года. — *Примеч. пер.*

Детство Заки Валиди прошло в полном согласии с природой. Местом его начального образования было медресе отца, состоявшее из четырех строений. Общение с матерью также можно считать формой образования. В этом отношении ему особенно повезло: в медресе он изучал арабский, у матери учился персидскому и одновременно начал изучать русский язык частным образом. В «Воспоминаниях» (с. 18) он так и пишет: «Я начал». 150–200 детей с окрестных гор учились в медресе около 4 месяцев. Проведя в таком окружении детство, он сохранил в памяти важные этнографические наблюдения.

Отец проявлял особую заботу о том, чтобы Заки Валиди учился у знающих людей. В 4-х километрах от Кузяна в ауле Бужа жил Хызыр-мулла, очень хорошо знавший геометрию. У него-то и брал Заки Валиди уроки геометрии и астрономии Улугбека. И после смерти учителя он будет по его методу определять направление к Каабе для строящихся мечетей.

В «Воспоминаниях» Заки Валиди подробно рассказывал о культурных связях своей семьи как с Дагестаном, так и с Бухарой и Хивой, которые дополнялись тесными отношениями родственников матери с Казанью. Он также отмечает, что особое влияние на него оказал странствующий дервиш-юродивый Муллагул. Не будучи связанным с суфизмом, этот дервиш отличался известным свободомыслием и был носителем многовековой культуры. Заки Валиди научился у него многим хорошим вещам, подобным такому персидскому правилу: «Если ты приветливо встречаешь гостя, то Аллах одарит тебя неисчислимыми милостями».

Учеба в медресе отца стала начальным образованием Заки Валиди. И в 1902 году он отправился в медресе своего дяди Хабибназара в ауле Утяк, чтобы получить среднее образование. Три сотни его учащихся располагались в семи строениях, а учебный год длился 6–7 месяцев. У своего дяди Заки Валиди изучал преимущественно арабский язык и литературу. Здесь он постепенно формировался под непосредственным влиянием своего дяди, его уроков и жизни в его семье. Но и в эти годы он очень любил бывать наедине с природой. И дядя, не обнаруживая его на уроках, говаривал: «Пойдите, посмотрите, он, наверное, в хлеву рядом со скотиной».

Когда у отца начали болеть глаза и позже, на период своего паломничества в Мекку, он оставлял медресе на попечение сына и своего помощника. Заки Валиди в 1906–1908 годах

ввел много новшеств в медресе: в одном углу устроил библиотеку и собрал для нее много книг, установил глобус и обучал по нему детей. В это же время он начал интересоваться положением дел в мусульманском мире* и, что важнее всего, осознал, что существующего окружения для дальнейшего развития ему уже недостаточно. Он довольно хорошо знал арабский язык, чтобы преподавать в медресе, и учившийся в Американском колледже Нияз Максудов звал его с собой туда. И вот весной 1908 года он твердо решил, что «ему будет тесно в Кузьяне и Утяке» («Воспоминания». С. 48).

Заметивший в нем перемены отец подумывал о его женитьбе: ему уже шел восемнадцатый год — возраст становится семейным человеком, а женившись, он бы навсегда остался в своей среде. Но Заки Валиди был категорически против этой затеи. Не желая идти против воли родителей, он советовался со многими людьми и в конце концов сумел убедить свою мать. Против был только отец, но все считали, что юноша может поступать по-своему. И вот 29 июня 1908 года Заки Валиди тайно покинул свой аул, о чем знали лишь несколько человек.

Так в его жизни начинается совершенно новый период.

Учеба в дальних краях

Заки Валиди хотел бы отправиться в Бейрут или Стамбул, но он не мог уехать так далеко от своих. С торбой на плече и небольшими деньгами в кармане он пришел в Оренбург. Отсюда он поехал в Астрахань и встретился с людьми, имена которых были ему известны. Из Астрахани он на пароходе, не имея билета, между грузов, отправился в Казань. На пути ему пришлось сойти на берег и в течение пятнадцати дней работать, чтобы заработать деньги на дорогу. По приезде в Казань он сразу направился в медресе Шихабеддина Марджани, к имени которого он относился с глубоким почтением. Однако там все уже изменилось, и Заки Валиди перебрался в медресе «Касымия», где из всех предметов его привлекала только математика.

В Казани Заки Валиди стал особенно много брать частных уроков. Он мог себе это позволить, постольку поскольку летом 1909 года помирился с отцом и больше не испытывал нужды

* См. наст. изд. С. 247-248. — *Примеч. пер.*

в деньгах после трудной зимы. Но и тогда он очень много занимался, не теряя времени даром. Емельянов, частным образом готовивший его к экзаменам в Казанской инородческой учительской семинарии, познакомил Заки Валиди с Н. И. Ашмаринным и Н. Ф. Катановым. Таким образом, Заки Валиди оказался в среде востоковедов.

Осенью 1909 года уже и отец был настроен к нему благожелательно, и материальное положение укрепилось. Заки Валиди совершил еще одно путешествие на пароходе в Астрахань. Капитан парохода, на котором Заки Валиди возвращался в Казань, заинтересовался его книгами, и этот интерес и внимание сказались на формировании социальных взглядов Заки Валиди.

В 1909–1910 учебном году он был назначен преподавателем тюркской истории и истории арабской литературы в медресе «Касымия». Тогда же он начал писать для своих занятий «Историю тюрков». Преподавать в «Касымие» ему предстояло четыре года. И благодаря его «Истории тюрков и татар», увидевшей свет в конце 1911 года (на титульном листе 1912 год), его имя узнали широкие круги общественности. В это же время он начал посещать лекции проф. Н. Ф. Катанова и проф. В. А. Богородицкого на кафедре восточных языков Казанского университета. Однако закончит свое филологическое образование Заки Валиди гораздо позже, лишь в 1935 году, в Вене. К казанскому периоду относится и его знакомство со знаменитым историком В. В. Бартольдом (1869–1930), дружеские отношения с которым сохранялись до самой смерти последнего.

«История тюрков и татар» получила очень благоприятные отклики. Отзывы проф. Н. Ф. Катанова и Юсуфа Акчуры оказались решающими. За свою работу Заки Валиди был избран членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. В 1913 году Общество направило его в научную командировку в Ферганскую область. А в 1914 году Российская Академия наук и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях командировали его в Бухарское ханство. Сообщения об этих весьма плодотворных поездках были опубликованы в журналах Русского Археологического общества в Петербурге, Общества археологии, истории и этнографии в Казани и «Протоколах» Туркестанского кружка любителей археологии.

Одной из находок этих командировок была, между прочим, неизвестная рукопись «Кутадгу Билиг». В своих «Воспоминаниях» Заки Валиди подробно рассказывает об этой удаче. А вот казанский татарин Рашит Рахмети Арат, исследовавший «Кутадгу Билиг», почему-то ни словом не упоминает роли Заки Валиди в обнаружении новой рукописи. Но теперь, после сообщения покойного Ахмеда Атеша (Bibliyografya // Belleten. XIII/49. 1949), его роль стала известна всем.

В казанский период очень важными для Заки Валиди были его отношения с проф. Н. Ф. Катановым, влияние которого касалось многих направлений. В 1912 году Катанову исполнилось 50 лет. По этому случаю он устроил дома званый обед. Заки Валиди тоже был среди приглашенных. Вот что он пишет в «Воспоминаниях»:

Еды и напитков было много. Особенно много пил сам профессор. Вечером, когда гости уже расходились, он сказал мне: «Ты задержись ненадолго». Все ушли, а мы остались с ним вдвоем в его библиотеке и он долго говорил... «До сего дня из восточных тюрков и монголов с ориенталистикой были связаны только трое: Доржи Банзаров, Чокан Валиханов и я. Все существование наше принадлежит русской культуре. Я из шаманизма перешел в христианство и ему сейчас служу. Доржи и Чокан погибли от водки, не дожив до 35 лет. А все потому, что наши русские друзья ни их, ни меня ничему другому не научили. Теперь вот ты становишься четвертым. Береги себя в этом окружении! Вокруг меня были люди, не принадлежавшие к богатой мусульманской культуре. У нас не осталось ничего своего. И для русских мы остались чужаками. Но ты должен осознать значение своей принадлежности к своей сильной культуре», — говорил Катанов и пил водку и плакал*.

Супруга Катанова однажды поставила ему условие: «Или я — или твоя библиотека». И профессор вынужден был расстаться с книгами. Узнав об этом, Заки Валиди написал Юсу-

* «Воспоминания». С. 106. В другом месте Заки Валиди так цитирует Катанова: «Хакасы погибают, а была бы у нас такая опора, как ислам, мы бы не погибли». *Togan, A. Zeki Velidi. Kur'an ve Türkler. The Qur'an and the Turks. İslâm Şarkı ile Garp arasındaki ilmi işbirliği. İstanbul, 1971. S. 58.*

фу Акчуре письмо с предложением приобрести ее для Турции. В конце концов Управление вакуфов Турции купило эту библиотеку. Перед самой войной Заки Валиди дополнил ее недостающими изданиями от книгопродавцев Москвы и Петербурга и отправил в Стамбул. Позднее эта библиотека стала сердцевиной Тюркологического института Стамбульского университета.

С 1912–1913 годов Заки Валиди начал интересоваться эпосом «Манас». Одновременно он занимался и Ибн Халдуном. Написанная им в эти годы статья об отрицательных чертах теократии в исламе получила в Турции противоречивые отзывы. Опубликованную в турецком журнале «*Bilgi*», ее прочитал, оказывается, даже сам Ататюрк («Воспоминания». С. 124). Летом 1914 года началась первая мировая война. Поскольку Заки Валиди находился в призывном возрасте, друзья старались спасти его от мобилизации. В те дни он, наконец, сдал экзамен на право занимать должность учителя русского языка в инородческих школах. В армию его все-таки призвали, но тут же демобилизовали по только что вышедшему закону об освобождении от воинской повинности учителей инородческих школ. И тогда Заки Валиди принял давнишнее приглашение приехать в Уфу. Здесь, в медресе «Госмания», он начал преподавать историю тюрков и историю литературы тюркских народов.

1916–1922

Политическая деятельность

Исполняя обязанности учителя медресе, Заки Валиди попал в совершенно новое положение. В царской Думе казанские мусульмане имели пять депутатов, а азербайджанские — одного. Поскольку их оторванность от народа давно уже стала притчей во языцех, решено было создать при этих депутатах некое бюро, направить в него представителей с мест и поручить им обеспечивать связь депутатов с народом. Таким представителем от Уфы для помощи членам мусульманской фракции в Думе и был избран Заки Валиди. Так начиналась его политическая деятельность, некоторые последствия которой он ощущал на себе до самой смерти. В конце 1915 года Заки Валиди прибыл в Петербург.

Весь 1916 год он провел в общении с представителями других мусульманских народов и в стремлении изучить внутреннее устройство России. В итоге он пришел к пониманию того, что высшие слои государства прогнили. И когда в следующем феврале (на самом деле — в начале марта) разразилась революция, он со слезами на глазах надеялся, что она обернется благом для его народа.

Успех революции открывал бы новый период истории России. Как сложится судьба ее мусульманского населения? Останется ли оно в том же положении, что и при царизме? Или тюркские народы России вместе со всеми другими смогут воспользоваться ее результатами? Некоторые обстоятельства затрудняли правильное понимание событий, происходивших в России в 1917–1918 годах: с одной стороны, казанская группа, а с другой — все оппоненты выдвигали свои аргументы, подтверждавшие их якобы правильные и законные действия. Ниже мы проследим эти события по работам Заки Валиди, ведь он находился в их среде, с ним они сводили счеты, начиная с тридцатых годов описывая и переписывая происходившее. А Заки Валиди все, что ему было известно, сделал достоянием общественного мнения, опубликовав следующие произведения:

1. Семнадцать занесенных песком городов и Садри Максуди-бей. Стамбул, 1934.
2. Современный Туркестан и его недавнее прошлое. Каир, 1928–1940. Следующее издание — на латинском алфавите: Современная страна тюрков (Туркестан) и ее недавнее прошлое. Стамбул, 1942–1947.
3. Карта Страны тюрков с необходимыми пояснениями. Стамбул, 1943.
4. Воспоминания. Стамбул, 1969*.

Из этих публикаций следует, что, за исключением небольшого числа тех, кто хотел бы вернуться к царизму, все тюрки разделились на две основные группы:

а) Стоящие за неделимость новой России с сохранением прежних прав мусульман. Эту программу выдвинули казанцы, претендовавшие на главенство Казани среди мусульман.

* В оригинале названия этих произведений даны на турецком языке. — *Примеч. пер.*

б) Стоящие за автономию тюркских народов и конфедеративное устройство новой России. Сторонники этой программы требовали определенных территорий и автономии народов на этих территориях. К этой группе принадлежал и Заки Валиди. Страна башкир располагалась между казахстанскими и казанскими землями. Казанцы хотели присоединить башкир к себе. Однако Заки Валиди рассматривал судьбу башкир неотделимой от судеб тюрков Средней Азии и считал, что ее следует соотносить не с Казанью, а с Казахстаном и Туркестаном. Естественно поэтому, что для казанцев он был разрушителем «казанско-башкирского единства».

В указанных выше работах Заки Валиди подробно описывает события. В мае 1917 года на I Всероссийском съезде мусульман в Москве было принято решение: на территориях с преобладающим тюркским населением создать автономии. Против этого решения выступили только казанские делегаты, а их лидером был Садри Максуди. В соответствии с этим решением 18 мая Заки Валиди организовал в Оренбурге Башкирский областной совет. Башкиры также духовному объединению вокруг Казани предпочли автономию в рамках своей территории.

Большевистский переворот октября (начала ноября) 1917 года придал всему этому процессу совершенно иной вид. 29 октября (16 ноября) было создано национальное правительство Башкортостана. Заки Валиди в нем отвечал за военные и внутренние дела. Следом были провозглашены республики в Крыму, Туркестане, Азербайджане и Казахстане.

Всебашкирский учредительный курултай проходил в конце 1917 — начале 1918 года. На нем Заки Валиди продолжал исполнять свои прежние обязанности. Но 18 января 1918 года Советы оккупировали Оренбург, и вечером 3 февраля Заки Валиди был арестован. В тюрьме он работал над окончанием «Истории ногайцев». В начале апреля казаки и башкиры захватили Оренбург, а 4 апреля Заки Валиди бежал из-под стражи. Остаток весны он был занят организацией башкирских партизанских отрядов.

Восстание чехословаков 27 мая 1918 года положило конец влиянию Советов в Башкортостане. Благодаря полученному от чехов оружию стали формироваться башкирские военные подразделения. 7 июня 1918 года национальное правительство Башкортостана возобновило свою работу. Первое время все

было довольно просто, и вскоре правительство перебралось в Оренбург. Но в конце 1918 года вооруженная борьба против Советов стала ужесточаться. С другой стороны, белые генералы планировали разбить башкирское войско и арестовать Заки Валидова и его соратников.

В начале 1919 года Башкирское правительство вынуждено было решиться на новый шаг. Поговаривали о том, что Советская власть позволит автономным республикам осуществлять демократическое управление и сохранить свои вооруженные силы. А сложившиеся условия не позволяли вести борьбу на два фронта: и против Советов, и против белых. В результате переговоров, начатых еще в конце 1918 года, 18 февраля 1919 года было заключено соглашение с Советской властью. Советы использовали важную пропагандистскую возможность, пойдя на ряд уступок, от которых они вскоре сами же отказались.

Заки Валиди Тоган четвертый раздел своих «Воспоминаний» озаглавил «Пятнадцать месяцев сотрудничества с Советами». Это сотрудничество началось 18 февраля и причинило много материальных потерь и моральных страданий. Но лучшего выбора у Заки Валиди не было.

В течение этого периода Заки Валиди будет многократно встречаться с главными фигурами возглавляемого Лениным советского руководства: Сталиным, Троцким и другими. Много переговоров он провел с Лениным, а со Сталиным и Троцким — еще больше. Эти дни со всей откровенностью описаны в «Воспоминаниях»*. По мере укрепления своих позиций Советы все более отходили от условий договора с Башкирским правительством.

Для того чтобы не допустить развития событий по их сценарию, Заки Валиди начинает подумывать о продолжении борьбы с территории Туркестана**. И начинает секретную подготовку к ней с начала 1920 года. После ленинского приказа расформировать башкирское войско и рассредоточить его по другим частям он принимает окончательное решение. И 29 июня 1920 года он тайком отправляется в Туркестан. В этот же день, много лет назад, он также тайно покинул родной аул и ушел учиться.

* См. наст. изд. С. 248–258. — *Примеч. пер.*

** См. наст. изд. С. 258–263. — *Примеч. пер.*

Борьба в Туркестане: 1920–1922

Борьба Заки Валиди в Туркестане будет длиться почти три года.

Он переезжал с места на место, соблюдая конспирацию, иногда в сопровождении своей жены. На короткое время он приехал в Баку на съезд народов Востока и оказал на его ход некоторое влияние. Потом он перебрался в Туркмению, а оттуда — в Хорезм. Рядом с ним все время находился Абделькадир Инан — самый близкий его друг.

В Туркестане Заки Валиди вел и идейную и непосредственно вооруженную борьбу. Он был участником басмаческого движения, получившего свое название за тактику внезапного нападения на красных (слово *басмак* означает внезапно напасть). Кроме того, он был основателем и руководителем «Туркестанского национального объединения». Вместе с тем он не оставлял и своих научных занятий: копировал эпитафии, посещал исторические места и т. д.

Вся жизнь Заки Валиди в Туркестане состояла из постоянных переездов с одного места на другое: то он ездил по городам (Бухара, Ташкент, Самарканд), то с оружием в руках участвовал в боях. Организуя собрания «Туркестанского национального объединения» в безопасных городах, он стремился сохранить его членов и обеспечить их деятельность. Прибытие в Туркестан в конце 1921 года Энвера-паши связывалось с надеждами на расширение масштабов вооруженной борьбы. Однако неудачи свели на нет эффективность его миссии. Несколько раз встретившись с Энвером-пашой, Заки Валиди пытался разъяснить ему обстановку. Но тот прибыл в Туркестан умереть за веру и не представлял себя вне участия в басмаческом движении. Энвер-паша погиб в августе 1922 года.

Заки Валиди стоял за продолжение вооруженной борьбы и деятельности «Туркестанского национального объединения». Но он видел, что положение ухудшается с каждым днем. Получив свободу на Польском фронте, Советы начали переброску войск в Туркестан. Теперь оставался только один путь для решения проблемы освобождения Туркестана — продолжать борьбу в Европе.

Заки Валиди рассчитывал обосноваться в Туркестане надолго, поэтому приехал сюда с женой. В августе 1919 года он взял в жены учительницу Нафису-ханым, дочь хаджи Мухаммета

Якшимбет-улы из тунгаурских башкир аула Абзелил. Она была вместе с ним или оставалась в надежных местах. Их первенец, названный Ырысмухаммет, умер от малярии. Ожидавшая второго ребенка Нафиса не перенесла бы путешествия в Европу, поэтому Заки Валиди оставил ее в Туркестане, чтобы взять к себе позже.

1923—1925

Годы исканий: Иран, Афганистан, Индия и Европа

Все пережитое тяжелым грузом воспоминаний навсегда осталось в сердце Заки Валиди. 21 февраля 1923 года он направился в иранский город Мешхед, куда добрался 12 марта, и провел там пять из семи запланированных недель. В Мешхеде он от начала до конца обследовал библиотеку Равза, в которой до него не было ни одного востоковеда, и обнаружил в ней чрезвычайно важные рукописи. Одна из них — «Книга путешествий» Ибн Фадлана — в будущем откроет новые горизонты его творческого пути.

20 апреля из Мешхеда он выехал в Афганистан и 26 числа достиг Герата. В Афганистане он провел пять месяцев («Воспоминания». С. 486—515). Здесь он особенно много работал в библиотеках Герата и Кабула.

23 сентября 1923 года он из Кабула на автомобиле поехал в Индию. Не зная обстановки в английской администрации Индии, некоторые ценные и секретные документы он оставил у героя битвы за Медину, посла Фахреддина-паши, который позже благополучно вернет их Заки Валиди. Английские власти отнеслись к нему совсем не доброжелательно. Ему удалось лишь немного пообщаться с народом и войти в контакт с Индийским комитетом в защиту халифата, расположенным в Бомбее. Связи Заки Валиди с Индией приобрели обширный и достойный характер лишь во время его поездки в 1964 году.

1 ноября Заки Валиди покинул Бомбей. Проплывая на пароходе по Красному морю вдоль берегов Хиджаза, он полными слез глазами смотрел на землю Пророка и молился о своей родине. 24 ноября пароход оказался в Измире, а еще через три дня — в Стамбуле. Но визы у него не было, и сойти на

берег ему не разрешили. Попытки уладить дело закончились ничем, и вновь через Измир он отправился в Европу.

В Европе он пробыл 18 месяцев. Сначала с Абделькадиром Инаном они из Марселя приехали в Париж. На почве обсуждения туркестанско-русской проблемы они установили связи с другими тюркскими лидерами и одновременно завязали знакомства с деятелями науки: с П. Пейю, а через него с С. А. Штейном. Они встречались также с Ж. Ферраном и Ж. Дени, который предлагал начать совместную работу над производением М. Кашгари. Среди других их новых знакомых были такие ученые, как В. Минорский и М. Мухаммед Хан Казвини, познакомивший их с сэром Д. Россом.

В феврале 1924 года они выехали в Берлин, где были заняты национальными, политическими и научными проблемами. Здесь Заки Валиди познакомился с Э. Захау, Т. Нёльдеке, Й. Мордтманном, Ф. В. К. Мюллером, фон Лекоком и И. Марквартом. По просьбе проф. Вейля он работал над каталогом рукописей Восточного отдела Прусской государственной библиотеки.

Для Заки Валиди настало время принимать решение об устройстве дальнейшей жизни. Он получил уже много предложений о совместной научной работе. Особенно привлекательными казались приглашения из Англии. 23 ноября в Берлине состоялся съезд «Туркестанского национального объединения». Одновременно он много выступал с лекциями. Они послужили поводом к возобновлению старых, 1917–1918 годов, дискуссий с казанцами. Но главным образом речь на них шла о Чингизхане и истории земледелия в Туркестане.

В начале марта 1925 года в Берлин приехал министр просвещения Турции д-р Риза Нур. Он пожелал встретиться с Заки Валиди, чтобы передать ему отзывы турецкой научной общественности. 15 марта они вели переговоры в течение трех часов с глазу на глаз, и Риза Нур настоятельно просил его приехать в Турцию. Тогда же министр представил Заки Валиди турецкому послу в Берлине Кемаледдину Сами-паше. «Эти переговоры повлияли на мое решение оставить Европу и уехать в Турцию» («Воспоминания». С. 582). А в апреле назначение Заки Валиди «членом Комитета по делам сочинений и переводов» Министерства просвещения Турции стало свершившимся фактом. Таким образом, выбор между английским и турецким приглашениями был сделан в пользу Турции.

1925—1932

Первые годы в Турции

Прибытие

Заки Валиди и Абделькадир Инан выехали из Берлина во вторник, 12 мая. В Праге они не могли отказать себе в удовольствии навестить своих старых чешских друзей по революционной борьбе 1918 года. 14 мая в Будапеште они получили напутствие учившегося там Хюсейна Намыка Оркуна: «Смотрите, будьте осторожны с Кёпрюлюзаде!». Заки Валиди очень удивился этому предостережению, но Хюсейн Намык всегда относился к нему с любовью и уважением, что, возможно, и послужило причиной его ареста в 1944 году вместе с Валиди.

18 мая они прибыли в Бухарест, а 19 — в Констанцу. Здесь они собрали много преданий о ногайцах. Потом они взошли на пароход и утром в среду 20 мая 1925 года достигли Стамбула. На этот раз с визами все было в порядке, но сойти на берег они смогли только в полдень — потребовалось время найти попутчика.

На новом месте каждый человек стремится к чему-то своему, родному. Заки Валиди, естественно, не терпелось попасть в библиотеки. Его творческая натура выразилась в том, что сразу же после обеда он сел на конку и поехал в библиотеку мечети Фатих Джамии. Да и в последующие дни он не мог удержаться от посещения библиотек.

Итак, с 20 мая 1925 года по 26 июля 1970 года Заки Валиди был в Турции. Правда, гражданство он получил несколько позже — 3 июня 1925 года. 45 лет, 1 месяц и 23 дня своей жизни он был гражданином Турции, то есть большую часть своей 80-летней жизни. В действительности же он прожил в ней несколько меньше. В 1932—1939 годах он был в Австрии и Германии, возвращаясь домой лишь на короткое время.

Известно, что в общественных науках важнейшей чертой, характеризующей человека как ученого, является его любовь к библиотеке, к книгам. Существует, конечно, много ученых, не отличающихся такой любовью, но Заки Валиди — истинный ученый, причем такой, кто исследовательскую работу ставит во главу угла. И самым лучшим доказательством этому

как раз и является посещение им библиотеки мечети Фатих Джамии в первый же день по прибытии в Стамбул.

Первые дни в Анкаре

Официально Заки Валиди числился в Комитете по делам сочинений и переводов Министерства просвещения в Анкаре. Однако, задержавшись в Стамбуле, он встречался с некоторыми людьми, причем большую часть дня он проводил в библиотеках. 29 мая 1925 года он прочитал свою первую лекцию — о главных чертах истории Средней Азии. Он познакомился с передовыми людьми — проф. Джевдетом и Ферид-беом. Ферид Кам произвел на него хорошее впечатление, во всяком случае Заки Валиди называл его первым в числе трех своих новых знакомых. Двое других — это Кёпрюлюзаде Фуад и директор публичной библиотеки мечети Баязид Джамии Исмаил Саиб, поразивший его тем, что лишь издали увидев рукопись Бируни, рассуждал о ней так, будто бы прочитал ее полностью.

1 июня он провел на гостиничной кровати в Анкаре. На следующий день он посетил Хамдуллаха Субхи (Танрыовера), а 3 июня появилось постановление Совета министров о турецком подданстве Заки Валиди и Хамида Зубейра. В квартале Хаджи Халиль он снял дом, но долго в нем не задержался: крысы там устраивали игрища даже на потолке. Позже он рассказывал, как однажды он сидел и писал за столом, и сверху на бумаги упала крыса: «Некоторое время она смотрела на меня, а я — на нее, потом спрыгнула со стола и исчезла».

Состоя членом Комитета по делам сочинений и переводов, Заки Валиди представил проект создания научных учреждений в Турции. Вообще-то никакой важной работы в министерстве у него не было. В свободное время он писал труд по исторической географии Туркестана. 31 июля 1925 года по случаю Курбан байрама он посетил Президента Турции Победителя Мустафу Кемаль-пашу. Этим визитом он и заканчивает свои «Воспоминания». О дальнейшей его жизни речь идет в богатой коллекции его записных книжек.

Важным событием для Заки Валиди стал приезд в Турцию В. Бартольда по приглашению Тюркологического института в Стамбуле. В этом институте Бартольд читал лекции, а Заки Валиди всюду его сопровождал и был при нем переводчиком.

Русский оригинал лекций также остался у Заки Валиди. Турецкий перевод их просматривал Рагиб Хулуси.

Работа в университете

По-видимому, не без влияния В. Бартольда и декана Кёпрюлюзаде М. Фуада литературный факультет Стамбульского университета пригласил Заки Валиди на должность преподавателя тюркской истории. Приглашение было подписано Кёпрюлюзаде и вручено адресату. К этому времени Заки Валиди решил перебраться в Стамбул, и у него появилась возможность сделать это, став членом правления Анатолийской железной дороги. Это место было более доходным и необременительным, но, поскольку преподавательская деятельность была целью Заки Валиди, он предпочел университет. Дело тянулось до начала 1927 года. В университет он был принят 26 января 1927 года. Таким образом, в Анкаре он проработал почти полгода.

Еще до переезда в Стамбул Заки Валиди арендовал дом в Саматье, с которым у него было связано много воспоминаний. Одно из них — о приеме в честь Бартольда. Напротив этого дома была стена соседского, и любивший выпить Абделькадир Инан будто бы непременно хотел об эту стену бить пустые бутылки. Позже Заки Валиди поселился в этом доме.

В 1927–1928 учебном году Заки Валиди начал преподавать. Его лекции тиражировались литографическим способом. В них намечается путь осуществления исследований по истории тюрков.

Наконец-то Заки Валиди дорвался и до библиотек, в которых в предыдущие месяцы ему удавалось поработать лишь от случая к случаю. Теперь он развил неимоверную — иного слова и не подберешь — деятельность. Он распланировал свои занятия и предстоящие исследования. Из предисловия к «Введению во всеобщую историю тюрков» видно, что замысел этой книги вынашивался начиная с 1927–1928 учебного года. Напряженность исследований в эти годы была на высочайшем уровне. Он вспоминал, что во время обеденного перерыва библиотеки закрывались снаружи, а он продолжал заниматься внутри. И хотя в легендах о том, что он работал в библиотеках ночами, и не было правды, но «в обед я, действительно, работал под замком», говаривал он. Не ограничившись стам-

бульскими книгохранилищами, он, начав с Бурсы и Эдирне, обследовал всю Анатолию. А в летние каникулы занимался в Европе, ибо турецкие библиотеки того времени еще не имели хороших условий.

Заки Валиди был теперь «профессором тюркской истории литературного факультета Стамбульского университета». Так он был назван в «Государственном ежегоднике» 1929–1930 годов (Devlet Yıllığı. İstanbul, 1930. S. 118).

Некоторые свои произведения Заки Валиди закончил еще до официального приема на работу в университет. В 3-м номере журнала «Nayat» 16 декабря 1926 года Кёпрюлюзаде М. Фуад так писал о прочитанной им рукописи Заки Валиди «Ценные сочинения в стамбульских библиотеках»:

...Я поздравляю нашего дорогого друга с окончанием такого обширного многопланового и содержательного сочинения, равных которому трудно найти не только в нашей стране, но и в Европе, и не могу со всей страстностью не пожелать, чтобы оно было скорее опубликовано. Я уверен, что отныне такими сочинениями турецкая нация сможет убедить даже самых придирчивых западных ученых в том, что она уже избавилась от «подражательности», «капитулянизма» в науке и вступила на путь «зрелости» и «исследований». Публикация этого сочинения станет важным событием для углубления тюркологических исследований не только в Турции, но и во всем мире, и благодаря этому перед дальнейшими исследованиями откроются новые широкие горизонты.

К сожалению, это произведение Заки Валиди до сих пор не опубликовано. Другое написанное им произведение, посвященное Бируни, начало печататься в 1928 году, но принятие в Турции нового алфавита остановило набор на половине.

В 1930 году Ататюрк обратил внимание на состояние исторических исследований. Университетских ученых попросили ответить на ряд вопросов, а организованное Общество изучения турецкой истории начало подготовительную работу. По-видимому, ответы Заки Валиди настолько отличались от других, что его не привлекали к участию в организационных мероприятиях общества. Наряду с этим общество пошло на поводу у выходцев из Казани, что также явилось причиной от-

странения Заки Валиди от нового дела. В результате время от времени он стал наткаться на «сюрпризы»*.

Любовь Ататюрка к национальной истории не нуждается в доказательствах. Во время своего посещения Стамбульского университета эту тему он обсуждал с Кёпрюлюзаде и Заки Валиди, который просил помощи у Президента в предоставлении поощрительных стипендий для исследователей истории Турции и истории среднеазиатских тюрков и в направлении студентов на учебу за границу. Ататюрк довел эту просьбу до сведения министра просвещения Абидин-бея, а тот отчитал Заки Валиди: «Как Вы посмели беспокоить Ататюрка тем, что является прерогативой нашего министерства!». И как следствие — тогда не изыскивали возможности направить студентов за границу. Да и позже не найдут.

Ататюрк непосредственно интересовался проблемами национальной истории и хотел изменить представление о ее османской эпохе, что привело к неприятным воспоминаниям Заки Валиди о последующих годах. Притязаниям греков на Анатолийский полуостров Ататюрк противопоставил организацию исследований с целью доказать существование великой культуры в Анатолии еще в догреческий период. Отрицательно относясь к истории Османской империи, основной упор он сделал на исследование истории сельджукидов и еще более раннего — среднеазиатского периода жизни тюрков, что в целом-то можно было только приветствовать. Но Заки Валиди как раз и занимался самыми ранними этапами тюркской истории и поэтому не хотел иметь никакого отношения к теориям, по которым выходило, что население догреческой Анатолии тоже было тюркским. Среднеазиатский раздел этой теории также не увязывался с известными ему историческими данными.

Когда профессоров снабдили книгами, излагающими эту теорию Общества изучения турецкой истории и, отчасти, са-

* В начале 1932 года к нему начали относиться с недоверием. Однажды на лекции, описывая идейную обстановку, подготовившую появление Тимура, он завел речь о шейхе Баха ад-Дине Накшбенде и преданиях о нем. Один из студентов рассказал об этом своему отцу-депутату, а тот донес Ататюрку: «Заки Валиди использует в качестве источников «вредные» книги». Неожиданно к нему на занятия стали приходиться с проверкой. Заки Валиди пришлось давать разъяснения, говорить об исторических методах, об идейных течениях. Подобного рода отношение морально угнетало его. (Tarihite usul. S. 49).

мого Ататюрка, и попросили высказать свое мнение, Заки Валиди откровенно высказался против нее.

Турецкий Исторический конгресс и Заки Валиди

Общество изучения турецкой истории в июле 1932 года собрало в Анкаре представительный Исторический конгресс. Конгресс проходил под патронажем Ататюрка, и сам он оказывал честь своим присутствием почти каждому заседанию. Стамбульский университет относился к новомодной теории отрицательно, и от двух членов направленной в Анкару его делегации — от Кёпрюлюзаде М. Фуада и Заки Валиди — ожидали чего-то особенного.

Конгресс начал работу в субботу 2 июля 1932 года. Профессор тюркской истории Стамбульского университета Заки Валиди выступал в воскресенье, 3 июля. Поскольку свои доклады и тезисы он предоставил заранее, слушатели были более или менее осведомлены о содержании его выступлений. Когда свой доклад закончил один из известных представителей новой теории, доктор медицины Решид Галиб, председательствующий Юсуф Акчура объявил: «После перерыва профессор тюркской истории Стамбульского университета Заки Валиди-бей выскажет свои соображения, а доктор Решид Галиб-бей будет задавать вопросы».

Заки Валиди подытожил уже существовавшие аргументы и заявил, что об опустынивании Средней Азии не может быть и речи (I. Türk Tarih Kongresi Zabıtları. İstanbul, 1932. S. 167–176). Его оппонентом был д-р Решид Галиб. Доклад Заки Валиди о занесенных песком городах (Там же. С. 369–376) вызвал много вопросов. Вновь выступил д-р Решид Галиб, закончивший свою речь резкими словами:

Коллеги, с прискорбием сообщаю я вам, что возношу благодарности Всевышнему за то, что не являюсь студентом, сидящим перед университетской кафедрой Заки Валиди-бея. Мы никоим образом не можем потерпеть, чтобы наши чада, которых мы готовим к великим делам нашего завтра, и наши внуки, о которых мы так трепетно печемся, были бы лишены основ и начал образования, чтобы их головы забивались проблемами, ничего

общего не имеющими ни с азами арифметики, ни с первоосновами логики, чтобы деформировались их мыслительные способности. Университетская кафедра в нашей республике — это отнюдь не то никчемное место, на котором позволительны примитивные знания на основании порочных методов. (Бурные и продолжительные аплодисменты. Там же. С. 188–189).

Затем слово получил давний политический оппонент Заки Валиди — Садри Максуди. Он взялся отвечать на критику со стороны Заки Валиди. Его выступление закончилось в том же духе:

Я предоставляю участникам конгресса судить о том, в какой степени соответствует научной основательности и профессорскому званию систематическая бесцеремонность Заки Валиди в использовании лживых источников.

Это, естественно, тоже было встречено «бурными и продолжительными аплодисментами».

В заключение выступил М. Шемседдин (Гюналтай). Он также отметил факт засухи, а затем напомнил о противостоянии Заки Валиди и Садри Максуди. Говорил он, разумеется, с позиции С. Максуди, и в его изложении дело выглядело так:

После свержения царизма российские мусульмане предпринимали много усилий для защиты своего национального существования. Сначала в Москве, а потом в Уфе они провели свои съезды, на которых пытались создать государственное образование под тюркским названием. Но первым противником такого объединения на уфимском съезде выступил не кто иной, как Заки Валиди. Он вывел башкир из сообщества тюркских народов (возгласы «Позор!»). Он препятствовал соединению тюркских народов на основе единого национального сознания и единого языка, он был против процесса возникновения в тюркском мире общей культуры и общего языка. И сейчас именно по его вине у российских тюрков разные языки, разные культуры, разная жизнь,

и они разделены на татар, башкир, узбеков, азербайджанцев и так далее.

Не стремится ли Заки Валиди-бей такую же роль сыграть и на нашем конгрессе? Но пусть он не сомневается в том, что сердца всех собравшихся здесь людей воспламенены чувством национального единства. И это пламя погубит любые происки и любые потуги помешать этому единству. (Бурные и продолжительные аплодисменты.)

Такое выступление опытного политика, действительно, должно было впечатлить аудиторию. Выше мы уже излагали содержание произведений Заки Валиди о событиях 1917–1918 годов: Садри Максуди ловко заменил слова «казанские татары» на слово «тюрки» и, благодаря Шемседдину Гюналтаю, в выгодном для себя свете завершил то заседание. А Заки Валиди позже, в 1944 году, был обвинен уже в «стремлении объединить всех тюрков» и арестован. Но больше всего огорчало тогда Заки Валиди то, что Ататюрк не выступил против этих выпадов. «При его попустительстве я был унижен на глазах у всей нации», — с огорчением вспоминал он.

«Бурными и продолжительными аплодисментами» устранив едва ли не единственного оппонента, конгресс принял решение о «проблеме опустынивания». Закрывая заседание, председательствующий заявил: «Проблема, таким образом, решена. В сущности, это ведь неоспоримая истина, которая уже попала в учебники многих стран». Однако новая историческая теория не была принята ни в одной стране мира. Да и как же могло быть иначе, ведь в науке для доказательства истины недостаточно произносить искусные речи, пускаться на подлог и устраивать бурные овации.

На конгрессе критически отзывались и о Бартольде, на идеи которого опирался Заки Валиди. Некий учитель договорился до того, что назвал Бартольда «типичным врагом тюрков». А Решид Галиб высказал сожаление о том, что в свое время академик получил приглашение посетить Турцию, выступил здесь с лекциями, опубликовал здесь свои труды. И еще один характерный факт: в протоколах конгресса в списке участников отсутствует имя Заки Валиди.

Первый Турецкий исторический конгресс стал водоразделом между историками политиканствующими и историками мысля-

щими и добросовестными. Те, кто пытались навязать свое мнение об опустынивании Средней Азии Ататюрку и выдать свое мнение за мнение самого Ататюрка, в последующие годы, особенно после смерти Ататюрка, даже и не вспоминали о ней. Мы уже упоминали выше, что критика новой теории ожидалась и от Кёпрюлюзаде. Но он занял выжидательную позицию и от критики воздержался. Избирая уклончивые выражения, он не позволял втянуть себя в дискуссию. Когда по дороге в Стамбул его попросили объяснить свое поведение, он отвечал: «А что мне было делать, я ведь не какой-нибудь скиталец!». Это был намек на Заки Валиди, который после всего происшедшего был обвинен в «невежестве» и 8 июля 1932 года направил в университет телеграмму о своей отставке. И, не теряя времени, поехал поступать в аспирантуру Венского университета, чтобы никто не смог назвать его невежественным.

Во время работы конгресса показали себя и смельчаки. Решид Галиб, как уже говорилось, благодарил Всевышнего за то, что не является студентом Заки Валиди. А вот Хюсейн Нихаль (Атсыз), ассистент Тюркологического института, и его товарищи телеграфировали ему в ответ: «В отличие от вас, мы гордимся тем, что являемся студентами Заки Валиди». Позже, когда Решид Галиб станет министром просвещения, Х. Нихальбей будет отстранен от должности ассистента в Стамбуле и назначен учителем турецкого языка средней школы в провинциальной Малатье.

Итак, на Первом Турецком историческом конгрессе Заки Валиди сдал своеобразный экзамен. Противостоявшие ему искусные политические говоруны хотели уничтожить его и отстоять свое недолговечное влияние. Однако время докажет правоту Заки Валиди. «В чужой монастырь да со своим уставом», — сказал Ниязи Беркес о Заки Валиди, изгнавшем, по его мнению, историческую теорию Ататюрка из Турции. И если бы историки тех лет не угождали Ататюрку, а говорили бы ему историческую правду, то великий Ататюрк ни за что бы не воспринял такой теории, которая в короткий срок изжила сама себя.

1932–1939

Учеба и преподавание в Европе

В Венском университете Заки Валиди хотел завершить свое образование. В тридцатых годах в Турции от университетских преподавателей требовали прежде всего знаний и закрывали глаза на то, что многие сами имели лишь лицейское образование. Таковы были многие «мюдеррисы», или обычные профессора. И хотя Заки Валиди сдал в России экзамены за гимназический курс, высшего образования он получить не успел. В Венском университете он получил и высшее образование, и одновременно закончил аспирантуру. Его докторская диссертация была посвящена описанию путешествия Ибн Фадлана по тюркским землям, рукопись которого он обнаружил в Мешехе.

7 июня 1935 года он стал доктором наук. На его докторском дипломе стоят подписи орд. проф. д-ра А. Гольд-Фернека, орд. проф. д-ра Д. Кралика и орд. проф. д-ра Й. Зёльха. По его словам, больше всего ему дали лекции А. Допша, В. Копперса, Зейфа и Гейгера. Экономист-историк А. Допш вообще оказал на него сильнейшее влияние. Сразу же по получении диплома Заки Валиди воспользовался приглашением проф. П. Кале преподавать в Боннском университете, где он читал лекции по истории Средней Азии и исламу.

Являясь гражданином Турции, Заки Валиди обратился в ее Совет министров за разрешением на работу в Бонне. В том же году был принят закон о фамилиях, и он выбрал себе фамилию Тоган, которую его турецкие друзья помогли узаконить значительно позже.

19 сентября 1938 года ему было присвоено звание почетного профессора. Не будучи служащим высших учебных заведений Германии, он удостоился этой чести за педагогические заслуги. Позже он преподавал в Гёттингенском университете. Здесь он узнал о выходе в свет своей книги об Ибн Фадлане и в то же время готовил к печати на английском языке работу о Бируни. Находясь в Европе, как и раньше в Турции, он очень много хлопотал о том, чтобы выволить свою жену из России, но для этого не представлялось никакой возможности. В Германии он на каждом шагу натывался на проявления старой, еще с российских времен, враждебности, что его нimalo,

впрочем, не смущало. Но вот враждебное отношение к нему тюркских ученых, например, Рашита Рахмети, его действительно расстраивало.

1939—1948

Вновь в Турции

Возвращение

Смерть основателя Турецкой Республики Ататюрка 10 ноября 1938 года по-разному отразилась на судьбе двух ближайших друзей. Соперники Заки Валиди, все время твердившие о том, что Ататюрк-де недолюбливал историка, лишились теперь почвы, да и в словах их было не много правды. Но зато всем было точно известно, что Ататюрк очень любил его друга — Абделькадира Инана, который по смерти президента остался без покровителя. Прежняя близость к Ататюрку и раньше вызывала зависть, а теперь началось нескрываемое преследование*.

Новый президент, Исмет Инёню, после смерти Ататюрка хотел объединить и сплотить всех жителей страны, отбросив прежние взаимные обиды. И это действительно было необходимо сделать, чтобы сохранить нацию перед надвигающейся мировой войной. Теперь на арену выступили политики от армии, такие, как Кязым Карабекир, А. Аднан Адывар и другие, державшиеся при Ататюрке в тени.

Друзья Заки Валиди информировали его об этой новой обстановке конца 1938 — начала 1939 годов. По словам Инана, «отношение к нему было хорошим».

Вот дословное заявление Заки Валиди в Министерство просвещения — влиятельное учреждение, в ведении которого к тому же находились и университеты:

* В одном из писем того времени Абделькадир Инан пишет Заки Валиди: «Когда Отец (Ататюрк) был жив, все было иначе. Стоило ему умереть, все сразу же изменилось. Они смотрят на нас, как на вещи, которые можно использовать. Ты этого еще не понял. Как-то я опоздал на службу на 20 минут, так они удержали из жалования 78 курушей. Это для меня и моральное мучение и материальная потеря».

*Его Превосходительству министру
просвещения Турецкой Республики*

Уважаемый г-н министр!

Семь лет тому назад, вследствие инцидента на Историческом конгрессе в Анкаре, я оставил преподавание тюркской истории в Стамбульском университете и уехал в Австрию. После защиты докторской диссертации в Венском университете я три года читал лекции по истории Средней Азии и исламу. С прошлого года я преподаю эти же предметы в качестве почетного профессора в Гёттингенском университете.

Однако с течением времени жизнь меняется. По мере возрастания роли национальной науки человек, работающий за рубежом на иностранную культуру, начинает беспокоиться о судьбе своей работы. В период учебы, равно как и во время исследования исторических документов в мусульманских и европейских странах, я с полной отдачей трудился во славу турецкой науки. В результате почти тридцати лет работы я написал довольно много об истории тюркской культуры. Я специально публиковал их по-турецки, чтобы турецкий народ мог их читать, а дети могли бы учиться по ним. Мое стремление работать в науке имело одну-единственную цель: быть полезным турецкой нации, в частности — в деле изучения ее великой и древней культуры. Прошу Вас назначить меня на подходящую должность в Турции, желательно в Анкаре, и позволить мне работать с подрастающим поколением.

Заки Валиди Тоган

Гёттинген, 1 мая 1939 года.

Приложения: копии трех дипломов.

Этому прошению Заки Валиди был дан ход, и в конце концов он был назначен профессором тюркской истории литературного факультета Стамбульского университета с 1 сентября 1939 года. И в день начала войны он выехал из Германии.

Возвращение Заки Валиди к своим обязанностям было важным в нескольких отношениях. В те годы превосходство Германии в Европе было подавляющим. Влияние Германии и вероятность поражения Советов, по-видимому, подвело Исмета Инёню к мысли использовать Заки Валиди в своих интересах. И в тот год, и позже всем казалось, что Заки Валиди тесно связан с германскими политиками. Но о том, что человек, будучи тюрком по происхождению, работает в интересах Германии, — об этом и речи быть не могло. Хотя тот факт, что он провел в Германии многие годы, и мог дать повод подозревать его в сговоре с немцами или, по крайней мере, во взаимной осведомленности обеих сторон. Во всяком случае военные, которым положено предусматривать все варианты, конечно же, в этом направлении оказывали на правительство давление. И даже можно предположить, что оно исходило лично от влиятельного маршала Февзи Чакмака.

Вернувшись в Стамбул, Заки Валиди вступил в должность. И поскольку назначение на нее произошло сверху, ни литературный факультет, ни его декан Х. Онгунсу ничего не предпринимали против того, что и как он преподавал. И те, кто в свое время обвиняли его в невежестве, теперь затаились по углам. А Заки Валиди погрузился в работу над новыми произведениями и статьями для начавшей выходить «İslâm Ansiklopedisi»*.

В жизни его произошла важная перемена — 12 апреля 1940 года он женился на Назмие-ханым, дочери ногайца Омера Унгар-ага из Едисана. Она закончила историческое отделение Бухарестского университета и приехала в Стамбул писать докторскую диссертацию. Отныне она будет неизменной помощницей во всех его делах. Вскоре родилась их дочь Исенбике**, а потом и сын — Сюбидей.

В те годы он работал над изданием произведения об Алишере Навои и передал в типографию книги «Методология исторических исследований» и «Введение во всеобщую историю тюрков». Благодаря вмешательству начальника Генштаба Февзи Чакмака затянувшееся издание книги «Современный Туркестан и его недавнее прошлое» в Египте на арабском алфавите было наконец закончено, а в 1942 году несколько со-

* См. наст. изд. С. 276-286. — *Примеч. пер.*

** См. наст. изд. С. 286-293. — *Примеч. пер.*

кращенный ее вариант был опубликован и на новом алфавите. Однако многие начинания так и не были доведены до конца из-за событий 1944 года.

В 1939 году тогдашний министр иностранных дел Шюкрю Сараджоглу был буквально выпроvoжден из России, что, естественно, отразилось на состоянии турецко-советских отношений. В период побед Германии в ее войне с Россией Заки Валиди совершил в Германию несколько поездок, о которых информировал Министерство иностранных дел. Немцы стали относиться к нему с подозрением, и в одну из поездок по их приглашению в его гостиничном номере был произведен обыск. Но он сумел некоторые ценные документы переправить в Турцию через посла Саффета Арыкана. По тому, как немцы относились к пленным советским тюнкам, Заки Валиди уже в 1943 году предвидел поражение Германии в этой войне.

Турецкая националистическая пресса, набравшая силу в 1942 и 1943 годах, полностью зависела от политической обстановки тех лет. И когда в 1943 году наступление немцев прекратилось, а потом они стали откатываться назад, общественное мнение сразу же сменило ориентиры. Прежде не жаловавшие советских врагов силы, контролировавшие националистическую прессу, постепенно начали сдвигаться влево, чтобы заранее подготовить позиции перед ожидаемой победой Советов. Те, кто в предыдущие годы умело дирижировал общественным мнением, теперь старались не позволять никаких политических действий, открыто направленных против Советов.

Руководящие круги страны, особенно Министерство просвещения, еще в 1938–39 годах обеспечивавшие равновесие в обществе, теперь быстро осознали значение советских побед и были вынуждены пресекать любую антисоветскую деятельность, чтобы не дать Советам повода для оккупации Турции. Что, однако, на деле означало это пресечение?

Дело 1944 года

В начале 1944 года ушел на пенсию маршал Февзи Чакмак, долгие годы возглавлявший Генеральный штаб. Его преемник Кязым Орбай был крупнейшим военачальником, признававшим, однако, над собой власть Исмета Инёню. Снисходительное отношение Министерства просвещения к сторонникам Советов вызывало критическую реакцию. Об этом свидетельст-

вуют открытые письма Х. Нихалья Атсыза Премьер-министру Шюкрю Сараджоглу. Иск за оскорбления, связанные с этими письмами, должен был рассматриваться в Анкарском суде 3 мая 1944 года. Демонстрация молодежи против прокоммунистической деятельности, проведенная в этот же день, взбудоражила жителей Анкары, давно уже не видевших ничего подобного. Эта демонстрация могла быть инспирирована несколькими силами:

- 1) Кое-какие действия мог предпринять отправленный на пенсию Февзи Чакмак, чтобы показать свое недовольство;
- 2) Ее могли вызвать и сторонники Германии, чтобы испортить отношения между Турцией и Советами;
- 3) Можно также говорить и о выражении прямого недовольства правительством и о подпольной деятельности.

Все, что было написано и сказано с тех пор о промежутке между событиями 3 мая 1944 года и речью Исмета Инёню 19 мая, показывает, что в резиденции президента опасались первой и третьей возможности. Так же думает и сам Х. Нихаль Атсыз. Движение, известное под названием «Расизм и туранизм», сформировалось как сила, направленная на свержение правительства. И всем было ясно, что только удар из окружения маршала Февзи Чакмака может привести к этой цели. А поддержку своим действиям он может получить только от турецких националистов и только через посредничество Заки Валиди. И еще одно соображение: эта демонстрация была проведена еще и потому, что не было другой возможности не дать Советам повода и удобного случая для вторжения в Турцию.

В результате этих событий губернатор Анкары Н. Тандоган, министр просвещения Хасан А. Юджель, Ф. Р. Атай и другие потребовали арестовать всех «националистов». Обвинение в «национализме» было очень серьезным, и только, как мы теперь узнаем, Шевкет Эсендал, Генеральный секретарь Народно-республиканской партии, предотвратил массовые аресты. Вот как это описывает Самед Агаоглу:

Единственный случай, оставивший добрую память о деятельности Мемдуха Шевкета Эсендала на посту Генерального секретаря Народно-республиканской партии, мало кому известен сейчас.

Аресты 19 мая, последовавшие за статьями Нихаля Атсыза, угрожали принять масштабы настоящего террора. Правители того времени считали, что «главная их цель — свергнуть нас» и хотели пересажать всех, кого можно было бы обвинить в «национализме». И тут Шевкет Эсендал выступил против: «Я тоже националист. И если таково ваше решение, — первым арестуйте меня». Никто не ожидал такого поступка от этого бесхитростного, не от мира сего человека, стойко переносившего все испытания. Он привел их в замешательство, но оценив возможные неблагоприятные последствия не только для страны, но и для себя лично, они отменили свое решение*.

15 мая 1944 года Заки Валиди, по его словам, «был арестован по обвинению в антисоветской деятельности в Турции в интересах идеи туранизма». Обвинение сводилось к тому, что он стремился повредить отношениям Турции с соседями и подорвать существующий строй. В итоге Суд номер один чрезвычайного положения осудил его на 10 лет «за попытку государственного переворота». Однако военный трибунал (председатель — армейский генерал Али Фуад Эрден) полностью отменил этот приговор и потребовал немедленного освобождения обвиняемых, дела которых должны быть рассмотрены Судом номер два чрезвычайного положения. Так в октябре 1945 года Заки Валиди после почти пятнадцати месяцев заключения оказался на свободе.

Однажды в тюрьме Заки Валиди заставили подписать чистый лист бумаги, якобы для изъятия образца его подписи, и потом угрожали сфабриковать на этом листе подложные показания. Если не считать двух дней без пищи, он не подвергался физическому насилию. Было, правда, очень много вшей, которых он давил и оставлял на стене: 318 штук. Какой-то чиновник, увидев их, приказал выбелить стену и улучшить санитарные условия.

Суд номер два, несмотря на усиленные попытки правительства оклеветать ученого, не усмотрел ни состава, ни признаков инкриминируемого преступления и 31 марта 1947 года оправдал Заки Валиди. В постановлении суда одобрительно оце-

* *Ağaoğlu Samed. Babamın arkadaşları. 3. baskı. İstanbul, 1969. S. 116.*

нивается его деятельность в России и в Турции, а также его научные заслуги. После оглашения постановления председатель военного суда с горечью заметил: «Зря только потратили три года из-за ложных обвинений».

Через некоторое время постановление после утверждения его военным трибуналом вступило в силу.

Обычно полагают, что на «оправдательный» характер приговора повлияли изменившиеся политические условия. После 1945 года отношения с Советами снова ухудшились: они вновь заявили претензии на Восточную Анатолию и Босфор. Это отразилось также и на судьбе председателя военного трибунала. Властям не понравилось его решение, и Али Фуад Эрден-паша ушел на пенсию.

Дело 1944 года о «расизме и туранизме», несмотря на оправдательное постановление, напоминало о себе и в дальнейшем, как бы подтверждая речь Исмета Инёню 19 мая 1944 года. И лишь смена власти в 1950 году стала для Заки Валиди и его товарищей настоящим освобождением.

К преподаванию в университете он смог приступить только 27 июля 1948 года. В открытом письме 1951 года* он пишет о понесенных им тяжелых материальных потерях. 4 года и 8 месяцев, проведенные в заключении и под следствием, — это время безденежья и страданий.

Богатые друзья, которых он считал таковыми, не оказали достаточной поддержки, а гордость не позволяла принимать деньги, происхождение которых не было ему известно. Близкие люди и издательство «Нак Уауневî» помогли ему издать книгу «Введение во всеобщую историю тюрков», доработанную в тюрьме. Она вышла в 1946 году и дала средства к существованию на несколько месяцев. Многие инстанции он информировал о своем бедственном положении, но помощи найти не смог. Через Хамдуллаха Субхи Танрыовера он даже обратился к Исмету Инёню, но получил ответ: «Пусть пишет статьи для журнала «Belleten» и живет на гонорары». Последовав совету, Заки Валиди направил туда несколько работ, но опубликована была только одна — «Известия Ибн Факиха о тюрках».

Год возвращения Заки Валиди к своим обязанностям был поворотной точкой в истории Турции. 1948 год был годом 25-летия Республики и во многих отношениях был как бы подготовкой к 1950 г. А когда министром просвещения стал его

* См. наст. изд. С. 137–143. — Примеч. пер.

ученик Тахсин Бангоглу, Заки Валиди во многом почувствовал облегчение. Именно при министре Бангоглу Институт исламоведения Стамбульского университета намного расширил свой штат.

1948–1970

Пора успехов

Инцидент на Историческом конгрессе в 1932 году и дело «расистов-туранистов» в 1944-м были для великого ученого непредвиденными и нежелательными препятствиями на его научном пути, стоившими многих лет жизни. Теперь же, в 1948 году, его возвращение в университет положило начало самому значительному периоду его творчества без обвинений в невежестве или в политической деятельности.

Этот период начался с подготовки к изданию «Методологии исторических исследований». Ее набор был закончен в мае 1950 года, а предисловие написано 14 мая, одновременно с великой переменой власти, благодаря чему оно в памяти историков занимает особое место. Это произведение ясно показывает взгляд автора на исторический процесс и его идейные искания. Вопреки тому, что все напечатанные труды устаревают, вместо этой книги до сих пор еще не появилось ничего нового.

Творчество Заки Валиди между 1948 и 1970 годами было самым плодотворным, поэтому будет уместно рассмотреть здесь некоторые его фрагменты.

Попытки создать новые институты и кафедры

Заки Валиди еще 26 ноября 1939 года предложил деканату литературного факультета восьмистраничный проект создания Института истории, копию которого направил в Министерство народного образования с перечнем 300 первоочередных диссертационных тем. Но тогдашний декан проф. Х. Онгунсу отнесся к проекту отрицательно и многие годы не включал его в повестку дня совета профессоров. Советник министра Ихсан Сунгу счел необходимым сузить сферу деятельности института, внес изменения в проект и предложил организовать Инсти-

тут всеобщей истории тюрков. Однако и это предложение не было внесено деканом на рассмотрение совета профессоров.

Вскоре после возвращения в университет в 1948 году, 19 июня 1949 года он вновь представил свои предложения в деканат: создать Институт исламоведения, Институт русской филологии и Институт Азии и всеобщей истории тюрков. На обсуждении проекта Института всеобщей истории тюрков в совете профессоров прежний декан заявил: «Это все равно, что создавать государство в государстве», — и покинул заседание. В конце концов совет утвердил устав института, но решение свое направил в сенат* университета очень поздно, а там вообще к нему годами никто не прикасался. И только на заседании сената 3 января 1957 года было принято решение о необходимости создать при отделении истории комплексный институт, и это предложение было передано факультету. Заки Валиди говорил, что «это произошло благодаря тому, что решение поддержали два близких мне профессора-историка, члены сената». А ведь начиная с 1950 года никто из ректоров лично не проявил интереса к этому институту.

Лучше обстояло дело с предложением Заки Валиди создать Институт исламоведения: он был создан, и с 1953 года Заки Валиди был его директором. Вот что пишется по этому поводу в «Воспоминаниях»:

Как бы ни был я слаб в мусульманском богословии, но историю, культуру, историческую географию и экономическое положение мусульманских стран в различные эпохи я знал достаточно хорошо, чтобы быть профессором исламоведения в Боннском и Гёттингенском университетах и директором Института исламоведения, созданного по моей инициативе при Стамбульском университете. Но основная моя специальность — это тюркская история, и ей одной я хотел посвятить все свои силы. Поэтому в 1953 году я принял должность директора Института исламоведения только на шесть месяцев. Но до сих пор так и не нашлось подходящей кандидатуры профессора на ее замещение. И то, что я и сейчас продолжаю оставаться директором института, доказыва-

* Здесь и далее имеется в виду ученый совет университета. — *Примеч. пер.*

ет, что в последние годы в области исламоведения Турция сильно отстает от других стран (с. 64–65).

Долгие годы он руководил Институтом исламоведения с помощью одного лишь ассистента, Фуада Сезгина, который впоследствии стал доктором и профессором, и к нему присоединился проф. д-р Салих Туг.

Заки Валиди предпринимал попытки создать не только институты, но и кафедры. Во главе одной из них он хотел видеть проф. Мухаммеда Хамидуллаха. 26 мая 1953 года совет профессоров факультета принял решение о создании кафедры мусульманских наук и культуры ислама. Но в 1956 году сенат университета вернул это решение на факультет с требованием сопроводить его более подробным обоснованием. Новая попытка была предпринята после 1961 года. 29 января 1963 года совет профессоров вновь одобрил создание кафедры, но сенат на заседании 9 января 1964 года счел ее создание нецелесообразным и не утвердил решение факультета.

Заки Валиди вел борьбу за научное изучение ислама в такие годы, когда большинство людей жили в страхе и апатии. В этом смысле он с пером в руках является таким же борцом за веру, какими раньше были вооруженные воины ислама. Существует несколько главных причин, помешавших Заки Валиди создать в Турции научные учреждения исторического профиля и направить коллективные исследования в более плодотворное русло. К перечисленным им самим в «Воспоминаниях» мы считаем необходимым добавить следующие:

1. Сопrotивление людей противоположного образа мыслей, которые не воспринимают всерьез историческую науку, не ценят научных исследований, живут только одним днем. Их пугает необходимость напряженной работы и то, что много пишущие и хорошо работающие ученые оставят их позади себя. Настоящие ученые в благоприятных условиях будут по достоинству оценены влиятельными кругами и приобретут влияние и авторитет. Это сопротивление имело место не только в 1940 и 1950 годах, в несколько ослабленной форме оно продолжается и поныне.

2. Заки Валиди Тоган не понял до конца того, как делаются дела в нашей стране, он недооценивал роль мелкого чиновника в продвижении бумаг: он полагал, что дела будут делаться сами собой, без постоянного их проталкивания. До конца

своих дней он постигал эту механику, но судьба не всегда была благосклонна к нему.

3. Члены Турецкого исторического общества никогда не позволяли существовать соперничающему с ним учреждению. А большинство профессоров-историков Стамбульского университета как раз и были членами этого общества. К этому следует добавить еще и противодействие тех, кто, в отличие от Заки Валиди, не хотел отдавать должное монголам и считать этот «дикий народ» родственником турков.

4. Заки Валиди пользовался такой широкой известностью, особенно за рубежом, как ни один другой турецкий историк. Поэтому в Турции ему не хотели давать институт, чтобы не допустить к деньгам и власти.

В итоге институт не был создан, а в проигрыше оказалась турецкая наука. Ибо, если бы он был создан, вряд ли он занимался бы только тем, что планировал Заки Валиди. От отдельных научных проблем институт непременно перешел бы к объединенным комплексным исследованиям. Так, собственно, и произошло с организованным Заки Валиди в 1957 году Турецким обществом востоковедения.

XXII конгресс востоковедов 1951 года

Весь мир услышал о Заки Валиди и назвал его самым великим турецким историком наших дней, когда он председательствовал на XXII Международном конгрессе востоковедов.

Впервые состоявшийся в 1873 году в Париже, конгресс востоковедов стал одним из важнейших съездов, собиравшим ученых, занимающихся языками, литературами, культурой, историей и другими проблемами стран Востока. XXI конгресс также проходил в Париже, и на нем было решено провести следующий в Турции. Однако инциденты на Историческом конгрессе 1932 года и отсутствие у Турции опыта в организации подобных мероприятий ставили под сомнение успешную работу этого конгресса.

Но смена власти в 1950 году и особенно назначение министром иностранных дел известного в востоковедных кругах ученого проф. Фуада Кёпрюлю, стали добрыми предзнаменованиями. Ректор Стамбульского университета О. Дж. Сарч объявил, что председателем конгресса избран Заки Валиди То-

ган. Заки Валиди организовал несколько комитетов и среди них комитет покровителей во главе с Президентом Турецкой Республики Джелалем Баяром, членами которого стали видные политики страны. В консультативный совет вошли 26 членов, а при нем 21 ноября 1950 года был образован организационно-исполнительный комитет из 9 человек, который и должен был выполнять всю подготовительную работу. После этого приготовления к конгрессу пошли полным ходом.

15 сентября 1951 года в 14 часов в зале заседаний естественного факультета Стамбульского университета председатель организационно-исполнительного комитета проф. д-р Заки Валиди Тоган своей приветственной речью открыл конгресс. В этот миг он не вспоминал горьких событий 1932 и 1944 годов. После него от имени правительства Турецкой республики гостей приветствовал министр иностранных дел проф. Фуад Кёпрюлю.

В работе следующих 15 секций конгресса приняло участие 324 ученых из 38 стран:

1. Древний Восток
2. Древняя Анатолия — 2 подсекции
3. Изучение семитских языков
4. Исламские исследования — 4 подсекции
5. Дальний Восток — 2 подсекции
6. Средний Восток
7. Тюркология — 3 подсекции
8. Индология
9. Иранистика
10. Христианский Восток
11. Ветхий Завет
12. Изучение африканских племен
13. Древний Египет
14. Мусульmano-византийские отношения
15. Исламское искусство — 2 подсекции

Из 358 планировавшихся докладов на конгрессе было прочитано 274. Позже в «Труды» конгресса было включено 27 докладов, а 56 докладов опубликовано не было.

Одним из важнейших решений конгресса было «подготовить «Справочник по истории языков и культур тюркских народов». Был избран комитет из 9 человек: председатель — проф. Ж. Дени, секретарь проф. Х. Шеель (от ЮНЕСКО), члены —

проф. З. В. Тоган, проф. Ф. Из, проф. Ш. Алтындаг и др. Впрочем, последние из названных профессоров отошли от деятельного участия.

Проблема «Основ тюркской филологии»

«Основы тюркской филологии», решение об издании которых было принято конгрессом востоковедов в 1951 году по настоянию Заки Валиди Тогана, должны были внести большой вклад в тюркологические исследования. Научные результаты, опубликованные в многочисленных статьях и книгах, должны были быть теперь собраны в одно издание и, таким образом, составить своеобразный фундамент. Заки Валиди Тоган с любовью и желанием взялся за их подготовку.

В 1959 году был опубликован первый том «*Philologiae Turcicae Fundamenta*» («Основ тюркской филологии»), в который вошли работы по турецкому и другим тюркским языкам. Однако в редакционной коллегии начались перемены. После смерти француза Ж. Дени и датчанина К. Грэнбека структуру первого тома определял Пертев Н. Боратав, за левацкую деятельность изгнанный из Анкарского университета и первоначально приглашенный лишь для работы над указателями. А вскоре общее руководство всей работой захватил ученик проф. Ж. Дени проф. Л. Базен, связанный с Французской коммунистической партией. И теперь публикуемые в «Основах» статьи исправлялись по их указанию.

Второй том посвящался литературам тюркских народов. Статья проф. Заки Валиди Тогана о казахской литературе была существенным образом переделана без его ведома. Аналогичной цензуре подверглась и статья А. Баттала Таймаса о казанско-татарской литературе. Все это было делом рук дуэта Базен-Боратав: очевидно было, что они старались подогнать эти статьи под советскую концепцию. Такое развитие событий Заки Валиди Тоган предугадывал еще раньше и в свое время требовал лишить Боратава полномочий члена редколлегии. Но редколлегия сочла требования Заки Валиди Тогана не заслуживающими внимания и даже приняла общий план третьего — исторического — тома не в том виде, какой был подготовлен им и его турецкими коллегами, а в варианте проф. Л. Базена. В ответ на это проф. Заки Валиди Тоган вышел из состава редколлегии и опубликовал несколько статей, раскры-

вающих положение дел с «Основами», а также публично отказался от авторства статьи о казахской литературе во втором томе. Первоначальный текст этой статьи он опубликовал отдельно.

Главная причина разрыва отношений Заки Валиди с членами редколлегии «Основ» заключается в том, что они отрицательно относились к тюркской культуре. Многие из них даже не признавали ее существования и избегали каких бы то ни было дискуссий на эту тему. Между тем в современной науке понятие «культура» является основополагающим, включающим в себя, как в немецком языке, и понятие «цивилизация».

На первый взгляд, усилия Заки Валиди не были напрасными: научный мир критически отреагировал на вмешательство редколлегии в авторские тексты статей, а анонсированный еще в 60-х годах исторический том «Основ» так и не увидел света. Но опасность появления «Основ» истории тюркских народов, в которых собственно тюркская точка зрения будет заменена какой-нибудь чуждой, — эта опасность вынудила Заки Валиди выступить с новой инициативой. Речь идет о «Türk Kültürü Elkitabı» («Справочнике по тюркской культуре»), созданию которого он и посвятил последние годы своей жизни.

«Справочник по тюркской культуре»

В период споров об «Основах», в 1962 году в Анкаре с одобрения и при поддержке правительства был организован Институт исследований турецкой культуры. В его руководство вошли старые политические противники Заки Валиди — казанские татары Р. Р. Арат, А. Темир и другие, поэтому он не смог в то время стать его сотрудником. Хотя принять его стоило хотя бы для того, чтобы будущая деятельность института была более плодотворной и впечатляющей.

Перед лицом нависшей над «Основами» опасности Заки Валиди в 1964 году вынес этот вопрос на обсуждение XXVI Международного конгресса востоковедов в Дели. Благодаря своей широкой международной известности и авторитету, он сумел убедить конгресс принять решение об издании девятитомного «Справочника по тюркской культуре», включающего все сферы тюркской культуры, кроме филологии. Был избран международный комитет с центром в Стамбуле, в который вошли ученые Турции, Европы, Америки и Азии: проф. А. Азиз (Ка-

рачи), проф. Сегледи (Будапешт), г-жа Эмель Эсин (Стамбул), проф. Эттингхаузен (Вашингтон), проф. З. Ф. Фындыкоглу (Стамбул), проф. Халаша-Кун (Нью-Йорк), проф. Х. Иналджик (Анкара), проф. К. Ян (Утрехт), проф. Масао Мори (Токио) и проф. Заки Валиди Тоган.

Комитет избрал Заки Валиди председателем редколлегии, а редакторами томов были избраны:

- T.1: Введение в тюркскую культуру — проф. З. В. Тоган
- T.2: История искусств — проф. Р. Эттингхаузен
- T.3: Экономика — проф. С. Ульгенер
- T.4: Политика — проф. З. Ф. Фындыкоглу
- T.5: Право — проф. Х. Иналджик
- T.6: Этнография — проф. Л. Рашоньи, проф. А. Инан, проф. Х. З. Кошай
- T.7: Наука — проф. Х. Дильган
- T.8: Литература — проф. Ф. Из
- T.9: Исповедуемые тюрками религии — проф. О. Туран
- T.10: Тюрки в мировой литературе — проф. З. В. Тоган

Г-жа д-р Эмель Эсин взялась за «Справочник» с истинной любовью. А вот Министерство народного образования Турции кроме предоставления своей издательской базы никакой иной помощи оказать не смогло, хотя для открытия и функционирования бюро и других служб необходимы были деньги.

Проф. Заки Валиди и его ближайшие помощники Эмель Эсин, З. Ф. Фындыкоглу и Х. Иналджик быстро развернули подготовку «Справочника». Публикация в 1967 году плана и программы работы с указанием каждой темы и ее предполагаемого автора свидетельствует о величии и совершенстве предпринятой Заки Валиди инициативы. Эта брошюра воспроизводится в приложениях.

Издание материалов «Справочника по тюркской культуре» осуществлялось только до смерти Заки Валиди. Потом Эмель Эсин отдельным томом выпустила собственные работы по истории искусств: *Türk Kültürü Elkitabı. Cilt II. Kısım 1 a: İslamiyetten önceki Türk San'atı hakkında araştırmalar*. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1972. 416 s., 532 s. resimler.

И только со смертью Эмель Эсин в 1987 году работы над «Справочником» прекратились, можно сказать, полностью.

События последних лет жизни

1. Перемещение кочевников Туркестана в Турцию. После своего отъезда из Туркестана Заки Валиди вел активную борьбу за переселение в Турцию разрозненных групп кочевников-казахов из Афганистана, Пакистана и арабских стран. В эти годы он уже имел большой авторитет и влияние, и эта борьба закончилась успешно: кочевников расселили в окрестностях Салихли, Коньи и Аданы.

2. После 1951 года Заки Валиди читал лекции и проводил исследования во всех частях света. В 1957 году он работал в Америке, в 1958 — в Пакистане, а 1954 год провел в Англии.

3. Пенсионная проблема. В 1955 году Заки Валиди исполнилось 65 лет, и он мог бы уйти на пенсию, но у него не было двадцатипятилетнего стажа работы в Турции. Время между 1944 и 1948 годами выпадало из стажа, что заставляло его все-речь задуматься о будущей пенсии. Поэтому он обратился в Великое Национальное Собрание Турции, но и там не нашел поддержки. И даже в 1960 году в 70-летнем возрасте он все еще не имел 25 лет стажа, что заставило его переправить дату своего рождения с 1890 на 1891 год. Теперь до своего нового семидесятилетия ему оставалось проработать еще год, а в 1961 году его стаж наконец был бы равен 25 годам. Однако переворот 27 мая 1960 года и новый закон об университетах вынудили его продолжать работу.

4. Последние годы Заки Валиди очень страдал от простатита. 15 апреля 1970 года ему оперировали простату. Операция прошла успешно, и он смог продолжить работу над «Дастаном об Огузе».

Вскоре, однако, произошел рецидив болезни. Находящиеся в это время в Америке его дети вернулись в Турцию и были рядом с ним. Болезнь прогрессировала, что не позволяло сделать повторную операцию, и около 6 часов утра 26 июля 1970 года Заки Валиди умер. Обязанность закончить работу над «Дастаном об Огузе» легла на автора этих строк, и после смерти учителя я закончил её и опубликовал дастан.

Похороны состоялись 28 июля 1970 года. После заупокойного намаза в мечети Баязид Джами тело было доставлено в главное здание Стамбульского университета. Прощальные слова произнесли заместитель декана проф. И. Кафесоглу,

ученик и ассистент покойного Тунджер Байкара. Речь заранее я не готовил, говорил экспромтом. Похоронили учителя на кладбище Караджаахмет.

Рассказывали, что некий ученый приехал из тюркских земель в Стамбул и здесь умер. Похоронили его на кладбище Караджаахмет. Однажды учитель долго искал его могилу по всему кладбищу, но так и не смог найти. А теперь он и сам покоится там, да помилует его Аллах!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УЧЕНЫЙ И МЫСЛИТЕЛЬ

Физический и духовный облик

Заки Валиди Тоган был среднего роста и крепкого телосложения. Он полюбил природу с детских лет, проведенных в деревне, и она стала одним из факторов, повлиявших на формирование его личности.

От своих предков, полукочевников-скотоводов, он унаследовал любовь к животным. Дома держали не менее пяти лошадей и, ухаживая за животными круглый год, он постоянно находился в тесном общении с природой. Он подолгу не сходил с коня, объезжая окрестные леса, устраивая в них борти и привлекая диких пчел.

Он находился среди лошадей с тех пор, как себя помнил. Зимой, в годы учебы в медресе, он задавал им корм и сам с удовольствием ел сушеные ягоды, которые во множестве находил в сене. «Когда животных переводили на летовку в горы, табунщиком в нашей семье чаще всего бывал я. Обрабатывать землю я совсем не любил. Косить сено было для меня наслаждением, но жать хлеба — пыткой» («Воспоминания». С. 30).

Самыми любимыми зимними занятиями его с детства были лыжные прогулки и охота. В «Воспоминаниях» он часто рассказывает о лыжной охоте на зайца. Лыжным спортом он перестал заниматься только на последнем году своей жизни: приехав отдыхать на Улудаг, он уже не вставал на лыжи. Много времени в молодые годы он отдавал физкультуре и гимнастике, но после смерти своего лучшего друга Ибрагима Каскыная он потерял к ним интерес.

Проведя детство среди лошадей, он был с ними на ты. Он сам рассказывал, как однажды в Австрии идет он по ипподрому и вдруг слышит крики: на него несется лошадь без всадника. Он ждет, когда лошадь приблизится к нему, хватается за уздечку и вскакивает в седло. Быстро успокоив лошадь, он возвращает ее на место. Все удивлены ловкостью профессора, а он отвечает: «Для меня все это очень легко!».

Под влиянием турецкой прессы, пишет сам Заки Валиди, он в молодости начинал курить, но позже бросил, то ли по настоянию близких, то ли в тяжелых условиях напряженной борьбы. Бывало, что временами он выпивал, хотя и не злоупотреблял этим. Правда, по его словам, он раз-другой напивался допьяна, чтобы забыться. Позже, оказавшись в другой среде и следуя совету Катанова, он охладил к выпивке. Автору этих строк он тоже рекомендовал последовать своему примеру.

Заки Валиди был человеком стальной воли — это его важнейшее качество. Он никогда не уклонялся от борьбы и никогда не прекращал ее, не добившись результата. Таким он был с самых малых лет и до самой смерти.

Жизнь для него была сферой работы и ареной борьбы. И основу его жизни составляла научная работа — работа в любых обстоятельствах. Он в буквальном смысле выполнял наставление Пророка Мухаммеда: «Работайте так, будто бы жизнь ваша бесконечна, молитесь так, будто бы живете последний день». Научную работу он не прекращал даже накануне смерти в больнице, принимаясь за нее всякий раз, как позволяли силы.

Не тратя время понапрасну, Заки Валиди тем не менее никогда не отказывал себе в отдыхе и раз в год отправлялся на Улудаг восстановить силы, а последние зимы он проводил на отдыхе в Анталье.

Х. Н. Атсыз так пишет в специальном номере «Ötüken», выпущенном по случаю кончины Заки Валиди: «Когда Заки Валиди приехал в Турцию, он совсем не умел смеяться. Позже он научился этому и даже сам начал рассказывать о забавных случаях. В конце своей статьи я не могу не привести один из таких рассказов.

Однажды у себя на родине, в Башкортостане, он весь день пил кумыс и к ночи опьянел. Я на собственном опыте знаю, как приятно пьянит кумыс. Чтобы освежить лицо холодной во-

дой, он отправился к источнику около дома, а ночь была лунная.

Дальше он сам рассказывал так: «Подошел я к самому источнику и что же вижу? Прямо в лицо мне светит луна. Пьяный, я, должно быть, даже не заметил, как опрокинулся на спину и оказался лицом к лицу с лунной»*.

Заки Валиди Тоган был бережливым и аккуратным человеком. Когда я видел, как он записывает все свои расходы, мне казалось, что он готовится к отчету перед кем-нибудь. Экономность его чаще всего воспринималась как скупость. В народе это называли немецкой привычкой, усматривая здесь влияние тех лет, которые он прожил в Германии. Поэтому-то, говорили, он и не устраивает больших чаепитий. Но те, кто знает, как мешают научной работе всякие чаепития, те не будут относиться к этому как к чужеземной привычке.

В последние годы жизни он захотел получить водительские права. Друзья опасались, что в его возрасте опасно водить машину — можно попасть в аварию и погибнуть. Они даже, говорят, обратились в Управление безопасности Стамбула с просьбой не давать ему права. Тогда он, будучи у Ф. Кырзыоглу, получил их у гражданских властей провинции Адапары. Заки Валиди сам рассказывал ныне покойному Ченгизу Орхонлу: когда шоферы в районе Кадыкёй видели его приближающуюся машину, они с криками «Спасайся! Старик едет!» уступали ему дорогу. Существует и приукрашенная версия этой истории, по которой эти шоферы якобы бросали свои машины и разбегались кто куда. На самом же деле учитель управлял машиной с осторожностью**.

Возвращаясь из поездок, Заки Валиди всегда стремился привезти с собой чистые тетради и прочную бечевку. Бечевкой он ловко умел завязывать пакеты, а тетради постоянно были нужны ему для бесконечных записей.

Жизнь его была строго упорядочена. Он постиг тайну обращения со временем, что свойственно той великой цивилизации, которую мы называем западной. Но иногда и ему хотелось нарушить эту размеренность. Однажды Решит Саффет Атабинен пригласил его к 16 часам, и когда Заки Валиди пришел в 15.45, хозяин проворчал: «Вы, восточные люди, не зна-

* *Atsiz H. N. Zeki Velidi Togan'in tarihçiliği // Ötüken. 1971. Temmuz. Sayı 7.*

** Летом 1966 года мы возвращались в Стамбул из Кютахьи и иногда за руль садился Сюбидей.

ете, что такое время», — и заставил его прождать 15 минут. Учитель вспоминал этот случай в качестве примера чрезмерно педантичного отношения ко времени.

Человеческие качества Заки Валиди очень точно и исчерпывающе охарактеризовал Герберт Янски:

Заки Валиди был, действительно, великим ученым, но он также был и великим человеком. Знания, наука, ради которой он еще в детстве покинул нежно любимый дом, стала поглотившей все его существо профессией, неотъемлемой частью его жизни; и служение науке несмываемыми знаками было начертано на его челе... Как бы глубоко он ни погружался в море знаний, он никогда не терял трезвого взгляда на жизнь и не прерывал непосредственной связи с ней... Он не был замкнутым человеком и не смотрел на людей свысока... И наконец, мы можем сказать, что он совсем не чувствовал себя чужим в стране, где прожил полную крутых перемен жизнь, где стремился к высотам, где остались его потомки. Напротив, он остался самим собой и гордился своими корнями. Он — дитя своей родной земли, своего аула, своих кочевий, гор и лугов. И в этом — ценнейшая грань его человечности.

Заки Валиди — великий ученый и великий человек; однако наряду с этими двумя его качествами существует еще и третье, завершающее характеристику его личности: он — великий турок. И это последнее качество придает его научной деятельности особое значение... Турок в буквальном смысле своего имени, Тоган был рожден для того, чтобы стать в первых рядах исследователей и ценителей тюркской истории.

Педагогическая деятельность

Заки Валиди происходил из семьи учителей. Его отец, дед, дядя по матери — все были учителями медресе. И эта семейная традиция стала основой его педагогической деятельности. Мать его в народе называли мугаллима, или остабике, и этот факт также укреплял его учительские корни.

Заки Валиди начал преподавать в 1906–1907 учебном году в медресе отца. Один год отец не мог вести занятия из-за болезни глаз, а на следующий год он совершил паломничество в Мекку. Таким образом, Заки Валиди замещал его два года. В первый же год ему представился случай проявить себя. К традиционной программе обучения он стремился добавить современные дисциплины и хотел, чтобы в медресе был глобус. Используя тесто в качестве клея, он сам соорудил большой земной шар. В те годы некоторые в медресе считали Землю плоской. Поэтому Заки Валиди у этого глобуса объяснял всем, каковы на самом деле Земля, Луна и Солнце.

Позже, когда мыши съели тесто глобуса и он развалился, отец посмеивался над Заки Валиди: «Даже мыши не верят в то, что Земля вертится» («Воспоминания». С. 42).

Собственно педагогическая деятельность Заки Валиди началась позже: в 1909–1910 учебном году в казанском медресе «Касымия» он был назначен преподавателем тюркской истории и истории арабской литературы («Воспоминания». С. 75). И продолжалась она, с некоторыми перерывами, до последних дней его жизни — 61 год, или, точнее говоря, более 50 лет. Его публичные лекции периода 1923–1924 годов также можно считать продолжением его педагогической деятельности.

Его преподавательская работа в высшей школе началась в 1927 году в Стамбульском университете и закончилась там же в 1970 году. Одна из его записей, относящихся к этому 34-летнему периоду, помещена в «Государственном ежегоднике Турецкой республики» (Стамбул, 1930. С. 118), где Заки Валиди назван профессором тюркской истории литературного факультета Стамбульского университета. В те годы профессоров называли мугаллимами, а ординарных профессоров — мюдеррисами.

Некоторые из первых учеников Заки Валиди живы до сих пор. Его студентами по Институту тюркологии были Орхан Шаик Гёкйай и проф. д-р Тахсин Бангоглу.

В 1939 году начался второй период работы Заки Валиди в Стамбульском университете. Историки проф. Аднан Эрзи и проф. д-р Фахреддин Кырзыоглу и многие-многие другие были его учениками в этот период. Ф. Кырзыоглу помогал ему готовить труды к изданию.

Последний период начался в 1948 году. Т. Байкара также был его учеником: с 1960 года — вольнослушателем, а с

1963 — студентом. Многочисленные ученики последнего периода до сих пор живут воспоминаниями о своем учителе.

Начиная с 1927–1928 учебного года и до 1969–1970 учебного года, посвященного Чингиз-хану, он прочитал очень много курсов лекций. В первый период специальные исторические проблемы он оставлял для старших курсов, а первые два года он посвящал главным проблемам тюркской истории (*Umumî Türk Tarihine Giriş*. 2. baskı. İstanbul, 1969. S. 111). В те годы он также читал «Историческую географию тюркских стран» и «Методологию исторических исследований».

После 1939 года он продолжал эти темы, а с 1948 года добавил к ним и «Всеобщую историю тюрков». Реформы 1961 года усилили кафедру всеобщей истории тюрков: на ней появились исследователи с учеными степенями, начал преподавать проф. д-р Ибрахим Кафесоглу, а проф. д-р Мустафа Кафалы и проф. д-р Гюльчин Чандарлыоглу в те годы были ассистентами кафедры. Теперь Заки Валиди посвящал свои лекции и истории Азии начиная с IX–X вв.: Чингиз-хан, чингизиды, Тимур, тимуриды, колониальная эпоха, туюхуны и башкиры — вот лишь главные темы его лекций. В последний год жизни он вновь возвратился к Чингиз-хану, а предыдущий посвятил караханидам. Эти два курса были законспектированы и тиражированы мной. К сожалению, учитель не смог просмотреть их, как он сделал это с конспектом лекции 1964 года о Тимуре.

Он читал лекции на языке, который несколько отличался от литературного турецкого. Его ослабевший старческий голос и своеобразный язык были причиной того, что лишь немногие студенты в аудитории слышали и понимали его. Он не диктовал свои лекции по заранее написанному тексту и поэтому не был популярен среди тех, кто привык записывать каждое слово преподавателя.

Он был близок к студентам. Предприняв в 30-е годы ряд плодотворных научных поездок, он продолжал их и в 60-е годы. В одной из них в 1960 году участвовал и автор этих строк. Любимых студентов он приглашал к себе и после недолгих занятий угощал их бульоном с вареным картофелем. И за обеденным столом, как это бывает у ученых, продолжались научные беседы.

Он с интересом относился к своим студентам, старался лучше узнать их и поэтому придавал большое значение семинарским занятиям. Несмотря на то, что я был студентом не-

полного курса обучения, я все равно посещал его семинары. В 1963–1964 учебном году он вел семинар по карлукам. Эта тема требовала эрудиции и знания многих иностранных языков. На первом же занятии записал наши имена, сведения о родителях, место рождения и т. п., а потом поинтересовался, какую литературу по истории мы прочитали и попросил все это написать. Меня он запомнил с первого же раза, потому что я уже успел прочитать много книг, самостоятельно выучил арабский алфавит и очень любил историю.

Заки Валиди требовал, чтобы желающие работать над диссертациями по всеобщей истории тюрков аттестовались по одному из трех основных направлений и изучали бы русский язык у д-ра Махмута Алукая, китайский — у Полата Тарфани, а исламские науки — у Мухаммеда Хамидуллаха. Специализировавшимся в исламских науках он также советовал заниматься арабским или персидским языком, но они обычно ограничивались посещением лекций по введению в ислам.

Выполнения этих требований он сумел добиться только в последние 6–7 лет, когда уже и сам состарился, и здоровье ухудшилось, и большую часть времени отдавал таким проектам, как «Справочник по тюркской культуре».

Он всегда всерьез воспринимал своих студентов и вообще ко всем относился с уважением. Как-то раз экскурсовод Музея Мевляны в Конье вел экскурсию так плохо, что даже нам были очевидны его ошибки. Но учитель ни разу не прервал его и только после окончания экскурсии в отсутствие экскурсовода рассказал нам, как обстояло дело на самом деле. Так он учил нас не перебивать говорящего и не мешать ему своими исправлениями. Но, с другой стороны, во время разговоров со студентами он исправлял ошибки сразу же.

Мне доводилось слышать, что среди государственных деятелей ему нравился Сараджоглу. В Ахмете Атеше и А. Гельпынарлы он ценил знание персидского. Когда А. Атеш из Стамбула в Тегеран поехал на машине, он очень злился на его супругу: «Как же ты это допустила, неужели нельзя было лететь самолетом!» А вскоре после этого случая А. Атеш умер, будучи еще довольно молодым.

Из ученых на него большое влияние оказал А. Допш, и В. Бартольда он вспоминал постоянно.

Одной из важнейших педагогических черт Заки Валиди было поощрение тех, кто хотел работать, ибо трудно было найти

желающих посвятить себя всеобщей истории тюрков, где требовалось и знание многих языков и высокая культура, а попадались и такие, кто готов был работать ради внешнего блеска, безо всяких там языков и прочего. Поэтому-то и старался Заки Валиди с особым вниманием относиться к охочим до знаний и оказывать им всяческую помощь и поддержку.

Об отношении к английскому языку. Заки Валиди всегда и всем советовал изучать языки. Я в лицее изучал французский, а он мне рекомендовал заняться еще и английским. Английский, считал он, надо знать хорошо. Придаваемое им английскому языку значение создавало у многих людей впечатление, что он предпочитал турецкому языку английский. Но Заки Валиди осознавал значение турецкого языка как языка науки и находил удовольствие в том, чтобы писать свои труды по-турецки. И вместе с тем он понимал, что, отдавая должное турецкому языку, следует позаботиться и о том, чтобы достижения турецкой науки сделать достоянием всего мира. Именно в этом он и усматривал назначение английского языка.

К такому мнению он пришел еще в 30-е годы. Конечно, и речи быть не могло о вытеснении турецкого языка английским. Но требовались турецкие ученые, хорошо знавшие английский, способные переводить с турецкого на английский. Они бы переводили на английский турецкие произведения и труды турецких ученых, написанные с турецкой позиции и в интересах Турции. А иностранные ученые, в таком случае, читали бы правду о турках, написанную самими турками. Вот что было главным для Заки Валиди, который совсем не хотел, чтобы в турецкой науке английский язык преобладал бы над турецким.

Отношение к английскому языку — это лишь небольшая часть процесса вхождения в мировую цивилизацию стран и народов, бывших в XIX и XX вв. за ее пределами, вхождения благодаря изучению языков цивилизованных народов. И здесь нет никакого противопоставления взглядов Заки Валиди взглядам других современных наших интеллигентов. Он был турок и мусульманин. Знание им иностранных языков не превратило его в носителя иностранной культуры. Он всегда осознавал свое место: турецкий язык был для него основой, а английский — средством общения с остальным миром.

Историк и ученый

Профессия преподавателя, безусловно, достойная профессия. Но преподавателя, вычитывающего известные факты, хорошо усваивающего их и искусно преподносящего своим студентам, необходимо отличать от исследователя, ученого, историка. Заки Валиди — это педагог, но, что еще важнее, он и исследователь, и историк, и ученый.

Заки Валиди — это ученый в полном смысле этого слова. Для такого человека первым условием является любовь к своей профессии. Все остальное существует как бы в виде приложения к ней. Во время войны в горах Туркестана с винтовкой в руках он копировал старинные надписи и собирал исторические сведения. И это не парадокс, это работа ученого. А в 1925 году он попал в Стамбул после многих лет приключений и сразу же бросился в библиотеку. И это не ради карьеры или рисовки. Это — от большой и истинной любви к науке. И все долгие годы жизни в Стамбуле у него была единственная страсть — страсть к книгам.

Научная деятельность составляла суть его жизни. Еще до поступления на работу в университет, будучи чиновником в Анкаре, он написал такие труды, которые заслужили похвалу проф. Фуада Кёпрюлю в журнале «*Naat*». В турецкой высшей школе Заки Валиди был тем человеком, который любил свою профессию и с любовью посвящал себя ей.

Заки Валиди с чувством признательности вспоминает тех, кто наставил его на путь научных исследований. «Любовь к народным дастанам, национальным играм и состязаниям привили мне старший дядя Вали-мулла и семья Каскынбаевых» («Воспоминания». С. 34). А вот религиозного фанатизма он не любил и к «шейхам» относился с настороженностью, но ученость, труды и помощь некоторых из них вызывали в нем ответную благодарность. Зайнулла-ишан, например, желая испытать Заки Валиди, как-то дал ему достаточно много денег и сказал: «Может быть, они тебе понадобятся». И когда Заки Валиди купил на эти деньги книги, он одобрил покупки и сказал много хороших слов. «Похвала такого уважаемого в нашем обществе человека была для меня большой поддержкой, и не будь ее, моя жизнь, возможно, прошла бы в стороне от науки», — говорит Заки Валиди («Воспоминания». С. 37).

Создается такое впечатление, что Заки Валиди родился историком. Во многих местах его «Воспоминаний» объясняется, почему он выбрал историю. Конечно же, этот выбор был предопределен традициями его семьи и ближайшего окружения. И судьба автора этих строк сложилась точно так же. Иметь возможность избрать любую профессию и из всего их множества выбрать профессию историка, — для этого нужно не просто любить, а очень любить историю. Именно благодаря этой любви нам открываются такие истины, которых не понять людям, ставшим историками не от любви к наукам, а по стечению обстоятельств.

Заки Валиди начал изучать историю в свете богатейшего наследия устного народного творчества. Эта устная традиция позволяла ему погружаться в глубь истории: некоторые дастаны и предания уводили его к началу XV века. Многие предания посвящены и более поздним временам.

Заки Валиди входил в историю, имея под ногами надежную этнографическую базу. Приметы повседневной жизни, о которых скупо говорит история, он имел возможность сравнивать с тем, что видел сам. Ведь некоторые наблюдаемые им традиции и обычаи существовали уже сотни лет. А среди них были и такие, возраст которых Заки Валиди оценивал более чем в тысячу лет. Учет этой социальной обстановки позволил Заки Валиди освободить собственно историю из сухих и бессмысленных рамок политической истории, воспроизводимой в бесцветных книгах и холодных документах, и найти в ней место для человеческого существа. Ибо если основой истории является человек, то значение имеет все, что связано с ним, и в особенности экономика. Не следует забывать, что с экономикой тесно связана и духовная жизнь.

И в своем родном окружении Заки Валиди, естественно, ощущал свое существование внутри истории. Ибо не только его старший дядя, но и отец его был известен как знаток народных преданий башкир («Воспоминания». С. 597). А эти предания были не чем иным, как частью самой истории.

В опубликованной в 1934 году автобиографии (Onyedî Kumaltî Şehri ve Sadri Maksudi Bey. İstanbul. S. 3–4). Заки Валиди сообщает о своей семье сведения, которые показывают его первые исследовательские опыты:

Насколько удалось установить в свое время автору, его предки и главы других семейств веками занимались скотоводством и грамоты не знали. И тем не менее в любую эпоху были среди них один-два человека, очень хорошо помнивших старинные предания и редкие теперь легенды об Эдигее, Джанибек-хане, Еренсе и другие «ногайские» сказания и даже знавших арабский и персидский языки. Автор и сам первые уроки арабского получил у своего отца, а персидского — у матери.

Отец автора, Ахметша-хаджи, не в пример окружающим, был человеком сведущим, он с самого первого номера был подписчиком газеты «Терджюман» и был искренним почитателем ее редактора Исмаила Гаспринского, а также был автором «Описания путешествия в Хиджаз» и «Жизнь Сатлык-улы». Старший брат отца, Вали-мулла, по прозвищу Поперек-себя-шире, был известен как прекрасный знаток генеалогии и дастанов. Дядя автора с материнской стороны, Хабибназар Сатлык-улы, был одним из самых успевающих учеников казанского историка Шихабеддина Марджани и автором трудов по истории и арабскому языку.

Автор настоящих строк, Ахмет-Заки, под влиянием названных выше лиц и родословий племен юрматы, бурзян и гирей-кыпчак с юных лет пристрастился к истории, генеалогии и фольклору и первым в округе начал собирать родословные записи и различные дастаны, в частности «Эдигей и Мурадым».

Заки Валиди как историк имел несколько присущих только ему особенностей. *Первая* из них состоит в том, что своей кропотливой поисковой работой в книгохранилищах он сделал всеобщим достоянием множество скрытых во тьме веков сведений и фактов*.

* Вот его рассказ о находке поэмы «Кутадгу Билиг»: «В конце 1913 года в Намангане Мухаммед Хан-ишан Лалериш в своем доме дал мне бегло просмотреть «Кутадгу Билиг», а затем тайно передал мне начальную часть рукописи. Я привез ее в Петербург и показал Бартольду, Радлову и Залеману. Бартольд использовал ее в своих статьях. Я оставил эту часть рукописи у себя как подарок от упомянутого лица, ибо я верил, что придет день, когда ко мне в руки попадет вся книга целиком». Из письма 1938 года Рашиту Рахмети.

Самой знаменитой в этом смысле находкой была «Книга путешествий» Ибн Фадлана. А сколько вообще книг из библиотек Стамбула и всей Турции он вернул к жизни! Среди них должны быть особо упомянуты произведения Бируни и древние образцы хорезмийского языка, которые, возможно, и не сделали переворота в науке, но зато открыли новые пути ее развития.

Заки Валиди относился к письменным памятникам с особой бережливостью. Когда в 1923 году в Мешхеде библиотекарь предложил ему купить одну рукопись, Заки Валиди ответил: «Я сделаю так, что она и здесь будет известна всему миру». И во время своих поездок по Анатолии он не покупал рукописи для себя, а наоборот, хотел, чтобы они накапливались в библиотеках. Он сделал только одно исключение и приобрел историю Отемиш-хаджи. В целом же он считал, что письменные памятники должны находиться не в частных, а в публичных библиотеках, ибо только так будет обеспечена их общедоступность.

Вторая особенность Заки Валиди состоит в том, что он был независим в своих исследованиях. Он на своем примере ясно показал, как турецкие ученые могут выносить самостоятельные суждения, основываясь на избранных научных методах. Зависимость суждения от методов известна всему миру и, при необходимости, она принимается в расчет. Но существуют такие данные, которые не мешают некоторым ученым приходить и к иным, даже противоположным, выводам. Заки Валиди, с точки зрения своей независимости, был великим ученым. Нет нужды перечислять все его высказывания по этому поводу. В качестве примера можно привести наиболее яркие и всем известные его дискуссии с другими историками:

1. Проблема опустынивания, обсуждавшаяся на I Историческом конгрессе 1932 года.
2. Дискуссия 40-х годов с Фуадом Кёпрюлю о племенах *кай* и *кайы*.
3. Спор 1946 года с П. Виттеком о прочтении термина *ясама*.

I Исторический конгресс: Опустынивание Средней Азии

Национально-освободительная борьба 1919–1922 годов оказала специфическое воздействие на историческое сознание Ататюрка. Вторжение Греции в Анатолию выглядело как результат ее притязаний на эту исконно греческую территорию. Но он задавался вопросом: всегда ли Анатолия была греческой? В поисках ответа на этот вопрос он узнал, что до греков на ней проживали хетты и другие народы. А кто были эти хетты? Почему бы им не быть тюрками? Ведь тогда получалось, что тюрки заселяли Анатолию еще до греков, а значит, греческие притязания на Анатолию были неправомочными.

Таким образом, весь вопрос сводился к тому, насколько соответствует историческим фактам постановка проблемы, учитывающая национальные интересы. Именно так Ататюрк и поставит перед историками задачу. И историки того времени должны были держать непростой экзамен: подчинить ли науку подобному «национальному» взгляду на историю или ясно и четко высказать свое научное убеждение? Ведь могли быть и такие, кто, опираясь на свои знания и совесть, примут второе решение.

Заки Валиди никогда не высказывался против предположений о том, что обитавшие за тысячу лет до нашей эры в Средней Азии люди были тюрками. Он только говорил, что не может быть никакой речи об опустынивании Средней Азии, на котором настаивали его оппоненты. Именно Общество изучения турецкой истории упорно отстаивало идею о том, что создавшие здесь высокую цивилизацию тюрки с началом опустынивания расселились по всем странам света. И оказавшиеся в результате этого переселения в Анатолии тюрки как раз и создали здесь, еще до греков, свое государство. Но отсутствие факта опустынивания означает, что не было ни переселения тюрков в Анатолию, ни, тем более, последующих за ним событий.

Шли годы, и правота Заки Валиди стала очевидной. И в написанной позже «Методологии исторических исследований» он лишь мимоходом затрагивает эту тему: «По-моему, история — это не цель, а лишь средство изучения общества, в котором живу я, и других обществ, с которыми оно вступает в отношения. Поэтому искажение мною истории ради какой бы то ни было священной идеи будет самообманом для меня и обманом

доверяющих мне читателей. Именно этот тезис я и отстаивал в 1932 году на состоявшемся в Анкаре Первом историческом конгрессе. По-моему, только истина и правда в истории послужат делу и турецкой нации и других наций» (Tarihî usul. S. 118).

А новая теория, авторство которой приписывалось Ататюрку с целью помочь ему самому свыкнуться с ней, вскоре растеряла своих адептов*. Ведь большинство их защищало ее только для того, чтобы быть замеченным Ататюрком. И поэтому оценка Н. Беркесом Заки Валиди как человека, «выжившего теорию Ататюрка из нашей страны», совершенно несправедлива. За ее печальную судьбу гораздо большую ответственность несут те, кто снабжал Ататюрка заведомо ложной информацией.

Дискуссия о племенах *кай* и *кайы*

В 1941 году в «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft» была опубликована небольшая, в шесть страниц, статья Заки Валиди «Предки Османов в Средней Азии». В ней устанавливалось, что одно из огузских племен — *кайы* — происходило от племени *кай*, жившем далеко на востоке.

Статья вызвала в Турции многочисленные отклики. Проф. д-р Фуад Кёпрюлю сначала кратко изложил основные мысли «коллеги Заки Валиди Тогана — одного из самых компетентных сегодня специалистов по среднеазиатской истории тюрков», а потом в их опровержение написал большую статью «Проблемы этногенеза Османской империи» (Belleten. 1943. VII/2. Sayı 28. I. Teşrin. S. 219–313). Это была действительно впечатляющая статья, в которой Кёпрюлю особенно критически отнесся к тому, что Заки Валиди возводит османцев не к огузскому племени *кайы*, а к *кай* — племени монгольского происхождения.

Однако, в сущности, все дело сводилось к тому, что истории известно тюркское племя, название которого писалось и *кай* и *кайы*. И ставшее предметом дискуссии племя *кай* также могло оказаться тюркским племенем.

* См., например: *Yavuz Hilmi. Kültür üzerine.* İstanbul, 1987. «Теория была отвергнута вследствие того, что она опиралась на представления, далекие от научных фактов».

В последние годы в Монголии была обнаружена орхоноенисейская надпись, известная как надпись *тарйат*. На камне, установленном уйгурским ханом Моюнчуром в 753 году, упоминается и племя, название которого проф. Т. Текин прочитал в форме *кай*. Такое прочтение можно считать доказательством существования племени *кай* в составе государства уйгуров и разрешением многих спорных проблем тюркской истории, в том числе и проблемы племен *кай* и *кайы*. Вполне возможно, что племя *кай* позже войдет в состав огузов уже под именем *кайы*, а это позволяет предположить, что племена *кай* и *кайы* были одного происхождения.

И в этом случае Заки Валиди также высказывал свое суждение не в интересах «национальной идеи», но в интересах исторической науки, а время подтвердило его правоту.

Термин *ясама*

На воротах анкарской крепости есть знаменитная податная надпись времен ильханидов. Она была расшифрована П. Виттеком и в 1932 году опубликована. Однако Заки Валиди во «Введении во всеобщую историю тюрков» (1946 год) предложил несколько иное ее прочтение.

Два слова *яса* и *ма* (*наш закон*), по Виттеку, он прочитал как одно *ясама* и предположил, что оно должно обозначать некий специальный налог:

«*Ясама* — это, должно быть, налог, взимаемый с сельского и кочевого населения помимо *калана* и *кончура*, но такого термина я больше нигде не встречал» (Umumî Türk Tarihine Giriş. İstanbul, 1970. S. 480. №. 636).

Нужное Заки Валиди слово автор этих строк обнаружил в стихах Ашика-паши и на IX историческом конгрессе выступил с докладом на тему «Некоторые налоги времен сельджукидов», в котором показал, что термин *ясама* действительно обозначал специальный налог, уплачиваемый крестьянами-земельцами.

Эти три примера — только малая часть того, что можно было бы напомнить. Одна особенность раскрывается уже в них. А именно — приверженность ученого к методу и источникам оказывается более соответствующей исторической перспективе и раскрытию временных и национальных особенностей. В этом отношении мы можем сравнивать Заки Валиди с Бар-

тольдом. Подобно «Туркестану в эпоху монгольского нашествия» Бартольда, опубликованному в 1901 году, с методологической и источниковедческой точек зрения произведения Заки Валиди также не утратили своего значения.

Заки Валиди и исторические учреждения

В период создания Турецкого исторического общества Заки Валиди не был допущен к нему вследствие преобладания в нем влиятельных казанских историков (Юсуфа Акчуры и Садри Максуди). А Исторический конгресс 1932 года еще больше увеличил пропасть между этим обществом и Заки Валиди: влиятельные деятели Турецкого исторического общества как раз и противостояли Заки Валиди. И единственное, что связывает ученого с этим обществом, — это статья 1948 года. Предложения Заки Валиди об издании его книг так и не были удостоены ответа со стороны Исторического общества, а по поводу своей статьи «Лыжи у древних тюрков» он пишет:

В журнал «Ülkü» я направил статью о лыжах у тюрков. Кёпрюлюзаде якобы сказал: «Если порекомендует г-жа Афет (Инан), мы напечатаем, или пусть обратится в журнал «Belleten», может быть, они возьмут». Я так и сделал. И вот дней 15 назад (написано в середине апреля 1939 года) мне возвращают статью в официальном конверте Турецкого исторического общества, не удосужившись даже сопроводить его хотя бы запиской в одно слово.

Позже Заки Валиди опубликует ее в «Askerî Mecmuası». Но такое отношение к нему было одной из причин того, что напряженность между ним и обществом сохранялась до самой его смерти. Разумеется, я имею в виду то общество, которое существовало до 1982 года.

Другие научные общества также держали Заки Валиди Тогана на отдалении, как, например, Институт исследований турецкой культуры. Но зато он был сотрудником Института сельджукидских исследований. То, что он не вошел в состав Института исследований турецкой культуры, связано с отно-

шением к нему казанских ученых, руководивших им в первое время.

Заки Валиди Тоган был членом научных обществ и комитетов во многих странах, в создании которых он принимал деятельное участие. В последние годы жизни он основал Турецкую ассоциацию востоковедения. Он был удостоен многих знаков отличия и наград. Так, 10 марта 1951 года он стал Кавалером Ордена Первой степени Иранского общества просвещения. Напомним и о том, что он был членом Австрийского общества имени Хаммера-Пургшталя.

27 июня 1957 года Манчестерский университет присвоил ему звание почетного доктора. На торжественной церемонии по этому случаю Заки Валиди произнес следующую речь:

Я глубоко тронут той честью, которую оказывает мне Манчестерский университет, присваивая звание своего почетного доктора. Живя на родине, на Уральских горах, я даже не слышал названия вашего города. Позже я узнал, что в Манчестере ткут знаменитые английские сукна и что в его богатых библиотеках находится много восточных рукописей.

К пониманию значения вашего университета как научного центра я пришел только в процессе изучения истории востоковедения на Западе. Одновременно я узнал, что ваш город богат такими интеллектуалами, как Джон Райландс и его супруга, уделяющими огромное внимание искусству Востока, научным произведениям и коммерческим документам. Около 30 лет назад, познакомившись с каталогом А. Миньяны «Каталог арабских рукописей в библиотеке Джона Райландса» и прочитав в нем строки о рукописи восточно-тюркского перевода священного для нас Корана, я почувствовал глубокий интерес к вашему городу, его университету и его библиотекам. Языковые особенности этой рукописи свидетельствовали о том, что это был очень древний язык. Я хотел было заказать ее фотокопию, но обнаружилось, что без моего личного участия скопировать 14-томную рукопись будет очень трудно. Впоследствии я получил копии отдельных страниц, по хорошо сохранившемуся тексту и бумаге которых стало ясно: перед нами список караханидской эпохи XI или XII вв., изготовленный на

кашгарском диалекте в Восточном Туркестане, являющийся переводом Корана на тюркский и персидский языки.

Как историк я знал, что Англия — это страна, располагающая прежде всего необходимыми для тюркской истории богатейшими библиотеками и хранилищами. Начиная с XVI в. просвещенное окружение королевской семьи приняло на себя обязанность приобретать для своей страны восточные рукописи. В этом смысле Британская и Османская империи напоминают и дополняют друг друга. Это факт не нуждается в доказательствах, достаточно будет только сравнить «Коллекцию Честер Битти» со Стамбульской библиотекой, основанной на личной библиотеке Садразама Кёпрюлю Мехмета-паши.

Тюркский перевод Корана манчестерской библиотеки Джона Райландса имеет огромное значение для нашей культуры. Он представляет собой перевод с подстрочного персидского перевода Корана, выполненного группой лиц на основе «Тафсира» Табари в период саманидского правителя Мансура бин Нуха (961–977 гг.). Тюркский текст этого перевода может быть сравнен с персидским и арабским текстами. В стамбульском Музее тюрко-мусульманских рукописей хранятся два великолепных датированных списка тюркских переводов Корана из Ирана и Золотой Орды. В первом зафиксирован язык тюркских племен, пришедших в Иран вместе с чингизидами. А золотоордынский список показывает преобладание элементов господствовавшего в ней кыпчакского языка. Что же касается манчестерского списка, то я рассматриваю его язык как оригинальный тюркский язык, отражающий диалекты переводчиков — жителей Исфиджаба и Аргу. Кроме того, этот список ценен и благодаря своей орфографии.

В октябре нынешнего года правительство Пакистана планирует провести конференцию, посвященную 1400-й годовщине ниспослания Священного Корана, и этот список является древнейшим из всех переводов Корана на тюркский язык. В случае своего участия в работе конференции я обязательно сделаю доклад о рукописи перевода Корана из библиотеки Джона Райландса.

Присвоение мне звания почетного доктора и приглашение посетить ваш город стало для меня великим событием. Вместе с тем это послужит прекрасным началом моих будущих работ над восточными рукописями в библиотеках Англии и Ирана.

Любовь к истории у Заки Валиди возникла не без влияния его семьи, имевшей тесные культурные связи как с Кавказом, так и со Средней Азией. Это, по-видимому, и стало причиной его собственной характеристики своего исторического воззрения как стремящегося к универсализму. С этой точки зрения можно рассматривать разнообразие в хронологической и географической проблематике его трудов.

Заки Валиди — это тот редкий человек, который охватывает всю тюркскую историю целиком. Исходя из современных фактов он стремился оценить историю всесторонне, целиком и полностью. Он широко использовал материалы современной этнографии, фольклора и многих других дисциплин. Здесь же следует упомянуть и его собственный богатый опыт участия в борьбе за создание тюркской государственности. Все это составляло его неоценимое преимущество во взгляде на тюркскую историю. Важным было и то, что он хорошо знал как кочевую, так и оседлую жизнь тюрков. Именно знание оседлой жизни и помогло ему реконструировать древнейшую историю тюрков Средней Азии. И перечисление подобных его характерных черт можно продолжать и продолжать.

Мы можем процитировать слова Янски о его универсализме:

Историческая наука очень нуждается именно в таких ученых, как Заки Валиди, которые, будучи тюрками по происхождению, приняли на вооружение современную методологию и поэтому оказываются в состоянии осветить тюркскую историю во всем ее обширном объеме. Ибо сущность этой истории, обнаруживаемая только в соединении ранее проводившихся независимо друг от друга параллельных исследований в области этнографии, археологии и истории искусства, раскрывается благодаря всей совокупности всех источников народов Евразии. Но в самом богатом виде эти источники сохранились лишь в среде тюркских народов. Заки Валиди

сумел проникнуть в самые потаенные сферы тюркской истории кратчайшим путем, ибо он разыскал в большинстве своем неизвестные и неопубликованные восточные рукописи, рассредоточенные в библиотеках многих стран, и сумел соединить почерпнутые из них данные с этнографическими и археологическими фактами, знакомыми ему с малолетства. Ему удалось достичь самых вершин духовной культуры и раскрыть внутренние движущие силы тюркских народов — создателей «степных государств». Он значительно продвинул вперед историческую науку и, продолжая дело В. Бартольда и Р. Гроссета, обеспечил ее будущее. Он обращает на себя внимание еще и тем, что сам является ученым, происходящим из степной полосы.

Профессор Карл Ян откликнулся на смерть Заки Валиди словами о том, что русская школа историков последней четверти XIX-начала XX вв. перестала существовать, ибо вслед за В. Бартольдом (1869–1930) и В. Минорским (1877–1966) из жизни ушел теперь и Заки Валиди Тоган (1890–1970)*.

История для Заки Валиди — это не цепь событий прошлого. Для него история не может быть в прошлом, она должна быть прослежена до дня сегодняшнего. Поэтому-то она и бывает полезна своим воздействием на современность. И в этом смысле она оказывается действенной и сегодня.

История для Заки Валиди — это не просто череда политических фактов. Она бывает завершенной только после оформления ее экономических и особенно идейных аспектов. В этом-то и заключается истинный смысл истории. И нет никакой необходимости в том, чтобы во главу ее пристраивать какую-либо «социальность». Значение истории и ее социальный атрибут едины.

Заки Валиди Тоган и сам был историей и вполне сознавал этот факт. В самом деле, и результаты его самообразования, и политические события 1917–1922 годов, в которых он участвовал, оказали влияние на исторический процесс. Но даже и просто как человек он всем своим существом оказывался

* Central Asiatic Journal. 1970. Vol. 14. № 4. По случайному совпадению в этом же номере журнала была опубликована и статья Заки Валиди об исторической топографии Балха: The Topography of Balkh Down to the Middle of the Seventeenth Century // Ibid. P. 277–288.

в центре исторического движения. Поэтому-то он никогда не выбрасывал ни одного документа, письма или нужной бумаги. Все это он тщательно сохранял, насколько позволяли обстоятельства*. Накапливая и сохраняя документы, он, с одной стороны, проявлял себя как историк, а с другой стороны, сам мог бы рассматриваться как материал для истории. Ибо в изучении многих проблем периода 1919–1970 годов документы Тогана будут для нас уникальными источниками. Поэтому Заки Валиди Тоган в качестве хранителя знаний и документов занимает совершенно исключительное место среди турецких историков. Ведь сколько их было у нас, не оставивших после себя ничего, все унесших с собой.

Заки Валиди все свои огромные познания предоставлял в распоряжение ученых всего света. Об этой черте его характера Н. Атсыз, близкий друг Тогана в течение почти полувека, пишет так:

Несмотря на свои 80 лет (статья относится к 1969 году), учитель до сих пор живет полной жизнью: то участвует в работе конгрессов и угощается на их банкетах, то по приглашению персидского шаха отправляется в Иран, то ведет научную переписку с корреспондентами из Америки, Европы, Индии, Пакистана, Японии и даже из Монголии и при этом неустанно готовит к публикации свои ценнейшие труды, материалы для которых он собирал 60 лет. В отличие от Мукримина Халиля (Инанча), проговорившего всю жизнь в кофейне «Эсафил-и Шарк» и не оставившего после себя почти ничего, достойного его знаний, учитель щедро делился сведениями своего архива, записи в котором не смог бы прочитать никто, кроме него самого. Несколько раз я пытался удержать его от такой расточительности, и мы даже ссорились с ним по этому поводу. Но разве он послушался меня!.. Однажды я сказал ему: «Напрасно ты тратишь свое время, целыми днями просиживая за письмами и отвечая на всех известных тебе языках». На что он заявил на своем «тогановском языке», отличном от всех тюркских языков и диалектов: «Так ведь я ими и живу!». Учитель, наверное, любил, когда его хвалят. И корреспонденты в своих письмах сначала хвали-

* См. наст. изд. С. 293–308. — Примеч. пер.

ли его работы, а потом просили предоставить им сведения по какому-нибудь вопросу. И по их просьбе он безвылазно сидел над рукописями в стамбульских библиотеках, а затем тратил еще несколько дней, чтобы написать ответ по-немецки, по-английски, по-русски или по-персидски. И в этом была его жизнь*.

Мировоззрение Заки Валиди

Мировоззрение Заки Валиди, по нашему мнению, сложилось не под влиянием приобретенных им знаний, а было присуще ему изначально, с тех пор как он начал осознавать себя. Ниже мы постараемся если не объяснить этот факт, то хотя бы указать на его происхождение. Для нас это важно еще и потому, что подобные факты наблюдаются и в жизни других тюркских народов.

Богатейшим источником для нашего экскурса являются его «Воспоминания». Другими словами, благодаря им мы получаем возможность обнаружить истоки мировоззрения нашего знаменитого историка и политического деятеля. Но в данном случае нашей целью является не проведение детального анализа духовного мира Заки Валиди, а обозначение только главных его черт.

1. Прежде всего Заки Валиди воспринял влияние своего окружения, тюркских национальных обычаев родного аула, то есть воспринял влияние тюркских традиций — самого ценного, что он получил от своих предков и родителей. В «Воспоминаниях» есть несколько строк, где Заки Валиди упрекает отца за его религиозность и предрассудки. Но одновременно он говорит и о том, что наряду с нормами шариата его отец чтит и национальные обычаи. А в ряде мест (с. 21, 22, 34, 41), описывая совершение намаза под руководством пьяного от медовухи сельского имама, он указывает, что в выборе между шариатом и обычаем предпочтение было отдано обычаю. Это, конечно же, не означает отрицания норм шариата, но сама возможность, допускаемая национальным обычаем, поразила и самого Заки Валиди. Итак, с нашей точки зрения, нацио-

* Ötügen. 1969. Aralık.

нальные тюркские обычаи являются главным формообразующим его мировоззрение фактором.

2. Ислам явился вторым истоком мировоззрения Заки Валиди. Но его понимание ислама отличалось от отцовского почитания национальных обычаев и традиций. Заки Валиди не проявлял интереса к суфизму в исламе и даже отрицательно относился к суфиям. Но, как говаривал много давший ему юродивый Муллагул, — это отдельный вопрос человеческих способностей и характера. Суфии, как известно, считают некоторых людей неосознанно набожными. К этой категории можно отнести и Заки Валиди. «Воспоминания» неоднократно показывают, что для его окружающих совершать намаз и соблюдать пост было совершенно обычным делом, без которого они даже не могли представить себе жизни (с. 34).

После 20 лет жизни Заки Валиди попал в окружение русских людей и их литературы. В таком же положении и сейчас оказывается часть турецкой молодежи, ощущая на себе противоречия между традиционной тюркской жизнью и так называемой «цивилизованной жизнью». Традиционная жизнь тюрков не знает вина, а в «цивилизованной жизни» есть и вино и другие горячительные напитки. И если турок захочет порвать с национальными традициями и перейти в «цивилизованный мир», то в жизни его наступает кризис. Подобный кризис пережил в свое время и Заки Валиди. Но от его пьющих знакомых исходило такое зловоние, что он предпочел искать счастья в своей прежней жизни. Вместе со своими близкими друзьями он решил совершать намаз и соблюдать пост, руководствуясь велением сердца.

В этом вопросе не обошлось без влияния Катанова, хакаса по происхождению и христианина по вероисповеданию, который предостерегал Заки Валиди: «Смотри, будь осторожен! Русские мне кроме водки ничего не дали! Ты должен беречь себя!». Он говорил, что ислам является важнейшим культурным фактором, способным спасти тюрков: «Не отходи от ислама и осознай величие его культуры!».

Заки Валиди видел в этом мире и добро и зло, пережил немало счастливых и черных дней. И, может быть, поэтому, уже в 70-летнем возрасте взявшись за «Воспоминания», он буквально идеализирует окружение, в котором он родился и рос, с его мусульманской верой и традиционными обычаями. В молодости оно ему не нравилось и казалось тесным, но в конце

концов он поймет, что благодаря этой среде турки сохранили свое существование и не утратили сопротивляемости.

Нет никакого сомнения в том, что Заки Валиди был верующим человеком. Об этом он не постеснялся заявить и В. И. Ленину. И это вполне естественно. И вообще, он знал себя и свою веру, хранил ее и при необходимости защищал ее. В этом смысле он очень отличался от людей, заботившихся только о себе и общавшихся только с суфийскими шейхами. К тому же он известен и как защитник ислама на поприще науки.

3. Третьим истоком мировоззрения Заки Валиди был социализм — распространенное в те годы в России политическое течение.

Со времени своего приезда в Казань Заки Валиди для изучения русского языка начал читать русскую прессу. Левая пресса ему нравилась своей антицаристской направленностью. Другие же газеты отличались либо чрезмерной клерикальностью, либо ультрамонархизмом. Читая всю социалистическую прессу, Заки Валиди входил в круг социальных проблем. Возможно, что на формирование его социальных воззрений оказал влияние и капитан парохода, на котором он в молодости направлялся из Астрахани в Казань. Как знать, не был ли этот капитан товарищем таких людей, как Ленин.

То, что Заки Валиди предпочитал социалистическую печать всей остальной, объяснялось особенностями российской действительности того времени. Совершенно естественно, что клерикальная и монархическая пресса была ему не по вкусу, а мусульманские издания еще не доросли до осмысления положения дел. Обозначая выше истоки его мировоззрения, мы отмечали, что Заки Валиди вполне осознавал свою принадлежность к исламу, а в социальных вопросах для него были характерны открытость и свободомыслие.

Национальные турецкие обычаи и исламские традиции отрицательно относятся к угнетению людей и концентрации значительных богатств в руках отдельных членов общества. А такие положения не могли не привлечь внимания Заки Валиди. Турецкие обычаи признают действительность борьбы за существование, основанной на принципах взаимопомощи людей. И это уже стало традицией в народной турецкой среде. Поэтому для Заки Валиди, выросшего в окружении людей, заботящихся о своих бедных и немощных, было естественным приживаться таких взглядов.

Заки Валиди разъясняет в «Воспоминаниях», что он не хотел продолжения режима царизма не из тех соображений, о которых мы только что говорили, а из соображений «социальных». Да, он проводил «национализацию» крупной собственности. Да, он приказывал сжечь церкви в деревнях с сильно христианизированным тюркским населением. Но он не причинял вреда мечетям и никому не позволял этого делать. В сущности, все его действия сводились к облегчению изнурительного труда и тяжелой жизни тюркского населения.

Изучение многовековых и даже тысячелетних традиций экономического уклада тюркских народов помогло Заки Валиди выработать и собственный взгляд на экономику. Выше мы уже отмечали, что мировоззрение Заки Валиди сформировалось главным образом под воздействием национальных обычаев и традиций. Это же относится и к экономической сфере, где обычаи и традиции были известны ему не из письменных источников, а из наблюдаемой им жизни. И кроме того он совершенно твердо знал, что если его спросят, каков должен быть образ жизни его народа — капиталистическим или социалистическим, он, скорее всего, выбрал бы второй путь. С этой точки зрения социализм, в понимании Заки Валиди, все-таки более соответствовал национальным обычаям тюрков.

4. Национализм. Все люди принимают за истину то, что для человека нет ничего более естественного, чем любить прежде всего свою семью, потом своих ближних и свою нацию. Заки Валиди также признавал эту истину. Он в первую очередь любил башкир и вообще всех тюрков. Но эта любовь не мешала ему с уважением относиться и к другим народам. Иногда его причисляли даже к ультранационалистам, и если это так, то тогда остается тайной: как же у него могли появиться искренние друзья по всему миру.

Заки Валиди уважал все нации и народы. Но и от них он ожидал такого же чувства к своему народу. В последнее время турецкая интеллигенция хулит свой народ и превозносит другие народы, но Заки Валиди не хотел быть похожим на них. Всем ведь известно: человек, не любящий себя и свой народ, невзлюбит и весь род людской, а любовь к человечеству проходит через любовь к себе, к своему народу.

Вот такой «национализм» и был естественным для Заки Валиди. Тюркские традиции и обычаи не только сделали из Заки Валиди настоящего Заки Валиди и не только заложили ос-

нову его мировоззрения, но и стали главным источником, питавшим его национализм.

Библиография Заки Валиди Тогана

Автор почти четырехсот книг и статей, Заки Валиди является одним из наших самых продуктивных ученых. Его первая книга — «История тюрков и татар» — была напечатана в 1911 году и получила в свое время полное одобрение читателей. Однако всемирное признание востоковедов принесет ему опубликованная в 1939 году работа об Ибн Фадлане. Это была поистине счастливая публикация.

В 1940 году, благодаря помощи Турецкого Генерального штаба в Каире, было закончено издание его труда о современном периоде истории Туркестана (это была серия очерков, которые он переправлял в 1923 году через Генеральное консульство Турции в Мешхеде). В том же 1940 году вышла работа о Бируни, затем появились «Введение во всеобщую историю тюрков», «Методология исторических исследований», статьи об Алишере Навои и другие произведения.

Событие 1944 года явилось сильнейшим ударом по грандиозной деятельности Заки Валиди. Находясь в тюрьме, он заново переделывает «Введение» и сразу же по выходе из заключения публикует его в 1946 году. Омер Л. Баркан отметил, что «это ученейшее произведение заполнило зияющую пустоту в турецкой исторической науке». Позже, в 1950 году, увидела свет до сих пор не переизданная «Методология исторических исследований», а в 1951 году — «Хорезмийский перевод „Мукаддимат аль-адаб“».

Если не считать его «Воспоминаний» (1969 г.) и посмертного «Дастана об Огузе», число опубликованных им книг вроде бы не так уж и велико. Однако мы не должны забывать, что в течение всей своей жизни он вынужден был постоянно бороться с нуждой. И будь у него средства, он непременно в самом лучшем виде издал бы и «Мусульманский период в истории Средней Азии».

Некоторые книги и статьи Заки Валиди остались в рукописях. Они уже приведены в порядок, но решение некоторых вопросов отдалает момент их появления перед молодыми турецкими исследователями. Заки Валиди надеялся стать связую-

щей нитью между поколениями ученых. И памятуя об этом, мы заявляем, что после необходимой подготовки, редактирования и частичной правки его работы будут опубликованы в будущем. Здесь же мы должны сказать, что вся эта работа будет проделана без какого бы то ни было ущерба для содержания его книг и статей.

Заки Валиди Тоган так говорит о своем первом произведении, оставшемся неопубликованным: «Когда мне было лет 17... я преподавал в медресе своего отца (он сам не мог вести занятий из-за болезни глаз) и тогда же написал работу по астрономии. Она была написана в форме вопросов и ответов Ахмета и Саита и была полна идей, навеянных трактатом Хусейна Джисра. Таково было мое первое сочинение» (İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. İstanbul, 1966 (1959–1960). III/3–4. S. 257). В «Воспоминаниях» (с. 42) Заки Валиди говорит, что оно было написано в начале 1908 года.

Библиография произведений*

1909

1. Ислам дөньясында // Идел. Хажитархан. № 215, 216. 25, 29 декабрь.
В мире ислама // Идель. Астрахань. № 215, 216. 25, 29 декабря.
2. Имамнарың жәмгыятэ тээсире // Шунда ук. № 159. 5 июнь.
Влияние имамов на общество // Там же. № 159. 5 июня.
3. Укыялым, язмадан дэһа артык укыялым // Шунда ук. № 190, 191. 22, 29 сентябрь.
Давайте читать, писать и еще больше читать // Там же. № 190, 191. 22, 29 сентября.
4. Төрөк ханнары // Шунда ук. № 213. 19 декабрь.
Тюркские ханы // Там же. № 213. 19 декабря.
5. Морат эфэнде «Тарихы» вэ галлямэи Мәржани // Шунда ук. № 124, 125. 30 гыйнвар, 3 февраль.
«История» Мурада-эфенди и выдающийся ученый Марджани // Там же. № 124, 125. 30 января, 3 февраля.

* Произведения, описанные за номерами 1–53, 59–62, 66–67, 70–71, 64–88, 93–102, 145, 260, 271, 316 и 364, были опубликованы на арабском алфавите. — *Прим. пер.*

6. Мәктүб (Айлар үтте...) // Шунда ук. № 189. 18 сентябрь.
Письмо (Прошли месяцы...) // Там же. № 189. 18 сентября.

1910

7. Ислам дөнъясында // Шунда ук. № 217, 218. 1, 5 гыйнвар.
В мире ислама // Там же. № 217, 218. 1, 5 января.
8. Гыйльме кәлям дәрәсләре // Шунда ук. № 303. 29 октябрь.
Уроки мусульманского богословия // Там же. № 303. 29 октября.

1911

9. Жырларымыз хакында // Шура. Оренбург. № 10. Б.317–320;
№ 14. Б.445–448.
О наших песнях // Шура. Оренбург. № 10. С.317–320; № 14.
С.445–448.
См. также № 433. С.18–31.

1912

10. Хөсәен әфәнде Фәезхановның тәржемәи халенә гаид әрбер-
ләр // Шунда ук. № 16. Б.494–495.
Материалы к биографии Хусаина Фаизханова // Там же.
№ 16. С.494–495.
11. Төрөк вә татар тарихы. Казан. 1-нче жөзә. 280 б., 1 карт.
История тюрков и татар. Казань. Ч. 1. 280 с., 1 карт.
См. также № 429.
12. Kazan Hanlığının son günleri // Türk Yurdu. İstanbul. Sayı 7. S.575–580.
Последние дни Казанского ханства // Тюрк Юрду. Стамбул.
№ 7. С.575–580.
13. Ярлыклар мөнәсәбәте илә // Шура. Оренбург. № 15. Б.462–463.
По поводу ярлыков // Шура. Оренбург. № 15. С.462–463.

1913

14. Идарәгә хатлар // Йолдыз. Казан. № 954. 10 март.
Письма в редакцию // Юлдуз. Казань. № 954. 10 марта.
15. Бөржан башкортлары арасында // Шура. Оренбург. № 19.
Б.587–589; № 20. Б.617–619; № 21. Б.647–650; № 22. Б.682–
684.
Среди бурзянских башкир // Шура. Оренбург. № 19. С.587–589;
№ 20. С.617–619; № 21. С.647–650; № 22. С.682–684.
См. также № 415; 433. С.39–54.

16. Профессор Бартольдның безнең арамызда булуы мөнәсәбәте илә // Вақыт. Оренбург. № 1224, 1225. 13, 15 июнь.
К пребыванию у нас профессора Бартольда // Вақт. Оренбург. № 1224, 1225. 13, 15 июня.
См. также № 430; 433. С.84–94.
17. Профессор Катановның көтебханәсе хақында // Шунда ук. № 1213. 31 май.
О библиотеке профессора Катанова // Там же. № 1213. 31 мая.
18. Татар әдәбияты хақында Ашмарин. Оренбург.
Ашмарин о татарской литературе. Оренбург.
19. Тел һәм әдәбиятымызга гаид яңа хезмәтләр // Йолдыз. Казан. № 973, 975. 23, 28 апрель.
Новые работы о нашем языке и литературе // Юлдуз. Казань. № 973, 975. 23, 28 апреля.
20. Тукайның әсәрләрендән «Шүрәле»гә гаид жентекләү // Мәктәп. Казан. № 4. Б.116–120.
Анализ «Шурале» Тукая // Мектеп. Казань. № 4. С.116–120.
21. Хәлфиннәр // Шура. Оренбург. № 3. Б.67–72; № 4. Б.105–109; № 5. Б.138–141.
Семья Халфиных // Шура. Оренбург. № 3. С.67–72; № 4. С.105–109; № 5. С.138–141.
См. также № 433. С.145–168.
22. Диваны Мәхтүмколый // Шунда ук. № 12. Б.357–360; № 13. Б.393–395.
«Диван» Махтумкули // Там же. № 12. С.357–360; № 13. С.393–395.
См. также № 433. С.80–83.
23. Диваны Мәхтүмколый: Мәхтүмколый әшгаренә күрсәткеч // Шунда ук. № 14. Б.424–427; № 15. Б.458–460; № 16. Б.491–494; № 17. Б.522–524.
«Диван» Махтумкули: Указатель стихотворений Махтумкули // Там же. № 14. С.424–427; № 15. С.458–460; № 16. С.491–494; № 17. С.522–524.
24. Романов сөяләсе патшалык иткән дөвердә Русия дәүләте һәм мөселманнар // Мәктәп. Казан. № 1. Б.8–11.
Русское государство и мусульмане в царствование династии Романовых // Мектеп. Казань. № 1. С.8–11.
См. также № 433. С.59–62.
25. Фетнә вақытында һәм Михаил Федорович Романовны сайлау эшләрендә мөселманнар (XVI-нче гасырның ахыры — XVII-нче гасырның башларында Русия мөселманнарының хәлләренә гаид

мөляхэзә). Казан. 28 б. — («Мәктәп» журналының беренче номерына гыйлавә). — («Мәктәп» журналы көтепханәсеннән беренче китап).

Смутное время и участие мусульман в избрании на царство Михаила Федоровича Романова (Исследование положения мусульман России в конце XVI — начале XVII столетия) // Казань. 28 с. — (Приложение к № 1 журнала «Мектеп»). — (Первая книга из библиотеки журнала «Мектеп»).

26. Кайу милләттәнсең? // Мәктәп. Казан. № 7. Б.179–183.
Кто ты по национальности? // Мектеп. Казань. № 7. С.179–183.
См. также № 423; 433. С.74–79.
27. Мөхәррирнең үз исеменә язылган бер мәктүб // Шура. Оренбург. № 23. Тышлыкның 2–3 б.
Письмо на имя редактора // Шура. Оренбург. № 23. 2–3 с. обложки.
См. также № 433. С.100–101.
28. Мәдрәсәләребез хакында // Мәктәп. Казан. № 2. Б.35–38.
О наших медресе // Мектеп. Казань. № 2. С.35–38.
См. также № 433. С.63–67.
29. Мәдрәсәләребезнең тарихына бер нәзар // Шунда ук. № 3. Б.78–81.
Взгляд на историю наших медресе // Там же. № 3. С.78–81.
См. также № 433. С.68–73.
30. Вамбери: [Некролог] // Шунда ук. № 10. Б.242–250; № 11. Б.264–276.
Вамбери: [Некролог] // Там же. № 10. С.242–250; № 11. С.264–276.
31. Юбилей хәзерлекләре // Вакыт. Оренбург. № 1129. 10 февраль.
Приготовления к юбилею // Вакт. Оренбург. № 1129. 10 февраля.

1914

32. İbn Haldun'un nazarında İslam hükümetlerinin istikbali // Bilgi. İstanbul. Sayı 7. S.733–743.
Будущее мусульманских правительств в представлении Ибн Халдуна // Бильги. Стамбул. № 7. С.733–743.
33. Татар әдәбиятының барышы: [Тәнкыйд] // Ил. Петербург. № 27, 29. 17, 31 май.
Развитие татарской литературы: [Рецензия] // Иль. Петербург. № 27, 29. 17, 31 мая.

34. Шәрәкъяка гайд яңа эсәрләр // Йолдыз. Казан. № 1295, 1339. 28 октябрь, 31 декабрь.
Новые произведения о Востоке // Юлдуз. Казань. № 1295, 1339. 28 октября, 31 декабря.
35. Шиһаб хәзрәтенә Урта Азия тарихына гайд бөек хезмәте // Аң. Казан. № 4. Б.74–78.
Выдающееся произведение Шиһаба [Марджани] по истории Средней Азии // Анг. Казань. № 4. С.74–78.
36. Фәрганә хатыннары тугърысында Наливкин // Сөембике. Казан. № 6. Б.10–11; № 9. Б.8–10.
Наливкин о женщинах Ферганы // Сююмбике. Казань. № 6. С.10–11; № 9. С.8–10.
См. также № 428; 433. С.95–99.
37. Лотфый һәм аның Диваны // Йолдыз. Казан. № 1320, 1322, 1326, 1335. 4, 7, 12, 25 декабрь.
Лютфи и его «Диван» // Юлдуз. Казань. № 1320, 1322, 1326, 1335. 4, 7, 12, 25 декабря.
См. также № 38; 433. С.103–106.
38. Лотфый һәм аның Диваны. Казан. 44 б. — («Йолдыз» газетасының 1914-нче елгы 1320, 1322, 1326, 1355-нче номерларындан аерылып басылды).
Лютфи и его «Диван». Казань. 44 с. (Перепечатано из номеров 1320, 1322, 1326 и 1355 газеты «Юлдуз» за 1914 год).
На 4 с. обложки на русском языке: Джагатайский поэт Лютфий и его диван (сборник стихотворений).
См. также № 37; 433. С.103–106.
39. Мөхәррирнең үз исеменә язылган бер мәктүб // Шура. Оренбург. № 1. Тышлыкның 2 б.
Письмо на имя редактора // Шура. Оренбург. № 1. 2 с. обложки.
См. также № 433. С.101–102.
40. Мәржани // Шунда ук. № 9. Б.208–209.
Марджани // Там же. № 9. С.208–209.
См. также № 433. С.107–109.
- 1915
41. «Ак юл» журналы хақында // Вақыт. Оренбург. № 1765. 6 май.
О журнале «Ак юл» // Вакт. Оренбург. № 1765. 6 мая.
См. также № 433. С.129–132.
42. Академик Корш хатирәсе // Шунда ук. № 1710. 24 февраль.
Памяти академика Корша // Там же. № 1710. 24 февраля.
См. также № 433. С.124–128.

43. Уфамыздан чыккан бер галимнең хезмәтенә егерме биш ел тулу мөнәсәбәтейлә // Тормыш. Уфа. № 260, 261. 11, 12 июнь.
К двадцатипятилетию произведения уфимского ученого // Турмуш. Уфа. № 260, 261. 11, 12 июня.
44. Башкортларга гайд яңа эсәр // Шунда ук. № 248. 24 май.
Новое произведение о башкирах // Там же. № 248. 24 мая.
См. также № 433. С.133–136.
45. Ходаяр ханның соңгы көннәре. Казан. 32 б.
Последние дни Худаяр-хана. Казань. 32 с.
46. Диваев юбилесе рус жәмгыятендә // Тормыш. Уфа. № 386.
1 декабрь.
Юбилей Диваева и русская общественность // Турмуш. Уфа. № 386. 1 декабря.
47. Рус тарихи әдәбиятында Мәржани // Мәржани. Шиһабеддин әл-Мәржани хәзрәтләренә вилядәтенә йөз ел тулу (1233–1333) мөнәсәбәтейлә нәшер ителде. Казан. Б.468–484.
Марджани в русской исторической литературе // Марджани. К столетию со дня рождения (1233–1333) Шихабеддина аль-Марджани. Казань. С.468–484.
См. также № 433. С.110–123.
48. Сөембикә: [Тәнкыйд] // Сөембикә. Казан. № 4. Б.7–11; № 5. Б.4–6; № 7. Б.6–10.
Сююмбике: [Рецензия] // Сююмбике. Казань. № 4. С.7–11; № 5. С.4–6; № 7. С.6–10.
49. Шәрәккә гайд яңа эсәрләр // Шура. Оренбург. № 6. Б.174–175; № 7. Б.199–201; № 9. Б.267–268; № 10. Б.307–308.
Новые произведения о Востоке // Шура. Оренбург. № 6. С.174–175; № 7. С.199–201; № 9. С.267–268; № 10. С.307–308.
50. Казан татарларының кара сүзләренә гайд яңа эсәрләр // Сөембикә. Казан. № 11. Б.6–12; № 12. Б.10–14; № 13. Б.9–12; № 14–15. Б.6–9.
Новые работы о сказках казанских татар // Сююмбике. Казань. № 11. С.6–12; № 12. С.10–14; № 13. С.9–12; № 14–15. С.6–9.
51. Кыскача төрек-татар тарихы (Рәсемнәр илә). Казан. Беренче жөз. IV, 136 б.
Тышлыкта: Кыскача рәсемле төрек-татар тарихы.
Краткая история тюрков и татар (С иллюстрациями).
Казань. Ч. I. IV, 136 с.
На обложке: Краткая иллюстрированная история тюрков и татар.
См. также № 61.

52. Мәржани хақында кечкенәлегемдә язган бәгъзы нәрсәләрем мөнәсәбәтә илә // Сөембикә. Казан. № 6. Б.8–12.
По поводу некоторых вещей о Марджани, написанных мною в детстве // Сююмбике. Казань. № 6. С.8–12.
См. также № 433. С.139–144.
53. Мәржанинең бер әсәре тугърысында Каюм Насыри // Мәржани. Шиһабеддин әл-Мәржани хәзрәтләренең вилядәтенә йөз ел тулу (1233–1333) мөнәсәбәтейлә нәшер ителде. Казан. Б.582–589.
Каюм Насыри об одном произведении Марджани // Марджани. К столетию со дня рождения (1233–1333) Шихабеддина аль-Марджани. Казань. С.582–589.
См. также № 433. С.137–138.
54. Восточные рукописи в Ферганской области // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Пг. Т.22. С.303–320.
55. К столетию со дня рождения татарского ученого-историка Шигабеддина Марджани // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. Казань. Т.39. Вып.1–3. С.126–128.
56. Прощение действительного члена Общества Ахмед Закия Валидова на заседании Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете 4 октября 1913 г. // Там же. Приложение. С.35.

1916

57. Некоторые данные по истории Ферганы XVIII столетия // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент. Год 20. Вып.2. С.68–118.
58. О собраниях рукописей в Бухарском ханстве: (Отчет о командировке) // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Пг. Т.23. С.245–262.

1917

59. Башкорт төбәк шуралары хақында тәғлимат. Оренбург.
Инструкция о местных советах Башкортостана. Оренбург.

60. Туркистоннинг маънавий маданият сарвати // Юрт. Кукон. № 1.
Богатство духовной культуры Туркестана // Юрт. Коканд. № 1.
61. Кыскача төрек-татар тарихы (Рәсемнәр илә). Икенче басмасы. Казан. 96 б.
Тышлыкта: Кыскача рәсемле төрек-татар тарихы.
Краткая история тюрков и татар (С иллюстрациями). 2-е изд. Казань. 96 с.
На обложке: Краткая иллюстрированная история тюрков и татар.
См. также № 51, 416, 427.

1920

62. Борынғы башкорт гаскәре // Бәхет көне. Петроград.
Древнее башкирское войско // Бахет кене. Петроград.
См. также № 74, 403, 404, 421.

1923

63. Приказ о разоружении 5-го башкирского полка // 18 февраля 1919 года: Материалы и документы по истории перехода Башкирии на сторону Советской власти (К четырехлетию перехода 18 февраля 1919 г. — 18 февраля 1923 г.). Уфа. С.41–42. — (Труды общества по изучению быта, истории и культуры Башкирии. Вып.3).
64. Приказ по башкирским войскам о созыве съезда // Там же. С.38–39.
65. Приказ по войскам о переходе на сторону Советов // Там же. С.38.

1924

66. İbn ül-Fakih'in yeni nüshası // Türk Yurdu. Ankara. Sayı 4. S.297–304.
Новая рукопись Ибнүль-Факиха // Тюрк Юрду. Анкара. № 4. С.297–304.
67. Şark'ta içtimai inkılap veya irtica ihtimalleri karşısında Şarklı ihtilalci aydınların vazifeleri // Yeni Kafkasya. İstanbul. Sayı 16, 18, 19.
Задачи революционной интеллигенции Востока в преддверии социальной революции и возможной контрреволюции на Востоке // Ени Кафкасия. Стамбул. № 16, 18, 19.
См. также № 424.
68. Мешхедская рукопись Ибнүль-Факиха // Известия Российской Академии наук. Л. Сер.6. Т.18. С.237–251.

69. Notices sur les manuscrits découverts dans les bibliothèques de Kaboul et Mechhed // Journal Asiatique. Paris. № 1. P.149–151.
Заметки о рукописях, обнаруженных в библиотеках Кабула и Мешхеда // Журналь Азиатик. Париж. № 1. С.149–151.

1925

70. Türk efsanelerinde millî alametler // Türk Yurdu. Ankara. № 3.
Национальные черты в тюркских легендах // Тюрк Юрду. Анкара. № 3.
71. Cumhuriyetimizin arması ne olmalı // Vakit. İstanbul. 24 Teşrinievvel.
Каким должен быть герб нашей республики // Вакит. Стамбул. 24 октября.
72. Туркестан // Знамя борьбы. Берлин. № 9–10.
73. Über den Bolschevismus zum Sozialismus // Klassenkampf. Berlin. № 2, 3. 14., 25. Januar.
Через большевизм к социализму // Классенкамф. Берлин. № 2, 3. 14, 25 января.

1926

74. Боронго башкорт ғәскәрҙәре // Изелғужа К. Башкорт хәрәкәт-тәре (17, 18, 19-нсы йылдарҙа). Өфө. Б.5–11.
Древнее башкирское войско // Идельгужа К. Движения башкир (17, 18, 19 годы). Уфа. С.5–11.
См. также № 62, 403, 404, 421.

1927

75. Azerbaycan etnografisine ait // Azerbaycan Yurt Bilgisi. İstanbul. Sayı 2. S.49–56, 101–107, 247–253.
Об этнографии Азербайджана // Азербайджан Юрт Бильгиси. Стамбул. № 2. С.49–56, 101–107, 247–253.
См. также № 76.
76. Azerbaycan etnografisine ait // Yeni Kafkasya. İstanbul. Sayı 10, 11, 14, 19.
Об этнографии Азербайджана // Ени Кафкасия. Стамбул. № 10, 11, 14, 19.
См. также № 75.
77. Bolşeviklerin Şark ve müstemleke siyaseti // Yine orada. Sayı 2–3. S.9–13.
Восточная и колониальная политика большевиков // Там же. № 2–3. С.9–13.
78. «Türkistan» ismi, hududu ve mesahası hakkında // Yine orada. Sayı 5–6. S.30–35.

- О названиях, границах и территории Туркестана // Там же. № 5-6. С.30-35.*
См. также № 287.
79. *Türkistan iktisadiyatında «yerli» ve «Rus» noktai nazarları ve «Arıs — Simi» hatı // Yine orada. Sayı 4. S.15-21.*
«Местная» и «русская» точки зрения в экономике Туркестана и железнодорожная линия «Арысь — Семипалатинск» // Там же. № 4. С.15-21.
80. *Türkistan meselesi // Yine orada. Sayı 1. S.2-8.*
Туркестанский вопрос // Там же. № 1. С.2-8.
См. также № 81.
81. *Türkistan meselesi // Yine orada. Sayı 7. S.3-8.*
Туркестанский вопрос // Там же. № 7. С.3-8.
См. также № 80.
82. *Türkistan ve Edil havzasının medenî münasebetleri tarihinden // Yine orada. Sayı 2-3. S.25-30.*
Из истории культурных связей между Туркестаном и бассейном Волги // Там же. № 2-3. С.25-30.
83. *Tükistan'ın istiklal hareketına karşı Buhara Emiri // Yine orada. Sayı 5-6. S.2-8.*
Эмир Бухары против движения за независимость в Туркестане // Там же. № 5-6. С.2-8.
84. *Türklerde hars buhranı // Türk Yurdu. Ankara. Sayı 24. S. 495-509.*
Кризис культуры у тюрков // Тюрк Юрду. Анкара. № 24. С.495-509.
85. *Şaybak Han'ın şiirleri // Yeni Türkistan. İstanbul. Sayı 1. S.22-25.*
Стихотворения Шайбак-хана // Ени Туркестан. Стамбул. № 1. С.22-25.
86. *Şarkî Türkistan'da kadim «Küça»lıların medeniyeti // Yeni Türkistan. İstanbul. Sayı 7. S.29-38. 2 vr. ilave.*
Культура древних кючанцев в Восточном Туркестане // Ени Туркестан. Стамбул. № 7. С.29-38. 2 л. вкладки.
87. *Fuat Bey mi haklı, Ziya Bey mi?: Darülfünunumuzun Türk Tarih muallimi Ahmet Zeki Validi Bey muharririmize fikrini söylüyor // Vakit. İstanbul. 23, 24 Nisan.*
Фуат-бей ли прав, Зия-бей ли?: Профессор тюркской истории нашего университета Ахмет Заки Валиди-бей высказывает свое мнение нашему редактору // Вакит. Стамбул. 23, 24 апреля.
88. *Mosyo von Le Coq'un yeni eserleri // Yeni Türkistan. İstanbul. Sayı 4. S.22-23.*

Новые работы фон Лекока // Ени Туркестан. Стамбул. № 4. С.22–23.

89. Башкирия и Советская власть // Муртазин М. Л. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. [Л]. С.204–205.
90. Командующему Туркфронта <Так! — Р.Б.> тов. Фрунзе. 23 августа 1919 г. // Там же. С.212.
91. Командующему южных групп <Так! — Р.Б.> Восточного фронта Военного комиссара Башкирии, б. командующего башкирскими войсками тов. Валидова Докладная записка о моменте перехода теперешнего состояния <Так! — Р.Б.> башкирских войск // Там же. С.207–211.
92. Chwaresmische Sätze in einem arabischen Fikh-Werk // Islamica. Lipsae. Vol.3. S.190–213.
Хорезмийские предложения в арабском сочинении по фикху // Исламика. Лейпциг. Т.3. С.190–213.

1928

93. Oğuzların hristiyanlığı meselesine dair // Türkiyat Mecmuası İstanbul. Cilt 2. S.61–74.
К проблеме исповедания христианства огузами // Тюркият Меджмуасы. Стамбул. Т.2. С.61–74.
94. XVIII–XIX. asır Türk siyasî hayatına ait iki eser // Yeni Türkistan. İstanbul. Sayı 16. S.38–44.
Два произведения о политической жизни турков XVIII–XIX веков // Ени Туркестан. Стамбул. № 16. С.38–44.
95. Türk dünyasında elifbe meselesi // Yine orada. Sayı 10–12. İlave. S.1–18.
Проблема алфавита в тюркском мире // Там же. № 10–12. Прил. С.1–18.
96. «Türkistan ve Azerbaycan'ı öğrenme derneği» // Yine orada. Sayı 16.
«Общество изучения Туркестана и Азербайджана» // Там же. № 16.
97. Türkistan'da askerlik meselesi // Yine orada. Sayı 9. S.1–6.
Проблема воинской повинности в Туркестане // Там же. № 9. С.1–6.
98. Horezm'de yazılmış eski Türkçe eserler // Türkiyat Mecmuası. İstanbul. Cilt 2. S.315–346.
Древнетюркские произведения, написанные в Хорезме // Тюркият Меджмуасы. Стамбул. Т.2. С.315–346.
99. Türkistan matbuatı // Yine orada. S.597–621.
Туркестанская периодическая печать // Там же. С.597–621.

100. Rus muhaceret siyasetinin yeni devresi muvacehesinde Türkistanlıların vazifesi // Yeni Türkistan. İstanbul. Sayı 8. S.1–7.
Обязанности туркестанцев на новом этапе русской переселенческой политики // Ени Туркестан. Стамбул. № 8. С.1–7.
101. «Mahdum Kulı Divanı ve yedi asırlık Türkçe manzume» / Şarihi ve mün-takidi Şeyh Muhsin-i Fanî: [Tenkit] // Türkiyat Mecmuası. İstanbul. Cilt 2. S.465–474.
«Диван» Махтумкули и семивековая поэзия на тюркском языке» / Комментарий и критическое издание шейха Мухсин-и Фани: [Рецензия] // Тюркият Меджмуасы. Стамбул. Т.2. С.465–474.
102. «Kazakbay»a cevap // Yeni Türkistan. İstanbul. Sayı 16. S.1–7.
Ответ «Казакбайу» // Ени Туркестан. Стамбул. № 16. С.1–7.

1930

103. Das türkistanische Problem // Deutsche Rundschau. Berlin. S.24–29.
Туркестанский вопрос // Дойче Рундшау. Берлин. С.24–29.
См. также № 419.
104. Die gegenwärtige Lage der Mohammedaner Russlands. Budapest. 20 S.
— (Türkistan Bilik. № 1).
Современное положение российских мусульман. Будапешт. 20 с. — (Туркестан Билик. № 1).
См. также № 417.
105. Hnutí Baškircu na Sibiri roku 1918 // Legionársky Tyden. [Praha]. № 80. 5 října. — (Příloha. «Národního Osvobození».)
Башкирское движение 1918 года в Сибири // Легионарски Тиден. [Прага]. № 80. 5 октября. — (Приложение к «Народни Освобоzení».)
106. Mevlana Beqa'î // Yeni Türkistan. İstanbul. Sayı 15 (27). S.18–21.
Мевляна Бекаи // Ени Туркестан. Стамбул. № 15 (27). С.18–21.
107. Moğollar devrinde Anadolu'nun iktisadî vaziyeti // Türk Hukuk ve İktisadiyat Tarihi Mecmuası. İstanbul. Cilt 1. S.1–42.
Экономическое положение Анатолии в монгольскую эпоху // Тюрк Хукук ве Иктисадият Тарихи Меджмуасы. Стамбул. Т.2. С.1–42.

1931

108. Mit várnak tölünk a turáni népek // Levente. Budapest. Í 22–24. S.1–4.
Чего ждут от нас народы Турана // Левант. Будапешт. № 22–24. С.1–4.

109. Türk destanının tasnifi // *Atsız Mecmua*. İstanbul. Sayı 1. S.4–5; Sayı 2. S.27–30; Sayı 3. S.51–55; Sayı 5. S.99–103.
Классификация тюркского эпоса // Атсыз Меджмуасы. Стамбул. № 1. С.4–5; № 2. С.27–30; № 3. С.51–55; № 5. С.99–103.
110. Seyahat notları — hatıra defterinden // *Yine orada*. Sayı 6. S.138–140.
Путевые записи. Из дневника // Там же. № 6. С.138–140.
- 1932
111. Azerbaycan'ın tarihî coğrafyası // *Azerbaycan Yurt Bilgisi*. İstanbul. Cilt 1. Sayı 1. S.35–48; Sayı 2. S.69–83; Sayı 3. S.123–132; Sayı 4. S.145–156.
Историческая география Азербайджана // Азербайджан Юрт Бильгиси. Стамбул. Т.1. № 1. С.35–48; № 2. С.69–83; № 3. С.123–132; № 4. С.145–156.
112. «Divan-u Lûgat it-Türk»ün telif senesi hakkında // *Atsız Mecmua*. İstanbul. № 16. S.77–78.
О дате создания «Дивану люгат ит-тюрк» // Атсыз Меджмуа. Стамбул. № 16. С.77–78.
113. Mahmut Kaşgarî'ye ait notlar // *Yine orada*. S.133–137.
Заметки о Махмуде Кашгари // Там же. С.133–137.
114. On Mubarakshah Ghuri // *Bulletin of the School of Oriental Studies*. London. Vol.6. Part 4. P.847–858.
О Мубарак-шахе Гури // Буллетин оф зе Скул оф Ориентал Стадиз. Лондон. Т.6. Ч.4. С.847–858.
115. Orta Asya'daki kumaltı şehirlerine dair // I. Türk Tarih Kongresi Zabıtları. İstanbul. S.369–376.
О занесенных песком городах Средней Азии // Биринджи Тюрк Тарих Конгреси Забытлары. Стамбул. С.369–376.
116. Orta Asya'daki kuraklığa dair // *Yine orada*. S.167–176.
Об опустынивании Средней Азии // Там же. С.167–176.
117. Temür Bek'in İslamiyete bakışı // *Atsız Mecmua*. İstanbul. № 13. S.7–11.
Отношение Тимур-бека к исламу // Атсыз Меджмуа. Стамбул. № 13. С.7–11.
118. Zeki Velidi Bey geldi: Darülfünundan istifa eden tarih müderrisi neler anlatıyor? // *Cumhuriyet*. İstanbul. N 2944. 18 Temmuz.
Пришел Заки Валиди-бей: Что разъясняет профессор истории, покинувший университет // Джумхуриет. Стамбул. № 2944. 18 июля.
119. Zeki Velidi Bey'in iddiaları: Darülfünun müderrisi Millî Tarih Kongresinde neler söylemişti? // *Yine orada*.

Убеждения Заки Валиди-бея: О чем говорил университетский профессор на Национальном историческом конгрессе // Там же.

1934

120. Der Islam und die geographische Wissenschaft // Hettners Geographische Zeitschrift. Heidelberg. Heft 10. S.361–372.
Ислам и географическая наука // Хеттнерс Географисхе Цайтширфт. Гейдельберг. Вып.10. С.361–372.
См. также № 121.
121. Islam and the Science of Geography // Islamic Culture. Hyderabad. October. P.511–527.
Ислам и географическая наука // Исламик Калчер. Хайдарабад. Октябрь. С.511–527.
См. также № 120.
122. On yedi kumaltı şehri ve Sadrî Maksudî Bey. İstanbul. 62 s. — (Türkistan Bilik. № 3).
Семнадцать занесенных песком городов и Садри Максуди-бей. Стамбул. 62 с. — (Туркестан Билик. № 3).
123. Richard Gustav. Persiens Mystiker Dschelal-eddin Rumi: [Buchkritik] // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes // Wien. Bd.42. S.151–152.
Рихард Густав. Персидский мистик Джеляледдин Руми: [Рецензия] // Винер Цайтширфт фюр ди Кунде дес Моргенландес. Вена. Т.42. С.151–152.

1935

124. Considérations sur la collaboration scientifique entre l'Orient islamique et l'Europe // Revue des Études Islamiques. Paris. Cahier 3. P.249–271.
О научном сотрудничестве между мусульманским Востоком и Европой // Ревю де Этюд исламик. Париж. Вып.3. С.249–271.
См. также 214, 225, 377.
125. Prähistorische Forschungen in den indo-iranischen Grenzländern und die Aufgaben der Türkologie // Türkische Post. Istanbul. № 48–49. 27–28. Februar.
Исследования о доисторических индо-иранских пограничных областях и проблемы тюркологии // Тюркише Пошт. Стамбул. № 48–49. 27–28 февраля.

1936

126. Die Nordvölker bei Biruni // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig. Bd. 90. Heft 1. S.38–51.

Бируни о северных народах // Цайтширфт дер Дойчен Моргенлендишен Гезельшафт. Лейпциг. Т. 90. Вып. 1. С. 38–51.

127. Die Schwerter der Germanen nach arabischen Berichten des IX.–XI. Jahrhunderts // Ibid. S. 19–37.
Мечи германцев по арабским источникам IX–XI веков // Там же. С. 19–37.
128. Über die Sprache und Kultur der alten Chwaresmier // Ibid.
О языке и культуре древних хорезмийцев // Там же.

1937

129. Barthold W. 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türkvölker Mittelasiens / Deutsche Bearbeitung von Th. Menzel [Buchkritik] // Orientalische Literaturzeitung. Leipzig. N 8/9. Spalte 537–539.
Бартольд В. «Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии» / Немецкий перевод Т. Менцеля [Рецензия] // Ориенталише Литературцайтунг. Лейпциг. № 8/9. Стлб. 537–539
130. Die Reiseberichte Ibn-Fadlans // Geistige Arbeit. Berlin. № 19. 5. Oktober.
Путевые записи Ибн Фадлана // Гайстиге Арбайт. Берлин. № 19. 5 октября.
131. Ein türkisches Werk von Haydar Mirza Dughlat // Bulletin of the School of Oriental Studies. London. Vol. 8. Part 4. P. 985–989.
Тюркское произведение Хайдара Мирзы Дуглата // Буллетин оф зе Скул оф Ориентал Стадиз. Лондон. Т. 8. Ч. 4. С. 985–989.

1938

132. Saadet Is'haki. Cora Bafır. Eine Legende in dobrudschatatarischer Mundart: [Buchkritik] // Ibid. № 2. Spalte 114–118.
Саадет Исхаки. Чора Батыр: Легенда на диалекте добруджинских татар: [Рецензия] // Там же. № 2. Стлб. 114–118.
133. Über die Bevölkerungsdichte Zentralasiens im Mittelalter // Festschrift zum 70. Geburtstag von A. Dopsch. Wien-Leipzig. S. 424–433.
О плотности населения Центральной Азии в средневековье // Фестширфт цум 70 Гебургстаг фон А. Допш. Вена-Лейпциг. С. 424–433.

1939

134. Eski Türk ve Moğolların haritaları ve haritacılığı meselesine dair notlar // Kopuz. İstanbul. Sayı 5. S. 164–169, 1 harita.

Заметки о проблеме карт и картографии у древних тюрков и монголов // Копуз. Стамбул. № 5. С.164–169, 1 карта.

135. Eski Türklerde kayakçılık // Askerî Mecmuası. № 115.
Лыжи у древних тюрков // Аскери Меджмуа. № 115.
См. также № 213.
136. Goethe'nin Şarkı duyuşu // Yücel. İstanbul. Sayı 55. S.3–9.
Гётевское восприятие Востока // Юджель. Стамбул. № 55. С.3–9.
137. Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig. XLIX, 336 S., 46 S. orient. Pag.-
(Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Bd.24, 3).
«Книга путешествий» Ибн Фадлана. Лейпциг. XLIX, 336 с., 46 с. вост. pag.
См. также № 332.
- 1940
138. 1929–1940 seneleri arasında Türkistan'ın vaziyeti. İstanbul. 44 s. —
(Türkistan-Bilik. № 4).
Положение в Туркестане между 1929 и 1940 годами. Стамбул. 44 с. — (Туркестан-Билик. № 4).
139. Biruni's Picture of the World. New Delhi. X, 142 p. — (Memoirs of the
Archaeological Survey of India. Vol. 53).
Бируниева картина мира. Дели. X, 142 с.
140. Ölümü münasebetile Sir Denison Ross ve eserleri // Ülkü. Sayı 92.
S. 103–112.
Сэр Денисон Росс и его работы: По случаю кончины ученого // Улькю. № 92. С.103–112.
141. Yorga ve büyük hizmetleri // Cumhuriyet. İstanbul. 3 Ekim.
Йорга и его выдающиеся труды // Джумхуриет. Стамбул. 3 октября.
142. Türklerde «Uruk» (Irk) bilgisi // Bozkurt. İstanbul. № 5. S.110–111.
Генеалогия у тюрков // Бозкурт. Стамбул. № 5. С.110–111.
143. Umumî Türk tarihine methal. İstanbul. 80 s. — (Tamamlanmamış).
Введение во всеобщую историю тюрков. Стамбул. 80 с. — (Не закончено).
144. Völkerschaften des Chazarenreiches im neunten Jahrhundert // Körösi
Csoma Archivum. Budapest. Bd. 3. Heft 1. S.40–76.
Народы Хазарского государства в IX веке // Көрёши Чома Архивум. Будапешт. Т.3. Вып.1. С.40–76.
145. Bugünkü Türkistan ve yakın mazisi. Kahire. 710 s.
Современный Туркестан и его недавнее прошлое. Каир. 710 с.
См. также № 192, 382.

1941

146. Ahund // İslam Ansiklopedisi. İstanbul. Cilt 1. S.228.
Ахунд // Ислам Ансиклопедиси. Стамбул. Т.1. С.228.
147. Akmescid // Ibid. S.270.
Акмечеть // Там же. С.270.
148. Aksunkur // Ibid. S.275–276.
Аксункур // Там же. С.275–276.
149. Alamut // Ibid. S.289–290.
Аламут // Там же. С.289–290.
150. Ali Ekber // Ibid. S.318–319.
Али Акбар // Там же. С.318–319.
151. Ali Şir // Ibid. S.349–357.
Алишер // Там же. С.349–357.
152. Alişir Nevaî meselesi: Dr. Rıza Nur'a cevap // Tasvirî Efkar. İstanbul. 15 Mayıs.
Вопрос об Алишере Навои: Ответ д-ру Ризе Нуру // Тасвири Эфкяр. Стамбул. 15 мая.
153. Allan // İslam Ansiklopedisi. İstanbul. Cilt 1. S.376–378.
Аллан // Ислам Ансиклопедиси. Стамбул. Т.1. С.376–378.
154. Amu-Derya // Ibid. S.419–426.
Амударья // Там же. С.419–426.
155. Aras // Ibid. S.555–557.
Арас // Там же. С.555–557.
156. Arran // Ibid. S.596–598.
Арран // Там же. С.596–598.
157. Büyük Türk şairi Ali Şir Nevaî // Tasvirî Efkar. İstanbul. 10, 15, 23 Şubat, 4 Mart.
Великий тюркский поэт Алишер Навои // Тасвири Эфкяр. Стамбул. 10, 15, 23 февраля, 4 марта.
158. Die Vorfahren der Osmanen in Mittelasien // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig. Bd. 95. Heft 3. S.367–373.
Предки Османов в Средней Азии // Цайтшифт дер Дойчен Моргенлендишен Гезелльшафт. Лейпциг. Т.95. Вып.3. С.367–373.
159. Kıırım tarihine bir bakış // Çınaraltı. İstanbul. Sayı 20.
Взгляд на историю Крыма // Чинаралты. Стамбул. № 20.
160. Moğollar, Çingiz ve Türklük. İstanbul. 32 s.
Монголы, Чингиз и тюркский мир. Стамбул. 32 с.

161. X.–XV. asır Asya tarihî haritası. İstanbul.
Историческая карта Азии X–XV веков. Стамбул.
162. Tarihte usul. İstanbul. 48 s. — (Tamamlanmamış).
Методология исторических исследований. Стамбул. 48 с.-(Не закончено).
163. Temür'ün mezarı // Çınaraltı. İstanbul. № 2. S.10.
Гробница Тимура // Чинаралты. Стамбул. № 2. С. 10.
164. Türk tarihine methal. İstanbul. 120 s. — (Tamamlanmamış).
Введение в историю тюрков. Стамбул. 120 с.-(Не закончено).

1942

165. Argun Han'ın kullandığı «Garp Denizi» haritasına dair // Türk Yurdu. İstanbul. Cilt 26. № 2. S.45–48.
О карте «Западного моря», которой пользовался Аргун-хан // Тюрк Юрду. Стамбул. Т.26. № 2. С.45–48.
166. Aziz Suryal Atiya. The Crusade in the Later Middle Age: [Tenkit] // Ibid. № 4. S.126–128.
Азиз Сурйал Атияа. Крестовый поход в позднем средневековье: [Рецензия] // Там же. № 4. С.126–128.
167. Baysungur Mirza, hayatı ve eserleri // Gökbörü. İstanbul. № 1–2.
Байсунгур Мирза: его жизнь и творчество // Гёкбёрю. Стамбул. № 1–2.
168. Edil-Ten kanalı meselesi // Çınaraltı. İstanbul. N 61. S.10.
Проблема канала Волга-Дон // Чинаралты. Стамбул. № 61. С.10.
169. Eski Türk yazısı // Türk Yurdu. İstanbul. Cilt 26. N 2. Kapağın 2.–3. s.
Древнетюркская письменность // Тюрк Юрду. Стамбул. Т.26. № 2. 2–3 с. обложки.
См. также № 387.
170. «Hariç Türkleri»ni ifade eden tabirler // Ibid. № 1. S.2–4
Термины, обозначающие «внешних» тюрков // Там же. № 1. С.2–4.
171. Otto-Dorn K. Das islamische Iznik: [Tenkit] // Ibid. № 2. S.62–64.
Отто-Дорн К. Мусульманский Изник: [Рецензия] // Там же. № 2. С.62–64.
172. Spuler B. Die Mongolen in Iran: [Tenkit] // Ibid. № 1.
Шпулер Б. Монголы в Иране: [Рецензия] // Бозкурт. Стамбул. № 1.

173. «Türk Yurdu»nun neşir tekniğine dair // Ibid. № 1. Karağın 2.–3. s.
Требования журнала «Тюрк Юрду» к авторским рукописям // Там же. № 1. 2–3 с. обложки.
174. Türk zümreleri arasında mahallî «millî» taazzuv tecrübeleri ve Türk millî birliği // Ibid. № 8. S.245–251.
Попытки создания местных «национальных» органов власти среди тюркского населения и тюркское национальное единство // Там же. № 8. С.245–251.

1943

175. Azerbaycan // İslam Ansiklopedisi. İstanbul. Cilt 2. S.91–118.
Азербайджан // Ислам Ансиклопедиси. Стамбул. Т.2. С.91–118.
176. Balasagun // Ibid. S.269–272.
Баласагун // Там же. С.269–272.
177. Balkan // Ibid. S.283–285.
Балкан // Там же. С.283–285.
178. Başkırt // Ibid. S.328–332.
Башкир // Там же. С.328–332.
179. Baysungur // Ibid. S.428–430.
Байсунгур // Там же. С.428–430.
180. Bîrûnî // Ibid. S.635–645.
Бируни // Там же. С.635–645.
181. Dobruca Türklüğünün tarihi hakkında yeni nazariyeler // Tarihten Sesler. İstanbul. Cilt 1. Sayı 12. S.1–3.
Новые идеи об истории тюрков Добруджи // Тарихтен Сеслер. Стамбул. Т.1. № 12. С.1–3.
182. Gök Türk Kağanlığın siyasî hayatı // Orhun. İstanbul. Sayı 10. S.9–12; Sayı 11. S.9–12; Sayı 12. S.9–11; Sayı 13. S.6; Sayı 14. S.28; Sayı 15. S.9.
Политическая жизнь гөктюркского каганата // Орхун. Стамбул. № 10. С.9–12; № 11. С.9–12; № 12. С.9–11; № 13. С.16; № 14. С.28; № 15. С.9.
183. Temur Beyin Uygurca bir kitabesi // Çınaraltı. İstanbul. № 117. S.6.
Уйгурская надпись Тимур-бея // Чинаралты. Стамбул. № 117. С.6.
184. Türk tarihinde millî birlik nasıl husule geliyordu? // Türk Yurdu. İstanbul. Cilt 27. Sayı 1–2. S.1–8.
Как в истории тюрков осуществлялось национальное единение? // Тюрк Юрду. Стамбул. Т.27. № 1–2. С.1–8.

185. Türkili haritası ve ona ait izahlar. İstanbul. 34 s., 1 harita. — (Türkli-Bilik. № 6).
Карта «Земли тюрков» и пояснения к ней. Стамбул. 34 с., 1 карта. — (Тюркили Билик. № 6).
183. Türkler ve Farslar: San'ana cevap // Tasviri Efkar. İstanbul. 11, 21 Nisan. *Тюрки и персы: Ответ Санану // Тасвири Эфкар. Стамбул. 11, 21 апреля.*

1944

187. Göktürk paraları // Çınaraltı. İstanbul. № 128. S.6.
Гөктюркские деньги // Чинаралты. Стамбул. № 128. С.6.
188. Mehmet Emin Yurdakul'u dış Türklükte sayanlar // Verim. İstanbul. 22 İkinci kanun.
Почитатели Мехмеда Эмина Юрдакула среди зарубежных тюрков // Верим. Стамбул. 22 января.
189. Mervli Şerefüzzaman'ın Türklere dair yazıları // Doğu. Zonguldak. Sayı 11. S.1-3.
Записи Шереф аз-Замана Мереского о тюрках // Догу. Зонгулдак. № 11. С.1-3.

1946

190. Ebülgazî Bahadır Han // İslam Ansiklopedisi. İstanbul. Cilt 4. S.79-83.
Абу-л-Гази Бахадур Хан // Ислам Ансиклопедиси. Стамбул. Т.4. С.79-83.
191. Umumî Türk tarihine giriş. İstanbul. Cilt 1: En eski devirlerden XVI. asra kadar. XVI, 488 s. — (Tarih Araştırmaları. № 2. Cilt 1).
Введение во всеобщую историю тюрков. Стамбул. Т.1: С древнейших времен до XVI в. XVI, 488 с. (Тарих Араштырмалары. № 2. Т.1).
См. также № 375, 383.

1947

192. Bugünkü Türkili (Türkistan) ve yakın tarihi. İstanbul. Cilt 1: Batı ve Kuzey Türkistan. XII, 696 s., 2 harita, 1 vr. ilave. — (Türkili (Türkistan) Bilik. N 2).
Современный Туркестан и его недавняя история. Стамбул, 1947. Том 1: Западный и Северный Туркестан. XII, 696 с., 2 карты, 1 л. прил. — (Тюркили (Туркестан) Билик. № 2).
См. также № 145, 382.

1948

193. Dr. Alimcan Tagan: Millî emeller uğruna mücadele eden bu zat hayata gözlerini kapamış bulunuyor: [Vefiyat] // Tasvir. İstanbul. 24 Ağustos.
Доктор Алимджан Таган: Навеки закрылись глаза борца за национальные интересы: [Некролог] // Тасвир. Стамбул. 24 августа.
194. Hamdullah Müstevfî // İslam Ansiklopedisi. İstanbul. Cilt 5. S.186–188.
Хамдуллах Мюстевфи // Ислам Ансиклопедиси. Стамбул. Т.5. С.186–188.
195. Hanbalık // Ibid. S.208–209.
Ханбалык // Там же. С.208–209.
196. Hândmîr // Ibid. S.210–211.
Хондемир // Там же. С.210–211.
197. Hârizm // Ibid. S.240–257.
Хорезм // Там же. С.240–257.
198. Haydar Mirza // Ibid. S.388.
Хайдар Мирза // Там же. С.388.
199. Hazarlar // Ibid. S.397–408.
Хазары // Там же. С.397–408.
200. Herat // Ibid. S.429–442.
Герат // Там же. С.429–442.
201. İbn al-Fakîh'in Türklere ait haberleri // Belleten. Ankara. C.1. Fas.2. № 45. S.11–16.
Известия Ибн аль-Факиха о тюрках // Беллетен. Анкара. Т.1. Вып.2. № 45. С.11–16.
202. İbn A'semülkûfî // İslam Ansiklopedisi. İstanbul. Cilt 5. S.702.
Ибн А'семюлькуфи // Ислам Ансиклопедиси. Стамбул. Т.5. С.702.
203. İbn Fadlan // Ibid. S.730–732.
Ибн Фадлан // Там же. С.730–732.
204. İbnülfakîh // Ibid. S.853.
Ибн аль-Факих // Там же. С.853.
205. Millî tarih anlayışımızı soysuzlaştırıyorlar: Kızıllara en büyük emeline alet olanlara ithaf olunur // Millet. İstanbul. Sayı 121. S.6.
Они извращают наше понимание национальной истории: Посвящается тем, благодаря кому красные осуществляют свои самые заветные мечты // Миллет. Стамбул. № 121. С.6.

206. Planlı dil çalışması: Üniversitemizin ilmî kontrolü altında bir Ulûm Akademisi ve bunun Türk dili şubesini kurmalıyız // Tasvir. İstanbul. 29 Ekim.
Планомерные лингвистические исследования: Мы должны создать Академию наук с Отделением турецкого языка в ней, которые работали бы под научным руководством университета // Тасвир. Стамбул. 29 октября.
 См. также № 374. С.112–119.
207. Temür ve Yıldırım Bayezid // Tasviri Efkar. İstanbul. 24 Mayıs, 1, 7, 14, 18 Haziran.
Тимур и султан Баязид Молниеносный // Тасвири Эфкяр. Стамбул. 24 мая, 1, 7, 14, 18 июня.

1949

208. Büyük Türk hükümdarı Şahruh: Ölümünün 500. yıldönümü münasebetiyle // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Türk Dili Ve Edebiyatı Dergisi. İstanbul. Cilt 3. Sayı 3–4. S.520–538.
Великий тюркский правитель Шахрух: К 500-летию смерти // Истанбул Университеси Эдебият Факюльтеси Тюрк Дили Ве Эдебияты Дергиси. Стамбул. Т.3. № 3–4. С.520–538.
209. Goethe ve Şark: Ölümünün 200 üncü yılı dolayısıyla // Tasvir. İstanbul. 29 Ağustos.
Гёте и Восток: По случаю 200-й годовщины смерти // Тасвир. Стамбул. 29 августа.
210. Kayseri ve Bursa'daki bazı yazmalar hakkında // Tarih Dergisi. İstanbul. Cilt 1. Sayı 1. S.67–76.
О некоторых рукописях в Кайсерии и Бурсе // Тарих Дергиси. Стамбул. Т.1. № 1. С.67–76.
211. Mûsa Carullah Bigi, mesleği ve şahsiyeti // Tasvir. İstanbul. 23, 24 Eylül.
Принципы и индивидуальность Мусы Джаруллаха Биги // Тасвир. Стамбул. 23, 24 сентября.
212. Mûsa Carullah Bigi'nin hayatı ve eserleri // Selamet. İstanbul. Sayı 37. S.5–7, 16.
Жизнь и труды Мусы Джаруллаха Биги // Селямет. Стамбул. № 37. С.5–7, 16.

1950

213. Eski Türklerde kayakçılık // Erciyes. Kayseri. Sayı 82–83. S.21–25.
Лыжи у древних тюрков // Эрджиес. Кайсерии. № 82–83. С.21–25.
 См. также № 135.

214. İslam Şarki ile Avrupa arasında ilmî işbirliği // İş. İstanbul. Cilt 26. Sayı 7, 9, 12.
Научное сотрудничество между мусульманским Востоком и Европой // Ис. Стамбул. Т.26. № 7, 9, 12.
См. также № 124, 225, 377.
215. Profesör Dr. Walter Wright: [Vefiyat] // Tarih Dergisi. İstanbul. Cilt 1. Sayı 2. S.379–384.
Проф. д-р Уолтер Райт: [Некролог] // Тарих Держиси. Стамбул. Т.1. № 2. С.379–384.
216. Tarihte usul. İstanbul. XXII, 373 s. — (Türk Araştırmaları. № 1).
Методология исторических исследований. Стамбул. XXII, 373 с. — (Тюрк Араштырмалары. № 1).
См. также № 369, 389.
217. Türk kültürüne ait yayınlar // Milliyet. İstanbul. 6 Mayıs.
Издания по тюркской культуре // Миллиет. Стамбул. 6 мая.
218. Türk ve Şark kültürüne ait yayınlar // Ibid. 12 Mayıs, 3 Haziran.
Издания по тюркской и восточной культуре // Там же. 12 мая, 3 июня.
219. Üniversitemiz ve solcular // Komünizme Karşı Mücadele. İstanbul. Sayı 1. 1 Ağustos.
Наш университет и «левые» // Комюнизме Каршы Мюджаделе. Стамбул. № 1. 1 августа.
- 1951
220. Horezmce tercümeli Muqaddimat al-Adab = Khorezmian Glossary of the Muqaddimat al-Adab. İstanbul. 44 s., 134 var. metin. — (Horezm Kültürü Vesikalari. Kısım 1). — (Tarihî Mevad. Büyük Kol Serisi. № 1).
Хорезмийский перевод «Мукаддимат аль-адаб». Стамбул. 44 с., 134 л. текст. (Хорезм Кюльтюрю Весикалары. Кысым 1). — (Тарихи Мевад. Бююк Кол Сериси. № 1).
221. İslamî tetkiklere mahsus enstitüler // Zafer. Ankara. 19, 21 Aralık.
Учреждения, изучающие проблемы ислама // Зафер. Анкара. 19, 21 декабря.
222. Komünist Rusya ve onun İslam komşuları // Komünizme Karşı Mücadele. İstanbul. № 13.
Коммунистическая Россия и ее мусульманские соседи // Комюнизме Каршы Мюджаделе. Стамбул. № 13.
223. Kominizm, planları ve istikbali // Orkun. İstanbul. Sayı 14. S.5–7.
Коммунизм, его планы и будущее // Оркун. Стамбул. № 14. С.5–7.

224. Predigtbücher von zwei zentralasiatischen Denkern // Proceedings of the 7th Congress for the History of Religions. Amsterdam. P.148–149
Книги наставлений двух среднеазиатских мыслителей // Просидингз оф зе 7 Конгресс фор зе Хистори оф Релидженз. Амстердам. С. 148–149.
225. Scientific Collaboration of the Islamic Orient and the Occident: A Lecture Delivered in the Faculty of Law on the 17th of May 1950. Istanbul. 26 s.
Научное сотрудничество мусульманского Востока и Запада: Лекция, прочитанная 17 мая 1950 года на юридическом факультете. Стамбул. 26 с.
 См. также № 124, 214, 377.
226. XXII Müsteşrikler Kongresi // Zafer. Ankara. 6 Kasım.
XXII Конгресс востоковедов // Зафер. Анкара. 6 ноября.

1952

227. Bolşeviklerin taktiği // Komünizme Karşı Mücadele. İstanbul. № 36. 15 Mayıs.
Тактика большевиков // Комюнизме Каршы Мюджаделе. Стамбул. № 36. 15 мая.
 См. также № 374. С.141–153.
228. Rise of the Turkish Empire // Background of the Middle East. Ithaca-New York. P.104–117. 1 map.
Расцвет Турецкой империи // Бакграунд оф зе Мидл Ист. Итака-Нью-Йорк. С.104–117. 1 карта.
229. Türkistan'lıların birleşme davaları // Serdengeçti. Ankara. Sayı 15–16. S.19–23.
Попытки национального объединения туркестанцев // Серденгечти. Анкара. № 15–16. С.19–23.
 См. также № 374. С.141–153.

1953

230. 1951'de İstanbul'da toplanan Milletlerarası XXII. Müsteşrikler Kongresi ve ona ait intibalar. İstanbul. 60 s., 2 foto.
Карағında: 1951'de İstanbul'da toplanan Milletlerarası XXII. Müsteşrikler Kongresi mesaisi ve akisleri.
XXII Международный конгресс востоковедов 1951 года в Стамбуле и впечатления о нем. Стамбул. 60 с., 2 фото.
 На обложке: Деятельность XXII Международного конгресса востоковедов и впечатления о нем.
231. İslamiyet, şarkiyat ve Türk külürü: Paris'te bu mevzularla ilgili toplantılar // Zafer. Ankara. 31 Ekim, 3 Kasım.
Исламоведение, востоковедение и тюркская культура: Встре-

чи в Париже, посвященные этим проблемам // Зафер. Анкара. 31 октября, 3 ноября.

232. İstanbul'un 500 üncü fetih yıldönümüne dair mülahazalar. [İstanbul]. 8 s. *Размышления по случаю 500-й годовщины завоевания Стамбула. [Стамбул]. 8 с.*
233. Jaschke G. Der Islam in der neuen Türkei: [Buchkritik] // Bibliotheca Orientalis. Leiden. Vol.10. Part 6. S.247.
Яшке Г. Ислам в новой Турции: [Рецензия] // Библиотека Ориенталис. Лейден. Т.10. № 6. С.247.
См. также № 245.
234. Kritische Geschichtsauffassung in der islamischen Welt des Mittelalters // Proceedings of the Twenty Second Congress of Orientalists Held in Istanbul, September 15–22, 1951. Istanbul. Vol.1. P.76–85.
Критическое восприятие истории в средневековом мусульманском мире // Просидингз оф зе XXII Конгресс оф Ориенталистс Хелд ин Истанбул, Септембер 15–22, 1951. Стамбул. Т.1. С.76–85.
См. также № 249.
235. Proceedings of the Twenty Second Congress of Orientalists Held in Istanbul, September 15–22, 1951: [Editor]. Istanbul. Vol. 1. VIII, 233 p.
Труды XXII Международного конгресса востоковедов. Стамбул, 15–22 сентября 1951 г.: [Редактор]. Стамбул. Том 1. VIII, 233 с.
См. также № 268.
236. Soviet Cultural Policy in Central Asia // The USSR Today and Tomorrow. Munich. P.42–48.
Советская культурная политика в Средней Азии // Зе ЮЭсЭсАр Тудей энд Туморроу. Мюнхен. С.42–48.
См. также № 259, 374. С.20–48.
237. Taeschner F. Neschri-Chronik: [Buchkritik] // Bibliotheca Orientalis. Leiden. Vol.10. Part 6. S.250–251.
Тешнер Ф. «Хроника» Нешри: [Рецензия] // Библиотека Ориенталис. Лейден. Т.10. № 6. С.250–251.
См. также № 252.
238. The Kremlin's Nationality Policy in Turkestan // Bulletin of the Institute for the USSR. Vol.1. № 4. P.63–64.
Национальная политика Кремля в Туркестане // Буллетин оф зе Инститьют фор зе ЮЭсЭсАр. Т.1. № 4. С.63–64.
239. Yeseviliğe dair bazı yeni malûmat // Fuad Köprülü Armağanı. İstanbul. S.523–529.
Некоторые новые сведения о суфийском ордене Ясавия // Фуад Кёпрюлю Армаганы. Стамбул. С.523–529.

1954

240. Arthur Schade (1883–1952): [Vefiyat] // İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. İstanbul, 1953. Cilt 1. Cüz 1–4. S.183–184.
Артур Шаде (1883–1952): [Некролог] // Ислам Теткиклери Энститюсю Дергиси. Стамбул, 1953. Т.1. № 1–4. С.183–184.
241. Al-Bîrûnî ve hareket-i arz // Ibid. S.90–94.
Аль-Бируни и землетрясения // Там же. С.90–94.
242. Al-Bîrûnî'nin Hikayat Tariq Ahl al-Hind Fi İstixrac al-'Umr nam risalesi // Ibid. Ek. 16 s.
Произведение аль-Бируни «Хикаят тарик ахл аль-Хинд фи истихрадж аль-'умр» // Там же. Приложение. 16 с.
243. Dünyada İslam tetkikleri // Ibid. S.95–115.
Изучение ислама в странах мира // Там же. С.95–115.
244. J.H.Kramers: [Vefiyat] // Ibid. S.179–182.
Й.Х.Крамерс: [Некролог] // Там же. С.179–182.
245. Jaschke G. Der Islam in der neuen Türkei: [Buchkritik] // Ibid. S.151–153.
Яшке Г. Ислам в новой Турции: [Рецензия] // Там же. С.151–153.
См. также № 233.
246. Kirk G. The Middle East in War: [Tenkit] // Ibid. S.153–155.
Кирк Дж. Средний Восток в войне: [Рецензия] // Там же. С.153–155.
247. Mecmualar: [Tenkit] // Ibid. S.157–169.
Журналы: [Рецензия] // Там же. С.157–169.
248. Muasır İnan'ın büyük alimi Mirza Muhammed Han Qazvinî (1877–1949): [Vefiyat] // Ibid. S.170–172.
Великий ученый современного Ирана Мирза Мухаммед Хан Казвини (1877–1949): [Некролог] // Там же. С.170–172.
249. Ortaçağ İslam aleminde tenkidî tarih telakkisi // Ibid. S.43–49.
Критическое восприятие истории в средневековом мусульманском мире // Там же. С.43–49.
См. также № 234.
250. Önsöz // Ibid. S. I–VII.
Предисловие // Там же. С.I–VII.
251. Profesör A.Guillaume'in İstanbul Üniversitesinde «Garp'te İslam Tetkikleri» mevzuuna dair verdiği konferanslar // Ibid. S.119–120, 143–145.
Лекции профессора А.Гийома «Исследования ислама на За-

паде», прочитанные в Стамбульском университете // Там же. С.119–120, 143–145.

252. Taeschner F. Neschri-Chronik: [Tenkit] // Ibid. S.149–150.
Тешнер Ф. «Хроника» Нешри: [Рецензия] // Там же. С.149–150.
См. также № 237.
253. Topkapı Sarayında dört cönk // Ibid. S.73–89.
Четыре антологии из собрания Дворца Топкапы // Там же. С.73–89.
254. XXII. Beynelmilel Müsteşrikler Kongresinin mesaisi ve İslam tetkikleri // Ibid. S.1–38.
Деятельность XXII Международного конгресса востоковедов и изучение ислама // Там же. С.1–38.

1955

255. Das Özbekische Epos Chan-name // Central Asiatic Journal. Leiden-Wiesbaden. Vol.1. № 2. S.144–156.
Узбекский эпос «Хан-наме» // Централ Азиатик Журнал. Лейден-Висбаден. Т.1. № 2. С.144–156.
256. Değerli İslam alimi M.Hamidullah Bey İstanbul'da // İş (İş Ve Düşünce). İstanbul. Cilt 21. Sayı 163. S.39–41.
Многоуважаемый мусульманский ученый М.Хамидуллах-бей в Стамбуле // Иш (Иш Ве Дюшюндже). Стамбул. Т.21. № 163. С.39–41.
257. Kembric Müsteşrikler Kongresinde İslam ve Türk bilgileri // Türk Yurdu. İstanbul. Sayı 242. S.660–664.
Исламоведение и тюркология на Кембриджском конгрессе востоковедов // Тюрк Юрду. Стамбул. № 242. С.660–664.
258. Reşideddin'in mektuplarında Anadolu'nun iktisadî ve medenî hayatına ait kayıtlar // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. İstanbul. Cilt 15. Sayı 1–4. S.33–50.
Записи об экономической и культурной жизни Анатолии в письмах Рашид ад-Дина // Истанбул Университеси Иктисат Факюльтеси Меджмуасы. Стамбул. Т.15. № 1–4. С.33–50.
259. Sovyetlerin Türkistan'da tatbik ettikleri siyasetin son safhaları // Dergi. Münih. Sayı 1. S.5–21.
Последние политические меры, предпринятые Советами в Туркестане // Дерги. Мюнхен. № 1. С.5–21.
См. также № 236, 374. С.20–48.
260. Tahkik-e nasab-e Amîr Timûr // Maclis-e Armagan-e İlmî. Prof. Muhammed Shafî Presentation Volume. Lahore. P.105–113.

Исследование по генеалогии эмира Тимура // Маджлис-и Армаган-и Ильми. Проф. Мухаммед Шафи Презентейшин Воль-юм. Лахор. С.105–113.

См. также № 378.

1956

261. Doğu Türkleri için kültür birliği fikrinin ehemmiyeti // Mücahit. Ankara. Sayı 6. S.1–8.
Значение идеи культурного единства для восточных тюрков // Мюджахит. Анкара. № 6. С.1–8.
См. также № 374. С.154–170.
262. Erzurum'un bir Üniversite şehri sıfatıyla imarı // Erzurum Dergisi. Ankara. Sayı 1. S.8, 29.
Застройка Эрзурума как университетского города // Эрзурум Держиси. Анкара. № 1. С.8, 29.
263. Garbî Almanya, Mainz İlimler Akademisinde «Türk dili ve kültür tarihi Anakitabı» üzerine çalışmalar // Türk Yurdu. İstanbul. Sayı 257. S.890–894.
Работы над «Справочником по истории турецкого языка и культуры» в Академии наук Майнца (Западная Германия) // Тюрк Юрду. Стамбул. № 257. С.890–894.
264. Mühim bir kongre // Çakmak. Sayı 30.
Важный конгресс // Чакмак. № 30.

1957

265. Endonezya'da Türkistan'ı kurtarma hareketi // Ocak Dergisi. Cilt 2. Sayı 34. S.2.
Движение за освобождение Туркестана в Индонезии // Оджак Держиси. Т.2. № 34. С.2.
266. Lahor'da toplanan ilmi kongre // Havadis. İstanbul. 17 Ocak.
Научный конгресс в Лахоре // Хавадис. Стамбул. 17 января.
267. Lût gölü civarında keşf olunan dinî vesaik karşısında Hıristiyanlık ve İslamiyet // İslam. Ankara. Cilt 1. Sayı 11. S.25–26.
Христианство и ислам в свете религиозных документов, обнаруженных у Мертвого моря // Ислам. Анкара. Т.1. № 11. С.25–26.
268. Proceedings of the Twenty Second International Congress of Orientalists Held in Istanbul, September 15–22, 1951: [Editor]. Leiden. Vol. 2.
Труды XXII Международного конгресса востоковедов. Стамбул, 15–22 сентября 1951 г.: [Редактор]. Лейден. Том 2.
См. также № 235.

269. Sur l'Origine des Safavides // Mélanges Louis Massignon. [Damas]. Vol.3. P.345–357.
О происхождении Сефевидов // Мелянж Луи Масиньон. [Дамаск]. Т.3. С.345–357.
270. Türkiye kütüphanelerindeki bazı yazmalar // İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. İstanbul, 1956–1957. Cilt 2. Cüz 1. S.59–88.
Некоторые рукописи в библиотеках Турции // Ислам Теткиклери Энститюсю Держиси. Стамбул, 1956–1957. Т.2. № 1. С.59–88.
271. Mecmua-e resâil-e riyâziye der kitâbhâne-e Magnisa // Yâdname-e Hâce Nasireddin Tusî. Tehran, 1336/1957. Cild 1. S.1–18.
Собрание математических трактатов в библиотеке Магнаса // Яднаме-и Хаджи Насир ад-Дин Туси. Тегеран, 1336 г.х./1957. Т.1. С.1–18.

1958

272. The Organization of Western and Central Asian Studies Both in the Occident and in the Orient // Report on Current Research on the Middle East. Washington. P.15–21.
Организация исследований Западной и Средней Азии на Западе и на Востоке // Репорт он Каррент Рисерч он зе Мидл Ист. Вашингтон. С.15–21.
273. Timur's Campaign of 1395 in the Ukraine and North Caucasus // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the US. New York. Vol. 6. Ī 3–4 (21–22). P.1358–1371.
Военная кампания Тимура на Украине и Северном Кавказе в 1395 году // Зе Анналз оф зе Юкрэйниан Академи оф Артс энд Саенсиз ин зе ЮЭс. Нью-Йорк. Т.6. № 3–4 (21–22). С.1358–1371.
274. Timurs Osteuropapolitik // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Wiesbaden. Bd.108. Heft 2 (Neue Folge Bd. 33). S.279–298.
Восточноевропейская политика Тимура // Цайтширифт дер Дойчен Моргенлендишен Гезельшафт. Висбаден. Т.108. Вып.2 (Нойе Фольге Банд 33). С.279–298.

1959

275. Bir mektup // Türk Yurdu. Ankara. Cilt 1. Sayı 9. S.46.
Письмо // Тюрк Юрду. Анкара. Т.1. № 9. С.46.
276. Documents on Cultural Relations Between the Ilhanides and Byzantines // X. Milletlerarası Bizans Kongresi Tebliğleri. [İstanbul]. P.255.
Документы о культурных связях ильханидов и византий-

цев // X Миллетлерарасы Бизанс Конгреси Теблиглері.
[Стамбул]. С.255.

См. также № 320.

277. Les Albums de Miniatures du Sérail Topkapou // Premier Congrès International des Arts Turcs. Ankara. P.69–70.
Альбомы миниатюр Дворца Топкапы // Премьер Конгре Интернациональ де Арт Тюрк. Анкара. С.69–70.
278. Sovyetlerin umumî ve Asya siyasetleri // Türk Yurdu. Ankara. Cilt 1. Sayı 8. S.19–21.
Общая и азиатская политика Советов // Тюрк Юрду. Анкара. Т.1. № 8. С.19–21.

1960

279. Asya'nın mukadderatı // Ibid. Cilt 2. Sayı 5. S.40–44.
Судьбы Азии // Там же. Т.2. № 5. С.40–44.
См. также № 374. С.195–213.
280. Bashdijrt (Bashkurt) // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden-London. Vol.1. P.1075–1077.
Башджирт (Башкурт) // Зе Энциклопедия оф Излам. Нью Эдишн. Лейден-Лондон. Т.1. С.1075–1077.
281. Kafkasya tarihine ait yeni eserler: [Kitabiyat] // İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. İstanbul. Cilt 2. Cüz 2–4. S.258–260.
Новые работы по истории Кавказа: [Рецензия] // Ислам Теттиклері Энститюсю Дергиси. Стамбул. Т.2. № 2–4. С.258–260.
282. Londra ve Tahran'daki İslamî yazmalardan bazılarına dair // Ibid. S.133–160, 8 levha.
О некоторых мусульманских рукописях в Лондоне и Тегеране // Там же. С.133–160, 8 табл.
283. Prof. Muhammed Shafi Presentation Volume: [Kitabiyat] // Ibid. S.270–273.
Издание в честь профессора Мухаммада Шафи: [Рецензия] // Там же. С.270–273.
284. Seyyid Hasan Taqizade. Mani u din-i o: [Kitabiyat] // Ibid. S.268–270.
Такизаде Сейид Хасан. Мани и его религия: [Рецензия] // Там же. С.268–270.
285. Spuler B. Iran in frühislamischen Zeit: [Kitabiyat] // Ibid. S.257–258.
Шпулер Б. Иран в раннеисламский период: [Рецензия] // Там же. С.257–258.
286. Tahran kütüphanelerindeki Hindistan'dan gelen eserlerde Çağatay dili ve Temürlü sanat abideleri // Belleten. Ankara. Cilt 24. Sayı 95. S.441–445.

Чагатайский язык и образцы тимуридских миниатюр в индийских рукописях тегеранских библиотек // Беллетен. Анкара. Т.24. № 95. С.441-445.

287. Türk — Türkistan. [İstanbul]. 40 s.
Тюрк — Туркестан. [Стамбул]. 40 с.
См. также № 78.

1961

288. Celaleddin Vang-Zin-Şan // Havadis. İstanbul. 23 Ocak.
Джеляледдин Вань Циншан // Хавадис. Стамбул. 23 января.
289. İstanbul Üniversitesince yapılması gereken işlerden birisi // Türk Yurdu. Ankara. Cilt 2. Sayı 10. S.21-24.
Одна из задач, стоящих перед Стамбульским университетом // Тюрк Юрду. Анкара. Т.2. № 10. С.21-24.
См. также № 394.
290. Timur // Urdu Encyclopaedia of Islam. Lahore. Vol.4. Fasc.15. P. 919-943.
Тимур // Урду Энциклопедия оф Излам. Лахор. Т.4. Вып. 15. С.919-943.

1962

291. Boratav'a cevabım // Vatan. İstanbul. 19 Mayıs.
Мой ответ Боратаву // Ватан. Стамбул. 19 мая.
292. Çengiz Han Türktür // Büyük Türkeli. İzmir. Sayı 2. S.4-5.
Чингиз-хан — тюрк // Бююк Тюркэли. Измир. № 2. С.4-5.
293. Doğu Türkleri ne alemde? // Yakın Tarihimiz. Cilt 1. Sayı 8. S.242-243.
В каком мире находятся восточные тюрки? // Якын Тарихимиз. Т.1. № 8. С.242-243.
294. Doğu Türklerinin şimdiki durumu // Büyük Türkeli. İzmir. Sayı 10. S.3-5.
Современное положение восточных тюрков // Бююк Тюркэли. Измир. № 10. С.3-5.
295. Pertev Boratav'ın yersiz isnatları // Yeni İstanbul. İstanbul. 25 Mart.
Неуместные инсинуации Пертева Боратава // Ени Истанбул. Стамбул. 25 марта.
296. Prof. Gökbilgin'e cevabım // Vatan. İstanbul. 4 Ekim.
Мой ответ проф. Гёкбилгину // Ватан. Стамбул. 4 октября.
297. The Composition of the History of the Mongols by Rashid al-Din // Central Asiatic Journal. The Hague-Wiesbaden. Vol.7. N.1. P.60-72, 1 sheet facsimile.
Композиция «Истории монголов» Рашид ад-Дина // Централ

Азиатик Джорнал. Гаага-Висбаден. Т.7. № 1. С.60–72, 1 л. факсимиле.

1963

298. Amu Derya // Urdu Encyclopaedia of Islam. Lahore. Vol.1. Fasc.4. S.236–248; Fasc.5. S.249–250.
Амударья // Урду Энциклопедия оф Излам. Лахор. Т.1. Вып.4. С.236–248; Вып.5. С.249–250.
299. Fransa'da Rus mahkûmu Türklerinin yayınlarını öğrenme yolunda iyi bir teşebbüs // Türk Yurdu. Ankara. Cilt 3. Sayı 6. S.9.
Доброе начинание Франции на пути изучения изданий тюркских народов, находящихся под властью России // Тюрк Юрду. Анкара. Т.3. № 6. С.9.
300. On the Miniatures in Istanbul Libraries. Istanbul. 4, 68 s.
О миниатюрах в библиотеках Стамбула. Стамбул. 4, 68 с.
См. также № 321.
301. «Türk dili ve tarihi Temel Kitabı»nı sola çevirme teşebbüslerine dair üç mektup = Three Letters Concerning the Attempts at the Leftist Domination of the Philologiae Turcicae Fundamenta. İstanbul. 16 s.
Три письма о попытках придать «левое» направление «Основам тюркской филологии». Стамбул. 16 с.
302. Türk kavimleri tarihine dair milletlerarası bir teşebbüse gösterilmekte olan yanlış istikamet // Türk Yurdu. Ankara. Cilt 3. Sayı 6.
Ошибочное направление, обозначившееся в международной инициативе относительно истории тюркских народов // Тюрк Юрду. Анкара. Т.3. № 6.
См. также № 374. С.171–192; 398.
303. Zentralasiatische türkische Literaturen. II: Die islamische Zeit // Handbuch der Orientalistik. Leiden-Köln. Abteilung 1. Bd.5. Abschnitt 1. S.229–249.
Среднеазиатско-тюркские литературы. II: Мусульманский период // Хандбух дер Ориенталистик. Лейден-Кёльн. Ч.1. Т.5. Раздел 1. С.229–249.

1964

304. Activities of the Turkish Delegation in the 26th Congress of Orientalists // İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. İstanbul. Cilt 4. Cüz 1–2. S.119–127.
Деятельность турецкой делегации на XXVI Конгрессе востоковедов // Ислам Теткikleri Энститюсю Дергиси. Стамбул. Т.4. № 1–2. С.119–127.
См. также № 305.

305. Activities of the Turkish Delegation in the 26th Congress of Orientalists // *Türk Şarkiyat Derneği Dergisi*. İstanbul. Cilt 1. Cüz 1. S.35–43.
Деятельность турецкой делегации на XXVI Конгрессе востоковедов // Тюрк Шаркият Дернеги Держиси. Стамбул. Т.1. № 1. С.35–43.
См. также № 304.
306. Delhi Müsteşrikler kongresi // *İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi*. İstanbul. Cilt 4. Cüz 1–2. S.89–102.
Делийский конгресс востоковедов // Ислам Теткиклери Энститюсю Держиси. Стамбул. Т.4. № 1–2. С.89–102.
См. также № 307.
307. Delhi Müsteşrikler kongresi // *Türk Şarkiyat Derneği Dergisi*. İstanbul. Cilt 1. Cüz 1. S.5–18.
Делийский конгресс востоковедов // Тюрк Шаркият Дернеги Держиси. Стамбул. Т. 1. № 1. С.5–18.
См. также № 306.
308. Eftalit'lerin ve Birmekî'lerin menşei meselesi // *İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi*. İstanbul. Cilt 4. Cüz 1–2. S.58–64.
Вопрос о происхождении династий эфталитов и бармакидов // Ислам Теткиклери Энститюсю Держиси. Стамбул. Т.4. № 1–2. С.58–64.
309. Kazak-Türk edebiyatı ve önemli tahrifat // *Ulus*. 21 Kasım.
Казахская литература и ее важнейшие искажения // Улус. 21 ноября.
См. также № 310.
310. Kazak-Türk edebiyatına dair makalem benimki olmaktan çıkmıştır // *Türk Kültürü*. Ankara. Sayı 26. S.129–130.
Статья о казахской литературе перестала быть моей // Тюрк Кюльтюрю. Анкара. № 26. С.129–130.
См. также № 309.
311. Reşîd-üd-Dîn Tabîb (1248–1318) // *İslam Ansiklopedisi*. İstanbul. Cilt 7. S.705–712.
Рашид ад-Дин Табиб (1248–1318) // Ислам Ансиклопедиси. Стамбул. Т.7. С.705–712.
312. Statutes of the Turkish Oriental Society // *Türk Şarkiyat Derneği Dergisi*. İstanbul. Cilt 1. Cüz 1. S.3–4.
Устав Турецкого востоковедного общества // Тюрк Шаркият Дернеги Держиси. Стамбул. Т.1. № 1. С.3–4.
См. также № 315.
313. The Earliest Translation of the Qur'an into Turkish // *İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi*. İstanbul. Cilt 4. Cüz 1–2. S.1–19.
Старейший перевод Корана на тюркский язык // Ислам

- Теткиклери Энститюсю Дергиси. Стамбул. Т.4. № 1-2. С.1-19.*
314. The Ethnography of Inner Asia During the 10th — 12th Centuries According Chiefly to the Islamic Sources // Ibid. S.85-88.
Этнография Внутренней Азии в X-XII веках преимущественно по мусульманским источникам // Там же. С.85-88.
315. Türk Şarkiyat Derneği nizamnamesi // Türk Şarkiyat Derneği Dergisi. İstanbul. Cilt 1. Cüz 1. S.1-2.
Устав Турецкого востоковедного общества // Тюрк Шаркият Дернеги Дергиси. Стамбул. Т.1. № 1. С.1-2.
См. также № 312.
316. Gazan Han Halil ve Hoca Bahaeddin Nakşebend // Oriental College Magazine. Lahore. May. P.191-199.
Газан-хан Халиль и Ходжа Баха ад-Дин Накишбенд // Ориентал Колледж Магазин. Лахор. Май. С.191-199.
См. также № 364.
- 1965
317. Cultural Policy of RCD Powers // Paper Read at the RCD Seminar on the Common Cultural Heritage. Tehran. P.16-23.
Культурная политика стран организации Регионального сотрудничества в развитии // Пейпер Ред эт зе АрСиДи Семинар он зе Коммон Калчерал Херитидж. Тегеран. С.16-23.
318. Gasprali (Gasprinski) Isma'il // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden-London. Vol.2. P.979-981.
Гаспралы (Гаспринский) Исмаил // Зе Энсайклопедиа оф Излам. Нью Эдишн. Лейден-Лондон. Т.2. С.979-981.
319. Ghafuri, Mejjid // Ibid. P.995.
Гафури, Мажит // Там же. С.995.
320. İlhanlı Bizans kültür münasebetlerine dair bir vesika = A Document Concerning Cultural Relations Between the Ilkhanids and Byzantines // İslam Tetkikleri Entitüsü Dergisi. İstanbul. 4. Cildine ek. 15 s., 18 s. fotokopya.
Документ о культурных связях ильханидов с византийцами // Ислам Теткиклери Энститюсю Дергиси. Стамбул. Приложение к т.4. 15 с., 18 с. фотокопий.
См. также № 276
321. On the Miniatures in Istanbul Libraries // Atti del Secondo Congresso Internazionale di Arte Turca. Napoli. P.253-258.
О миниатюрах в библиотеках Стамбула // Атти дель Секондо Конгрессо Интернационале ди Арте Турка. Неаполь. С.253-258.
См. также № 300.

322. RCD Milletlerinin kültür alanında müşterek gayeleri // Türk Yurdu. Ankara. Cilt 4. Sayı 5. S.1–8.
Общие цели стран организации Регионального сотрудничества в развитии // Тюрк Юрду. Анкара. Т.4. № 5. С.1–8.
См. также № 374. С.214–223.
323. Sosyalizm perdesi altında çalışan solculara dair // Yeni İstanbul. İstanbul. 8 Ekim.
О «левых» силах, действующих за социалистическим занавесом // Ени Истанбул. Стамбул. 8 октября.
См. также № 374. С.49–50.
324. Zimahşeri'nin Doğu Türkçesi ile «Mukaddimetü'l Edeb»i // Türkiyat Mecmuası. İstanbul. Cilt 14. S.81–92, 1 levha.
Восточно-тюркский язык Замахшари и его «Мукаддиматиль-Адаб» // Тюркият Меджмуасы. Стамбул. Т.14. С.81–92, 1 табл.

1966

325. Al-Raşid bin al-Zubayr. Kitab al-Zahair va-l-Tuhaf: [Kitabiyat] // İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. İstanbul, 1959–1960. Cilt 3. Cüz 3–4. S.237.
Ар-Рашид бин аз-Зубайр. Китаб аз-Захаир ва-т-Тухаф: [Рецензия] // Ислам Теткиклери Энститюсю Дергиси. Стамбул, 1959–1960. Т.3. № 3–4. С.237.
326. Asistanlar meselesi // Son Havadis. İstanbul. 28 Aralık.
Проблема университетских ассистентов // Сон Хавадис. Стамбул. 28 декабря.
327. Die Bedeutung der türkischen Ortsnamen in Ostiran für die vorislamische Geschichte der Türken // Proceedings of the Eighth International Congress of Onomastic Sciences. The Hague-Paris. S.542–543.
Значение тюркских топонимов Восточного Ирана для доисламской истории тюрков // Просидингз оф зе VIII Интернашил Конгресс оф Ономастик Саенсиз. Гаага-Париж. С.542–543.
328. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente in Neupersischen: [Kitabiyat] // İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. İstanbul, 1959–1960. Cilt 3. Cüz 3–4. S.246–249.
Дёрфер Г. Тюркские и монгольские элементы в новоперсидском языке: [Рецензия] // Ислам Теткиклери Энститюсю Дергиси. Стамбул, 1959–1960. Т.3. № 3–4. С.246–249.
329. «Fundamenta» kitabının ikinci cildi hakkında // Türk Kültürü. Ankara. Sayı 47. S.138–143 (1066–1071). — (Köprülü Sayısı).
О втором томе «Основ тюркской филологии» // Тюрк Кюль-

- тюрю. Анкара. № 47. С.138–143 (1066–1071).
См. также № 353.
330. Güneydoğu Asya'da İslamiyet, Budizm, Komünizm, Amerika // Sabah. İstanbul. 3 Haziran.
Ислам, буддизм, коммунизм и Америка в Юго-Восточной Азии // Сабах. Стамбул. 3 июня.
См. также № 374. С.235–240.
331. Güneydoğu Asya'da kalkınması yolunda Amerika yardımı // Ibid. 2 Haziran.
Американская помощь в подъеме Юго-Восточной Азии // Там же. 2 июня.
См. также № 374. С.299–234.
332. Ibn Fadlan's Reisebericht. Genehmigter Nachdruck. Lichtenstein. XXXIV, 338 S., 46 S. orient. Pag. — (Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Bd.24, 3).
«Книга путешествий» Ибн Фадлана. Разрешенное воспроизведение [Лейпцигского издания 1939 года]. Лихтенштейн. XXIV, 338 с., 46 с. вост. паг.
См. также № 137.
333. Ibn Khaldun. The Muqaddimah. An Introduction to History / Trans. from Arabic by F.Rosenthal: [Kitabiyat] // İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. İstanbul, 1959–1960. Cilt 3. Cüz 3–4. S.249–251.
Ибн Халдун. Мукаддима. Введение в историю / Пер. с арабского Ф.Роузенталя: [Рецензия] // Ислам Теткиклери Энститюсю Дергиси. Стамбул, 1959–1960. Т.3. № 3–4. С.249–251.
334. İslam Araştırmaları Enstitüsü ve Umumi Türk tarihi kürsüsü çalışmaları // Ibid. S.269–312.
Деятельность Института исламских исследований и кафедры всеобщей истории тюрков // Там же. С.269–312.
335. Journal Asiatique: [Dergiler] // Ibid. S.263–268.
Журнал Азиатик: [Журналы] // Там же. С.263–268.
336. Karahanlılar tarihine ait bazı kayıtlar // Türk Yurdu. Ankara. Cilt 5. Sayı 11 (329). S.7–10.
Некоторые данные об истории Караханидов // Тюрк Юрду. Анкара. Т.5. № 11 (329). С.7–10.
337. Kazan Hanlığında İslam Türk kültürü (Kanunî zamanında 1550'de Kazan'dan gönderilen bir rapor) // İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. İstanbul, 1959–1960. Cilt 3. Cüz 3–4. S.180–204.
Тюрко-мусульманская культура в Казанском ханстве (Донесение из Казани 1550 года времен султана Сулеймана Законо-

- дателя) // *Ислам Теттиклери Энститюсю Дергиси. Стамбул, 1959–1960. Т.3. № 3–4. С.180–204.*
338. Kim kime satılmış ve kimmiş yobaz // *Tercüman. 29 Mart. Кто кому продался и кто оказался олухом // Терджюман. 29 марта.*
См. также № 374. С.135–140.
339. Köroğlu destanı'nın bazı eski rivayetlerine dair // *Türk Yurdu. Ankara. Cilt 5. Sayı 7 (325). S.10–13.*
О некоторых древних легендах в дастане о Кёроглу // Тюрк Юрду. Анкара. Т.5. № 7 (325). С.10–13.
340. Millî kültürümüzü tanıtacak dev bir eser ve ilgisizliğimiz // *Tercüman. İstanbul. 29 Nisan.*
Грандиозный памятник нашей национальной культуры и наше безразличие // Терджюман. Стамбул. 29 апреля.
341. Not // *İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. İstanbul, 1959–1960. Cilt 3. Cüz 3–4. S.225–226.*
Заметка // Ислам Теттиклери Энститюсю Дергиси. Стамбул, 1959–1960. Т.3. № 3–4. С.225–226.
342. Rumca semt ve şehir adları niçin değişmedi // *Tercüman. 4 Ocak.*
Почему не изменились византийские названия районов и городов // Терджюман. 4 января.
343. Salur Kazan ve Bayandırlar. İstanbul. 7 s.
Салур Казан и клан Баяндыров. Стамбул. 7 с.
344. Şaykh Nadim al-Cisr. Qisas al-İman: [Tenkit] // *İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. İstanbul, 1959–1960. Cilt 3. C. z 3–4. S.257–259.*
Шейх Надим аль-Джиср. Кисас ал-иман: [Рецензия] // Ислам Теттиклери Энститюсю Дергиси. Стамбул, 1959–1960. Т.3. № 3–4. С.257–259.
345. Tahran'da Beynelmilel İran kültür kongresi // *Sabah. İstanbul. 23 Eylül.*
Международный конгресс по культуре Ирана в Тегеране // Сабах. Стамбул. 23 сентября.
346. Tarihte Kıbrıs ve Türk münasebetleri // *Tercüman. İstanbul. 3 Ocak.*
Кипрско-турецкие отношения в истории // Терджюман. Стамбул. 3 января.
347. Türk dilinin korunması // *Dünya. 10, 12, 13 Temmuz.*
Самосохранение турецкого языка // Дюнья. 10, 12, 13 июля.
См. также № 374. С.120–130.
348. Türk kültürü ile ilgili milletlerarası kongre // *Sabah. İstanbul. 12 Ekim.*
Международный конгресс по тюркской культуре // Сабах. Стамбул. 12 октября.

349. Viyetnam dolayısıyla yayınlanan beyannamelelere dair // Yeni İstanbul. İstanbul. 2 Ocak.
О распространяемых в связи с Вьетнамом листовках // Ени Истанбул. Стамбул. 2 января.
См. также № 374. С.224–228.
- 1967
350. Bir kavmin menşei // Son Havadis. İstanbul. 3 Mart.
Происхождение народа // Сон Хавадис. Стамбул. 3 марта.
См. также № 374. С.100–105.
351. Hamdullah Subhî Bey'e ait bazı hatıralar // Türk Yurdu. Ankara. Cilt 6. Sayı 2. S.27–29. (H.S.Tanpöver Özel Sayısı).
Несколько воспоминаний о Хамдуллахе Субхи-бее // Тюрк Юрду. Анкара. Т.6. № 2. С.27–29.
352. Komünist kolhoz hayatı // Son Havadis. İstanbul. 8 Mart.
Жизнь коммунистического колхоза // Сон Хавадис. Стамбул. 8 марта.
См. также № 374. С.106–111.
353. Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden, 1962. T.2.: [Tenkit] // Cultura Turcica. Ankara, 1965. Sayı 2. S.299–304.
Основы тюркской филологии. Висбаден, 1962. Т.2: [Рецензия] // Культура Турцика. Анкара, 1965. № 2. С.299–304.
См. также № 329.
354. Ruslaştırma siyaseti // Son Havadis. İstanbul. 14 Şubat.
Политика русификации // Сон Хавадис. Стамбул. 14 февраля.
См. также № 374. С.92–96.
355. Rusya'nın dil ve kültür siyaseti // Ibid. 15 Şubat.
Языковая и культурная политика России // Там же. 15 февраля.
См. также № 374. С.96–100.
356. Türk kültürü Elkitabı'nın program ve çalışma planı = The Programme and Working Plan of the Handbook of Turkish Culture. İstanbul. 44, 4 s.
Программа и план работы над «Справочником по тюркской культуре». Стамбул. 44, 4 с.
357. Türk kültürü ile ilgili milletlerarası kongreler // Türk Yurdu. Ankara. Cilt 6. Sayı 1 (331). S.3–6.
Международные конгрессы по тюркской культуре // Тюрк Юрду. Анкара. Т.6. № 1. С.3–6.
358. Türk milletinin mukadderatı ile ilgili bazı meseleler // Son Havadis. İstanbul. 6 Şubat.

Некоторые проблемы, касающиеся судьбы турецкой нации // Сон Хавадис. Стамбул. 6 февраля.
См. также № 374. С.88–92.

1968

359. About the Campaign of the Indian Khalach-Turks Against the Keraites of Mongolia in Northern Tibet in the Year 1205–1206 // Proceedings of the 26th International Congress of Orientalists. New Delhi. Vol.2. P.174–178.
О походе индийских халадж-тюрков против монгольских керитов в Северном Тибете в 1205–1206 годах // Просидингз оф зе XXVI Интернашнл Конгресс оф Ориенталистс. Дели. Т.2. С.174–178.
360. Soviyet idaresindeki Türklerde edebî dil meselesi // Türkeli. İzmir. Sayı 3. S.1–3.
Проблема литературного языка тюркских народов, находящихся под властью Советов // Тюркэли. Измир. № 3. С.1–3.
См. также № 374. С.131–134.

1969

361. Balasagun // Urdu Encyclopaedia of Islam. Lahore. Vol.4. Fasc.12. P.725–730.
Баласагун // Урду Энциклопедиа оф Излам. Лахор. Т.4. Вып.12. С.725–730.
362. Belh // Ibid. P.757–764.
Балх // Там же. С.757–764.
363. Bozkurt efsanesi // Bozkurt. İstanbul. S.18–20, 23.
Легенда о Бозкурте // Бозкурт. Стамбул. С.18–20, 23.
364. Gazan Han Halil ve Hoca Bahaeddin = Nakşbend // Necatî Lûgal Armağanı. Ankara. S.775–784.
Газан-хан Халиль и Ходжа Баха ад-Дин Накиббанд // Неджати Люгаль Армаганы. Анкара. С.775–784.
См. также № 316.
365. Gur // Türk Ansiklopedisi. Cilt.18. S.115.
Гур // Тюрк Анциклопедиси. Т.18. С.115.
366. Guz // Ibid. S.125.
Гуз // Там же. С.125.
367. Hatıralar: Türkistan ve diğer Müsülman Doğu Türklerinin millî varlık ve kültür mücadeleleri. İstanbul. 646 s.
Воспоминания: Борьба туркестанцев и других тюрков мусульманского Востока за свое национальное существование и культуру. Стамбул. 646 с.
См. также № 413, 420, 431, 432.

368. Manchester Hs. der Quranübersetzung als Quelle erster Ranges für miteltürkische Studien // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien. Bd.62. S.280–283, 2 S. Photokopie.
Манчестерская рукопись Корана как первоисточник для изучения средневекового тюркского языка // Винер Цайт-шрифт фюр ди Кунде дес Моргенландес. Вена. Т.62. С.280–283, 2 с. фотокопий.

369. Tarihte usul. 2. baskı. İstanbul. XXX, 350 s. — (Tarih Araştırmaları. № 1).
Методология исторических исследований. 2-е изд. Стамбул. XXX, 350 с. — (Тарих Араштырмалары. № 1).
См. также № 216, 389.

1970

370. Bizans tarihi, Türk Tarih Kurumu'nun esas çalışma mevzuu değildir // Ajans-Türk Dergisi. Cilt 8. N 86. S.5, 14.
История Византии не является основной темой исследований Турецкого исторического общества // Ажанс-Тюрк Дергиси. Т.8. № 86. С.5, 14.

371. Qur'an and the Türks // International Islamic Conference. Islamabad. Vol. 1. P.36–39.
Коран и тюрки // Интернашнл Изламик Конференс. Исламабад. Т.1. С.36–39.
См. также № 377, 425.

372. The Topography of Balkh Down to the Middle of the Seventeenth Century // Central Asiatic Journal. Leiden-Wiesbaden. Vol. 14. № 4. S.277–288.
Топография Балха в глубь веков до середины XVII века // Централ Азиатик Джорнал. Лейден-Висбаден. Т.14. № 4. С.277–288.

373. Türk Tarih Kurumu çevresinden bazılarının ilhamı ile aleyhimde yazılan yazılar tamamiyle uydurmadır // Ajans-Türk Dergisi. Cilt 8. № 88. S.8–9.
Абсолютным вымыслом являются статьи против меня, инспирированные некоторыми членами Турецкого исторического общества // Ажанс-Тюрк Дергиси. Т.8. № 88. С.8–9.

374. Türklüğün mukadderatı üzerine. İstanbul. 240 s.
О судьбе тюркских народов. Стамбул. 240 с.
См. также № 381.

375. Umumî Türk tarihine giriş. 2. baskı. İstanbul. Cilt 1: En eski devirlerden XVI. asra kadar. XVI, 537 s.
Введение во всеобщую историю тюрков. 2-е изд. Стамбул.

Том 1: С древнейших времен до XVI века. XVI, 537 с.

См. также № 191, 383.

1971

376. Chengiz Khan // Urdu Encyclopaedia of Islam. Lahore. Vol. 7. Fasc. 11. P.691-704; Fasc. 12. P.705-717.

Чингиз-хан // Урду Энциклопедия оф Излам. Лахор. Т.7. Вып.11. С.691-704; Вып.12. С.705-717.

377. Kur'an ve Türkler. The Qur'an and the Turks. İslam Şarkı ile Garp arasındaki ilmî işbirliği. İstanbul. 62 s.

Коран и турки. Научное сотрудничество между мусульманским Востоком и Западом. Стамбул. 62 с.

См. также № 124, 214, 225, 371, 425.

1972

378. Emir Timur'un soyuna dair bir araştırma // Tarih Dergisi. İstanbul. Sayı 26. S.75-84.

Исследование по генеалогии эмира Тимура // Тарих Держиси. Стамбул. № 26. С.75-84.

См. также № 260.

379. Oğuz Destanı: Reşideddin Oğuznamesi, tercüme ve tahlili. İstanbul. 164 s., 6 levha.

Дастан об Огузе: Перевод и исследование «Огуз-наме» Рашид ад-Дина. Стамбул. 164 с., 6 табл.

См. также № 384.

380. Türk sanat tarihi araştırmasının temel meseleleri // Türk Kültürü Elkitabı. İstanbul. Cilt 2. Kısım 1 a. S.1-6.

Основные проблемы изучения турецкого искусства // Тюрк Кюльтюрю Элькитабы. Стамбул. Т.2. Ч. 1 а. С.1-6.

1977

381. Türklüğün mukadderatı üzerine. İlaveli ikinci baskı. İstanbul. 320 s.

О судьбе тюркских народов. 2-е изд., доп. Стамбул. 320 с.

См. также № 374.

1981

382. Bugünkü (Türkili) Türkistan ve yakın tarihi. 2. baskı. İstanbul. Cilt 1: Batı ve Kuzey Türkistan. XII, 696 s., 1 harita.

Современный Туркестан и его недавнее прошлое. 2-е изд.

Стамбул. Том 1: Западный и Северный Туркестан. XII, 696 с., 1 карта.

См. также № 145, 192.

383. Umumî Türk tarihine giriş. 3. baskı. İstanbul. Cilt 1: En eski devirlerden XVI. asra kadar. XVI, 540 s. — (Tarih Araştırmaları. № 2. Cilt 1).
Введение во всеобщую историю тюрков. 3-е изд. Стамбул. Том 1: С древнейших времен до XVI века. XVI, 540 с. — (Тарих Араштырмалары. № 2. Т.1).
См. также № 191, 375.

1982

384. Oğuz Destanı: Reşideddin Oğuznamesi, tercüme ve tahlili. 2. baskı. İstanbul. 164 s., 6 levha.
Дастан об Огузе: Перевод и исследование «Огуз-наме» Рашид ад-Дина. 2-е изд. Стамбул. 164 с., 6 табл.
См. также № 379.

1985

385. Çengiz'in soyu ve kendisine yakın kabileler // Fen — Edebiyat Fakültesi Araştırma Dergisi. Erzurum. Fasikül 1. Sayı 13: Ord. Prof. Dr. Ahmet Zeki Velidi Togan Özel Sayısı. S.95–103.
Род Чингиза и близкие к нему племена // Фен-Эдебият Факюльтеси Араштырма Дергиси. Эрзурум. Вып.1. № 13: Номер посвящен ординарному профессору доктору Ахмеду Заки Валиди Тогану. С.95–103.
386. Eftalit devletini teşkil eden kabilelere dair // Ibid. S.59–65.
О племенах, составлявших государство эфталитов // Там же. С.59–65.
См. также № 390.
387. Eski Türk yazısı // Ibid. S.105–106.
Древнетюркская письменность // Там же. С.105–106.
См. также № 169.
388. Karahanlılar (932–1212) // Ibid. S.71–93.
Караханиды (932–1212) // Там же. С.71–93.
389. Tarihte usul. 4. baskı. İstanbul. XXX, 350 s.
Методология исторических исследований. 4-е изд. Стамбул. XXX, 350 с.
См. также № 216, 369.
390. The Tribes Constituting the State of Heftalit // Fen — Edebiyat Fakültesi Araştırma Dergisi. Erzurum. Fasikül 1. Sayı 13: Ord. Prof. Dr. Ahmet Zeki Velidi Togan Özel Sayısı. S.67–69.
О племенах, составлявших государство эфталитов // Фен-Эдебият Факюльтеси Араштырма Дергиси. Эрзурум. Вып.1. № 13: Номер посвящен ординарному профессору доктору Ах-

меду Заки Валиди Тогану. С.67–69.

См. также № 386.

1989

391. Biographical Note of Prof. Zeki Velidi Togan // Baykara T. Zeki Velidi Togan. Ankara. S.106–109.
Биография профессора Заки Валиди Тогана // Байкара Т. Заки Валиди Тоган. Анкара. С.106–109.
392. Büyük Millet Meclisine sunulmak için Başkanlık makamına // Ibid. S.113–119.
В Канцелярию Председателя для передачи Великому Национальному Собранию // Там же. С.113–119.
393. Hatıralar'dan // Ibid. S.164–170.
Воспоминания: [Фрагменты] // Там же. С.164–170.
394. İstanbul Üniversitesince yapılması gereken işlerden birisi // Ibid. S.121–132.
Одна из задач, стоящих перед Стамбульским университетом // Там же. С.121–132.
См. также № 289.
395. Oğuz Destanı: Reşideddin Oğuznamesi, tercüme ve tahlili'nden // Ibid. S.200–204.
Дастан об Огузе: Перевод и исследование «Огуз-наме» Рашид ад-Дина: [Фрагменты] // Там же. С.200–204.
396. X.–XI. asırlarda İç Asya'nın durumuna ait İslam kaynaklarında verilen bilgilerin değeri // Ibid. S.157–160.
Значение сведений мусульманских источников о положении во Внутренней Азии в X–XI веках // Там же. С.157–160.
397. Tarihte usul'den // Ibid. S.190–199.
Методология исторических исследований: [Фрагменты] // Там же. С.190–199.
398. Türk kavimleri tarihine dair milletlerarası bir teşebbüse gösterilmekte olan yanlış istikamet // Ibid. S.134–153.
Ошибочное направление, проявившееся в международной инициативе относительно истории тюркских народов // Там же. С.134–153.
См. также № 302, 374. С.171–192.
399. Türk kültürü Elkitabı için 16. X. 1965 tarihiyle çoğaltılmış metindir // Ibid. S.205–228.
«Справочник по тюркской культуре»: Текст, распространенный 16 октября 1965 года // Там же. С.205–228.

400. Umumî Türk tarihine giriş'ten // Ibid. S.172–189.
Введение во всеобщую историю тюрков: [Фрагменты] // Там же. С.172–189.
401. Zeki Velidi Togan: 1970 yılı notları // Ibid. S.154–155.
Заки Валиди Тоган: Записи 1970 года // Там же. С.154–155.
402. Zeki Velidi Togan'ın kendi hazırladığı hayat hikayesi // Ibid. S.103–105.
Автобиография Заки Валиди Тогана // Там же. С.103–105.

1990

403. Башкорттарзын боронго ғәскәрзәре хақында // Диалог. Уфа. Декабрь. — (Приложение к журналу «Агидель»)
О древнем башкирском войске // Диалог. Уфа. Декабрь. — (Приложение к журналу «Агидель»).
См. также № 62, 74, 404, 421.
404. Башкорттарзын боронго ғәскәрзәре хақында // Йәшлек. Өфө. 22 декабрь.
О древнем башкирском войске // Яшлек. Уфа. 22 декабря.
См. также № 62, 74, 403, 421.
405. Кызылдарға кушылыу / Басырға әзерләнеләр Ә.Хисмәтуллин, Р.Насиров // Совет Башкортостаны. Өфө. 20 декабрь.
Переход на сторону красных / Подготовили к печати А.Хисматуллин, Р.Насиров // Совет Башкортостаны. Уфа. 20 декабря.
406. Ленинға хат // Йәшлек. Өфө. 22 декабрь.
Письмо Ленину // Яшлек. Уфа. 22 декабря.
См. также № 412.
407. Хәтирәләр: Төркөстан һәм башка Көнсығыш төрөктәрзең милли булмыш һәм культура өсөн көрәше: [Айырым өзөктәр] / Ә.Юлдашбаев тәржемәһе // Шунда ук. 24 июль, 20 сентябрь, 13, 27 ноябрь, 20 декабрь.
Воспоминания: Борьба народов Туркестана и других восточных тюрков за национальное бытие и сохранение культуры: [Фрагменты] / Перевод А.Юлдашбаева // Там же. 24 июля, 20 сентября, 13, 27 ноября, 20 декабря.
408. Әхмәтзәки Вәлидиҙең башкорт халқына язған («Табак та табак») хушлашыу хаты // Диалог. Уфа. Декабрь. — (Приложение к журналу «Агидель»)
Прощальное письмо Ахметзаки Валиди башкирскому народу // Диалог. Уфа. Декабрь. — (Приложение к журналу «Агидель»).
См. также № 409.

409. Әхмәтзәки Вәлидиҙең башҡорт халқына язған («Табак та табак») хушлашыу хаты // Йәшлек. Өфө. 20 декабрь.
Прощальное письмо Ахметзаки Валиди башкирскому народу // Яшлек. Уфа. 20 декабря.
См. также № 408.
410. Воспоминания: Отрывки из книги / Перевод и послесловие Р.Гайсина // Ленинец. Уфа. 25, 27 декабря.
411. Письмо А.-З.Валидова, отправленное в сентябре 1920 г. на имя В.И.Ленина // Диалог. Уфа. Декабрь. (Приложение к журналу «Агидель»).
412. Письмо А.-З.Валидова, отправленное в феврале 1923 г. на имя В.И.Ленина // Там же.
См. также № 406.

1991

413. Хәтирәләр: Төркистан һәм башка Көнсығыш төрөктәрҙең милли булмыш һәм культура өсөн көрәше / Ә.Юлдашбаев тәржемәһе // Ағизел. Өфө. № 1. Б.147–163; № 2. Б.159–172; № 3. Б.91–109; № 4. Б.108–142; № 5. Б.159–176; № 6. Б.146–162; № 7. Б.139–166; № 8. Б.150–174; № 9. Б.106–133; № 10. Б.154–176; № 11. Б.112–136; № 12. Б.139–156.
Воспоминания: Борьба народов Туркестана и других восточных тюрок за национальное бытие и сохранение культуры / Перевод А.Юлдашбаева // Агидель. Уфа. № 1. С.147–163; № 2. С.159–172; № 3. С.91–109; № 4. С.108–142; № 5. С.159–176; № 6. С.146–162; № 7. С.139–166; № 8. С.150–174; № 9. С.106–133; № 10. С.154–176; № 11. С.112–136; № 12. С.139–156.
Продолжение в № 420.
См. также № 367, 431, 432.

1992

414. Башҡорттарҙың тарихы: Башҡорттар хақында беренсе мәғлүмәттәр // Башҡортостан. Өфө. 26 ноябрь
История башкир: Первые сведения о башкирах // Башкортостан. Уфа. 26 ноября.
415. Бөрйән башҡорттары араһында / Ә. Сәлихов тәржемәһе // Ағизел. Өфө. № 10. Б.136–147.
Среди бурзянских башкир / Перевод А. Салихова // Агидель. Уфа. № 10. С.136–147.
См. также № 15.

416. Кыскача төрек-татар тарихы. Беренче жөзө / Төзүчө, төп текстнын транскрипциясен эзерләүчө, искәрмә-аңлатмалар, библиографик исемлек һәм ахыр сүз авторы Равил Әмирхан. Казан. 184 б.
Краткая история тюрков и татар. Ч. 1. / Составление, транскрипция основного текста, примечания, библиографический указатель и послесловие Равиля Амирхана. Казань. 184 с.
См. также № 61, 427.
417. Рәсәй мосолмандарының хәле / А. Дилмөхәммәтов тәржемәһе // Йәшлек. Өфө. 9, 16, 18, 23 апрель.
Положение российских мусульман / Перевод А. Дильмухаметова // Яшлек. Уфа. 9, 16, 18, 23 апреля.
См. также № 104.
418. Төрк һәм татар тарихы / Ә.Вилданов инеш һүзе һәм тәржемәһе // Башкортостан. Өфө. 23–26 июнь, 1–4 июль, 22–30 сентябрь, 2–3 октябрь.
История тюрков и татар / Предисловие и перевод А.Вильданова // Башкортостан. Уфа. 23–26 июня, 1–4 июля, 22–30 сентября, 2–3 октября.
419. Төркөстан мәсьәләләре / А. Дилмөхәммәтов тәржемәһе // Йәшлек. Өфө. 13, 15 февраль.
Туркестанский вопрос / Перевод А. Дильмухаметова // Яшлек. Уфа. 13, 15 февраля.
См. также № 103.
420. Хәтирәләр: Төркөстан һәм башка Көнсығыш төрөктәрзең милли булмыш һәм культура өсөн көрәше / Ә.Юлдашбаев тәржемәһе // Ағизел. Өфө. № 1. Б.148–167; № 2. Б.110–131; № 3. Б.142–162; № 4. Б.175–192; № 5. Б.147–165; № 6. Б.148–166
Воспоминания: Борьба народов Туркестана и других восточных тюрков за национальное бытие и сохранение культуры / Перевод А.Юлдашбаева // Агидель. Уфа. № 1. С.148–167; № 2. С.110–131; № 3. С.142–162; № 4. С.175–192; № 5. С.147–165; № 6. С.148–166.
Начало в № 413.
См. также № 367, 431, 432.

1993

421. Башкорттарзың боронго ғәскәрзәре хақында / Ф.Моғаттаров эзерләне // Башкортостан кызы. Өфө. № 4. Б.2–4.
О древнем башкирском войске / Подготовил Г.Мугаттаров // Башкортостан кызы. Уфа. № 4. С.2–4.
См. также № 62, 74, 403, 404.

422. Башкорттардың тарихы: 1954–1955 укыу йылында «Колонизаторлық тарихы» дәрестәрендә укылды / Әмир Юлдашбаев тәржемәһе һәм баш һүзе // Ағизел. Өфө. № 1. Б.3–21; № 2. Б.164–188; № 3. Б.153–173; № 6. Б.154–174; № 7. Б.158–184. *История башкир: Лекции 1954–1955 учебного года по истории колониализма / Перевод и предисловие Амира Юлдашбаева // Агидель. Уфа. № 1. С.3–21; № 2. С.164–188; № 3. С.153–173; № 6. С.154–174; № 7. С.158–184.*
См. также № 429.
423. Кайһы милләттәнһең? / Ә.Сәлихов тәржемәһе // Башкортостан кызы. Өфө. № 11. Б.4–6.
Кто ты по национальности? / Перевод А.Салихова // Башкортостан кызы. Уфа. № 11. С.4–6.
См. также № 26.
424. Коммунистардың Көнсығышка карата тоткан сәйәсәте / Матбуғатка Р.Мәрзәмшин әзерләне; руссанан Ә.Гәрәев тәржемәһе // Ағизел. № 9. Б.156–168.
Восточная политика коммунистов / Подготовил к печати Р.Мардамшин; перевод с русского А.Гареева // Агидель. Уфа. № 9. С.156–168.
См. также № 67.
425. Көрһән һәм төркизәр // Заһап-Башкортостан. Өфө. № 4. 1–15 август; № 5. 1–15 сентябрь.
Коран и түрки // Заһап-Башкортостан. Уфа. № 4. 1–15 августа; № 5. 1–15 сентября.
См. также № 371, 377.
426. Сәйет Баһадир: [Ә.-З.Вәлиди Туғандың «Башкорттардың тарихы»нан өзөк] // Йәшлек. Өфө. 22 апрель.
Саит Бахадыр: [Отрывок из «Истории башкир» А.-З.Валиди Тогана] // Яшлек. Уфа. 22 апреля.
427. Төрөк-татар тарихы. Истанбул. VIII, 212 s.
История тюрков и татар. Стамбул. VIII, 212 с.
См. также № 61, 416.
428. Фирғәнә катындары хақында Наливкин / Ә.Сәлихов тәржемәһе // Башкортостан кызы. Өфө. № 5. Б.16–17.
Наливкин о женщинах Ферганы / Перевод А.Салихова // Башкортостан кызы. Уфа. № 5. С.6–17.
См. также № 36.
- 1994
429. Башкорттардың тарихы. Төрк һәм татар тарихы / Ә.Юлдашбаев, Ә.Вилданов тәржемәләре; инеш һүзәң авторы Р.Ф.Кузеев.

Өфө. 352 б.

История башкир. История тюрков и татар / Перевод А.Юлдашбаева, А.Вильданова; предисловие Р.Г.Кузеева. Уфа. 352 с.

См. также № 11, 422.

430. Профессор Бартольд безең арабызза булуы мөнәсәбәте мәнән / [Ә.Сәлихов тәржемәһе] // Ағизел. Өфө. № 1. Б.178–185.

К пребыванию у нас профессора Бартольда / [Перевод А.Салихова] // Агидель. Уфа. № 1. С.178–185.

См. также № 16.

431. Воспоминания: Борьба народов Туркестана и других восточных тюрков за национальное бытие и сохранение культуры / Перевод с турецкого Г.Шафикова, А.Юлдашбаева. Уфа. Кн.1. 400 с.
См. также № 367, 413, 420, 432.

1996

432. Хәтирәләр: Төркөстандың һәм башка Көнсығыш төрөктәрҙең милли булмыш һәм культура өсөн көрәше / Ә.Юлдашбаев тәржемәһе. Өфө. 655 бит.

Воспоминания: Борьба народов Туркестана и других восточных тюрков за национальное бытие и сохранение культуры / Перевод А.Юлдашбаева. Уфа. 655 с.

См. также № 367, 413, 420, 431.

433. Әсәрҙәр: 1917 йылға кәҙәр язылған әсәрҙәре / Иске төрки теленән тәржемәһе, аңлатмалар биреүсе, библиографияны төзөүсе һәм инеш һүҙ авторы Әхәт Сәлихов; Баш һүҙ авторы Ишмөхәмәт Ғәлзәүәтдинов. Өфө. 216 бит.

Сочинения: Произведения, написанные до 1917 года / Перевод со старотюркского языка, комментарии, составление библиографии и предисловие Ахата Салихова; Вступительное слово Ишмухамета Галляутдинова. Уфа. 216 с.

434. Письмо другу [А.Б.Таймасу] / Перевод и комментарии А.Юлдашбаева // Бельские просторы. 1996: Проза, поэзия, воспоминания, статьи, эссе. Уфа. С.79–86.

1997

435. Доктор Галимзян Таган / Перевод с турецкого Амира Юлдашбаева // Известия Башкортостана. Уфа. 31 января.

Список машинописных текстов

436. XVI–XX inci asırlarda umumî Türk ve Asya tarihi. 6 s.
Всеобщая тюркская и азиатская история XVI–XX веков. 6 с.
— без даты.

1926

437. Возникновение Партии «Эрк». Программа Туркестанской Социалистической партии «Эрк»: Теоретическая часть. Текст программы. 7 с.

1955

438. Başkurların tarihi: 1954–1955 ders yılında «Müstemelececilik tarihi» derslerinde okutulmuştur. 131 s.
История башкир: Читано в курсе лекций «История колониализма» в 1954–1955 уч. году. 131 с.

1962

439. XIX. ve XX. asırlarda Orta ve Ön Asya'da fikir ve kültür hayatı: 1961–1962 ders yılı umumî Türk tarihi notları. 66 s.
Интеллектуальная и культурная жизнь Средней и Передней Азии в XIX и XX веках: Записи лекций по всеобщей тюркской истории 1961–1962 уч. года. 66 с.

1963

440. I. Cihan harbinden sonra Asya'da siyasî teşekküller: 1962–1963 kış sömestresi umumî Türk Tarihi notları. 36 s.
Политические изменения в Азии после первой мировой войны: Записи лекций по всеобщей тюркской истории зимнего семестра 1962–1963 уч. года. 36 с.
441. [Çengiz Han tarihi]: 1962–1963 ders yılı notları. 38 s.
[История Чингиз-хана]: Записи лекций 1962–1963 уч. г. 38 с.

1964

442. [XIV. asırda Türkler]: 1963–1964 ders yılı kış sömestresi notları. 24 s.
[Тюрки в XIV веке]: Записи лекций зимнего семестра 1963–1964 уч. года. 24 с.

1965

443. Temür tarihi: 1963–1964 ders yılı yaz sömestresi, 1964–1965 ders yılı kış ve yaz sömestrelere notları. 56, 93, 67 s.
История Тимура: Записи лекций летнего семестра 1963–1964

уч. года, зимнего и летнего семестров 1964–1965 уч. года. 56, 93, 67 с.

1966

444. XVI. asırdan günümüze kadar müstemleke devrinde Asya tarihi: 1965–1966 ders yılı kış sөmestresi notları. 100 s.
История Азии колониального периода с XVI в. до наших дней: Записи лекций зимнего семестра 1965–1966 уч. года. 100 с.

1968

445. Tıyuhunlar ve Başkırtlar: 1967–1968 ders yılı yaz sөmestresi notları. S.34–56.
Туюхуны и башкиры: Записи лекций летнего семестра 1967–1968 уч. года. С.34–56.

1969

446. Asya tarihi: 1968–1969 ders yılı notları. 67 s.
История Азии: Записи лекций 1968–1969 уч. года. 67 с.

1970

447. Çengiz Han (1155–1227): 1969–1970 ders yılı kış sөmestresi notları. 66 s.
Чингиз-хан (1155–1227): Записи лекций зимнего семестра 1969–1970 уч. года. 66 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ФРАГМЕНТЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Биография Заки Валиди Тогана*

Профессор Заки Валиди Тоган родился 10 декабря 1890 года в деревне Кузяново Башкортостана. После учебы в медресе в Казани в 1912 году сдал экзамены для получения свидетельства об окончании инородческой учительской семинарии и продолжил учебу на факультете истории и литературы Казанского университета в 1911–1912 учебном году в качестве вольнослушателя. Однако университетское образование завершил в Вене в 1931–1935 годы и в 1935 году в этом же университете получил степень доктора философии. В 1927–1932, 1939–1944 годы и с 1948 года до нынешнего времени ведет курс тюркской истории в Стамбульском университете. В 1935–1937 годы в Боннском, в 1938–1939 годы в Гёттингенском университетах был «почетным профессором исламских наук» и за свою преподавательскую работу в этих университетах Министерством просвещения Германии был удостоен звания «почетного профессора германских университетов», где вел преподавательскую деятельность.

Первая книга, посвященная истории тюрков, — «История тюрков и татар» — была опубликована в Казани в 1912 году. Ввиду успеха этой книги, положительно оцененной и в русских журналах профессорами Катановым и Бартольдом, в 1913 году Общество истории и археологии Казанского университета вручило ему почетный диплом. В 1913 году университет, в 1914 году Российская Академия наук направили его

* Написано в 1952 году. — *Примеч. пер.*

в Фергану и Бухару для ведения археографических исследований. Результаты этих экспедиций были опубликованы в 1915–1917 годы в XXII–XXIV томах Записок Восточного отделения Императорского русского археологического общества. В 1915 году в Ташкенте в протоколах Туркестанского кружка любителей археологии была опубликована его важная статья «Некоторые данные по истории Ферганы восемнадцатого столетия». За сделанные в этих экспедициях находки А. З. Валиди был избран членом различных Российских научных обществ.

После прибытия в Турцию А. З. Валиди, кроме преподавательской деятельности в Стамбульском университете, годами занимаясь в библиотеках Турции, ввел в научный оборот множество ценнейших источников. Его большое произведение «Ценные произведения в Стамбульских библиотеках», опубликование которого не было завершено до смены алфавита, было представлено нашему народу профессором Фуадом Кёпрюлю специально написанной статьей под названием «Научные изыскания профессора Заки Валиди», опубликованной в 1927 году в журнале «Науат» («Жизнь»). Из произведений, опубликованных в Турции, вышедшее в свет в 1931 году «Экономическое положение Анатолии в монгольскую эпоху» было переведено на немецкий язык. Книга «История Туркестана» была издана в 1940 году в Египте и в 1942–47 годы на латинском алфавите в Стамбуле. Она была встречена на западе многочисленными положительными отзывами, переведена, хотя и не опубликована, на немецкий и английский языки. В 1946 году была опубликована книга «Введение во всеобщую историю тюрков», в 1950 году — «Методология исторических исследований», в 1951 году — Хорезмийский перевод «Мукаддимат ал-адаб». Результаты работы ученого вне пределов Турции, сведения о найденных им ценных произведениях в 1923 году в Мешхедской библиотеке Ирана и Кабульской библиотеке Афганистана были сообщены в «Journal Asiatique» и «Известиях Российской Академии» наук в 1924 году. В 1939 году была опубликована «„Книга путешествий“ Ибн Фадлана» (на немецком и арабском языках), в 1940 году — «Бируниева картина мира» (на английском и арабском языках в «Memoris of the Archaeological Survey of India»). Классическое произведение А. З. Тогана об Ибн Фадлане было встречено положительными отзывами со стороны таких ученых, как Фрай и Блейк

в Германии, Микельанджело Гуиди в Италии, Мжик в Австрии, К. Ян в Чехословакии и другими. О его труде, посвященном географическим знаниям Бируни, Г. Сартон опубликовал в Америке 3 статьи. Число книг и статей, опубликованных А. З. Тоганом с 1911 года, ныне достигло 167 названий. За заслуги в области науки он был избран почетным членом Финно-угорского объединения (играющего роль Академии наук Финляндии) и в Германии — членом Немецкого общества восточных народов. За достижения в области иранистики он был награжден Министерством просвещения Ирана золотой медалью первой степени «Ферхенг». Его труд «Ислам и географические науки», опубликованный в 1934 году на немецком языке в журнале Гейдельбергского географического общества, был издан на английском в Хайдарабаде, на арабском в Египте и на персидском в Тегеране.

В качестве источника, характеризующего его научные труды и деятельность, можем указать на совместную статью профессора Кампфмейера и Виттека «Заки Валиди Тоган», опубликованную в 1936 году в журнале «Die Welt des Islam».

Автобиография профессора Заки Валиди Тогана*

Я родился 10 декабря 1890 года в деревне Кузян, расположенной на Южном Урале, в Башкортостане, на территории России. Мой отец был сельским учителем и священником и происходил из местного рода *суклы-кай*. Начальное образование я получил в религиозной школе своего отца, знавшего арабский и персидский языки, среднее — в мусульманской религиозной школе в Утяке, а высшее — в высшем религиозном и педагогическом учебном заведении «Касымия» в Казани. Все это происходило в России. Потом я был назначен преподавателем тюркской истории и истории тюркской и арабской литературы в «Касымия». Одновременно с преподаванием в 1910–1913 годах я сдавал экзамены на право преподавания русского языка в нерусских школах и посещал лекции профессоров Н. Катанова и В. Богородицкого по русскому и восточным языкам на филологическом факультете Казанского университета. Свои знания арабского и персидского языков я со-

* Текст оригинала написан по-английски. — Примеч. пер.

вершенствовал под руководством своего отца, а в Казани я изучал немецкий и французский. Свое филологическое образование я продолжил позже в Вене.

Первую свою большую работу по тюркской истории я опубликовал в Казани в 1912 году, преподавая историю в «Касымия». Она получила благожелательные рецензии Катанова и Бартольда в России, Юсуфа Акчуры в Турции и Г. Вамбери в Венгрии, благодаря которым я был избран членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Это общество направило меня в Ферганскую область Туркестана для проведения археографических исследований в 1913 году, а в 1914 году Российская Академия наук в Санкт-Петербурге и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии с аналогичной целью командировали меня в Бухарское ханство. Эти путешествия были весьма успешными, и мои отчеты о них были опубликованы в журналах Императорского русского археологического общества в Петербурге и археологических обществ Казани и Ташкента. В результате я был избран членом различных научных обществ России. В эти годы я издал большое количество работ по истории, этнографии и культуре тюркских и мусульманских народов Поволжья и Средней Азии.

В 1915 году я был назначен учителем истории мусульманской религиозной школы «Госмания» в Уфе. В 1916 году мусульмане Уфимской губернии избрали меня своим представителем в Думу, и я уехал в Петербург. В 1917 году в России началась революция, и я в качестве одного из организаторов участвовал в деятельности различных съездов мусульман. Съезд башкирского народа в Оренбурге возложил на меня обязанности руководителя Башкирского областного совета и поручил мне создать башкирское войско. Центральный Туркестанский съезд в Ташкенте избрал меня секретарем Национального совета Туркестана и назначил главным редактором выходившей там газеты «Кенгеш». В мае 1917 года в Москве состоялся Всероссийский мусульманский съезд, на котором я представлял Национальный совет Туркестана. Этот съезд избрал меня членом Центрального совета мусульман России.

С 1917 по 1919 годы я исполнял обязанности председателя Башкирского национального правительства и военного министра. Одновременно я был главнокомандующим созданного нами башкирского войска. Наша борьба против Советов длилась

три года. После поражения белой армии Колчака мы заключили мир с Советами и в течение 15 месяцев пытались сотрудничать с большевиками при условии сохранения своей автономии. Это сотрудничество позволило мне близко познакомиться с такими лидерами большевиков, как Ленин, Сталин и Троцкий, которые вскоре начали закулисные интриги с целью получить полную власть над нами. Точно такая же политика позже проводилась в отношении Финляндии и Чехословакии. В конце концов я тайно бежал в Бухару, и в горах Туркестана мы начали вооруженное восстание против большевиков. Главной моей обязанностью в это время было руководство Туркестанским национальным объединением, стоявшим во главе этого вооруженного движения, в котором участвовал и Энвер-паша. После заключения мира на Польском фронте русские получили возможность перебросить свои войска на восток, против нас, что привело к нашему окончательному поражению в 1923 году. Вместе с частью наших войск и группой своих соратников я пересек границу с Ираном, откуда перешел в Афганистан. В качестве гостя правительства Афганистана я провел некоторое время в Кабуле, а потом направился в Индию, а потом — в Египет. В 1924 году я был в Париже и Берлине с целью создать иностранное представительство Туркестана. Несколько раз мы обращались с заявлениями в Лигу наций. В 1925 году правительство Турции пригласило меня в Анкару на работу в консультативный совет Министерства просвещения. Здесь я стал гражданином Турции, а в 1927 году был назначен профессором всеобщей тюркской истории Стамбульского университета. В эти годы я опубликовал несколько работ по истории и смежным дисциплинам. В 1932 году на историческом конгрессе в Анкаре я выступил с критикой исторической доктрины, вдохновителем и защитником которой был сам Победитель Мустафа Кемаль. Будучи не в состоянии принять эту доктрину, я подал в отставку и покинул страну. В Вене я продолжил изучение истории, философии, экономики и востоковедных дисциплин и, между прочим, был удостоен степени доктора философии в Венском университете. Моя диссертация представляла собой важную часть опубликованного позже исследования «„Книга путешествий“ Ибн Фадлана». По приглашению Боннского университета в 1935–1937 годах я преподавал исламские науки в качестве почетного профессора. В 1938–1939 годах в той же должности я читал лек-

ции в Гёттингенском университете. В эти годы я опубликовал ряд статей в журналах различных научных обществ Германии, Франции и Англии, членом которых я состоял. Среди крупных работ этого периода была «Бируниева картина мира», выпущенная отдельным томом «Memoris of the Archaeological Survey of India».

С началом войны в сентябре 1939 года я покинул Германию, чтобы вернуться к обязанностям профессора всеобщей тюркской истории в Стамбульском университете. Между тем Советы продолжали интриги против меня и в отместку за мою политическую деятельность лишили меня возможности заниматься наукой. В 1944 году в Стамбуле и Анкаре прошли антикоммунистические демонстрации студентов, которые были использованы определенными прокоммунистическими кругами как повод для ареста и заключения большого количества профессоров, писателей и других представителей интеллигенции. Судебный процесс закончился нашим полным оправданием, и я возобновил свои научные занятия. После 1939 года я опубликовал несколько трудов по истории, важнейшими из которых являются мои крупные работы «Введение во всеобщую историю тюрков» (1946 год) и «Современный Туркестан и его недавнее прошлое» (1947 год).

Полный список моих работ, составленный на немецком языке, прилагается.

Я свободно владею турецким языком, различными тюркскими языками и диалектами Средней Азии, персидским, арабским, русским и немецким. На английском и французском языках я могу только читать.

Я женат, и у меня есть двое детей.

Стамбул, 16 мая 1948 года

Тунджер Байкара

**Ординарный профессор доктор
Заки Валиди Тоган***

Для людей науки существует особая шкала оценок. Эти оценки зависят не от проходящих впечатлений повседневной

* Bizim Anadolu Gazetesi. 26. Temmuz 1971.

жизни, а от вечно действующих принципов. Поэтому мы их и видим большею частью столь далекими от лоска и блеска повседневного существования. Возможно, это разочарует тех, кто привык оценивать людей лишь по их повседневной жизни и изменчивым впечатлениям. Однако занимающиеся социальными науками, в особенности историей, хорошо знают, насколько обманчивы эти внешние впечатления.

А. Заки Валиди Тоган, которого мы потеряли 26 июля 1970 года, был выше видимостей повседневного существования, он был одним из тех, кто, хорошо зная прошлое, жил уже в будущем, чье чутье и предвидение было чрезвычайно мощным, как историк он был одним из великих не только в Турции, но и в мировом масштабе. Он не из тех, кто в своей повседневной жизни кажется преисполненным значимости, но со временем его ничтожность становится все очевидней. Он не принадлежит к тем людям, написанное которыми теряет свое значение за день или за год после написания. Написанное им как в 1922, так и в 1943 годах, необходимо для понимания сегодняшнего дня и будет представлять большой интерес в будущем.

Ахмет-Заки Валиди родился 10 декабря 1890 года в башкирской деревне, расположенной в прекрасных Уральских горах. Он был ребенком в высокодуховной семье. Детство у него прошло на лоне природы. Формирование его личности на лоне природы придало ему неумную энергию, которая была неиссякаема до конца жизни. Персидскому языку он обучался у матери, а уроки арабского давал ему отец, и русский язык он стал изучать с детства. С такой прочной культурой Заки Валиди Тоган стал одним из самых великих представителей тюркского научного мира.

Он был прежде всего человеком деятельности, практических дел, конкретного действия. Всей своей деятельностью он добивался того, чтобы тюркские народы наконец освободились, чтобы они образовали всеми признанное государство. В процессе этой деятельности он в конечном счете добивался победы.

Заки Валиди Тоган во всей своей деятельности главным образом преследовал интересы тюрков. Отправной точкой его политической борьбы является именно это. За то, что он отстаивал интересы своего народа, собственной нации, он был объявлен социалистами, связанными с Москвой, «башкирским националистом». Заки Валиди Тоган обеспечение условий для

существования, самосохранения своего народа ставил выше, чем создание возможностей для осуществления идеи «социализма», что и снискало ему непреходящую честь и достоинство. Его национализм сформировался перед лицом очевидного отрицания права тюркских народов на национальное существование. Тюрки могли жить и сохранить себя только в том случае, если бы они смогли вернуться к своей сути. Иначе их могли свести на нет те народы, которые свои интересы ставили превыше всего, но всем остальным говорили об интернационализме. Эта борьба на уничтожение могла вестись не только при помощи оружия, но и другими методами. Она и велась различными методами. Заки Валиди Тоган против всего этого боролся как представитель тюрков. Вначале эта борьба за самосохранение приобрела форму вооруженного столкновения. В ходе этой борьбы он был не только командующим и предводителем, но иногда брал в руки оружие как рядовой солдат. Эта борьба, начатая им в Уральских горах, затем получила продолжение в Туркестане. В «вооруженной борьбе» ему не удалось достичь успеха, но противостояние на этом не завершилось. Эту борьбу он решил продолжить в иной форме, тем более давно уже был готов вести ее на научном поприще. Интересам тюрков он решил служить отныне на этом пути.

Научная деятельность Заки Валиди Тоган принесла пользу не только тюркской, но всей мировой науке. Однако и в этой его деятельности, и на этом его пути самое главное заключалось в том, чтобы вести борьбу против тех, кто хотел бы сбить тюркские народы с пути научного прогресса, ослабить их усилия в этом направлении. Отныне эту борьбу он вел не оружием, а умом, и это имеет великое значение. Он сам значение всего этого понимал как никто другой и сделал все, что от него зависело.

Одной из самых характерных особенностей ученого было то, что он обладал неустрашимой решимостью, никогда не отступал от борьбы и никогда ее не прекращал. Это было его назначением с малых лет, и он остался верен себе до самой своей кончины. Слова Пророка Мухаммеда «работайте так, будто вы бессмертны, молитесь так, как будто смерть настигнет вас завтра» точно соответствовали его правилам жизни. Даже на больничной койке до последних дней, пока болезнь не отняла у него душевных сил, ученый не прекращал своей научной работы. Он был истинным мусульманином, сохранившим в душе

веру, предпочитал чтение Корана, действительно вникая в суть его смысла. Этому великому человеку, значительную часть своей научной деятельности посвятившему исламским наукам и желавшему, чтобы мусульманство существовало поистине осознанно, в последние дни, к сожалению, не было оказано достойного внимания. Да и при жизни он не получил подобающей ему оценки.

Заки Валиди Тоган, после 80-летней жизни, полной борьбы, переселившийся в вечность на прекрасном уголке Пролива, при жизни на этом же Каражаахметском кладбище однажды очень долго искал могилу одного очень большого ученого, который, так же как и он сам, прибыл сюда из Средней Азии. Не найдя эту дорогую могилу, он очень огорчился. Теперь и он сам, на этом же Каражаахметском кладбище, предстал перед святым ликом Аллаха.

В Канцелярию Председателя для передачи Великому Национальному Собранию

Для сведения депутатов
На правах рукописи

Прежний режим, преследуя борющихся против коммунизма националистов, 17 месяцев и 10 дней продержал меня в тюрьме, дважды рассматривал мое дело в военном суде, 4 года и 8 месяцев не позволял мне заниматься научной и педагогической деятельностью в университете.

Этот режим, не сочтя нужным провести судебное расследование в установленном порядке, уже через три дня после моего ареста решением комиссии № 23189 от 18 мая 1944 года за подписью министра внутренних дел Хильми Урана, направленным командованию Стамбульского округа осадного положения с предписанием «действовать в соответствии с необходимостью» и приложенным к первому тому нашего дела в качестве руководящего указания, установил окончательные уголовные статьи, по которым нам будет предъявлено обвинение. Подобно тому, как Исмет Инёню в речи 19 мая 1944 года предопределил приговор, мера пресечения в отношении меня и административные меры были назначены до суда.

Все это было сделано с целью оказать на меня и на мою семью материальное давление и сломить нас. Между тем как некоторые арестованные (например, д-р Хасан Ферид Джансервер) получали жалование регулярно, а другие (Хюсейн Намык Оркун, Неджет Санджар, Орхан Шаик и проч.) были взяты на содержание министерства и также получали жалование регулярно, только мне внезапно прекратили платить деньги. Я тоже был взят на содержание министерства, но причитающееся мне в течение двух лет жалование я в тюрьме не получал, и моя семья была обречена на голодное существование.

Спустя месяц после моего ареста вышел закон № 4598 об однократном внеочередном повышении жалования служащих, имеющих высшее образование, но в результате преследования я был лишен законного повышения. Кроме того, впоследствии меня дважды обошли при очередных повышениях жалования. В июне 1944 года мое и моих товарищей жалование составляло 90 лир, и сейчас, в июне 1950 года, мое жалование должно было быть равным тому, что получают они — 150 лир, но оно по-прежнему остается на уровне 90 лир.

9 апреля 1948 года я обратился по этому поводу в Государственный совет, который своим решением № 49/2108 от 13 июля 1949 года отклонил мои претензии, признав законными действия режима Исмета Инёню и Хасана Али, годами преследовавшего меня и обрекавшего на страдания мою семью. Это решение Государственного совета, принятое 13 июля в моем присутствии, но врученное мне лишь 32 дня спустя (15 августа), является ярким примером диктаторского подавления справедливости. От имени турецкого правосудия и всей турецкой нации в заключении этого решения говорилось: «Пятое управление Государственного совета, действующего от имени турецкой нации, рассмотрело существо дела и решило: поскольку 90-дневный срок для подачи административных исков, установленный статьей 32 Закона о Государственном совете, уже истек, ибо истец был взят на содержание министерства 22 мая 1944 года, ни законность назначенного содержания, ни выдвинутое им требование о возмещении убытков не могут быть приняты к рассмотрению. Поскольку вопрос о назначении на должность служащего является абсолютной прерогативой министерства, с точки зрения административного права непозволительно оказывать давление на министерство и требовать от него восстановления истца в должности профессора».

Этим последним предложением своего решения члены Государственного совета диктаторского режима подтвердили правоту министра, «прерогативой которого является назначение меня на должность профессора», и таким образом ответили на мою жалобу, направленную в Государственный совет еще 17 апреля 1949 года, и президенту, и премьер-министру 18 мая 1949 года, в которой я писал о том, что «за два дня до принятия закона об университетской автономии от 18 июня 1946 года министр просвещения Хасан Али намеренно перевел ожидаемую мной в течение двух лет должность профессора литературного факультета на какой-то другой факультет, закрыв тем самым для меня доступ в университет, а на следующий же день (17 июня 1946 года) назначил на тот же литературный факультет преподавателя, обвиняемого в прокоммунистической деятельности, то есть совершил беззаконие, в последний раз проявив свою власть над университетом».

В ответ на упрек Государственного совета в том, «что я не опротестовал в течение 90 дней решение министерства о взятии меня на содержание от 22 мая 1944 года», я мог бы ответить следующим образом: «На заседании Государственного совета 13 июля я дал личные показания о том, что указанное решение министерства никогда не было доведено до моего сведения. На протяжении 4 месяцев содержания в тюрьме Сиркеджи меня лишали права свидания с семьей или другими лицами и не давали газет. Только через четыре с половиной месяца, когда начались слушания в суде № 1 чрезвычайного положения, я получил несколько минут поднадзорного свидания с женой и нанятым ею адвокатом. И только тогда я узнал о материальных лишениях своей семьи, которая, по словам декана литературного факультета, якобы была взята на содержание министерства, но так и не получила от него ни единого гроша. После этого известия я неоднократно направлял министру просвещения заказные письма, но ни на одно из них не получил ответа. Сообщив судьям о том, что в тюрьме меня лишают права обжаловать решения, я получил возможность отправлять заказные письма через 1-е отделение полиции, но так и не получил ни квитанций об отправлении моих писем, ни ответов на них. Государственный совет является высшей кассационной инстанцией, поэтому мне не к кому больше обратиться».

По прошествии требуемых пяти лет я не мог обратиться с жалобой в Великое Национальное Собрание по нижеизло-

женным причинам. Несмотря на мое заявление в Государственном совете о том, что я не был извещен о решении министерства взять меня на содержание и поэтому не мог опротестовать его в течение 90 дней, мне было сказано: «Вы были обязаны опротестовать решение министерства сразу же по его получении». Эти иезуитские слова отравили всю мою жизнь.

На государственную службу в Турции я поступил уже в молодом возрасте. Поскольку в моем стаже был перерыв в 7 лет, проведенных мной в Европе, 4 года и 8 месяцев заключения и безработицы лишают меня права на отставку с пенсией. Мне сейчас 61 год, и если в 65 лет я подам в отставку, то не буду получать ни гроша пенсии. А если же я буду продолжать служить до 70 лет, то буду получать самую минимальную пенсию, так как не имею 25-летнего стажа. Невыплата мне жалования за 4 года и 8 месяцев и лишение законного повышения жалования впоследствии означает исполнение злобного приговора Исмета Инёню, который будет преследовать меня всю жизнь, а мою семью — даже после моей смерти. Лишившись права на своевременную отставку с пенсией, я даже вынужден был дать согласие на работу моей жены, до этого бывшей моим научным ассистентом, в качестве учительницы истории в далекой провинции.

Здесь я должен пояснить, почему я квалифицирую преследования Исмета Инёню как проявление ненависти ко мне. После нашего ареста он выступил в Балыкесире на собрании учителей с речью, в которой публично, к удивлению всех присутствовавших, назвал меня амбициозным политиком, стремящимся занять кресло президента в Афганистане или другой стране и после смерти д-ра Ризы Нура являющимся идеологом пантюркизма в Турции. Это ложное мнение обо мне, которое, как я полагал, основывалось на многолетних регулярных доносах определенных кругов, со временем превратилось в навязчивую идею и в конце концов приняло форму открытой враждебности.

То, что я не имел никакого отношения к студенческой демонстрации в Анкаре за 10–15 дней до моего ареста, направленной против коммуниста Сабахаддина Али, и к турецкой расистской прессе, — это показало судебное расследование документов, и по этим пунктам обвинения я был оправдан судом. Но Исмет Инёню именно на этом основании считал меня «идейным руководителем» крайнего национализма, расизма

и антикоммунистической деятельности в Турции, и большую часть обвинений, предъявленных 23-м пантюркистам, взвалили на меня. Об этом я узнал из ближайшего окружения бывшего президента. Его вздорные измышления против меня проявились, в частности, в том, что в приговоре суда № 1 чрезвычайного положения по делу 23-х пантюркистов только в отношении меня такое тяжелое наказание, как 10 лет тюрьмы строгого режима, 4 года ссылки и лишение всех прав. Кроме того, они приобрели официальный характер в письме под названием «Обвиняемый в расистской пропаганде Заки Валиди Тоган и его товарищи» за № 1800 от 3 июня 1946 года, подписанном председателем военного трибунала корпусным генералом М. Эргюдером и адресованном командованию Стамбульского округа осадного положения, в котором я был назван главарем турецкого расизма. Существует много доказательств того, что предусмотренные для меня столь жестокие меры наказания суть плоды ненависти и враждебности.

Так, капитан Кязым Алёч, судебный следователь, ведший допросы после нашего ареста, в первой половине июня отправился в Анкару, где удостоился особой благосклонности Исмета Инёню и его окружения и получил специальные инструкции. По возвращении в Стамбул он стал относиться ко мне как к изменнику родины и тайному резиденту германской разведки. Часть конфискованных у меня в доме и приобщенных к делу документов, свидетельствовавших в мою пользу, он не стал рассматривать (позже они всплывут на заседаниях военного трибунала № 2 под названием «документы в пользу обвиняемого»), другие документы он уничтожил и все пытался добыть против меня подложные улики. Кроме того, в двух пространных обвинительных заключениях, оглашенных им в военном трибунале № 1 и опубликованных в газетах с целью опозорить нас перед всем миром, он намеренно исказил только мои слова, причем число их достигло 91. Сорок восемь случаев этих искажений я перечислил в двенадцатистраничном приложении к обвинительному заключению и 9 июля 1948 года направил его по инстанции. 12 июля 1948 года оно было зарегистрировано в 5-м отделе высшей судебной инстанции под № 8088, но пришлось им не по нраву, и дальнейшие события развивались так, как это было предопределено в речи Исмета Инёню 19 мая 1944 года. Примеры таких наглых искажений свидетельских показаний и подтасовок улик настолько поучитель-

ны, что их следует сделать достоянием гласности, чтобы показать, на что способен диктаторский режим в своем стремлении навеки скомпрометировать в глазах нации почтенного и уважаемого гражданина и морально уничтожить его. Что же касается меня, то даже сейчас, после отмены злобных приговоров, оправдание не заглушило застарелую, но острую боль, которая, как туберкулез, постоянно разъедает меня, несмотря на приход демократии.

Единственное лекарство от этой боли — обратиться в демократически избранное Великое Национальное Собрание, выражающее волю всего народа. То, что я с самого начала не получал жалования от министерства, а моя семья буквально умирала от голода, в то время как арестованные вместе со мной другие служащие Министерства просвещения получали его регулярно, безусловно является несправедливостью, но такая же несправедливость имеет место и теперь, когда оправданные вместе со мной военнослужащие получили все невыданное им в свое время жалование, а мне отказывают и в этом, потому, якобы, что я являюсь гражданским человеком.

Я обращаюсь к уважаемым депутатам Великого Национального Собрания с просьбой выплатить мне все неполученные мною деньги и произвести все повышения моего жалования, которые не были сделаны своевременно. После того как моя жалоба была отклонена Государственным советом, я подумывал обратиться в Великое Национальное Собрание, но отказался от этой мысли под влиянием тех благожелательно настроенных к нам депутатов, которые говорили, что назначенные Исметом Инёню и принадлежащие его партии депутаты вынесут решение, аналогичное решению Государственного совета, и никогда не смогут объявить действия Исмета Инёню и Хасана Али незаконными. Поэтому я решил, что буду обращаться только в новое, демократическое Великое Национальное Собрание, действительно представляющее весь турецкий народ.

Я являюсь гражданином Турецкой Республики уже 26 лет. Я никогда не занимался внутренними делами и внутренней политикой Турции. Моя жизнь в этой стране посвящена служению турецкой нации и всему человечеству на ниве науки. Благодаря моим научным заслугам, я был избран почетным членом научных обществ во многих странах и в качестве почетного профессора преподавал во многих университетах. Вместе

с тем моя научная деятельность в Турции была прервана полтора годами тюремного заключения и 4 годами и 8 месяцами всевозможных преследований, что до конца моих дней будет отравлять мне жизнь и причиняет мне столько мучений.

Я обращаюсь к вам с просьбой предоставить мне действительное и полное оправдание, то есть восстановить меня во всех моих правах и положить конец тому, что я во времена демократии продолжаю получать урезанное прежним режимом жалование и деньги на командировочные расходы, что ставит меня ниже уровня более молодых коллег и даже моих собственных учеников.

Профессор всеобщей истории тюрков литературного факультета Стамбульского университета
Заки Валиди Тоган

1 мая 1951 года

Проф. д-р Заки Валиди Тоган

Одна из задач, стоящих перед Стамбульским университетом*

Решения по делам университетов, имеющих общегосударственное значение, относятся к компетенции правительства. Некоторые меры, предпринятые правительством в этом направлении, ныне являются предметом обсуждения в нашей печати. Я в данном случае желаю вести речь о некоторых проблемах, которые должны обсуждаться теми, кто сам принадлежит университету. При этом я коснусь вопросов, находящихся в пределах моей собственной сферы деятельности.

Одна из этих проблем: освобождение от бюрократизма процесса создания научных учреждений, которые, в сущности, и составляют становой хребет университетов. Как один из примеров этого бюрократизма хочу рассказать историю собственной попытки создать научный институт, историю, которая длится уже много лет.

* Türk Yurdu Dergisinin 1961 yılı, 8. Sayısından Ayırbaşım.

По приглашению литературного факультета Стамбульского университета от 26 марта 1926 года, подписанному тогдашним деканом проф. Кёпрюлю Фуадом, где было выражено предложение вести «занятия по всеобщей истории тюрков», я приступил к своим обязанностям 26 января 1927 года и на своем первом занятии, содержание которого позже было опубликовано литографическим способом, кроме всего прочего говорил и следующее:

Всемирно-историческая роль нашего народа в древний и средневековый период истории Азии и Европы с точки зрения взаимосвязи нашего народа с самыми различными народами и цивилизациями может быть сравнима с ролью Англии в XVIII и XIX веках в истории этих же двух континентов. То есть история наша такова, что изучать ее необходимо в едином контексте истории народов всей Азии и Европы. Мы стоим перед необходимостью изучать нашу историю в двух направлениях: 1) с одной стороны, историю Турции нужно изучать в единстве с историей Ближнего Востока, Средиземноморья и Европы, 2) с другой стороны, всеобщую историю тюрков, то есть историю тюркских народов, следует изучать в единстве с историей Азии и Восточной Европы, в особенности Китая, Индии и России.

Для исследования истории скифов, западных гуннов, печенегов и болгар, а также османцев мы должны изучать греческий, латинский языки, а для изучения всех периодов истории и восточных гуннов и всеобщей истории Средней Азии нужно знать китайский, для изучения буддийского периода нашей истории, для чтения исторических источников, обнаруживаемых в ходе археологических раскопок, нужно знать хинди, древнеиранский языки, а для исследования нового времени требуется владение арабским и персидским. Разумеется, все это не может быть достигнуто одним человеком. Если один из исследователей, владеющий арабским, персидским, а также тремя европейскими языками, овладеет и китайским, а второй — хинди и древнеиранским, третий — латинским и греческим, четвертый — славянскими, в особенности русским, то все они должны будут

исследовать историю тюрков, объединившись под одной крышей.

Все эти языки не могут быть изучены вдруг, потребуется время. Однако каждый, кто будет принят на учебу в университет для специализации по истории, в зависимости от избранной им специальности должен будет изучать языки, которые ему будут необходимы. Сегодня этого нет, но в будущем это станет необходимостью. Например, я в России начал изучать латинский язык, позже прекратил, но сейчас вижу, для изучения путевых заметок Ибн Фадлана этот язык необходимо знать, так как труды проф. Х. Френа и других, посвященные данной теме, написаны на латинском языке. Ввиду того, что история тюрков охватывает обширные пространства, мы сможем ее описать лишь сообща, достигнув широкого сотрудничества с западными учеными. Исследования тюркских ученых непременно должны публиковаться на европейских языках и подвергаться критическому анализу западных ученых. На нашем факультете нам нужно сотрудничать с теми западными учеными, которые могут нам помочь использовать в исследовательской работе научные издания, исторические источники, написанные на монгольском, китайском, хинди, древнеиранском и древнеславянском языках, содержащие сведения о тюркских народах и самой Турции. В настоящее время мы не должны изучать свою историю, замкнувшись в собственную скорлупу, изоляция и фанатизм для нас пагубны. Нам нужно вне часов аудиторных занятий организовать работу семинаров, чтобы там молодежь, способная к исследовательской деятельности, могла проявить себя.

Эти свои мысли, высказанные в 1927 году на самом первом занятии, я изложил в предисловии к книге «Введение во всеобщую историю тюрков», изданной в 1946 году, а в книге «Методология исторических исследований», опубликованной в 1950 году, попытался подробно разъяснить эти идеи (с. 190–311) на примере источников, написанных на самых различных языках, показывая пути и методы их использования в процессе научного исследования.

Цель, мною преследуемая, — создание научного института, который занимался бы изучением тюркской истории. Первый раз 26 ноября 1939 года я предложил деканату литературного факультета проект Института истории на восьми страницах, копию которого направил и в Министерство просвещения. В проекте были указаны технические условия для обеспечения деятельности создаваемого института, где бы занимались до 25 студентов и 5 ассистентов, там же сформулированы до 300 актуальных исторических проблем, над которыми необходимо работать, определены научные издания и журналы, которые институт должен издавать. Прежний декан отнесся к проекту отрицательно и в течение нескольких лет не ставил вопрос на повестку дня для обсуждения факультетским советом. Ввиду такого отношения я 9 мая и 26 сентября 1940 года обратился в министерство с подробной запиской (отправив копии и факультету), где попытался объяснить, что если институт не будет создан, то на факультете исследования по тюркской истории не будут развернуты, что из подрастающего поколения не вырастут ученые, что привлечение к этому делу иностранных историков также является необходимостью, что мы нуждаемся в высококвалифицированных переводчиках, которые были бы способны перевести наши труды на иностранные языки для публикации их за рубежом. В Анкаре в министерстве советник Ихсан-бей рассказал мне, что на нашем факультете господствует мнение, будто организация подобного института представляет собою вопрос, в котором лично заинтересован лишь я сам, что сама идея — продукт моей фантазии, что никто из профессоров, ведущих занятия по различным историческим дисциплинам, не пожелает заниматься руководством данного института, поэтому будет более целесообразно создание не Института истории, а лишь Института всеобщей истории тюрков, согласно курсу занятий, который я сам веду на факультете, и что это будет поддержано и министерством. Я свой проект написал в соответствии с этими советами и предложил деканату. Однако и на этот раз вопрос не был поставлен на повестку дня.

10 лет спустя после первого проекта, стремясь воспользоваться происшедшими переменами в руководстве деканата, я вновь предложил проект из трех составных частей, предусматривающий создание Института всеобщей истории тюрков и Азии, Института славянской и русской филологии. Как толь-

ко проект об Институте всеобщей истории тюрков, предложенный мною 19 апреля 1949 года, начали обсуждать на заседании совета профессоров факультета, прежний декан факультета, придя в состояние необычайного волнения, высказался, что «это не что иное, как создание государства в государстве» и покинул заседание. Лишь тогда я понял, какие приняты серьезные меры для того, чтобы эта идея не была осуществлена. Тем не менее с помощью своих ученых друзей на факультете, получивших образование в западных университетах и поддерживавших меня, я этот проект настойчиво вновь и вновь ставил на повестку дня. Спустя полтора года после представления его последнего варианта проект был обсужден на факультетском заседании 30 октября 1950 года и был принят как устав Института всеобщей истории тюрков. Однако проект почему-то в сенат университета был отправлен очень поздно. И сенат никак не мог рассмотреть его, дело затянулось. Наконец я 31 октября и 25 декабря 1956 года обратился с письмами к ректору и сенату, предложив принять первоначальное название — Институт всеобщей истории тюрков и Азии, и настойчиво просил, слишком не затягивая это дело, взять в число исследовательских тем университета и проблемы тюркской истории, указал, что все это может привести к отсрочке подготовки нами серьезных научных публикаций по истории нашего народа и других народов Азии. Сенат семь лет спустя, 3 января 1957 года, на своем 55-м заседании наконец обратил внимание на проект и обсудил его. Однако ввиду того, что представляющие факультет два историка-сенатора не были сторонниками данного проекта, сенат возвратил его обратно на факультет, не поддержав план создания Института всеобщей истории тюрков, а предложив создание института истории широкого профиля, охватывающего все стороны исторических исследований. Я, отстаивая свои прежние идеи, вновь письменно обратился в факультетский деканат, предлагая вновь обсудить предложенный мною проект, однако и до сегодняшнего дня мне не удалось узнать, каковы результаты этого обращения.

В 1950 году институт как будто был создан, ректор Омер Джеяль дал даже устное разрешение: «Можете публиковать свои труды как издания Института всеобщей истории тюрков». На титульных листах двух больших трудов — «Методологии исторических исследований», изданной в том же 1950 году,

и «Хорезмийском переводе „Мукаддимат ал-адаб“», изданном в 1951 году, — было указано: «Издание Института всеобщей истории тюрков». После ухода Омера Джеляля с поста ректора несколько томов моих трудов (в том числе «Рашид ад-Дин, жизнь и труды», «Алишер Навои, жизнь и труды», «История Тимура и его сыновей»), подготовленных для публикации от имени этого института, остались не изданными. В изданиях нашего института должны были принять участие многие зарубежные ученые (в том числе американцы Шурман и Крейдер, японский ученый Такео Абе по теме «Феодализм в истории тюрков», англичанин Данлоп — по истории хазар и кавказских тюрков, англичанин Бейли, Хеннинг и американец Дрезден — по документам на хорезмийском, тохарском, согдийском, сакском и хотенском языках в Средней Азии, связанным с тюркской историей, француз Обен — по истории Улугбека, голландец Карл Ян и Вань Циншан со своими исследованиями китайской части истории Рашид ад-Дина), должны были издаваться труды на английском языке, дающие историческую оценку тюркским дастанам, в этом деле намеревались принять участие профессора Сиэтлского университета и Карл Ян. Некоторая часть этих трудов на сегодняшний день подготовлена, остается лишь в сотрудничестве с турецкими учеными завершить их с учетом сведений, содержащихся в источниках, хранящихся в Турции.

С 1949 года для библиотеки института собраны книги. В этой библиотеке, содержащей к началу текущего года 3132 тома, имеются книги на китайском — 1814 томов, на английском — 363 тома, на русском — 233 тома, на хинди и древних иранских языках (тексты на санскрите, языке Авесты, Харушти, Хотана, Тохара, на согдийском) — 228 томов, остальные книги — на французском, немецком, арабском, персидском, тибетском, латинском, греческом, монгольском, итальянском, таджикском языках и на всех тюркских языках. Библиотека приведена в порядок путем составления двух каталогов — алфавитного и предметного, предметный каталог разделен на 43 специальности, а они, в свою очередь, на 122 части. Например, проблема взаимосвязи тюркских и дальневосточных народов разделена на 8 тем, проблема взаимосвязи тюркско-иранских народов — на 12 тем, политическая история и история культуры тюрков — на 10 тем, история Средней Азии и Кавказа с XVI века до современности и их сегодняшнее положение

ние — на 14 тем, проблемы взаимосвязи в Восточной Европе тюркских и славянских народов — на 13 тем, проблемы всеобщей тюркской культуры и языка — на 14 тем. Скажем, в отделе «История тюркской экономики» под номером 8 содержатся части: а) общие вопросы экономики и торговля, б) финансовые вопросы и налоги, в) промышленность, меры, метрология, г) сельское хозяйство и землеустройство, д) уход за скотом в кочевом и оседлом хозяйстве, уход за лошадьми у турков и др. В отделе «Тюркская цивилизация» под номером 22 содержатся части: тюркская система управления, административное деление, феодализм, тюркское искусство, военное искусство у турков, оружие, военное снаряжение, общественная организация, организация ремесла, спорт, театр, музыка, игры, тюркская этнография и др. Как только институт будет официально организован и обретет свое исследовательское направление, библиотека в течение нескольких лет станет обладателем десятков тысяч редких изданий. С 1949 до 1960 года в библиотеку поступали научные журналы на иностранных языках, с прошлого года и это дело прекратилось. И в отделе микрофильмов библиотеки накоплена богатая коллекция, там содержатся пленки с текстами изданий и рукописей, которых нет в библиотеках Турции.

По словам бывшего декана, если институт не будет создан, то все эти журналы и коллекции микрофильмов будут переданы факультетской библиотеке, то есть усилия, потраченные в течение 11 лет, окажутся напрасными. Если институт будет наконец создан и его деятельность войдет в нужное русло, откроются возможности получения разносторонней помощи от больших благотворительных учреждений мира для ведения исследований как по истории Турции, так и по всеобщей истории турков и Азии. В этой связи о том, что мне было обещано в 1957 году, во время пребывания в Америке, в Рокфеллеровском благотворительном фонде, я сообщил в ректорате и в деканате нашего университета и просил ускорить организацию этого института.

Ректоры, занимавшие эту должность после 1949 года, когда дело организации института как будто было действительно начато (Омер Джеляль, Кязым Исмаил, Фехим Фыратлы, Фахри Еничай), выразившие свою искреннюю поддержку идеи создания института, обещали, что при их ректорстве этот вопрос непременно будет решен окончательно. Но ничего из этого не

получилось. И нынешний ректор, начиная исполнять свои обязанности, говорил, что он это дело непременно решит положительно. Кто знает, может, так и будет. Однако этот вопрос, как мне теперь кажется, зависит не столько от ректоров, сколько от традиций деятельности сената. Я, работая в университете с 1927 года, ни разу не был членом сената, ни разу не имел с ним какого-либо дела. Поэтому мне неведомо, как работает высший руководящий орган университета. Во всяком случае, в нашем университете, в отличие от западных университетов, отсутствует какой-либо высший совет по научным делам, который мог бы защитить научную жизнь университета от притеснений управленческих органов.

Мне бы не хотелось обойти и следующее обстоятельство. Некоторые предложения об организации институтов, поданные в сенат несколько лет или даже много лет позже нас, были приняты, в том числе на нашем факультете официально был организован Институт экспериментальной психологии. Организована была у нас также Станция археологических исследований Анталы. Решение о ее организации было принято факультетом на заседании от 21 декабря 1954 года после одногоединственного короткого обсуждения, и дело тут же было направлено в сенат. И сенат, спустя лишь две недели, 8 января 1955 года, на своем первом в новом году заседании принял положительное решение с первого обсуждения. Сенат для этой станции тут же определил ассигнования в размере 15000 лир. А в 1959 году, сократив бюджет Института исламоведения, географии и тюркологии, составлявший по 15000 лир в год, на 5 тысяч лир, отдал эти деньги Археологической станции, и ее бюджет был доведен до 30000 лир в год. Сказанное не следует истолковывать, будто я желаю противопоставить одну ветвь высшего органа университетской власти другой ее ветви, однако обязанностью ученого является выявление и описание происходивших событий с реалистических позиций, такими, какими они были на самом деле. Существует необходимость создания при высшей университетской власти органа, который должен заниматься делами ученых-исследователей. Иначе они постоянно будут испытывать трудности в защите своих законных интересов по проблемам управления, набора учеников и преподавателей, служажих, получения помещения, финансов. Возвращаясь к делам нашего института, следует отметить, что безуспешность наших попыток имеет — кроме засилья бю-

рократизма и отсутствия у нас среди бюрократов благоволящих к нам помощников — и целый ряд других причин. Прежде всего отметим, что некоторые наши соотечественники историю тюркских народов до сих пор не признают в качестве истории. Однажды в знойные дни лета (кажется, это был 1927 год) я встретил в Бурсе покойного Халиля Эдхем-бея, руководившего сбором остатков греческих археологических памятников у медресе рядом с Зеленой мечетью. Когда я ему сказал: «Не лучше ли, если византийские памятники будут собраны в крепости, а здесь были бы расположены исламские и османские археологические памятники?» — он с возмущением ответил: «Для османских произведений применять понятие «археология» невозможно». И сейчас один из тех, кто наши усилия в изучении истории и культуры тюркских народов не воспринимает всерьез и считает, что они «не заслуживают создания института», отвергая мои старания подготовить местных специалистов по изучению истории тюркских народов и истории Азии, сказал: «Найдите для этих дел людей из числа своих татар». Мы часто бываем свидетелями горькой практики осуществления ошибочного мнения. Есть авторы, которые в факультетских изданиях пишут, что якобы «история среднеазиатских народов не предмет истории, а лишь этнографическая проблема», «до каких пор мы будем терпеть в нашем университете тех, кто пытается породнить нас с варварскими народами, ведь они хотят дальше расширять свою деятельность». Есть и такие, которые выступают против создания института исходя из политических соображений, считая, что занятие историей тюркских народов будет означать вмешательство во внутренние дела России. Кажется, есть еще одна важная причина: у некоторых возникло опасение, что создание этого института приведет к формированию группы ученых, которая будет иметь будущее. На литературный факультет обычно приходят те, кто не был принят на технические, медицинские или юридические факультеты. И для них, под влиянием семьи или окружения желающих сделать научную карьеру, не может быть привлекательной перспектива поступления в университет с целью изучения всеобщей истории тюркских и азиатских народов, требующая знания арабского и персидского, трех европейских языков, сверх того еще одного из следующих языков: китайского, древнеиндийского, одного из славянских, древнегреческого или латинского. Такая задача не может казаться им

легкой. Поэтому для них следует определить более повышенную, чем обычная, стипендию и после завершения учебы предусмотреть для них места для работы. Обращаясь к покойному ныне Ататюрку, я попытался объяснить, что при нынешнем состоянии дел мы не сможем подготовить себе достойную замену, для этого необходимо определить пяти студентам, изучающим арабский, персидский, китайский, хинди, какой-либо из славянских языков, для дальнейших занятий по истории специальные стипендии. Это предложение было хорошо встречено им и было дано соответствующее задание Министерству просвещения. Однако министр просвещения Абидин-бей не смог понять проблему, лишь поругал меня, сказав: «Как можно обращаться напрямую к Ататюрку по вопросу, который относится всецело к нам, Министерству просвещения?». 20 лет спустя, обращаясь к другому понимающему проблему министру просвещения, я рассказал о том, что в 1949 году, захватив Синьцзян, китайцы направили для «просвещения» мусульман, находящихся под властью красного Китая, 460 молодых людей, прошедших подготовку на советских литературных факультетах и в коммунистических пропагандистских университетах, и что их оклад не был меньше оклада инженеров, что и нам для разъяснения нашему народу его собственной культуры, а также его собственных интересов следует встать на тот же путь, что мы, постоянно ограничивая будущее наших студентов профессией учителя истории и литературы в лицеях, не сумеем подготовить молодые кадры для научной деятельности, что в таком случае нам не удастся повернуть способную молодежь от техники к национальной культуре. Объяснив все это, я вновь поставил вопрос о стипендиях, но до сих пор никаких результатов добиться не удалось. После Ататюрка, который в 1930 году, пригласив меня, проф. Фуада Кёпрюлю и студентов в университетскую аудиторию им. Энвера-паши, говорил о проблемах преподавания истории, никто больше не интересовался нашими занятиями, не обращал внимания на наши исследования, не нашелся ни один представитель, который бы оказал содействие нашему делу, оставшемуся без поддержки.

Факультет литературы испытывает крайнюю тесноту. После строительства нового здания нам для курса всеобщей истории тюрков с большим трудом удалось добиться единственной комнаты площадью 10 м². Среди трех столов, книжных шка-

фов, содержащих в себе 4 тысячи томов, ассистент, некоторые студенты, подолгу занимающиеся под нашим руководством, учитель китайского языка, профессор по санскриту, учитель русского языка можем поговорить, стоя на ногах, так как возможности заниматься за рабочим столом у нас нет. Если хотя бы один из ректоров снизошел до того, чтобы прийти к нам и взглянуть, то понял бы наше положение. Однако у нас есть высокие и широкие, как ангары аэропланов, коридоры, может быть, следовало бы в них соорудить этажи или в садах из досок построить бараки, поставить в них железные отопительные печи и заниматься в них. Все, что мы желаем, это иметь просторные комнаты для ведения нормальных занятий. В Америке в Сиэтле, даже в Колумбийском университете несколько научных учреждений расположились в дощатых бараках, оставшихся со времен второй мировой войны. Из-за отсутствия ассигнований не можем выписывать книг и научных журналов. До сих пор не возмещена стоимость книг, купленных нами еще в 1957 году. Выписывали около 60 научных журналов, с 1959 года не можем выписывать и их. С начала 1959 года мы не знаем, какие новые публикации по нашей специальности появились в Европе. Ни одно издание из германских, английских, американских, российских, французских, индийских, японских востоковедных обществ, ориенталистических школ мы не получаем. При таком положении вещей даже при наличии помощников мы не сможем заниматься наукой.

С моей точки зрения, самостоятельность университета заключается в том, чтобы освобождать исследователя от всех тех бюрократических препон, которые связывают его по рукам и ногам. Ощущение внутренней несвободы, бюрократизм, сдерживающий любое проявление самостоятельности, пессимизм, покорное признание собственной отсталости перед Западом — все это и есть проявление господства отвратительных традиций, уничтожающих у нас чувство правомочности, ограничивающих нашу инициативу. Ясно как день: если наши университеты не сумеют войти в мир подлинной международной научной мысли с исследованиями по истории, языку и культуре нашего народа, подобно университетам западных государств, если, например, мы не сумеем в изучении письменных источников на языках Средней и Южной Азии, обнаруженных в ходе археологических раскопок, встать в один ряд с европейскими учеными, как это нам удалось при изучении

языков Ближнего Востока, то в сфере культуры и осмыслении своего национального существования мы будем продолжать зависеть от других народов. Например, не сможем подняться даже до уровня А. Ализаде, который, изучив современные общественные и экономические науки, исследовав оригинальные письменные источники на арабском и персидском языках, три года тому назад издал книгу «Социально-экономическая и политическая история Азербайджана в XIII–XIV века». В одно время в нашем государстве господствовало мнение, что руками турков нельзя произвести ничего, кроме деревянных деталей железнодорожных вагонов, а о производстве самолетов и моторов и речи не было. Теперь мы преодолели этот этап. Однако до сих пор у нас господствует мнение, что оригинальные исследования в области национальной культуры и истории на основе изучения китайских, индийских, славянских источников, письменных памятников на древних среднеазиатских языках — дело европейских ученых, а участь, выпавшая на нашу долю, — создание трудов, посвященных проблемам, разрабатываемым на основе изучения источников на персидском и арабском языках. Обсуждение на собрании профессоров факультета предложения о том, что нужно обеспечить на факультете возможность совместной деятельности наших ученых с европейскими в области изучения нашей истории и дастанов, состоявшееся 25 октября и 15 ноября 1960 года, было достойно всяческого внимания. Было бы очень кстати, если бы протоколы подобных обсуждений рассматривались высшей комиссией по научным исследованиям при сенате.

Предложение о создании научного института, который должен заниматься истоками истории тюрков, если принять во внимание первый проект, поданный 26 октября 1939 года, ждет рассмотрения 20 лет, если принять во внимание второй проект, поданный 19 апреля 1949 года, то он более десяти лет лежит, затерявшись среди других бумаг. Несмотря на все это, мои предложения однажды будут претворены в жизнь. В эти годы, вступив в завершающий этап своей жизни, мне очень хотелось бы собственными глазами увидеть, как будет создан Институт всеобщей истории тюрков и Азии и, ввиду сложности данной области исследований и малочисленности студентов, будут определены им надлежащие стипендии, и исследования, посвященные истории нашего народа, наконец-то обретут нужное направление. Когда у нас вырастет молодежь, изу-

чившая итальянский, латинский и греческий языки и способная заниматься в архивах Венеции, Рима и Женевы, с другой стороны, если найдутся и те, которые для того, чтобы заниматься в славянских, арабских и иранских архивах и библиотеках, изучат и эти языки, то и у нас, как в Лондонском университете, можно было бы создать Институт истории Турции и Ближнего Востока, другие институты и семинары по истории, которые смогли бы объединиться вокруг общего центра. Исторические институты факультета смогут создать при себе музеи восточной культуры и другие учреждения по изучению Востока. Видимо, все эти дела будут претворены в жизнь уже после нас.

В проекте Конституции предусмотрен Верховный экономический совет, имеющий самостоятельный бюджет, но не предполагается создание Турецкой Академии наук с независимым бюджетом, которая стала бы основой для самостоятельных научных исследований и которая не зависела бы от смены руководства государства. Для нас единственная надежда — поддержка самостоятельных научных инициатив ученых-исследователей частным капиталом, учреждение богатыми людьми Турции благотворительных фондов, которые обеспечили бы издание серий научных трудов и журналов по истории и культуре тюрков на турецком и европейском языках. В Голландии один богатый издатель по имени Мутон, организовав с 1954 года издание «Central Asiatic Journal», в увидевших свет до сегодняшнего дня 20 выпусках обеспечил возможность всем желающим воспользоваться чрезвычайно ценными трудами самых видных тюркологов, китаеведов, тибетологов, монголистов, индологов, посвященных истории, языку и культуре среднеазиатских, в том числе тюркских и монгольских народов. Точно так же, благодаря оставленному одним датским владельцем пивного завода благотворительному фонду, были в очень совершенной форме опубликованы литературные памятники на языках Азии («*Monumenta Linguarum Asiae Majoris*»), в том числе памятники тюркских и монгольских языков. Почему бы и турецким богачам ради опубликования и исследования собственных национальных культурных памятников не учредить подобные благотворительные фонды.

Проф. Заки Валиди Тоган

Ошибочное направление, проявившееся в международной инициативе относительно истории тюркских народов*

Стамбульский конгресс востоковедов 1951 года благодаря стараниям тогдашнего министра иностранных дел Турции проф. Фуада Кёпрюлю, автора этих строк и других турецких делегатов принял решение издать трех- или четырехтомный фундаментальный справочник по истории тюркских языков, литератур и культур. Расходы на его издание брали на себя ЮНЕСКО, Германская академия наук и Турция. Такого рода справочники по-латыни называются «Fundamenta», а по-немецки «Grundriss». К сожалению, свергнутое правительство так и не смогло выделять ежегодно 2000 долларов на его подготовку.

Мы неоднократно уведомляли тогдашних министров просвещения о том, что если Турция не примет долевого участия в финансировании работы и издании справочника, если наши ученые не будут участвовать в деятельности редакционной коллегии и если они не будут привлечены к рассмотрению произведений о тюркской культуре, предлагаемых для включения в справочник во время заседаний редколлегии в Турции, то инициатива показать всему миру, что из себя представляют тюрки и их культура, перейдет в другие руки. Так оно и произошло. В 1957 году умер тюрколог и монголист проф. Грёнбек, один из главных пропогандистов этого предприятия, к тому же обеспечивавший в нем участие Дании, беззаветно работавший вместе с ним ученый секретарь д-р Дёрфер отстранился от дел, и по оплошности члена подготовительного комитета проф. Шееля все попало в руки г-на Луи Базена, бывшего доцентом г-на Дени, и его протеже Пертеву Боратаву. Я не знал партийной принадлежности г-на Базена, но слышал, что он склоняется влево и является другом Советов. В 1954 году на Кембриджском конгрессе востоковедов я не придавал значения одному факту, который очень удивил других участников: г-н Базен охапками носил советскую литературу, привезенную

* *Togan, Zeki Velidi. Türk kavimleri tarihine dair milletlerarası bir teşebbüse gösterilmekte olan yanlış istikamet // Türk Yurdu. Ankara, 1963. Cilt 3. Sayı 6.*

русской делегацией, и распространял ее среди членов конгресса. Но когда я увидел, как усиленно они стараются редактировать статьи «Основ тюркской филологии» по истории тюркских литератур в угоду Советам, как стремятся вычеркнуть имена Ризаэтдина Фахретдинова, Фатиха Карими, Фатиха Амирхана, Габдрахмана Сагди, казахских национальных поэтов, национального писателя и поэта Крыма Шевки Бектюрея, находящегося в забвении уже 55 лет, то есть имена тех, кого русские считают националистами и уже не упоминают в своей литературе, — когда я увидел все это, я понял, что дело приняло нешуточный оборот.

В западных научных журналах, таких как «Central Asiatic Journal», членом которого я являюсь, публикуются и ученые из-за железного занавеса. В вышедшем и готовящихся томах «Основ тюркской филологии» достойно участвовал и участвует профессор Варшавского университета д-р А. Заянчковский. В четвертом томе справочника, посвященном не связанным с политикой проблемам истории тюркской культуры — музыке, играм, танцам, внешнему виду, одежде, архитектуре и убранству шатров, домов и городов и т. п., — могли бы принять участие Затоевский, Гаскаров, С. Руденко, В. Лавров и другие русские специалисты. Но когда речь заходит о политической истории, положение меняется: многие из них относятся к предмету предвзято. Одно дело — публиковать в западных журналах отдельные статьи русских и других левых ученых и совсем другое — передавать управление и руководство такого рода справочным изданием в руки друзей Советского Союза.

Когда в 1951 году в Стамбуле создавался Комитет по подготовке и изданию «Основ тюркской филологии», г-н Базен в состав редакционной коллегии избран не был. Он и его друг Пертев Боратав были привлечены лишь для того, чтобы править корректуру, выполнять техническую работу и составлять указатели. В 1958 году в органе ЮНЕСКО журнале «Diogéne», № 24 г-н Базен опубликовал 33-страничный «предварительный план», касающийся не только филологической части, в которой он более или менее разбирается, но вообще всех частей «Основ тюркской филологии», включая язык, литературу и историю. Пункты этого плана, касающиеся истории, которой г-н Базен никогда не занимался, отражают русскую доктрину, хотя и написаны они с большой осторожностью. Так, про- странство, известное в нашей литературе как «Дешт-и-Кып-

чак» («Кыпчакская степь»), он называет «русская степь»; проблему одностороннего влияния монгольской и тюркской культуры на русских в эпоху Золотой Орды он представляет как проблему якобы взаимного влияния русской и тюркской культур; борьбу русских против Золотой Орды он представляет как пробуждение «сильного русского национального духа», о котором в то время и речи быть еще не могло; говоря о «всемирно-историческом значении этой борьбы», он заявляет, что золотоордынский и следующий за ним период истории должны изучаться не столько одними тюркологами, сколько совместно тюркологами и славистами; он ни единым словом не упоминает ни о том, что происходило с тюркскими народами после начала русской экспансии в XVI веке (эта тема не нуждается в совместных исследованиях тюркологов и славистов), ни о политических и культурных процессах, ни о культурной жизни и идеологической борьбе, которым посвящены многие тома Шихабетдина Марджани, Мурата Рамзи, Ахуна Курбангали Халиди и других тюркских историков и которые отражались в периодической печати, ни об истории местной экономики, которая представлена в архивных документах, ныне томами издаваемых в современных советских тюркских республиках.

Турецкие архивы и библиотеки располагают множеством документов о жизни тюрков под русским владычеством после XVI века, о восстаниях против России мусульман Кавказа, башкир, казахских и западносибирских ханов, об их обращениях к турецким султанам и крымским ханам. В одной из провинциальных турецких библиотек хранится, например, документ о завоевании Казани русскими, написанный жителем Астрахани. В ближайшем, 12-м, томе журнала «Saeculum» проф. Азиз Ахмад опубликует материалы о взаимоотношениях среднеазиатских тюрков с Великими могилами Индии.

Кроме того существуют целые сборники документов и переписки, составленные в странах Средней Азии, отражающие их жизнь в эпоху после XVI века. А из работ Л. Дюма об экономической истории этих стран мы узнаем, что существуют также и богатые сведениями китайские источники. Благодаря подобным источникам и документам, а также выходившей с конца XIX века периодической печати нам становится известной политическая и культурная жизнь тюркских народов в XVI–XIX вв., в том числе и народов Кавказа и Крыма, и вза-

имодействие народов во время революционных событий 1905, 1908 и 1917–1923 годов, что составляет самые животрепещущие проблемы тюркской истории и нашего справочника. Что же касается событий в отдельных тюркских республиках, образованных в советское время, то, в соответствии с нашей программой, их следует только перечислить, не вдаваясь в их объяснения и оценки.

Публикация дорогим проф. Г. Яшке календаря событий новой тюркской истории не превратила его в пантюркиста. И американские ученые Ричард Пирс, Рудольф Лёвенталь и Мартин Диксон также проводят серьезные исследования вовсе не для того, чтобы понравиться тюркам. Просто современная историческая наука не существует без истории тюркских народов.

Г-н Базен же обошел молчанием всю эту эпоху русского владычества в истории тюркских народов, отбросил, не забыв, однако, оценить с дружественной Советам точки зрения незначительные факты (такие, например, как якобы появившуюся у тюрков возможность играть очень важную роль в так называемых республиках, созданных Советами). В своей публикации г-н Базен слово *узбек* употребляет в том же значении, что и русские: этот кыпчакский народ он противопоставляет другим кыпчакским народам и описывает узбеков как чагатайский, а казахов — как кыпчакский народ, то есть как разные народы, принадлежащие к разным культурам. Он ни одного слова не говорит о тех казахах, которые во все времена переселялись в кишлаки и города бассейнов Сырдарьи, Чу и Таласа и которых в окрестностях Ташкента и Балха называли *курама*, о таких казахах, как Эмир Ялантюш, Каип-хан и Аблай-хан, которые строили мечети и медресе в Самарканде, Сабране, Яссе и Чёгечеке и которые поддерживали тесные контакты с тюрками Индии и Ирана; в то время как современные казахские ученые говорят на научных конгрессах о деятельном участии казахов в развитии своей страны в феодальную эпоху, он не считает необходимым уделить им место в истории культуры тюркских народов. В отличие от узбеков, он называет казахов «чисто кочевым народом».

Перечисленные нами проблемы, естественно, не интересуют тех, кто расценивает эпоху русского господства только как эпоху позитивного культурного развития. И г-н Базен с его односторонними взглядами не может относиться к ним беспри-

страстно. Он еще в сентябре 1953 года на заседании подготовительного комитета, принимая участие в обсуждении программы третьего тома справочника, заявил, что история русского господства над тюркскими народами является историей России и предложил вообще не включать этот период в справочник. Это предложение вызвало серьезную критику представителя Азербайджана Алиакбара Топчубаши, который, в конце концов, покинул заседание комитета.

Г-н Базен наверняка знал, что такова была позиция, изложенная в многотомных «Очерках по истории России» и советской 7-томной «Всемирной истории», а если он и не знал этого, то к такому мнению его должно было подвести его дружеское отношение к России. Совершенно естественно, что каждый вправе любить то, что хочет. И во Франции может быть много людей, любящих русских еще с царских времен. Но в международном научном справочнике недопустимо жертвовать научной истиной ради подобной «любви».

Мы, турки, обсуждали программу этого третьего тома в 1951 и 1952 годах. В качестве подготовительного материала к заседанию 1953 года в Париже я с Мансуроглу и другими коллегами составил программу из 48 пунктов. В Париже этот проект программы был внимательно изучен и принят как «хорошая основа для дискуссии»*.

В 1954 году он был опубликован в «Докладе» подготовительного комитета (с. 15–17), представленном XXIII Международному конгрессу востоковедов в Кембридже. Предполагалось, что проект будет впоследствии расширен, но в то время никому и в голову не приходило, что наступит день, когда, как и предлагал г-н Базен, история тюркских народов под владичеством русских будет исключена из программы. Однако на заседании подготовительного комитета в апреле 1959 года, организованном Французским институтом археологии, проф. Х. Шеель, между прочим коснувшись исторической части справочника, сказал, обращаясь ко мне: «А ваша программа уже давно отвергнута!» На наш с Мансуроглу вопрос «Кем отвергнута?» ответа не последовало. Нам стало ясно: Базен и Шеель предпочли «предварительный план» Базена, а наш отвергли, но на том заседании обсуждать этот вопрос было неуместно.

* В оригинале слова в кавычках написаны по-французски. — *Примеч. пер.*

В декабре того же года на конгрессе «Тюрк оджаклары» в Анкаре мы доложили министру просвещения Тевфику Илери о создавшемся положении и настояли на том, чтобы очередное заседание подготовительного комитета было проведено в 1960 году в Стамбуле: у себя на родине мы смогли бы отстаивать свой план.

В конце июля того же года в Мюнхене на Конгрессе по изучению Советской России я встретил компетентного исследователя истории Азербайджана Джейхуна Хаджибейли и сказал ему, что если он сможет написать для третьего тома справочника статью по истории Азербайджана, то я смогу предложить ее вниманию подготовительного комитета и постараюсь пригласить его на заседание комитета в Стамбул. Однако, вернувшись в Париж, Хаджибейли написал мне письмо о мнениях на этот счет Базена и его друзей и о том, что они всеми силами будут препятствовать включению в справочник статей об Азербайджане и вообще о тюркских народах, находящихся под русским господством.

Обо всем этом я написал письмо министру просвещения Атифу Бендерлиоглу, в котором особо подчеркнул, что «если правительство не обеспечит нашего персонального участия в подготовке справочника, он перейдет в руки лиц, питающих любовь к России, что принято решение о том, что на XXV Международном конгрессе востоковедов, который состоится в Москве в 1960 году, слово «тюрк» будет употребляться только по отношению к Турции, а все остальные тюркские народы будут называться их племенными именами, и что если мы согласимся с таким наименованием, оно может быть перенесено и на справочник». Копию этого письма я направил проф. Осману Турану, президенту «Тюрк оджаклары», а он без моего ведома опубликовал его в декабрьском номере журнала «Türk Yurdu» за 1959 год.

Мои опасения, изложенные в этом письме, вскоре стали подтверждаться. Все писатели, историки и мыслители тюркских народов, находящихся под русским господством, не упоминаемые в советском литературоведении, были вычеркнуты из второго тома «Основ тюркской филологии» г-ном Базеном и его друзьями, а разделы тюркских литератур советского периода, к великому сожалению, были исключены. Эти факты были замечены и вызвали дискуссию в прессе тюркских народов.

25 января 1963 года на заседании подготовительного комитета был принят план и состоялось распределение авторской работы третьего, исторического, тома справочника, предложенные группой Базена-Боратава. Этот план совпадал с «предварительным планом», опубликованным Базеном в 1958 году в «*Diogéne*», и совершенно отличался от нашего, турецкого, плана из 48 пунктов, предложенного нами в 1953 и опубликованного в 1954 году.

Новый план выглядел так.

А. Общая часть:

1. Тюрки в доисторический период и на заре истории.
2. Прототюрки или считавшиеся ими народы (период до основания государства Топа в 400-х годах н. э. *Гунны, тиньлини и кинку*).

Б. Древние и средневековые тюрки (IV–VIII века):

1. От государства Топа до государства гёктюрков:
 - а) распространение тюрков на запад и юго-запад, распад государства Хунну (*гунны, оногуры, эфталиты, болгары, сабиры, отурогуры, токурогуры, авары* и др.);
 - б) тюркские и алтайские народы в Средней Азии и на Востоке (*топа, джуан-джуэни, йа-та, гело* и др.).
2. Эпоха тукю, до уйгуров (550–744 годы):
 - а) *тукю* и другие тюркские народы в Средней Азии;
 - б) западные тюрки (*оногуры, болгары и хазары*).

В. Средневековая история (VIII–XIV века):

1. *Уйгуры* и другие немусульманские тюркские народы Средней Азии (VIII–XIV века), царство Хотчо и Канчу, уйгуры в монгольскую эпоху.
2. Тюрки-немусульмане на Западе (*кыпчаки, печенеги, их связи с маджарами*).

Г. Тюрки-мусульмане на Западе:

1. Тюрки в мусульманских государствах до начала XI века (включая газневидов).
2. Первые тюрки-мусульмане в Средней Азии и распространение ислама среди тюрков России.
3. Великие сельджуки в Иране.
4. Тюрки в Малой Азии в XI–XIV веках.
5. Тюрки в Малой Азии в XIV–XV веках.

6. Тюрки в Иране, Средней Азии и Индии от монгольского завоевания до сефевидов.
7. Тюрки в арабских странах в послесельджукскую эпоху (мамлюки).

Д. Османская история:

1. От основания государства до смерти султана Мехмеда II Завоевателя.
2. От смерти султана Мехмета II Завоевателя до смерти великого везира Мехмета-паши Сокуллу.
3. От 1579 года до конца XVIII века.
4. От XIX до начала XX века.
5. 1908–1923 годы.

Е. Государственное устройство Османской империи:

1. Экономика и земледелие.
2. Административные, военные и социальные институты.
3. Религиозные институты.
4. Положение немусульманских народов.

Таким образом, в этом плане не нашлось места истории тюркских народов, находящихся под русским владычеством. И лишь в инструкции по практическому осуществлению этого плана, принятого, как указано в протоколе, «единогласно», после двухстраничных подробных разъяснений записано, что вслед за тремя основными частями (доисламской, исламской эпохами и османском периодом) предполагается приступить к работам над четвертой частью — историей тюркских народов на территории России и Туркестана, которая, однако, странным образом ограничивается «временем существования Османского государства». Но такая граница совершенно бессмысленна, ибо ни Туркестан, ни Казахстан никогда не были частью Османского государства. Эта оговорка была сделана, как нам стало известно, по настоянию одного из турков, присутствовавших на заседании. Но даже если эти разделы, не вошедшие в три основные части, и будут когда-нибудь написаны, они все равно будут доведены только до падения царизма в России и не затронут революции 1917 года и советский период истории тюркских народов.

Главнейшие отличия нашего, турецкого, плана, приведенного в конце статьи, от базеновского, заключаются в следующем:

1. Не задерживаясь долго на темных и дискуссионных периодах нашей истории, главное внимание мы уделяем средневековью и новому времени. События эпохи Ататюрка в Турции, революционных движений в России и Китае мы просто перечисляем в хронологическом порядке и даем общие сведения о развитии демократии в Турции после второй мировой войны и о положении тюркских народов Афганистана, Ирана, Ирака, Польши, Литвы, Болгарии, Румынии и Югославии. Эти вопросы намечены четырьмя пунктами нашей программы. Но в уже принятой программе они отсутствуют. История Турции доведена лишь до провозглашения Республики. И вместо всего этого уделено внимание тиньльням, кинку, оногурам, куртигурам, сабирам, аварам, эфталитам, йа-та, гело и другим древним тюркским и монгольским племенам, о которых надо бы вести речь не в справочном издании, а в специальных монографиях и научных журналах.

2. В нашей программе историю четырех улусов монгольской эпохи, ильханидов, Тимура и тимуридов мы выделили в пять самостоятельных пунктов. Еще в мае 1956 года, когда никому еще и в голову прийти не могло изменение политической ориентации справочника, во время великолепно организованных и искренних заседаний в Майнце и лесных прогулок в его окрестностях старый идеалист проф. Грэнбек говорил мне: «Возьми и напиши о Чингизе и тимуридах, которых ты так хорошо знаешь!» Я последовал его совету и оформил результаты собственных исследований в виде двух статей, предварительно проконсультировавшись по некоторым вопросам у таких специалистов, как Хениш и Тауэр. Другой выдающийся специалист по эпохе монголов и тимуридов, проф. Мухаммад Шафи, помог мне завершить эти работы, организовал их перевод на английский язык и взял их для публикации в «Urdu Encyclopaedia of Islam» — самом главном научном издании Пакистана. На декабрьском заседании подготовительного комитета в 1961 году я письменно заявил о том, что мои статьи уже готовы. А сейчас выяснилось, что в новой программе эпоха Чингиза и тимуридов — одна из самых блестящих страниц средневековой тюркской истории — вся уместилась в одном пункте, причем даже без упоминания имен Чингиза и Тимура, и этот раздел, включающий также историю тюркских народов Ирана и Индии досефевидского периода, поручен молодому французскому иранисту г-ну Обену.

3. В нашей программе существует особый раздел из двенадцати пунктов — «Тюркская культура и ее история». А в новой программе этот раздел вообще отсутствует, есть только приписка о том, «что от этого раздела решено отказаться по финансовым и практическим соображениям». Но ведь когда принималось решение о подготовке справочника, Стамбульский конгресс востоковедов назвал это издание «Справочник по тюркским языкам и истории тюркской культуры». Похоже, что нынешняя редколлегия считает возможным ограничить тюркскую культуру только рассмотрением устройства и учреждений Османского государства, и то этот раздел поручен не лучшему знатоку истории духовной жизни Кёпрюлю Фуаду, а Абдулбаки Гельпынарлы, другу Базена и Боратава. И если бы подготовительный комитет взялся бы за всю культуру тюркских народов целиком, то финансирующее его Турецкое правительство не допустило бы «отказа от этого раздела» и смогло бы пойти на значительные расходы на научную его разработку.

4. Планируя второй пункт нашей программы, мы предполагали лишь кратко остановиться на предыстории тюркских народов и беспристрастно объединить различные, что вполне естественно, точки зрения на ранний период взаимоотношений между алтайскими, арийскими и дальневосточными племенами. Именно так и обсуждался этот пункт в 1953 и 1956 годах. А в новой программе выделен целый раздел под названием «Археологические данные о предыстории и ранней истории тюркских народов», и поручен этот раздел какому-то русскому ученому Вадиму Елисееву, ни имени которого, ни работ которого на эту тему мы не знаем. Нам известен Серж Елисеев, японист и специалист по истории дальневосточного искусства, но зато Вадим Елисеев, наверное, хорошо известен Базену и его друзьям. Одна из проблем, которые трудно обсуждать с современными русскими учеными, состоит в том, что, по их доктрине, народы стран, захваченных русскими начиная с XVI века, «добровольно вошли в состав России, и это присоединение стало для них истинным благом». Вторая же проблема относится к их концепции прежней истории этих народов: поскольку русские стремятся создать из этих народов одну «советскую нацию», они описывают прежнюю историю как эпоху мрака, «предысторию» и, в соответствии со своими теориями «этногенеза», фанатично пытаются доказать, что в далеком

прошлом эти народы являли собой некий этнический «сплав», быстро менявший свой язык и образ жизни. Эта теория имеет цель убедить народы в том, что и в будущем они вступят на путь создания нового «сплава» и новой перемены языка и образа жизни. Отсюда стремление доказать, что нынешнее разделение тюрков на малые народы, которые с легкостью будут поглощены будущей «советской нацией», существовало и в древнюю мрачную пору. Этапы «развития» современной русской исторической и этнографической теории хорошо разъяснены в публикациях самих русских ученых проф. А. А. Миллера и Якубовского, немцев проф. Г. Штадмиллера, Георга фон Рауха, француза К. Казна, а также в журналах «Comparative Studies», «Society and History» и «Saeculum» и в статьях других историков свободного мира. Вполне возможно, что, как и многие русские ученые, Вадим Елисеев будет предан истине и не станет опускаться до подобных фальсификаций. Но если в свободном мире есть такие заслуженные ученые, как К. Йеттмар, Ф. Ханджар, Дж. Хаксинс, внимательно следящие за русскими исследователями Средней Азии и Сибири, то зачем утруждать себя нелегкими проблемами подбора такого русского ученого, который смог бы написать для справочника непредвзятую статью, зачем давать повод для спекуляций и отдавать всю работу в одни руки?.. Перечисленные выше специалисты свободного мира могли бы провести совершенно независимое исследование археологических материалов Средней Азии и Дальнего Востока и представить коллективный труд по древнейшей истории племен Центральной Азии, учитывающий научные теории, существующие и в России и во всем остальном мире. Ведь именно этот путь был выбран в первом томе справочника, посвященном тюркским языкам.

По моему мнению, в исторической части справочника следовало бы оставить в покое темные эпохи древнейшей истории, удобные для всякого рода вымыслов, и начать с краткой истории гуннов, чуть подробнее дать историю гёктюрков и еще подробнее — последующие периоды, довести перечень событий современной истории до момента выхода справочника в свет, привести исчерпывающую библиографию и, таким образом, обеспечить будущие исследования.

5. Главное же отличие новой программы от нашей состоит в том, что история тюркских народов под властью России ос-

тавлена до лучших времен и что история первых тюрков-мусульман Средней Азии ограничена «распространением ислама среди тюркских народов России». Распространение ислама среди огузов, карлуков, «от болгар до Баласагуна, то есть между волжскими булгарами и современным Казахстаном на Западе и среди тюрков Восточного Туркестана, происходило в первой половине X века. Значит, предки казахов, туркмен и татар, ныне находящихся под русским господством, вдруг превратились в «тюркские народы России»*. Но ведь все дело в том, что, когда эти народы принимали ислам, русского государства вообще еще не существовало. В нашей же программе (пункты 4–5, 10–11, 15–17, 21, 23–24, 29–30) исследование политической и социальной истории тюркских народов, сейчас находящихся под властью России и Китая, предпринято в широком масштабе, а принятию ими ислама посвящен лишь один, четвертый, пункт**.

В протоколах заседания подготовительного комитета, принявшего после часового обсуждения заранее подготовленную программу, имя г-на Базена упоминается 10 раз. Он не ограничился участием в написании древней и раннесредневековой истории тюркских народов — гуннов, гёктюрков и других среднеазиатских народов, а также северо-западных народов, хазар и болгар — вместе со своими упоминаемыми в протоколах друзьями, и особенно с проф. Лигети, известным своим искусством в деле советизации Венгерской академии наук, взвалил на себя ношу обеспечения гармоничности статей с точки зрения содержания, внесения изменений в необходимых случаях и централизации корреспондентских отношений между авторами и организации их непосредственных связей. Это было неожиданным для всех расширением полномочий г-на Базена. Ведь сам он снискал дурную славу среди востоковедов такими своими выходками, как, например, присвоением себе на Меж-

* В оригинале слова в кавычках написаны по-французски. — *Примеч. пер.*

** Пока данная статья находилась в наборе, была опубликована программа третьего тома справочника, в которой история тюркских народов, находящихся под властью России и Китая, доведенная, однако, только до 1917 года, была включена в 4-й раздел. Но мы сейчас обсуждаем тот вариант программы, который был предложен на заседании 25 января и распространен с подписями Базена и Шееля. Таким образом, если будет оказано давление извне, другие критикуемые пункты программы также могут быть изменены.

дународном конгрессе востоковедов в 1957 году приоритета на установление одной даты, связанной с Махмутом Кашгари, что уже было сделано в Турции за 30 лет до него. Турецкий профессор Хасан Эрен («Türkiyat Mecmuası». IX. S. 201–202), даже без анализа литературы на французском языке назвал уважаемого проф. Базена в связи с этими его претензиями «примитивным и поверхностным автором». Такие полномочия нельзя объяснить материальной поддержкой справочника французами, так как мы не слышали о такой поддержке, да и сам он не избирался конгрессом востоковедов в состав подготовительного комитета. На конгрессе был избран проф. Дени, который сейчас практически не участвует в работе над справочником. И если теперь от дел отойдет по причине преклонного возраста и другой избранный на Стамбульском конгрессе востоковедов член подготовительного комитета — проф. Шеель, то справочник полностью окажется в руках г-на Базена и его друга Пертева Боратава.

По решению Стамбульского конгресса востоковедов 1951 года работа над справочником, особенно его исторической частью, поручалась Стамбульскому университету. Об этом ясно говорится в протоколах конгресса, опубликованных на английском языке (см.: Т. 1. С. 212: Подготовка для справочника материалов, относящихся к филологии и литературе, будет возложена на Институт тюркологии Стамбульского университета, а относящихся к истории, истории искусств и этнографии, — на Институт всеобщей тюркской истории того же университета). По-видимому, ЮНЕСКО, членом которой являются и Советы, сочла удобным, чтобы контроль над этим изданием осуществляли люди, известные своими левыми взглядами. Так ли обстоит дело на самом деле — следует еще выяснить. И в таком случае необходимо принять меры к тому, чтобы справочник по тюркской истории, готовящийся при финансовом и интеллектуальном участии турков, не был бы принесен в жертву политике.

В своем письме 14 января 1962 года в подготовительный комитет, считая, что выражаю мысли чуть ли не большинства турецких тюркологов, я написал следующее:

Мы ясно отдаем себе отчет в том, что в подобном научном издании, носящем энциклопедический характер, не должно быть места дискуссиям с Советами, необхо-

димо, чтобы оно было действительно научным. Мы также знаем, что его авторы не будут жертвовать своими убеждениями. Мы с большим желанием и удовольствием участвуем в этом предприятии вместе со своими коллегами, западными тюркологами, и у нас нет возражения против того, чтобы они, вследствие своих религиозных чувств и убеждений, высказывали в справочнике отличающиеся от наших и даже противоположные взгляды (как, например, в работах Тойнби), были бы такие взгляды результатами научных исследований. Мы, объединившиеся вокруг этого справочника на конгрессе 1951 года, испытываем доверие и глубокое уважение к нашим западным коллегам. С какой же стати мы теперь должны позорить нашу искреннюю дружбу, допуская проникновение леваков в нашу среду? В этом издании со своими статьями и заметками участвуют и авторы левых убеждений, опирающиеся на научную доктрину Международного центра филологии, социологии и истории, подчиненного ЮНЕСКО, но почему мы, допуская их к руководству всем изданием, позволяем им заниматься интригами?

Я совсем не думаю, что с передачей «обеспечения гармоничности статей и исправлением их в необходимых случаях, а также централизации корреспондентских отношений между учеными» в руки г-на Базена и его соратников Международный центр филологии, социологии и истории способствует руководству изданием справочника. Наши западные и восточные коллеги, участвующие в посвященных истории третьем и четвертом томах справочника, никогда не скажут, что они могут работать только благодаря руководству ими со стороны Базена и его соратников. Я даже не могу себе вообразить, чтобы французские востоковеды, например, благородный профессор Сорбонны Клод Каэн, знаток тюркской истории, или подобные ему другие ученые, навязывали бы себя в руководство справочником, как это делали Пертев Наили Боратав или его друг г-н Базен, который благодаря когда-то заведенным в Анкаре связям в каждый свой приезд в Турцию только и думает о том, с кем бы из левых переговорить, чтобы они повлияли на нужных людей.

В свое время греки убедили издателей энциклопедического словаря «Lagousse» в том, что касающиеся Греции статьи в нем должны быть написаны самими греками. Мы также можем добиться издания справочника на свои собственные деньги при поддержке ЮНЕСКО, под руководством Турецкого исторического общества, Стамбульского и Анкарского университетов.

На заседании подготовительного комитета 17–19 сентября 1953 года была обсуждена и принята за основу турецкая программа исторического тома справочника, опубликованного позже в «Докладе, представленном редакционной коллегией 21 августа 1954 года». Ниже мы цитируем с. 15–17 этого доклада*.

Второй том справочника посвящен политической истории и истории культуры. Подготовительный комитет считает хорошей основой для дальнейшего обсуждения соответствующую часть предварительного плана, представленного Заки Валиди Тоганом. Ниже следует полный текст указанной части.

Политическая история тюркских народов

1. Тюркоязычные народы в доисторическую эпоху.

2. Взаимодействия арио-иранских и тюрко-алтайских народов в Центральной Азии, Восточной Европе и в Западной Азии до VII века н. э., миграции народов, включая эпоху гуннов (*саки, ахемениды, греко-бактрийцы, аланы, согдийцы, хорезмийцы, гунны, усунь, до аваров*).

3. Тюркские империи в доисламскую эпоху: восточно-тюркские империи (*восточные гёктюрки, уйгуры, карлуки, киргизы*); западные тюрки (*западные гёктюрки, чигили, тухси, ягма, барсхан, илак*), а также *агачери, хазары и болгары*.

4. Тюрки и ислам. Первые мусульманско-тюркские государства (*караханиды, газневиды, волжские болгары*); тюрки-немусульмане в эпоху ислама (*уйгуры и хазары*).

5. Великое переселение народов XI века в Восточной и Центральной Азии, в Восточной Европе и на Ближнем Востоке (*кун и кай, миграция огузов, печенегов, гузов и куман-кыпчаков*).

6. Образование империи сельджуков и расселение тюрков на Ближнем Востоке.

* Следующий ниже текст до конца статьи написан по-французски. — Примеч. пер.

7. Империи великих сельджуков и румских сельджуков.
8. Распространение тюркских народов в Западную Азию и в Северную Африку (тюркские племена в Сирии и Египте, мамлюки).
9. Сельджуки и крестоносцы.
10. Кидань-каракытай и тюрко-монгольские народы Центральной Азии, хорезмшахи и возникновение империи Чингиза.
11. Великая монгольская империя и четыре улуса (улусы Джучи, Чагатай, Удегея и Тули; эволюция Золотой Орды и улусов Чагатай и Удегея в XIV веке).
12. Империя ильханидов в Иране, ее связи с Золотой Ордой, Египтом и Византией; тюркизация западной Анатолии и бассейна Дуная.
13. Образование Османской империй и возникновение идеи завоевания Константинополя.
14. «Феодалные» династии в послеильханидскую эпоху в Иране и Анатолии.
15. Эволюция улуса Чагатай и территорий восточнее улуса Джучи; образование империи Тамерлана.
16. Империя Тамерлана и тимуриды.
17. Османы на Балканском полуострове.
18. Покорение «феодалных княжеств» в Анатолии и завоевание Константинополя в правление Сулеймана Законодателя.
19. Правление родов *каракоюнлу* и *аккоюнлу* в Азербайджане и образование империи сефевидов.
20. Средняя Азия после тимуридов, образование империй узбеков и казахов в Западном Туркестане и чагатаидов — в Восточном.
21. Казанское и Крымское ханства и Ногайское княжество на развалинах Золотой Орды; нашествие русских.
22. Тимуриды в Индии.
23. Открытие европейцами великих морских путей и его последствия для торговых путей в Средней Азии; русские в Сибири; первые шаги британцев и русских в качестве завоевателей новых территорий.
24. Политика Надир-шаха, действия калмыков и их последствия для судьбы государств узбеков, казахов и ногайцев в Средней Азии и на Волге.

25. Османская империя как господствующая морская держава на Средиземном море.

26. Господство Османов в Азербайджане и на Кавказе и судьбы «феодалных княжеств» в этих регионах. Политические связи Османов с тюрками Закавказья в XVII и XVIII веках.

27. Период упадка Османской империи до 1774 года.

28. Эпоха «танзимата» и «восточный вопрос».

29. Наступление русских и китайцев на Среднюю Азию в XVIII и XIX веках.

30. Отношение тюркских народов к русскому господству.

31. Последствия русских реформ и революций, начиная с XIX века, для тюркских народов под властью России.

32. Период конституционной монархии в Турции до начала первой мировой войны.

33. Национально-освободительное движение в Турции, Атаюрк и республика. Перечень событий.

34. Национально-освободительное движение тюркских народов под властью России и Китая. Перечень событий.

35. Вторая мировая война и Турция. Установление демократического правления в Турции.

36. Положение тюркских племен и групп населения в Афганистане, Иране, Ираке, Польше, Литве, Болгарии, Румынии и Югославии.

Тюркская культура и ее история

1. Тюркские заимствования в китайском, тибетском, финно-угорских, монгольском, маньчжурском, арабском, персидском, таджикском языках, в древнеиранских языках Средней Азии (согдийском и хорезмийском) и Кавказа (асском, осетинском и кубачинском), в кавказских языках (чеченском, ингушском, лезгинском, грузинском и армянском), в русском, украинском и других славянских языках, в балканских языках, в языке урду и др. как памятники культурных связей тюрков с этими народами.

2. Влияние культур Китая, Монголии, иранских народов Средней Азии, арабов, персов, индийцев, а также культур новых европейских народов (Византии, Италии, России, Франции) на тюркскую культуру, главным образом в сфере языка.

3. Древнетюркская религия, шаманизм.

4. Ислам и его влияние на тюркскую культуру. Суфизм и его тюркские секты.

5. Кочевая жизнь тюрков; социальная организация жизни в различные эпохи тюркской истории. Скотоводство, его общие черты в Средней Азии и на Ближнем Востоке. Устройство шатра кочевников и этапы его усовершенствования. Кочевой и полукочевой образ жизни в истории тюркских народов.

6. Городская жизнь тюрков Средней Азии и Ближнего Востока. Типы городов, социальный аспект жизни оседлых тюрков в различные эпохи, особенно до XVI века.

7. Историческая география городов и поселений, построенных или населенных тюрками в Средней Азии и на Ближнем Востоке.

8. Политическое устройство жизни тюркских народов (от эпохи гектюрков, уйгуров, караханидов, монголов и их преемников в Средней Азии и Иране, устройство Османского государства).

9. Организация военного дела у тюркских народов.

10. Движущие силы успеха их завоеваний, дополнительная роль кочевого, полукочевого и оседлого происхождения населения, участвовавшего в завоеваниях; положительные и отрицательные последствия великих завоеваний на собственную судьбу тюркских народов в различные периоды их истории.

11. Экономический базис образования государства и организация завоевательных походов в Средней Азии; система мер и весов, применявшаяся в степях; единицы цен в городах Средней Азии в различные периоды истории.

12. Общие черты домашнего хозяйства у тюркских народов; еда, напитки и одежда различных эпох; влияние тюрков на своих соседей в течение истории.

Следующие разделы плана касаются в основном проблем фольклора, уже обсуждавшихся во второй части первого тома.

Заки Валиди Тоган: Записи 1970 года

Заки Валиди аккуратно записывал события в записную книжку. Для каждого года заводилась одна тетрадь, куда все кратко записывалось. Из этих тетрадей записи, относящиеся к 1970 году, публикуем без изменений, лишь исключив адреса и некоторые несущественные части.

(1) 1970, 8–16 января. Поехал в Анкару на заседание Комитета по культуре «Турецкого очага».

Эмин Бильгич, Тахсин Ишрай (?), Невзад Ялчынташ говорили о «Турецком очаге».

11-го января вернулся обратно. Поехал в спальном — 144, при возвращении — 154 лиры. Отель (Байкал) — 69 лир.

(2) 27 января во вторник на факультетском меджлисе был вновь избран заведующим Институтом исламских исследований, при голосовании 26 голосов были против, 30 — за.

(3) 4 февраля автобусом фирмы «Коч» двинулись в Анталию. Вместе с Назмией. В окрестностях таможи (?) устроились в отеле Атлас. Хозяин Эмин-бей, двухместная комната — 30 лир. Воздух чуден, здоровье хорошее. Лишь мочевого пути болезненный.

Вид Бегских гор прекрасен. Пользуюсь лишь «камбрай» (?).

(4) 22–28 февраля отдыхал в Улудаге. Остановился в Большом отеле. На возвышенность Фастин (?) сумел взойти на лыжах. Самочувствие, слава Аллаху, очень хорошее. Восходя, никаких затруднений не испытывал. То есть состояние моего здоровья такое же, как и 2 года тому назад.

Постоянно работаю над примечаниями к эпосу об Огузе.

1 марта приехал домой. Горы действуют на меня благотворно.

(5) 10 марта 1970 года. Сегодня в Адане скончался муджахид Туркестана Ширмехмет-бей.

(6) 26 марта. Были вместе с профессором из Эдинбурга Монтгомери Уатт, Босворт и Фахир Из.

(7) 31 марта. Сегодня с профессором из Канады Адамсом обедали у Омюра Йогурдуна.

(8) 6 апреля. Сегодня устроился в клинике Джеррах-паша, чтобы сделать операцию на простате. Да поможет Аллах.

(9а) 15 апреля, в среду, операцию проделали. Тысячи благодарностей Аллаху, пусть будет к лучшему.

(9б) 4 мая в понедельник вышел из больницы и вернулся домой. Благодарение Аллаху. Надеюсь, что в мочевом пути боли прекратятся.

(10) 1970 год, 2 июня. Сегодня первый раз провел занятия. Без двух дней два месяца занимался этой простатой. Аллах дал исцеление. Я ему очень благодарен.

Значение сведений мусульманских источников о положении во Внутренней Азии в X–XI веках

Несмотря на то, что в китайских и мусульманских источниках содержится значительное количество сведений о племенах *кайы* и *кун* на востоке, *огуз-печенегах* и других на западе, относящихся к началу второй четверти X века, о переселении *кара-кытаев* и *кыпчаков* из Монголии на запад в конце первой четверти XII века и, наконец, о завоеваниях монгольских племен в первой половине XIII века, но сведений о том, к каким этническим группам эти племена относятся, в этих источниках мало или нет совсем, или они не обладают достаточной определенностью. В книгах и статьях И. Маркварта, П. Пейо, Минорского, Грум-Гржимайло и некоторых других ученых, посвященных этой теме, сведения, содержащиеся в ряде мусульманских источников, не использованы, и разрозненные исследования этих ученых также не приведены в единую систему. Археологические исследования, способные в этой связи оказать помощь, проведены лишь в самое последнее время. Например, из-за этого до сих пор остаются нерешенными вопросы о происхождении хорезмшахов и монгольских ханов, о времени отделения тюркского большинства из Монголии и их монголизации. В связи с проведением моим другом профессором Масао Мори зимой 1958–59 учебного года занятий по истории тюрков на нашем факультете я взял в руки свои записи разных лет, посвященные данной проблеме, в зимние и летние семестры сделал их предметом обсуждения на семинарах вместе с учениками и ныне решил опубликовать. В выделенное мною для упорядочения этого материала время я проболел, поэтому и эти сведения остались разрозненными. Тем не менее в надежде, что они могут быть использованы другими, я счел целесообразным их опубликовать.

В этой связи достойными обсуждения являются сведения, представленные в качестве результатов археологических исследований профессором А. П. Окладниковым в статье с рисунками под названием «Первое в истории появление монголов на берегах Байкальского озера», изданной в прошлом, 1958 году. Еще Джувейни, написав, что в период захвата Чингизом Самарканда «тюрков отделили от таджиков и заставили их брить волосы, как у монголов на передней части головы», оставил свидетельство о том, что состоящие в войсках хорезм-

шахов, но переселившиеся из Монголистана тюркские племена *ямак*, *байагут* и *канлы* по своей внешности отличались от монголов. О такого рода войнах можно узнать и из миниатюр. Однако отличия в кочевой жизни тюрков и монголов отражаются в различиях используемых в юртах предметов быта, а также в конской сбруе и седлах, что было выявлено в ходе археологических раскопок, проведенных в Монголии еще раньше. Ныне профессор Окладников в результате раскопок с 1929 года до сего времени в различных местах вокруг Байкала установил, когда в этих местах обнаруживаются этнические особенности монголов и тюрков, в какие века монгольские племена, издавна населявшие юго-восток Байкала, впервые появляются на юге и западе озера. В этой связи вместе с установлением некоторых сведений, которые могут служить аргументами для датирования, были найдены и монеты с императорскими именами и знаками, что позволяет ныне установить время происходивших событий. Окладников, опираясь на эти аргументы, доказывает появление монгольских племен на юге и западе Байкальского озера лишь вдоль рек Керулен и Лена и что эти события происходили в одно и то же время с описанными исламским историком Шереф аз-Заман Мервези событиями о вытеснении на запад китайцами гуннов (кун) и кай в 30-е годы XI века, что до этого времени на юге и западе Монголии племен, говоривших на монгольском языке, не было, что они жили на среднем течении Амура, на пространных, начиная с реки Онон, и больше всего были в связи с маньчжурами. В 1929 году были сделаны археологические раскопки западнее Байкальского озера, в Сеганутском улусе Бурят-Монголии. Место раскопок находится в двенадцати километрах выше от деревни Качуга, в местечке под названием Кабсагай, расположенном недалеко от устья реки Манзур. Здесь были найдены предметы кухонной утвари, носящие признаки, свидетельствующие о принадлежности монгольским племенам — горшки с круглым дном, используемые для варки мяса, и образцы ножниц времен железного века, встречающиеся лишь у монгол, остатки захоронений в деревянных гробах, также свидетельствующие о различии монгол и тюрков, и многие другие вещи, относящиеся к первобытной культуре. Они составляют восемь захоронений и показывают образ жизни и этнические особенности народа, ведущего кочевой образ жизни. Вблизи нынешнего Иркутска в процессе строительства

Советами на реке Ангаре большой гидроэлектростанции на двух островах реки Ангары, именуемых русскими Сосновый и Лесной, недавно также были обнаружены вещественные остатки культуры железного века. Их принадлежность к XI веку подтверждается найденными там китайскими монетами. Однако стало ясно, что захоронения на этих двух островах принадлежат не монголам, а тюркам, так как на острове Лесной был найден и надгробный камень с записью на тюркском языке. Обнаруженная здесь керамика также принадлежит тюркам, и горшки, используемые для приготовления пищи, имеют плоское дно. Ясно, что обе эти культуры, обнаруженные на островах Ангары, относятся к XI веку, часть из них принадлежит тюркам, а другая — монголам. Недалеко от Иркутска, вблизи русской деревни Иркутка (Уркут) (Афонино), была обнаружена могила, где найдены позолоченные серебряные части, они принадлежат к культуре, идентичной лишь Сегануту. При последующих раскопках по реке Селенге рядом с русской казачьей деревней Зарубино были найдены вещи, также относящиеся лишь к культуре Сеганут, по обнаруженным там же монетам установлено, что и они принадлежат к XI и XII векам. Исходя из этого можно подтвердить, что эти захоронения принадлежат тем первым монголам, которые в XI и XII веках переселились с востока к рекам Лене и Ангаре, о них упоминает и Рашид ад-Дин как о монгольских племенах *хури, иргас булгачи и керемучин*.

До XI века на этих островах Лесной и Сосновый господствовала тюркская культура. Она, как это объяснено профессором Окладниковым, принадлежала к племенам, упоминаемым в гектюркских петроглифах под названием *курукан*. Предметы, принадлежащие их культуре, найдены также в могиле кузнеца вблизи деревни Курумчу недалеко от Иркутска и в захоронениях на острове Оллоо, находящемся недалеко от западного берега озера Байкал. Окладников все это подробно разъяснил в своем труде, посвященном истории якутов. Куриканцы были тюрками с высокой культурой, имели укрепленные крепости и города, а также занимались кузнечным делом. Следовательно, куриканские захоронения, найденные на островах реки Ангары Сосновый и Лесной и относящиеся к XI веку, составляли остатки той культуры куриканских кузнецов, которая расцвела еще в эпоху гектюрков в VIII веке н. э. и продолжала жить до XI века и после завоевания этих мест монголами. В более

поздние периоды здесь обнаруживались вещи, принадлежавшие лишь монгольским племенам, и их могилы. Все это Окладников тщательно описывает в своих трудах.

Тунджер Байкара

О «Воспоминаниях» профессора Заки Валиди Тогана*

Выдающийся представитель ученого мира историков, неустанный его работник, дорогой Заки Валиди Тоган по прошествии многих лет после описываемых событий наконец опубликовал свои воспоминания, которые будут иметь очень большое значение с нескольких точек зрения («Воспоминания». 1969, Стамбул. Подзаголовок: «Борьба туркестанцев и других тюрок мусульманского Востока за свое национальное существование и культуру»). В конце 643-страничной книги, на с. 622–640, даются фотокопии документов и фотографии. Это произведение ученого, так много сделавшего для развития нашего исторического сознания, отражает пережитые автором политические события, в которых он сам принимал активное участие и оказывал на них глубокое воздействие. Вместе с тем это сочинение не является лишь книгой политических воспоминаний.

Данное произведение глубоко почитаемого ординарного профессора доктора А. Заки Валиди Тогана, как выше было уже отмечено, имеет большое значение с нескольких точек зрения. Являясь повествованием о процессе становления историка, развития будущего ученого, в то же самое время книга представляет собою жизненный роман, рассказанный одним из руководителей освободительного движения тюрко-мусульманского народа в обширном регионе. Каждая страница, даже иногда отдельное предложение этого произведения, обладает такой глубиной и емкостью, что потребует от читателя специ-

* Diriliş. Sayı 2. Kasım. 1969. S. 61–63.

У этой статьи есть небольшая история. Вручив ученому номер журнала с данной статьей, несколько дней спустя я посетил его дома. Профессор был как всегда серьезен, но супруга его, Назмие-ханым, была рада-стна. Значит, учитель был удовлетворен тем, что я его понял правильно, но внешне ничем не выражал своего чувства.

ального изучения. В данной статье мы не будем пытаться дать книге исчерпывающую характеристику. Предоставив читателю лишь самые общие сведения о «Воспоминаниях», хотелось бы остановиться лишь на воззрениях моего дорогого учителя на ислам. После прочтения этой книги душу охватывает глубокая печаль. Неудача, которую потерпело национально-освободительное движение в одной тюркско-мусульманской стране, не только привлекает наше внимание к давно минувшим временам, но и побуждает нас обратить взоры к сегодняшнему дню нашей собственной родины. С этой точки зрения это произведение проливает свет и на будущее Турции. Те, кто полвека тому назад начали и руководили этим освободительным движением, были вынуждены покинуть родину, а не покинувших — казнили. Во главе тех, кто покинул родину, чтобы продолжить борьбу уже за пределами России, стоит distinguished профессор Заки Валиди.

Руководитель Института исламских исследований А. Заки Валиди Тоган, без тени сомнений веривший в ислам, в его добродетель, в данном своем произведении сделал объектом исследования многие современные животрепещущие проблемы. Смолоду изучивший персидский и арабский языки, сызмальства проникшийся духом Корана, он, тем не менее, считал себя недостаточно подготовленным в исламских науках, что показывает его бесконечное уважение к науке и знаниям. Несмотря на обладание обширными знаниями как в области истории тюркского мира, так и в сфере исламских наук, ученый считал свое руководство в Турции Институтом исламских исследований признаком отставания в последние десятилетия исламских наук в нашей стране, что свидетельствует о его самокритичности. Однако в словах глубокопочитаемого профессора есть доля истины и в том смысле, что исламские исследования у нас нуждаются в дальнейшем развитии.

Воинствующий материализм XIX века, пусть в течение короткого времени, в молодости оказал воздействие и на Заки Валиди Тогана. Он сам в «Воспоминаниях» объясняет с предельной искренностью свои душевные сомнения. Однако иного пути к счастью кроме верности исламу не существует, только эта вера является наилучшей из возможных. Будучи искренне верующим, он признался в этом и Ленину.

На научных конгрессах востоковедов, где участвовали исследователи самых различных религий и религиозных направ-

лений, он защищал ислам, оставаясь верным его сути, чуть ли не объявляя священной войны. Уважаемый профессор верил также, что ислам является самым великим фактором, способствующим спасению тюрков. Данное свое мнение он подтверждает и словами профессора Катанова. Катанов, выходец из алтайских тюрков, принявший христианство, рассказывал об этом молодому Валидову со слезами сожаления на глазах. Почтенный профессор предпочитал более жестким мерам приспособление к исламу веры тюрков, восходящей еще к древнетюркскому законоуложению, которое имело место в эпоху Улугбека и султана Селима Грозного.

Ученый восхищен пророком не только как религиозным учителем, но и как великой личностью и государственным человеком. Он с глубокой симпатией относится к исламу как к вере, которая, с одной стороны, убеждает человека в необходимости борьбы, а с другой стороны, внушает ему глубокое искреннее стремление к моральной чистоте, представленной в учении Накшбенда. Ученый признает ислам как веру, наиболее благоприятную для тюрков. З. Валиди сохранил в себе и веру в судьбу. Мы видим из его произведений, что ему не раз угрожала смертельная опасность, неоднократно он сам шел на риск. Ради освобождения тюрко-исламских стран прожил очень активную жизнь. Вначале тюркские народы подняли знамя борьбы против царизма. Когда эти народы начали беспощадную борьбу и против красных, у сторонников царя, назвавших себя «белыми», не было желания оказать им содействие. Видя это, башкиры и казахи предпочли принять казавшиеся приемлемыми условия Ленина и подписали с ним соглашение. Однако, по мнению Ленина и Сталина, подобного рода соглашения, подписанные при определенных условиях, с изменением этих условий превращаются в клочок бумаги. Поэтому борьбу пришлось возобновить и продолжить в Туркестане. Но тюрко-исламские страны из-за равнодушия к их судьбе со стороны Европы не смогли освободиться от России, ставшей коммунистической.

Это сочинение, обретающее местами качество увлекательного и волнующего романа, пронизано духом истории. Часто приобщает читателя к очень важным историческим знаниям. Особенно глубокого изучения требуют те места этой книги, где ученый характеризует усилия Ленина и Сталина в использовании коммунистических идей в государственном строительст-

ве. Почему-то почтенный историк в своей книге счел необходимым точно цитировать те слова Ленина, которые сегодня не могут понравиться нашим левым кругам, считающим себя «врагами империализма». Разумеется, понятливым и этого вполне достаточно.

Издав свои «Воспоминания», охватывающие его жизнь до 1925 года, дорогой профессор З. Валиди Тоган сделал очень большое дело. В Турции крайне мало специалистов по Советскому Союзу, трудно причислить к ним и авторов односторонних восторженных описаний этой страны. Уважаемый профессор остается ученым, который лучше, чем кто-либо, знает и больше, чем кто-либо, продолжает изучать особенности нашего огромного северного соседа. Как в 1964, так и в прошлом году в ходе военных столкновений между Красным Китаем и Россией, ставших проблемой дня, ученый проводил мысль, что нельзя придавать слишком большое значение этим событиям. Время подтвердило правоту Заки Валиди Тогана. Между тем известные американские газеты были в немалой растерянности. Книга почтенного профессора, хорошо знающего советскую власть и коммунистов, должна быть прочитана интеллигенцией прилежно и со всем вниманием. Его воспоминания о периоде жизни после 1925 года были бы также чрезвычайно важны для изучения новейшей истории. Из послесловия к книге ясно, что мы не получим вторую часть «Воспоминаний» нашего выдающегося и авторитетного историка. Но несмотря на это, мы можем испытывать глубокое удовлетворение тем, что опубликована ее первая часть.

Турция и тюркские народы испытывают глубокую признательность и благодарность Заки Валиди Тогану, борцу за исламские ценности в горестные 20-е годы нашего столетия.

Фрагменты «Воспоминаний»

Сцены из жизни башкир.

Ибрагим Каскынбай

Ибрагим — сын имама деревни Алангуянбашы Шамсетдина Каскынбая был на два года старше меня. Почти двухметрового роста Шамсетдин и столь же рослый Вали-мулла служили вместе в Башкирском кавалерийском полку и под руководст-

вом уже упомянутого выше майора Юсуфа Карамышева принимали участие в походе русских войск в Коканде, находящемся на реке Сырдарья. Шамсетдин Каскынбай так же, как и Вали-мулла, хорошо знал арабский, персидский и русский языки, чагатайскую литературу, в особенности произведения таких поэтов, как Ахмед Ясави, Навои и Аллаяра Суфи. Шейх по имени Габдулла, сын Сайта, и Шамсетдин Каскынбай из числа бурзянских башкир были просвещенными, начитанными людьми. Оба они участвовали в Сырдарьинском походе, так же как и майор Юсуф из Макара и Бикбулат-мулла из Сайрана, они принесли среднеазиатскую культуру на почву Башкортостана. Дома у них хранились рукописные книги на персидском и арабском языках. Среди книг муллы Шамсетдина имелось стихотворное произведение «Михр ва Муштери», повествующее о двух любящих друг друга верных друзьях. Бывало, мулла, сравнивая дружбу этих двух литературных персонажей с дружбой между мной и Ибрагимом, читал отрывки из этого произведения. Прекрасный экземпляр этой книги, украшенный рисунками, я видел в 1958 году в Вашингтоне в «Фри-Музеуме».

Своего сына Ибрагима Шамсетдин-мулла отдал учиться в медресе моего отца. Наряду с персидским и арабским, он вместе со мной изучал и русский. Ибрагим овладевал этими языками успешнее, чем я. В их доме персидская культура, влияние Бухары ощущались сильнее, чем в нашем. Ибрагим был исключительно человечным, умным, внешне привлекательным — высоким и стройным джигитом. Мать Ибрагима облачила нас в одинаковые одежды, заказала одинаковую сбрую для верховой езды. Наши длинные шелковые пояса, сапоги на высоких каблуках, нагрудники и другие ремни для крепления седел, сами седла, уздечки, стремяна, застежки тех ремней, прекрасно изготовленные неким странствующим дагестанским мастером-ювелиром по заказу матери Ибрагима, и даже плети-камчи были у нас совершенно одинаковыми. Наши украшенные пояса она выткала собственноручно. Зимой, когда я возвращался из Утыка, в особенности в летние месяцы — мае, июне и июле — мы с Ибрагимом были постоянно вместе. После смерти Шамсетдина-муллы мать Ибрагима жила его, ссылаясь на то, что осталась отныне совершенно одна в своих хозяйственных заботах. После женитьбы, не имея возможности продолжать учебу и вынужденный заниматься

делами своего богатого хозяйства, Ибрагим чувствовал себя как бы обделенным, временами испытывал упадок душевного состояния. Лошади в их табунах были из особо ценимой у башкир породы. По древней легенде она, эта порода, якобы появилась после того, как жеребцы, вышедшие из пещеры Шульган, покрыли кобылиц тамошней округи. Ибрагим подарил мне скакуна и кобылицу этой породы. Когда кобылица вошла в наши табуны, мы были очень горды, что в наше стадо включилась столь благородная порода. Ибрагим был вынужден оставить занятия в медресе, но продолжал уделять много времени чтению книг. Из русских авторов очень любил Лермонтова, на персидском читал Аттара и Аллаяра, из тюрки — Навои и книгу «Мухаммадия». Между нами была искренняя, одухотворенная переписка. Письма его прибывали в виде небольших свитков. Позже я видел в Бухаре точно таким же образом присылаемые письма. Часто послания Ибрагима были украшены текстами народных песен или замечательными образцами восточной поэзии. Один из них в памяти моей до сих пор.

После первого снега в загон для скота не вернулись две наши лошади. Я написал письмо Ибрагиму с просьбой помочь мне в поисках животных, сам же должен был выехать ему навстречу. В ответ получил письмо, содержащее четверостишие следующего содержания: «Человек в друге должен видеть султана, а себя считать его рабом, твой друг — твой дух, а ты — его тело, если друг попросит твою шапку, будь готов отдать ему голову, если другу понадобится твоя жизнь, ты должен быть готов и к этой жертве». Действительно, вместе со своими наемными работниками он несколько дней занимался поисками пропавшей скотины и все-таки нашел исчезнувших лошадей за восемьдесят километров от нашего аула и пригнал их к нам.

Чужаку летняя жизнь башкир может показаться существованием некоего сообщества, изнывающего от лени и безделья. Но едва приходит пора больших забот, требующих многих усилий, к примеру, откорма скота, лесных работ, пасечных дел или войсковой службы, от сонного состояния людей не остается и следа. И Ибрагим являлся образцом такого рода башкир. Когда мы до наступления холодов пасли свои табуны в горах, нам приходилось проезжать верхом расстояния до двухсот километров. Под воздействием отца Ибрагим выучил наизусть отрывки из произведений Навои, «Мухаммадии», Языджи-ог-

лу — из османской литературы, многие места из дивана Умми Камала, части дивана Хафиза на персидском, строки Аттара, а также многие места из чрезвычайно почитаемой во времена Тамерлана книги «Нузхат уль-арвах». Позднее, приехав в 1913 году в Бухару, я видел эту книгу и, многократно перечитывая ее, вспоминал своего друга Ибрагима, уже покойного. Еще позже попадались мне некоторые экземпляры этих произведений, иллюстрированные рисунками. У Шамсетдина-муллы было несколько тетрадей с его сочинениями, написанными на персидском в виде дневниковых записей, которые он вел несколько лет кряду. Каково было их содержание и куда они потом подевались, я в то время не удосужился поинтересоваться. На меджлисах с обильным потреблением кумыса мы с Ибрагимом читали чагатайские поэтические творения очень сложной и изысканной формы. Но едва кумыс начинал «бродить» в голове, мы переходили к нашим чудным народным протяжным песням. Ибрагим исполнял на курае бесчисленные мелодии. Он обладал сильным, весьма приятного тембра голосом, любил петь и играть на курае, забравшись на высокую скалу горы Такыя Сусак, чтобы слышать и воспринимать эхо собственного голоса.

* * *

В ауле Ибрагима любили водить древние тюркские игры. Например, в кочевье Карагас Каскынбаи соревновались в подборе плети с земли на полном скаку. Тот, кто не мог это сделать, должен был получить чувствительный удар плетью по спине. Чтобы избежать этой позорной участи, всадник пускался прочь, а другой должен был его настичь и нанести-таки надлежащий удар. Если ему это не удавалось сделать, удар тот оборачивался против него же самого.

Нечто подобное описывает и Алишер Навои, воспроизведя игры вместе с другом своим из анатолийских турков Сары Тула, с которым состязался в конных скачках: «Коль мы с другом своим Сары Тула пускались в путь на конях, затевали скачки, невзирая на горы, равнины, посеы или пустынные дюны, он старается ускакать от меня — я догоняю, я уношусь во весь опор — он пытается настичь». Ибрагим знал наизусть большое количество стихотворений подобного содержания.

В то время среди башкир бытовала такая игра и между джигитом и девушкой. Если джигит на своем коне не может настичь девушку-всадницу, он получает от нее удар камчой по спине, если же ему это удастся сделать, он получает право на поцелуй. Родственница Ибрагима Оркия была из таких девушек. Она смело участвовала в подобных играх. А жена Ибрагима, которую звали не по имени, а по прозвищу Ак-килен (Белая невестка), тоже женщина не из робкого десятка, очень любила это зрелище. Когда я был в малолетнем возрасте, мои старшие сестры Магия и Гульсум также не уступали парням в верховой езде. Однако когда большинство жителей нашего аула стали составлять татары, среди которых мусульманская культура и традиции занимали господствующее место, наши женщины под их влиянием стали ходить, полуприкрыв лицо кончиком платка, и уже речи о верховой езде не могло и быть. У бурзянских же башкир тюркские обычаи продолжали бытовать дольше. Когда джигиту удавалось настичь Оркию, которая обычно выезжала на прекрасном иноходце, она несколько не смущалась перед «грозящим» ей поцелуем, напротив, напевала мелодию старинного башкирского дастана «Кара-юрга» («Черный иноходец»), чтобы подбодрить своего коня: «Не дам поцеловать свою прекрасную всадницу, не дам обнять дорогую госпожу». В этой песне по-башкирски вместо понятия «дочь бия», то есть «княжна», используется слово «сестра мужа». В народных песнях и кубаирах произошла некая подмена понятий, тем не менее влияние ногайской культуры обнаружилось вполне явственно. Но понять мне это удалось лишь значительно позже. В таких соревнованиях-играх мне иногда удавалось нагнать Оркию, ухватить ее за руку, но поцеловать ее я не смел, так как в нашем ауле прилюдный поцелуй девушки воспринимался как крайняя мера распущенности. Пожилые башкиры, развлекавшие себя подобным зрелищем, кричали: «Мы бы поцеловали, поцелуй же и ты!», смеялись и подшучивали надо мной. Если же мне не удавалось нагнать иноходца девушки, Ак-килен кричала вслед девушке: «Огрей этого татарина по спине!» Дело в том, что татары нашего аула и окрестных нам деревень считали нас башкирами, а бурзянцы — татарами.

В семье Каскынбаев пили самый отменный кумыс, а когда осенью возвращались на зимовку, находившуюся на берегу речки Алагуян, притока Агидели, изготовлялась медовуха

и устраивались застолья с веселыми песнями и плясками. Между тем пятикратная молитва была обязательна, намаз творили даже в хмельном состоянии. Человека, который не постил бы в месяц рамазан, нельзя было себе и представить.

Любовь к народным дастанам, национальным играм и соревнованиям зародили во мне брат отца Вали-мулла и эти самые Каскынбаи. И мать Ибрагима, и его молодая жена, обе дочери мулл, были смелы и отважны по характеру, умели читать и писать.

Царизм и мусульманство.

Праздник свободы совести в Мелеузе

Спустя три дня, добравшись до села Мелеуз, встретил знакомого башкирского учителя, прибывшего на здешний мусульманский праздник. Он рассказал, что встретившийся мне по пути башкир сообщил моему отцу о встрече со мной, и что отец, тотчас оседлав коня, отправился на поиски, но встретил в ауле Азнай своего друга богача по имени Казый, и тот убедил его отказаться от мысли насильно вернуть сына домой. Весть эта меня обрадовала.

В Мелеузе жили татары, когда-то подвергнутые насильственному крещению царской администрацией. Но в душе они сохранили верность исламу. Воспользовавшись ограниченной свободой, данной революцией 1905 года, они открыто перешли в мусульманство и построили большую мечеть. По окончании строительства устроили праздник открытия мечети. По этому случаю были приглашены из ближайших аулов имамы, уважаемые среди башкир и татар люди. Несколько сот баранов, несколько быков и коров были принесены на закланье. Многие привезли из окрестных аулов кумыс. На празднике меня посадили среди мулл. Когда заговорили о сообщении в газете «Алеми Ислам», поведавшем о широком распространении в Японии ислама, возник вопрос: можно ли считать мусульманами тех, кто, отклонившись от верного учения ислама, пошел по одному из его ложных ответвлений. Стоило мне высказать мысль, что ислам основан на ряде идей, которые представляют непреходящую ценность и выше отдельных направлений мусульманства, и в подтверждение своей правоты привести от-

рывки из трудов таких ортодоксов ислама, как Ибн Таймия, Ибн Кайим аль-Джавзи, как я тут же подвергся атаке фанатичных мулл. В результате мнения разделились, разгорелся спор, нашлись и те, кто осуждал деление ислама на различные толки и секты и встал на мою защиту.

Высказанные мною мысли привлекли внимание одного татарского купца по имени Ильяс (Ильяситдин) Баязитов, и он пригласил присутствовавших на празднике мулл с прогрессивными, по его мнению, взглядами, а с ними и меня, в свой дом. Стало понятно желание Ильяс-агая организовать на эту тему более обстоятельную беседу меж сведущих людей. Разговор получился интересным. Я открыл собравшимся муллам свое желание уехать учиться в другие страны. Они посоветовали ехать в Египет, чтобы расширить там религиозные познания. То, что в глухом уголке тогдашнего Башкортостана оказался торговец, интересующийся мыслями Ибн Таймии, было отрядным фактом, говорящим о росте национального самосознания и просвещения среди башкир и татар. Этот человек дал мне на дорогу еще и четыре-пять рублей, что было весьма кстати.

* * *

Из Мелеуза я ушел пешком. Остерегаясь отцовских поисков, сторонился большой дороги. Ночью спал в хлебах. Однажды очутился около небольшого летнего пристроя — аласыка на краю маленькой деревушки Кунакбай. Я надеялся там утолить голод. Но хозяева оказались слишком бедными. Да и дома их не было. Девочка лет четырнадцати, оставшаяся с младшим братом, вскипятила мне воду, и я попил чаю с хлебом. И девочка, и малыш были удивительно красивы. Тут же лежало одеяло, сшитое, как они объяснили, из халата умершего нищего. О боже, как бедны эти люди, как они будут жить дальше, думалось мне. В то же время меня поражала красота их лиц. Я отдал им свой хлеб, казы и курут, имевшиеся в моем мешке. Мне не давала покоя одна и та же мысль: «Что это за прелесть, и, в то же время, что за нищета». О горьком контрасте тюркской жизни Джеляледдин Руми написал такие строки: «Насколько темно и бедно жилище тюрка из кошмы, настолько чудно светится, подобно луне, лицо красавицы в нем».

У обитателей этой лачуги имелась одна-единственная коза, которую они доили и пили молоко. Однако гостеприимство

башкир порой не знало меры, переходило всякие границы, и если бы к отцу этих детей однажды заявился близкий друг ишан или шейх, считающийся его духовным наставником, он, не задумываясь, зарезал бы ради гостя свою единственную козу. Если бы я не задумал учиться, то женился бы на этой девушке, думал я про себя. В тот момент, когда мальчик пошел перевязывать козу на полянке за аласыком, мне захотелось поцеловать эту девочку, но я отступился от своего дерзкого желания. Когда она смущенно спросила меня: «Ты снова сюда придешь?» — я объяснил, что иду далеко, буду учиться. Она подарила мне иголку с белыми нитками, сказав: «Может, пригодится в дальней дороге». Вполне возможно, что это было одним из обычаев нашего народа, выражающее желание дарящего когда-нибудь возвратить путника обратно.

В татарском ауле Муса, стоящем несколько в стороне от большой дороги, я встретил друга отца по имени Наби-хаджи. Это был очень полный человек. «Если даже отец твой выследит тебя, не выдам, помогу бежать», — заверил он меня.

Он тоже был из тех, кто не хотел, чтобы я завяз в своей деревне, и даже будто бы советовал отцу дать мне возможность учиться. На другой день он велел запрячь лошадь до Каргалов, дал мне на дорогу немного денег. Решил также дать ткани, чтобы я мог прилично приодеться. «Сошьешь одежду в Оренбурге», — сказал он мне. Я упросил его вместо этой ткани отправить от моего имени два одеяла отрокам из Кунакбая, предварительно поведав о горестном их положении.

Когда, усевшись в арбу, я выехал в путь, то все мои помыслы были охвачены той девушкой по имени Зулейха и ее братишкой. Ну почему я ее не поцеловал, терзался я мыслью, но в нашем ауле такое было не принято. О поцелуях я читался в русских романах, успокаивал я себя, и сделал совершенно правильно, что подавил в себе это побуждение.

Прошло время. В 1913 году я ехал на почтовых лошадях из Оренбурга в Стерлитамак, и путь мой проходил неподалеку от Кунакбая. В ту пору я начал изучать немецкий язык, и слова Гете, обращенные к девушке по имени Зулейха, показались мне обращенными и к моей красавице Зулейхе из Кунакбая:

Позволь сладостью поцелуя стереть муки греха любви,
Пусть подаренный тобою мне фетиш останется моим
талисманом в твоём сердце.

«Может быть, иголка и белые нитки, подаренные мне моей Зулейхой, были для меня тем самым фетишем», — подумал я.

На почтовой станции я встретил жителя этого аула и спросил: «Как-то я видел здешнюю девушку по имени Зулейха с братишкой, что жили в нищем домике на краю деревни, как они себя чувствуют?» И он сказал, что оба они сейчас люди семейные, у них родились первенцы, и спросил в свою очередь: «Однажды к ним приехал какой-то шакирд, потом он прислал им два одеяла. Уж не тот ли ты человек?» Я не стал распространяться о своих чувствах, заметил лишь: «Очень уж бедно они жили. Я послал те подарки с помощью Наби-хаджи». На это он ответил: «Да ведь и сам ты был бедным шакирдом. Мы тоже звали ее «Красавица Зулейха»*.

Ататюрк

1 февраля 1930 года меня пригласили в Чанкая — летнюю резиденцию президента в Анкаре. В гостиной Ататюрка велись беседы не только на политические, но и на научные темы. Обращаясь к депутату из города Сиирт Махмуд-бею, Ататюрк сказал: «Принесите статью профессора». Через некоторое время Махмуд-бей принес из библиотеки Ататюрка журнал «*Bilgi*». Я понял, что Ататюрк прочитал мою статью с большим вниманием. Дал он читать ее и Махмуд-бею. Хозяин попросил меня объяснить одно место в статье, где были такие слова: «Стройная система управления войском, введенная в жизнь под гениальным руководством Чингиз-хана, свела на нет бюрократические порядки Ирана». «Я думаю, здесь вкралась ошибка», — произнес он. «Вы правы, мой паша, — ответил я ему. — При переводе статьи на турецкий Юсуф-бей допустил ошибку, вместо «теократические порядки» написал «бюрократические порядки». «Я тоже так думаю, — произнес Ататюрк. — Ибо в других случаях вы употребляете слово «теократия» и выступаете против халифата». На той встрече присутствовали издатель журнала Тевфик Рюштю, Джелаль Баяр, Юсуф Акчура, госпожа Афет и еще несколько человек. Юсуф-бей признал свою ошибку со словом «бюрократия», которое он

* В 1918 году Заки Валиди вместе с войсками побывал в тех местах и встретился с этой женщиной, уже бывшей замужем и воспитывавшей детей. Она узнала его и сказала, указывая на детей: «Когда подрастут, они будут воинами твоей армии».

употребил вместо слова «теократия». Я поразился внимательности Ататюрка. Обращаясь ко мне, он сказал: «Видите, мы прочитали вашу статью до того, как вы сами сюда прибыли. Еще до своего приезда вы прислали нашей стране важную весть». Было ясно также, что Ататюрк знаком и со статьями М. Джевдета, критиковавшего мои позиции. Однако внимание Ататюрка к моей персоне в связи с разговором об этой статье обернулось впоследствии не в мою пользу. Высокое мнение Ататюрка о высказанных мною мыслях в названной статье дурно повлияло на настроение одного из его приближенных — профессора Шемседина Гюналтая, который тоже присутствовал на той встрече. Это объяснил мне потом Юсуф Акчура. Но как бы то ни было, узнав, что ученые мужи и политические деятели Турции внимательно прочитали мою статью, написанную зимой 1912–1913 годов в связи с изучением трудов Ибн Халдуна, я был обрадован. Позднее такой же отзыв, соответствующий оценке Ататюрка, я обнаружил в книге профессора Зияэддина Фахри, посвященной Ибн Халдуну. Книга эта появилась еще в 1922 году. Американский профессор Ф. Розенталь, сделавший наиболее полный перевод сочинения Ибн Халдуна «Мукаддима» с подробными комментариями и выпустивший его в 1961 году, тоже обратил внимание на мою статью.

О том, что в XIV веке философией истории и проблемами общества занимались не только исламские ученые, выросшие и жившие в основном вокруг Средиземного моря и в Испании, вроде Ибн Халдуна, но идеи эти достигли Самарканда эпохи Тимура, я узнал зимой 1913 года, читая рукописные произведения в Самаркандской библиотеке. Здесь я наткнулся на труд Шемса Иджи, который был современником Ибн Халдуна, встречался с ним, но еще до этой встречи высказывал философские идеи, аналогичные его мыслям. Это великое произведение под названием «Тухфа» было написано в правление Тимура и по его заказу. Оно посвящено философии истории, тюркским канонам, системе государственного правления и преподнесено Тимуру. Один экземпляр книги я увидел по прибытии в Стамбул в библиотеке Новой мечети. Про эту книгу, в которой предлагается закону отдать предпочтение перед шариатом, а достижениям математики — перед религией, рассказал я и Ататюрку на памятной встрече в его летней резиденции. «Поразительным тюрком был этот Тимур», — сказал

он. О труде Шемса Иджи я сделал специальное выступление на состоявшемся в Стамбуле XXII Международном конгрессе востоковедов в 1951 году.

Введение во всеобщую историю тюрков

Это одно из самых известных произведений Заки Валиди Тогана (Другие — «„Книга путешествий“ Ибн Фадлана» и «История Туркестана»). Еще в 1927–28 учебном году на занятиях со студентами он начал излагать основные положения будущей своей книги. Текст, который начали печатать еще в 1941 году под названием «Введение во всеобщую историю тюрков», остался незавершенным. Несколько позже рукопись была доработана и в 1946 году опубликована «в частном порядке благодаря материальной помощи друзей».

После выхода в свет «Введение во всеобщую историю тюрков» было встречено критикой двоякого рода. Например, Омер Л. Баркан оценил книгу как глубоко научную. И напротив, патриоты Османского периода нашей истории, негативно относящиеся к Чингизу и Тимуру, высказали о книге отрицательные суждения. План книги представляет собою образец того, как следовало бы охватить историю тюркских народов в целостном виде. Книга была задумана в двух томах, но второй том не был опубликован (см.: «Методология исторических исследований». С. 304).

Общий план произведения

Введение. Тюркские племена и численность их населения; Деление истории тюрков на периоды и произведения для чтения при изучении этих периодов истории.

Часть I. Древнейший период истории тюрков.

1. Вопрос об исконной территории Туркестана и тюрках.
2. Древняя территория южного Туркестана и их соседи.
3. Тюркская природа саков и Афрасьяб.
4. Смысл слов *тюрк* и *туран* и первые племена, носившие название тюрков.
5. Политические события, происходившие в древний период на исконной родине.

6. Общая характеристика древнейшего периода.

Часть II. Период развития тюркской истории в исламскую эпоху.

1. Важнейшие политические события, правившие династии и известные личности этого периода.
2. Общая характеристика периода развития в исламскую эпоху.

Часть III. Завоевания и распространение тюрков.

1. Завоевательные традиции тюрков.
2. Значение в мировой истории завоеваний тюрков и монгол.
3. Формы распространения тюрков и действующие при этом факторы.
4. Распространение тюрков и туранцев в самые древние времена.
5. Распространение тюрков и туранцев в Азии на восток и юг.
6. Распространение тюрков и туранцев в Восточной и Средней Европе.
7. Распространение тюрков в Передней Азии и Северной Африке.

Часть IV. Образование новой родины турков в Передней Азии.

1. Сельджуки и их происхождение.
2. Жизнь сельджуков в Мавераннахре, переселение в Хорасан и Ирак.
3. Поселение сельджуков и огузов в Азербайджане и Анатолии.
4. Отуречивание Азербайджана и Анатолии в период сельджуков.
5. Правители ильханиды и княжества, пришедшие им на смену.
6. Культура в период ильханидов.
7. Образование Османского государства.
8. Внутренняя организация Османского государства.
9. Запад Джучиева улуса и османцы.
10. Политическая жизнь Азербайджана во второй половине XIV столетия.
11. Культурная жизнь восточных тюрков в период образования Османского государства.

Этот план был взят из плана обоих томов, содержащегося в книге «Методология исторических исследований» (с. 304). Между планом, данным в самом «Введении» и приводимым в «Методологии», имеются незначительные отличия (например, вместо *шимал* пишется *кузей*). «Методология в исторических исследованиях» была издана позднее, поэтому если «Введение во всеобщую историю тюрков» будет переиздаваться, то его оглавление должно быть напечатано по более позднему авторскому варианту. Исходя из этого и мы привели здесь этот, более поздний, вариант.

Часть I. Ильханиды

Газан-хан представлял собой тип редкостного правителя, подобного которому редко можно встретить не только в истории чингизидов, но и во всей Передней Азии. Он, как и Османский султан Селим, правил недолго, но вместе с завоеваниями совершил и другие, столь же великие, дела. Османский историк Энвери характеризует Газан-хана как «самого великого правителя ильханидов, бравшего дань с Византии, завоевавшего Шам (Сирию) и заставившего там (и даже в Египте) творить молитву в свою честь». То, что Газан-хан взимал налоги с византийцев, соответствует истине, мы увидим при дальнейшем изложении. Аксарай, представляя его как идеального государя, отмечает прежде всего предпринятые им постройки, а также положительно оценивает его точное знание реального положения всех сословий своих подданных и истинного состояния дел своего времени. О том, что во времена Газана культура Передней Азии и Дальнего Востока была объединена в Тебризе, мы отмечали выше, когда вели речь о значении тюркских завоеваний в развитии культуры (с. 112–113). В тот период город Тебриз превратился в самый крупный центр науки и международной торговли. Самый великий строительный шедевр Газана — новая часть города Тебриз, называемая Шенб-и Газан. Аксарай в качестве самого удивительного произведения, не имеющего в истории аналога, описывает шатер Газан-хана.

Газан-хан, по повелению которого группа специалистов написала национальную историю тюрков и монгол как составную часть мировой истории, и сам был историком, занимался

изучением науки о природе и экономики (в основном, сельского хозяйства). Газан-хану принадлежит заслуга первого правителя, повелевшего описать общую историю тюркских племен. Поэт Ахмеди о Газане говорит следующее: «Газан почти каждый месяц года отправлял духовенству Мекки богатые дары, то же самое он делал и в Медине». Поэт из анатолийских турков в Гюльшехри в своем произведении «Фелек-наме», сочиненном в 1301 году на персидском, посвятил Газан-хану хвалебные оды.

Олжайту был правителем, который проявлял чрезвычайно большой интерес к религиозным вопросам. И у него был некоторый интерес к истории и некоторым другим наукам, но он больше всего занимался религиозными и философскими вопросами. Ввиду того, что его мать принадлежала к роду *кираитов*, и они были христианами, сообщается, что он в детстве был христианином, и ему даже было дано христианское имя. Столкнувшись с исламом, он стал изучать различные толки этой религии, приглашая самых известных ученых, относящихся к суннитам, шиитам, шафиитам и ханефитам, слушал их споры и дискуссии между собой, склонялся то к одному, то к другому направлению мусульманства. Увидев, что знатоки различных толков ислама испытывают друг к другу самые низменные чувства и не брезгают распространением друг о друге самой низкой клеветы, он думал отвернуться от ислама и вернуться к шаманизму.

В ходе одной из подобных бесед окружавшие Олжайту знатные женщины и великие эмиры, обращаясь к хану, сказали: «После принятия ислама дела наши пошли плохо, старая вера и путь, указанный Чингиз-ханом, были для нас более успешными и желанными». Они обратили внимание хана и на то, что исламским народам в то время были присущи некоторые свойства безнравственности и неискренности, и настойчиво пытались убедить его вернуться к старой вере. Но Олжайту сказал: «Мы приняли эту веру, пути назад нет», из толков ислама предпочитал шафиизм, но из-за того, что в государственном правлении придерживался порядка наследственной передачи власти, воспринял шиизм, точнее, предпочел культуру двенадцати имамов и до конца оставался искренне преданным этому учению. В этой связи Олжайту среди азербайджанских тюрков и на начальном этапе Османского государства воспринимался как святая личность. Олжайту до нашего времени

в Азербайджане в молитвах, творимых в мечетях, упоминался как великий султан, достигший сана святости. Османский автор Энвери, после того, как написал, что он построил город Султания, а Тебриз превратил в райский уголок, оценивает его как благочестивого правителя и свидетельствует о том, что народ его вспоминает с благодарностью.

Арабское слово «эмират», буквы которого по числовому алфавиту обозначают 711 год хиджры — год постройки Султания, было предложено самим Олджайту как хронограмма, увековечивающая это великое событие в тюркской и мусульманской истории.

Также и Аксарай отозвался об Олджайту с похвалой, оценив его как самого справедливого государя своего времени.

Последний из великих ильханидов Абу Саид-хан создал условия для процветания искусства. Самые великолепные произведения искусства, самые прекрасные здания мечетей и медресе, книги с миниатюрами были созданы в его время. И он, так же, как и его отец, в памяти жителей Азербайджана и Анатолии оставили самые благоприятные воспоминания. Поэтому его имя в азербайджанских мечетях в месяце рамазан упоминается в молитвах в числе имен четырех самых справедливых султанов. Возможно, когда влияние шиитов было сильным у первых османцев, к нему отношение было таким же почтительным. Энвери написал о нем следующее: «Султан Абу Саид был единственным сыном Олджайту, склонным к науке и добродетели, не было равного ему по щедрости, семьдесят два народа молились за его благополучие». И поэт Ахмеди об этом хане писал: «Абу Саид-шах был великим султаном. Называли его Багатур-ханом». Затем он, намекая на любовные интриги во времена этого правителя, объясняет, что упадок государства ильханидов наступил не из-за деспотизма, а из-за женщин. После смерти Абу Саида внук эмира Чобана (князя племени сулдуз, самого многочисленного в государстве со времен Газан-хана) эмир Шейх Хасан-младший, объявив ханом в 1336 году одного из чингизидов по имени Арпа, а чуть позже — князя племени *арлат* Муса-хана, потомка сына Хулагу Тургай-оглана, попытался сохранить единство и целостность государства, но успеха в этом не достиг.

Другая важная опора государства, Шейх Хасан-старший, один из князей племени *джалаир*, объявив ханом Мухаммета, потомка другого сына Хулагу по имени Менгу Тимур, превра-

тил Багдад в центр и прибрал к рукам южную часть государства. Князя в Хорасане, объявив ханом Тугай Тимур-хана, потомка брата Чингиз-хана Джучи Кысара, образовали свое отдельное государство. В одно время и Шейх Хасан-старший признал было его ханом. А Шейх Хасан-младший правил в Азербайджане и Анатолии до 1343 года и, начав войну в 1338 году против Шейха Хасана-старшего и Мухаммета, взял в плен хана и умертвил его, признал правительницей сестру Абу Саид-хана Сатыбек-хатун, а позже объявил ханом ее супруга Сулейман-хана. От имени этого хана Анатолией управлял уйгур Алаэддин Эртене, который был одним из великих князей из окружения Тимурташ-бея, отца Шейха Хасана-младшего, правившего в его время этой страной. Шейх Хасан-младший этого Эртене-бея в 1338 году объявил губернатором всего Анатолийского вилайета.

После смерти Шейха Хасана-младшего его брат Мелик Эшреф, достигший положения князя улуса и снискавший в истории известность своей безнравственностью, в 1344 году отстранил от власти Сулейман-хана и объявил ханом кипчака по имени Нуширван (одного из принцев улуса Джучи-хана). Это обстоятельство послужило причиной того, что хан Золотой Орды Джанибек, вступив в соглашение с джалаирцами, предпринял поход против наследников Чобана. Джанибек-хан, победив в 1356 году Мелика Эшрефа в Уджане, пленил его и умертвил. Есть монеты с именем Нуширван-хана, отчеканенные в 1344–1355 годы. В 1356–1367 годы в Тебризе, даже в Багдаде были отчеканены монеты с именем Джанибека. Отсюда следует, что здешние джалаирские князья также признали власть Джанибек-хана.

После кончины джалаирского князя Шейха Хасана-старшего правил его сын Султан Увес Джелаир (1356–1375), затем брат Хусейн Джелаир (1374–1382), после него сын Увеса Султан Ахмет Джелаир (1382–1393, 1405–1410). Они, завладев в 1358 году и Тебризом, правили Азербайджаном и Ираком вплоть до прихода Тамерлана.

Написанное об ильханидах арабскими авторами Египта и Сирии в большинстве своем полно упреков и хулы, ценность хвалебных од, написанных в то время иранскими поэтами и писателями об этих правителях, также невелика. Поздние сведения об этих ханах, содержащиеся в трудах таких авторов, как Тевеккули (Тюкли), Девлетшах Самарканди, Хафиз Аб-

ру, Абдураззак Самарканди, Ибн Биби, Аксарай, а также таких поэтов, как Ахмеди и Энвери, черпавших сведения из уст народа, очень ценны, так как они писали не для того, чтобы понравиться или угодить кому бы то ни было.

Вместе с тем и в трудах таких авторов, как Джувейни, Рашид ад-Дин, Вассаф — современников ильханидов — многие мысли нашли обстоятельное разъяснение. В трудах Джувейни, Рашид ад-Дина, Вассафа содержатся и серьезные критические оценки различных ханов того времени.

Часть II.

Удельная система

В этой связи необходимо обратить внимание на значение в тюркской истории проблемы деления на улусы, т. е. на удельную систему. В истории времен Чагатай и Джучи о внутренней жизни и порядке государства говорится: «Владения и стратегические места расположения войск великих были заранее определены и подчинены четкому порядку, их кочевья и жилища, порядок приема гостей и вручения подарков, правила, которые следовало всем соблюдать во время церемоний, особенно в ходе коллективной охоты, были известны. Дело было так, что ни один знатный не мог притеснять и нападать на худородного и, наоборот, ни один худородный не мог выйти за пределы предписанного и действовать вопреки правилам. Слово *копы* означает владения; *сюбе* — место, предназначенное для той или иной группы войск не в смысле кормления, а в военно-стратегическом смысле; *юрт* — это место жизни и кормления войска или рода; *макам* — это места расположения летних кочевий и зимних стоянок на территории юрта; *саврын* (или *савры*) — порядок приема гостей и вручения подарков; *джерге* — обязательные для всех правила проведения церемоний, в особенности коллективной охоты, очередности и порядка действия.

Пока тюркские князья в своих областях и улусах оставались верны этим исстари сложившимся обычаям, жизнь тюркских и монгольских сообществ протекала в собственном русле и нормально. В этих условиях от правителя требовалось строгое соблюдение этих обычаев. Самое главное во всем этом — *копы*, т. е. владения, так как они составляют зерно государственности. Владелец *копы* у монгол опирается на четырех чи-

новников: 1) *даруга* (управляющий), 2) *ясавул* (правитель), 3) *демечи* (или *битикчи*), 4) *сюленге* (чиновник по экономическим делам). Они представляют собой исполнителей владельца копы. Будь то вилайет или целое государство, оно управляется на этих четырех основах.

В тюркских и монгольских странах обновление государств предопределено улусной системой. Так как в процессе деления государства по улусной системе среди представителей правящего семейства через 4–6 поколений (за 100–150 лет) курты-владения становятся мелкими, *тумены* дробятся на мелкие куски, называемые *утюками*. В это время члены правящей династии, считающиеся владельцами улусов, бывают вынуждены управлять мелкими племенами и столкнуться с главами родов, так как дело ханов — не управление отдельными племенами, а обеспечение равновесия во взаимоотношениях между ними. При раздроблении владений и возникновении необходимости управлять племенами против *ханов* (*туре*) начинают выступать князья (*беи*). Внутри родов появляются *беи*, они усиливаются, между тем как внутри рода *туре* — чужой. Однако господство князей приводит к столкновению между племенами. Этого терпеть длительное время нельзя, столкновения между племенными князьями вынуждают народ искать общего межплеменного правителя из числа потомков Ачина. В Монголии войны между ханами и нойонами в середине XIV века завершились поражением ханов, а в начале XVI века — их победой. Ильханиды и ханы улуса Джучи и Чагатая свои владения также оставили князьям, выступившим против них соперниками и стремившимся превратить ханов в свои игрушки.

С другой стороны, мы выше объяснили, что потомки Ачина вначале находились рядом с хаканами лишь в качестве глав племен, умом и опытом снискали себе роль приближенных старых правителей и завоевали среди населения духовное влияние как *демирчи тарханы*. Они во внутреннем управлении государством не опираются на войска, силу оружия, укреплений, не становятся владельцами богатств, собственности, дворцов, не позволяют сооружения крепостей, не избегают наблюдения и контроля со стороны населения и не отдаляются от народа. Народ, обладавший правом отстранения и даже убийства неугодных себе тарханов, признавал, однако, их своими предводителями и уважал. И Чингиз-хан начинал свою деятельность в качестве подобного идеального правителя — пред-

водителя. Однако в результате завоевательных войн богатства, накопившиеся в руках ханов, возросли в десятки раз, внуки начали то там, то здесь возводить укрепления, становились на путь содержания наемных войск и начали относиться к своему народу свысока, в итоге перестали быть опорой для своего народа. В XIV веке в улусах Джучи и ильханидов у членов царствующего дома наследственные владения все больше дробились и мельчали, между тем как представители правящей династии составляли немногочисленный круг лиц, утопающих в богатстве и роскоши. Во времена Олжайту правители для расходов на содержание жен и войск кроме доходов из собственных владений использовали средства из государственного бюджета в размере 500 туманов, то есть 5 миллионов динар. Таким образом, обязанностью этих ханов было обеспечение согласия между родами и достижение тем самым влияния и власти. В итоге ханы (в письменных источниках гектюрок называются *карабудунами*), призванные оберегать народ от междоусобиц и гнета князей (беев), превратились в обществе в эксплуатирующую прослойку. Следовательно, в результате действия улусной системы в течение одного века не правящие члены династии, живущие в унаследованных владениях, оказались лицом к лицу с князьями родов, а правящие дома тюрок и монгол оторвались и отделились от народных масс.

В действительности история тюрок представляет собою не что иное, как многократное повторение подобных периодов. И в тюркских преданиях говорится о том, что вначале правили тюркские хаканы, позже власть переходила к огузским *ябгу* (князьям), укравшим священный камень *яшму*. Вероятно, это означает, что власть перешла от саков и хаканов их основного рода тюрок к князьям (*ябгу*) *кунов*. В эпитафиях гектюрокские хаканы до Кутлуг-хана жалуются на междоусобицы князей. В 760 году в Семиречье власть из рук западных гектюрок перешла в руки карлукских князей (*ябгу*). Согласно относящемуся к этим событиям сообщению Гардизи все хаканы вместе с Кут-оглан-ханом были убиты, и власть перешла в руки князя (*ябгу*) карлуков Илмасын *ябгу*. И во время карханидов наблюдаем, как карлукские князья выступили против хаканов. Следовательно, во все времена происходило чередование власти между хаканами и князьями.

После того, как были прочтены орхонские письма, и их содержание стало достоянием историков, труды по истории

тюрков, опубликованные в 1896 году, составили некоторый поворотный пункт в понимании истории этих народов. Тем не менее нельзя считать, что на сегодняшний день фундаментальные проблемы о факторах и способах формирования государства у тюрков, о внутренней организации этих государств выяснены до конца. Среди идей, высказанных в вышеупомянутом году, наиболее важной является мысль Леона Каёна о том, что ошибочно рассматривать историю тюрков и монгол лишь с точки зрения взаимоотношения кланов, что это история наций, постоянно совершавших в Азии великие преобразования. Эти мысли для своего времени были совершенно новыми. А В. Бартольд, сам читавший восточные источники в подлинниках и участвовавший в изучении орхонских текстов, в одной из своих публикаций выдвинул для своего времени совершенно новые идеи о том, что различия между первобытными племенами и кочевниками чрезвычайно велики; что история тюрков, так же как и история народов европейской культуры, развивается по одним и тем же законам исторической эволюции (ошибочно представлять историю этих народов наподобие сказок «Тысячи и одной ночи» или как вечную борьбу между кланами); что и среди тюрков происходила борьба между бедными и богатыми, в связи с чем возникали кризисы; что и история тюрков является историей противоречий между общественными группами и столкновений экономических интересов.

В. Бартольд в труде, опубликованном в 1918 году, эти же мысли развил еще более обстоятельно. Он разъяснил, что мировые империи, созданные тюрками и монголами, распались не на роды, а на отдельные государства; что жизнь государства ильханидов, образовавшегося в просвещенном Иране, показывает, как кочевой народ, достигнув господства над более культурным народом, постепенно в новой среде испытывает его культурное влияние; что победители стремятся сочетать изысканность высокой культуры со свободой кочевой жизни, и, наконец, они сами осознают степень своего сближения с местным населением; что эти кочевники не исчезли среди местных бесследно, что они оставили здесь досель продолжающий существовать государственный строй; что в Китае и России положение аналогично; что кочевники дали толчок к дальнейшему развитию культурных народов; что и в истории Ирана самый высокий уровень развития культуры приходится на период господства ильханидов. В. Бартольд в этой связи находит

сходство в истории тюрков с историей кочевых арабов. Однако В. Бартольд историю тюрков воспринимал лишь как историю кочевого народа, поэтому его понимание формирования тюркских государств не отличалось от понимания тюрколога В. Радлова. В итоге и в его воззрениях преобладали представления об истории тюрков как о взаимоотношениях между кланами.

Согласно подробно изложенной теории В. Радлова, выведенной им на основе наблюдения жизни киргиз-казахских родов *кирей* и *каратай* на южном Алтае, основной причиной, побуждавшей тюрков к созданию государств и в то же время приводившей эти государства к распаду, является «текущий элемент» в жизнедеятельности тюрков, образующийся ввиду увеличения численности населения родов; появление и разрастание в них все новых и новых аймаков постоянно оживляло внутреннюю жизнь родов. По его мнению, эти внутривидовые изменения, обычно происходящие по биологическим причинам и самими людьми не осознаваемые, используются знатными предводителями родов и батырами с целью возбуждения политической активности. Роды, по природе своей консервативные и не желающие быть вовлеченными в политические столкновения, насильно вовлекаются в политические события, в результате формируются великие государства. Однако ввиду того, что кочевники не в состоянии оставлять наследникам твердые традиции государственного существования, порою даже название государства, вновь образовавшееся государство в условиях продолжающейся клановой жизнедеятельности затухало и прекращало свое существование. И некоторые другие ученые, занимающиеся проблемами общественного строя кочевых народов Средней Азии и опубликовавшие в последние годы свои труды, как основной пример государств тюрков и монгол берут систему управления северного, наиболее отсталого рода якутов — *долган*, у которых система управления осуществляется двумя слоями, один из которых ведает военными, а другой — экономическими делами. Ученые эту организацию управления сравнили с системой внутреннего самоуправления кочевников восточной Африки.

По моему мнению, история тюрков не представляет собою лишь историю кочевых племен, хотя самыми деятельными кругами были кочевники, тем не менее эта история складывалась как результат взаимодействия кочевников с полукочевы-

ми племенами. Государства были созданы не племенами, жившими на дальних окраинах, а теми из них, которые всегда находились в качестве политически активных кругов на переднем плане; и у них традиция государственности возникала, как я уже объяснял неоднократно раньше, на основе существования в их общественной жизни в зачаточной форме элементов королевской власти, порождавшей постоянно те или иные политические изменения. Все это опиралось, как уже было сказано, на удельную систему, прошедшую этапы своего совершенствования. Возникновение борьбы в силу складывающихся общественных и экономических условий выливалось в форму чередования власти хаканов и князей; будь то власть хаканов или власть князей, и та, и другая постепенно разлагались в связи с изменением экономических условий, и это создавало почву для обновления общественной жизни. Перемена власти между ханами и князьями созревала в течение долгого исторического периода, но когда рассматривается история в целостном виде, остается впечатление, что она напоминает смену власти политических партий в современных государствах. Будь то ханы из древней династии хаканов или такие князья из числа глав родов, как *огуз*, *карлук*, *джалаир*, *барлас*, *мангыт*, *ойрат* и *чураш*, они способствовали реализации время от времени возникавших возможностей для развития. То есть изменения, возникавшие в результате действия удельной системы, не оставляли народ на том же уровне развития, тем более, как утверждают некоторые русские авторы, пишущие об улусной (удельной) системе, не тянула народ на ступеньку ниже прежнего уровня, а наоборот, изменения в системе удельных отношений создавали условия для дальнейшего совершенствования общества.

Мнение Радлова и Бартольда, что роды, будучи равнодушными к политическим делам и апатичными, могли быть побуждаемы к созданию государств лишь своими предводителями, необоснованно. Бартольд в первой из лекций, прочитанных им в Стамбуле, борьбу между гектюркскими ханами и токузогузами объяснял исходя из этой мысли. Он опирался на мысль, что токузогузы = гектюркам, ошибочность этой мысли я объяснил выше. Наоборот, из-за того, что большинство тюркских кочевых родов издревле сохраняли в себе традиции военного государства, они быстро приравнивались к политическим и общественным событиям и присоединялись к движению за

государственность. В тюркских племенах деление на роды все время существовало параллельно с делением на военные единицы (десятка, сотня, тысяча, тумен — десять тысяч, правая и левая рука — фланг) и только в зависимости от нее. Эта мысль была принята и в новейших публикациях, посвященных исследованиям общественных отношений тюркских народов. Хотя войска и были организованы на основе родов, но при удельной системе эти родовые войска разложились из-за измельчения улусов в ходе многократного деления наследства. В итоге у тюрков такие большие сообщества, как *огузы*, *кыпчаки*, *киргизы*, объединяя в значительной мере собственных сородичей, вовлекали в свою среду тысячи различных групп, аймаков других исторических племен, и это мы видим, изучая сегодняшнее их состояние. Выше я уже объяснял, как сообщества, в XI–XII веках показавшие свою способность сохраняться как большие роды, рассеялись в водоворотах исторических событий XIII–XIX веков.

Господство тюрков и монгол в XIII–XIV веках в Передней Азии и Иране не представляет собою, как это утверждает Бартольд, процесс «растворения кочевников среди своих более культурных подданных, оставив лишь некоторый след», а представляет собою стадии их постепенного развития в условиях, ими же самими созданных. Утопая в богатстве, живя в роскошных дворцах под охраной стражи, эти ильханиды, казалось, ничем не похожие на древних аргимпаев и тарханов, переживали под влиянием культуры арабов и Ирана не разложение, а развивались в соответствии с условиями собственных условий жизни. Ибн Фазлаллах аль-Умари пишет об ильханидах: «Эти правители в своем государстве не обращают никакого внимания на обязанности по приказанию и запрещению, не вмешиваются даже в дела государства по доходам и расходам. Всем государством управляет везир, все дела по управлению падают на его плечи, лишь по очень важным вопросам, связанным с назначением и снятием должностных лиц, с уплатой и взиманием платежей, он обращается к правителю. Военные дела целиком в ведении улусных эмиров. Во времена правления Газана и Олжайту эта роль принадлежала Кутлукшаху, а во времена Абу Саида — Чобану. Государством фактически управляли они». Это значит, что у ильханидов продолжала существовать та же система двойного королевского правления, которую можно было наблюдать у гектюрков, караха-

нидов и хазаров. Бартольд, сравнивавший систему правления тюркских ханов Мавераннахра с системой управления иранских сасанидов, отметил, что в тюркской системе управления наблюдается постоянное отсутствие централизованности. Этого требовала удельная система. Ильханиды своим государством управляли посредством постоянно сменяемых генерал-губернаторов (*валиумуми*), но ввиду того, что у губернаторов (*вали*), феодалов и принцев, живущих среди родов, правомочия были широкими, основа древней системы федерации не нарушалась, обеспечивалась гармония между системой централизации и удельной системой. Большинство войск было организовано на основе родов, однако Газан-хан из рабов организовал «Особый тумен» и назначил его командующим Пулата Джинсанга. Эта войсковая часть, похожая на османских янычаров (новые войска), продолжала существовать и во времена Олжайту и Абу Саида. Хотя в результате удельной системы в эпоху ильханидов ханы поменялись местами с беями, однако в Османском государстве эта же удельная система и войсковая организация, приняв реформированный Газан-ханом вид, что описано Леопольдом фон Ранке в труде «Секреты Османской мощи», продолжала свое дальнейшее развитие.

Культуры представляют собою общее достояние народов, ни у одной нации нет чистой «собственной культуры», однако развившийся у тюрков и монголов феодализм в виде удельной системы, несомненно, представляет собою форму, развившуюся в их среде в зависимости от условий их существования.

Часть III. Закон и религия

Главная цель языкового влияния Ирана — подчинить тюркское культурное движение иранской культуре и вытеснить тюркский язык. Закон и тюркский язык для тюркского народа были показателями взлета и падения его веры в собственную созидательную мощь. В тот исторический период, когда устанавливали порядок на основе собственных национальных законов и искусство создавали на собственном языке, Газан-хан и его окружение могли определять место своей национальной истории в ткани мировой истории; внося требуемые временем реформы в удельную систему, искали и находили пути, обеспечивающие долговременное существование национального

правления; находили пути влияния тюрков и монгол на международную экономическую и политическую жизнь; обеспечивали условия успешного сотрудничества для представителей самых различных национальностей в сфере культуры, приблизив их к тем или иным ханам. Развивалось искусство, рисование, женщины в обществе занимали высокое, всеми уважаемое положение. Между полностью неисламской государственной и культурной организацией Чингиз-хана и государством конца XV века, когда от востока до запада полностью господствуют шариат и влияние Ирана, — дистанция огромного размера. Так же как сегодня, в нашей культурной жизни большую роль играют европейские традиции, а на литературу оказывают влияние европейские стереотипы мышления и реформы, после принятия ислама в XIV–XV веках тюрки были вынуждены принять как жизненную необходимость каноны шариата прежде всего в сфере семейного права, а в сфере языка и литературы — персидский и арабский языки. Задача заключалась в том, чтобы найти средний путь между двумя противоположностями — между неисламской культурой и правовой системой времен чингизидов и с наступательной мощью оформившихся к концу XV века шариата и иранской культуры. Во времена поздних ильханидов, Тимура и Улугбека, этот средний путь был найден. В мусульманском тюркском государстве между законом и шариатом, тюркским языком и персидским сложились гармоничные взаимоотношения. Управление войсками и господствующими тюрками и монголами осуществлялось согласно закону (*яса*), а ильханидами, арабами и мусульманскими народами — по шариату, в области литературы, в научных произведениях предпочтение отдавалось персидскому и арабскому, между тем языком деловых взаимоотношений оставался употребляемый среди тюрков и монгол тюркский язык, самостоятельность которого обеспечивалась предпочтением уйгурской письменности. Эта письменность стала в действительности средством защиты тюркского языка, так как она была не удобна для написания арабских и персидских слов.

На землях, где образовалось Османское государство (которое было продолжением как государства ильханидов, так и сельджуков), применение шариата в жизни тюрков оказалось еще более благоприятным, чем это было у ильханидов или у подчинявшихся им других тюркских народов (например,

в восточной Анатолии и Азербайджане). Традиции уйгурской письменности установились также и на окраинах государства.

Форма правления, реформированная у ильханидов во времена Газан-хана, удельная и финансовая системы были применены и здесь, но через некоторое время при вмешательстве *улемы* (мусульманского духовенства) должность везира и «князя князей» были объединены. Мехмет Фатих был очень культурным мусульманским правителем, которого современник Джами назвал «европейским и римским монархом». Несмотря на то, что Мехмет Фатих в одном из своих стихов, заменив слова Хафиза Ширази «тюрк Ширази» выражением «Повелитель Европы», показывает, к какому идеалу устремлен, однако на самом деле он был мусульманином-тюрком, воспринявшим изысканность персидской культуры. Разумеется, не могло идти речи о защите Мехметом Фатихом канонов Чингиз-хана, Хулагу и Аргун ханов, которых после смерти хоронили вместе с любимыми ими при жизни конями и девушками. Тем не менее он не упускал из виду те основные законы, которых придерживались уже чингизиды мусульмане. У поздних ильханидов и во времена Тимура в понимании ислама с точки зрения интересов великой тюркской государственности правильное направление было найдено, оно заключалось в умеренной середине между суннизмом и шиизмом. Олжайту удалил от себя великого шиитского факиха (знатока законов шариата) Джелалетдина Хасана бин Мутаггара аль-Хилли, внушавшего ему чувство фанатичной ненависти по отношению к суннитам, а сулдузским и уйгурским беям, которые были больше суннитами, чем он сам, ничего против не сказал. В произведении Рашид ад-Дина «Реваид-и Султание» на нескольких примерах очень хорошо объясняется, как Олжайту понимал эту среднюю дорогу. Что касается Тимура, он в Мазендеране боролся против крайнего шиизма, а в Сирии — против крайнего суннизма. В то время как мазендеранцы причисляли его к язидам, для сирийцев он был шиитом. Во времена первых османцев господствовала снисходительность по отношению к различным толкам ислама и чувство симпатии к шиитам, во времена Мехмета Фатиха положение изменилось, Стамбул, Сирия и Египет встали на путь фанатичной приверженности суннизму. Несмотря на приверженность к различным направлениям ислама, суннитам или шиитам, времена таких дервишей раннего Османского государства, как Барак,

Гейikli, Абдал Муса и Кайгусуз, представлявших одну и ту же мысль о любви к Пророку и Али, отныне отошли в прошлое истории. Сам происшедший от тюркских дервишей, Ашикпашазаде более их не признает, их *зикр* характеризует «дьявольским действием». Эта крайняя форма суннизма толкнет азербайджанских тюрков в объятия крайних форм шиизма, два с половиной века спустя это послужит сдерживающим фактором против предложений Надира Афшара объединить два толка ислама, хотя его предложение и казалось благоприятным и приемлемым для обеих сторон. Несмотря на все это, Мехмет Фатих не позволил для Османских турков превратить один из толков ислама в господствующий, а также персидский или очень любимый им арабский не стал официальным языком. Мехмет Фатих так же как и предки, действительно был одним из победителей, принимавших участие в войнах. Он не позволил проникнуть шариату в систему правления «Султана Рима», сохранявшую свое правомочие уже полтора столетия, и законы османцев, которые были весьма далеки от канонов шариата, остались в силе. В истории Турсун-бея — турка, выросшего в то время, секретаря высшего совета (дивана), позже заведовавшего финансами (дефтердара), — написанной на турецком языке, наряду со стихами на арабском и персидском, использованы и стихи на турецком языке, при этом сохранена красота слога. Использование этих стихов, рассказов со вкусом и к месту показывает, что Мехмет Фатих и его окружение всеми тремя языками пользовались, зная их в совершенстве. Язык автора произведения, будучи очень близким к языку прозы Алишера Навои, обладая большой внутренней красотой, не грешит многословием и показывает, что османский язык во времена Мехмета Фатиха приобретает способность превратиться в язык науки. Мехмет Фатих взял под свое покровительство светские науки, хорошо принял Али Кушчу с его приближенными, когда тот бежал в Стамбул от собственного сына Абдуллатифа-мирзы, убийцы Улугбека, назначил его мударрисом Аясофьи. Беседы Мехмета Фатиха об исламских и греческих философах, оставаясь в пределах основных идей ислама, привели к возникновению обновленных произведений, в годы его правления начали появляться научные произведения на турецком языке. Величие Мехмета Фатиха, остававшегося сыном своего времени и своего окружения, заключается именно в этом.

Методология исторических исследований

Заки Валиди Тоган результаты своих занятий со студентами по методологии истории, проведенных им в 1929–1932 учебные годы, начал публиковать в 1941 году, но дело не было завершено. Труд был издан позже, в 1950 году. Предисловие представляет большой интерес тем, что оно написано в дни, когда стали известны результаты выборов 14 мая 1950 года. В этом достаточно обширном предисловии Заки Валиди Тоган излагает свои мысли о культуре, цивилизациях и о многих других проблемах.

Общий план произведения

Труд состоит из трех глав и нескольких приложений.

Первая глава. Проблемы и поле деятельности истории как науки. С. 1–27.

1. История и представления об исторических методах.
2. Генетический метод в исторической науке и его задачи.
3. Взаимоотношения истории с другими науками.
4. Виды исторических сочинений в зависимости от способа написания.

Вторая глава. Знания о методологии. С. 28–135.

1. Определение метода, его развитие и виды.
2. Знание источников.
3. Критика.
4. Комментарии.
5. Синтез.

Третья глава. Философия истории. С. 135–174.

1. Теократическое понимание истории.
2. Материалистическое понимание истории.
- 3–6. Позитивистское, идеалистическое, импрессионистическое и гуманистическое понимание истории.
7. Понимание истории на исламском востоке.

Приложения.

1. Источники турецкой истории. С. 176–261.

2. Журналы и продолжающиеся издания, посвященные истории Востока, ислама и тюркских народов. С. 263–290.
3. Произведения, относящиеся к методологии отдельных наук, связанных с историей. С. 291–299.
4. Классификация и планы сочинения. С. 300–312.
5. Транскрипция, правописание, условные знаки и техника издания научных трудов. С. 312–320.

Именные и тематические указатели. С. 321–350.

Метод 1.

Различие между культурой и цивилизацией.

Бируни о греческой цивилизации

Совершенно естественно, что между национальными культурами европейских и восточных наций, в их обычаях, традициях, религиях и нравственных понятиях существуют различия. Кроме того, такие различия сохранились как между самими европейскими, так и между восточными народами. Однако сейчас культура, наука и искусство, методы деятельности в этих сферах, применяемая техника становятся общими во всем мире. В период возникновения цивилизации исламский мир воспринимался как часть западного мира, продолжавшего древнегреческую цивилизацию. Исламский мир принял греческую единицу веса и стоимости (динар, дирхем, эстар, мискаль, у хорезмийцев — дина, крам и т. д.), унаследованную греками от древнего Шумера, усвоил от греков географические, математические и философские понятия, даже жил по греческому календарю (календарь Селевка), освятил в Коране «Двурогого», т. е. Александра Македонского, возвысив его до степени пророка. Поэтому исламский мир и не мог восприниматься иначе. Наш коллега немецкий философ К. Ясперс, так же как и Бируни, в своих произведениях с точки зрения культуры мир ислама, вместе с Грецией, Римом и Египтом, относит к одному и тому же «Ахлуль-магриб» («народ Запада»), а Индию и Китай — к одному и тому же «Ахлуль-машрик» («народ Востока») и определяет характерные различия между этими двумя мирами. Отделение мира ислама от мира Древней Греции произошло в период упадка последнего, когда религия соединилась с цивилизацией. В противоположность таким авторам, как Анри Масис и Поль Валери, придававшим столь

большое значение христианству, Бируни, отводя греческой цивилизации особое и выдающееся место, в качестве самого высокого и блестящего периода западной цивилизации считал греческую культуру до принятия ею христианства, написал, что лишь у греков того периода господствовала «самая высокая степень заботы и внимания к науке».

По моему мнению, однажды не останется различий между «западной» и «восточной» цивилизациями, Япония окажется более западной по сравнению с Америкой, а Франция более восточной, чем Испания. Культурные различия между жителем Малайзии или монголом и каким-нибудь немцем и американцем уменьшатся до уровня культурных различий внутри европейских и американских наций. Я не считаю, что цивилизация Запада, разделенная на национальные сообщества, составит когда-нибудь одно целое, а цивилизация Востока, также разделенная на такие же сообщества, тоже объединится в целое. Утвердившееся за последние пять столетий мнение о различии между Европой и Азией как о «творческом» и «отсталом» обществе будет продолжать существовать значительное время и в дальнейшем. Но утверждать это с полной уверенностью нельзя. Законы созидания цивилизации развивающегося сообщества определяет само, общество, не способное к этому, мертво. Эта мысль в ближайшее время в восточном мире возвысится до единственно господствующего принципа.

Мера усвоения западной цивилизации. На сегодня отличие между Западом и Востоком главным образом оценивается по уровню технического творчества. Поэтому очевидно, какова должна быть сейчас на Востоке мера оценки способности к такому творчеству — *самостоятельно созданное произведение*. Например, если какой-нибудь турак, внося некую новизну в мировую науку, создает научное произведение, при этом излагая содержание, технически безукоризненно все исполняя, не прибегает ни к какой помощи западного ученого и способен придать своему труду вид западного научного произведения, то это значит, что данный турак полностью усвоил западную цивилизацию. Но я тут же должен заметить, что отмеченная мною выше «самостоятельность» отнюдь не означает, что автор при необходимости должен избегать обращений к учителям и научным коллегам по тем или иным проблемам. Произведения, созданные коллективными усилиями, могут быть самостоятельными по своим оригинальным находкам, по методу

классификации и описанию материала, по способу технического исполнения.

Другой мерой усвоения западной цивилизации является *внимательность*. Особенность, обозначаемая в современной Европе словом «akribie», оставшимся, видимо, от греческого языка, представляет собою наследство, полученное европейцами от древней Греции и Рима. Однако эта особенность наблюдалась как в Китае, так и у древних хорезмийцев, а также живших по соседству с ними тюрков Хорезма и Сырдарьи. Бируни сетует на то, что встречающаяся у древних греков внимательность отсутствует у мусульманских ученых, более того, эту невнимательность он оценивает как «общий недостаток нашего народа», после чего пишет: «Получается так, что при исправлении источников и при сравнении их с подлинниками из-за господствующей у нас невнимательности становится безразлично — существуют эти рукописи или не существуют, даже теряется смысл того, чтобы изучать содержание этих книг. Если бы у нас не было этой беды, было бы достаточно ссылаться на греческие имена в арабских переводах произведений Диоскура, Галена, Павла и Ореобасиса, однако мы этим переводам не верим и не можем быть уверены в том, что они при написании не переименовывали эти имена. В этой связи подлинное звучание и написание этих греческих имен приходится выяснять у самих греков», — и рассказывает, как ему пришлось расспрашивать у римлянина, приехавшего в Хорезм и Газну, — «подлинное звучание этих имен на их собственном языке» и уточнять путем написания их латинскими буквами. Исследование рукописных источников наших библиотек с точки зрения исправления вкравшихся туда неточностей из-за отсутствия «внимательности» у авторов и переписчиков, а также знание того, в каких странах эта «внимательность» общепринята — вот вопросы, которым при изучении культуры исламских народов следует придавать особое значение. Внимательность не является расовой особенностью, это — результат привычки и воспитания, только народам, привыкшим к невнимательности, потребуется немалое время и усердие для ее внедрения. Если исламские народы не придадут этому должного значения, и роль внимательности и аккуратности не будет оценена по достоинству и не будут приняты меры по привитию этих качеств новым поколениям, то они, особенно в области технических наук, постоянно будут отставать от Запада.

Во всяком случае в усвоении западной системы главными показателями сейчас являются упомянутая мною самостоятельность в создании научного труда и внимательность.

Демократия и идеология творчества. Интересно было бы знать, когда мы успешно достигнем такого высокого уровня усвоения идеологии творчества, когда сможем создавать самостоятельно выполненные и со всем прилежанием завершенные оригинальные произведения? Во всяком случае переход от системы военного управления, которая является главным препятствием на пути развития свободы мнения личности, к демократии будет благоприятствовать достижению такого уровня. Переход в управлении к демократической системе, муниципальности, к выборности городских и областных органов, так же как и в России после 1863 года, и в Турции даст благоприятные результаты, приведет к изменению структуры общества, обеспечит в науке инициативу и свободу мнений. Возможно, когда пишутся эти строки, без кровопролития, как духовное возрождение нации, в досель небывалом в этом государстве всеобщем волнении осуществляется самая великая в истории Турции революция.

Турецкий народ, который, как мне казалось ранее, всегда будет существовать при армейских порядках, однажды смог отделить государство от религии, сейчас государственное управление преобразуется в демократическое и гражданское, и успеху этого дела теперь не осталось никаких преград, лишь бы бог оградил народ от его внешних врагов. Турецкий народ обрел свой разум и волю и в будущем не пожелает от них отказаться. Однако получением возможности применения свободной воли как в политической, общественной жизни, так и в научной деятельности дело не завершается. Необходимо укреплять пути и средства усвоения «идеологии творчества».

Метод 2.

О пользе истории

В чем заключается польза истории? Слишком долго обсуждать этот вопрос нет необходимости, так как все мы, здесь собравшиеся, занимаемся историей, хорошо понимая ее роль. Во всяком случае каждый, кто изучает историю той среды, которая его окружает, постигает прежде всего собственную суть и сущность общества, в котором живет, начинает лучше пони-

мать и то и другое. История объясняет нам, как современная жизнь стала результатом эволюции прошлой жизни, даже дает возможность иметь представление о будущем. Кроме того, всеобщая история при помощи своих методов (о которых речь будет идти впереди) становится причиной возникновения таких специальных дисциплин, как социальная и экономическая история, помогает решить некоторые трудные проблемы естественных наук. Например, в прошлом веке геологи, сколько бы они ни исследовали, никак не могли разрешить вопрос о том, впадала или нет в прошлые исторические эпохи Амударья в Каспийское (Хазарское) море и произошло ли русло Узбой в древности от морей, или оно образовалось в результате перемещения русла Амударьи. Наконец в течение этого века историки нашли источники, относящиеся к истории этого русла и доказали, что Амударья, как в исторический период до христианского летосчисления, так и в XIII–XV века нашей эры впадала в Каспийское море (См.: Amu-Derya // İslâm Ansiklopedisi. İstanbul, 1941. S. 419–426).

Польза истории как науки, особенно как науки, объясняющей людям их собственное прошлое, вполне очевидна. Личность, способная пользоваться историческим опытом всего человечества, представляет такую же ценность, как и многоопытный мудрый человек к концу своего жизненного пути. История — наука, нуждающаяся в уважительном, почтительном к себе отношении. В этом смысле она чрезвычайно чувствительна. Поэтому она не любит, когда исторические события подвергаются искажениям. Отдельные люди историю насилюют, искажают или освещают те или иные события односторонне. Но если на этот путь становятся представители целого государства, нации или правительства, исторические исследования заходят в тупик, наука переживает паралич.

Нация, понимающая ценность и значение исторической науки, развивающая ее на рациональной, методологической основе, опираясь на документы, способная на этом пути показать свои труды другим народам, представляет собою зрелую, развитую нацию. Достижение зрелости в исторических исследованиях стало мерой в оценке зрелости наций и обществ. В невежественном обществе историческая наука ничего не стоит. В этом отношении некоторые отсталые представители мусульманского духовенства историю ни во что не ставили, с их точки зрения история не наука, поэтому и в медресе уроки исто-

рии не были введены. Но с развитием культуры ошибочность такого взгляда стала понятной. Изучение истории должно занять важное место в повседневной жизни любого человека. Современные историки, обсуждавшие вопрос о том, что в странах мира, оставшихся верными демократической системе, после второй мировой войны, проходившей в 1939–1945 годы, утверждали: при изложении хода истории человечества допущены значительные ошибки. Они говорили также о том, что если в России, противостоящей этим демократическим странам, история разъясняется русскому народу до самых последних дней, то в демократическом мире история, в том числе и история России, доводится лишь до конца первой мировой войны и на том прекращается.

Далее эти ученые утверждали, что если в обществе всемирная история не доводится до сведения общественного сознания в полном и систематическом виде, на основе демократических принципов с древнейших эпох вплоть до современности, то попытка решать проблемы, вытекающие из мировых событий, путем применения всеобщих выборов, представляет собою ошибку. *Действительно, игнорирование изучения истории вплоть до ныне переживаемого момента — большая ошибка. Отрицание истории без изучения ее сути — не что иное, как самое явное проявление невежества и глупости.*

Метод 3. Главные черты методологии исторических исследований

После обсуждения проблемы синтеза будет к месту рассмотрение вопроса об очередности анализа и синтеза. Мы рассмотрели вопрос о теории метода, разделив на три части: «знание источников», «критика» и «синтез». Такая очередность дает представление о том, как эти три стадии деятельности при создании произведения по истории требуют следующей друг за другом постепенно выполняемой ступенчатости. То есть: 1) историческая наука должна опираться на максимально возможный богатый материал, историк должен его накопить, изучить, выяснив, заслуживает ли он доверия или нет, оказал ли один источник влияние на другой, и привести их в единую систему, 2) после анализа сведений он должен перейти к рассмотрению событий и, изучив их тем же методом, также привес-

ти в систему, 3) наконец, разделив события в рамках времени и места, определив их место с точки зрения темы и специальности, должен вскрыть между ними причинно-следственные связи. Однако этого рода «синтез» может быть применен лишь при достижении окончательных итогов в процессе творения исторического произведения. Это означает, что анализ и синтез производятся одновременно, а не раздельно. Иногда причинно-следственная взаимосвязь какого-либо события с другими, происшедшими до или после данного события, отражается в каком-либо документе, подтверждающем, имел место этот факт в действительности или нет. Таким образом, задача, которая должна выполняться при «синтезе», пересекается с «анализом», то есть обе эти задачи осуществляются одновременно.

Долгое время историк занимается такими тремя следующими друг за другом делами. 1) До того, как начать писать самостоятельный исторический труд он, опираясь на труды, написанные до него, стремится обрести собственное мнение о возникновении, постепенном развитии изучаемого события. В большинстве случаев именно этим путем и определяется тема исследования. 2) Приступив к делу и изучая первоисточники, он обращает внимание на то, что некоторые из них не во всем заслуживают доверия и с этого момента начинает все материалы рассматривать с критической точки зрения. 3) Чтобы исследование в полном смысле слова было основательным, а его результаты оказались фундаментальными, исследователь погружается в источники, стремясь к тому, чтобы эти источники как можно более разносторонне отражали изучаемую проблему. Этим самым завершается часть работы, которую в вышеприведенной схеме мы назвали «сбор источников» и которая делается исследователем прежде всего. Сама методология истории возникла именно на этой почве, в процессе анализа источников появилась необходимость развить и упрочить метод исторической критики самих источников. Позже историческая наука, обратившись к таким наукам, как археология, нумизматика, антропология, этнография, филология, встала на путь расширения своей источниковедческой базы.

От историков не требуется, чтобы они буквально следовали принятому в методологии исторических исследований очередности выполняемых дел: сначала накопление источников, затем анализ и лишь после этого синтез и т. д. Тем не менее необходимо, чтобы историческое произведение было создано

лишь при действительном выполнении требуемых в этих трех сферах обязанностей исследователя. С другой стороны, не имеет значения, с какими намерениями и как долго создавалось то или иное произведение. Все эти требования анализа и синтеза должны быть выполнены исследователем органичным, естественным образом, то есть он должен обладать особой способностью, называемой опытом критики (*esprit critique*) источников. Иначе, если какой-нибудь историк, создавая какое-либо произведение, будет ломать голову, соответствует или нет его работа тому или иному правилу внутренней или внешней критики источника, способствует ли он в действительности упрочению духовных, естественных и культурных факторов, то это означает, что этот историк еще не усвоил метод исторического исследования. Человек, не наделенный поэтическим дарованием, сколь бы прилежно ни изучал правила стихосложения, поэтом не становится. Человек, не имеющий способности к историческому мышлению, сколько бы он ни занимался изучением методики исторического исследования и как бы буквально ни стремился следовать ее правилам, не сможет создать подлинно научное произведение. Напротив, так же, как произведения великого поэта становятся образцом для изучения законов стихосложения, точно так же произведения великих ученых, обладавших «критическим умом» (*esprit critique*) и, на практике занимаясь историческими исследованиями, создавших этот опыт, более того, выработавших в этой области новые правила и внесших новизну в область исторического метода, становятся образцами для изучения методологии истории. Вместе с тем все сказанное нами не должно истолковываться в том смысле, что можно снисходительно относиться к тем ныне работающим историкам, которые хотя бы на минуту упрямо отклоняются от пути, указанного методологией истории.

К концу разговора о синтезе я хотел бы указать на необходимость того, что с самого начала, взяв в руки какую-либо тему для исследования, нужно обратить внимание на наличие средств и уровень подготовленности для выполнения данной работы. Исследование, начатое без рассмотрения наличия средств и уровня подготовленности для выполнения работы, останется незавершенным или завершится ложными результатами. Говоря об уровне подготовленности, мы имеем в виду прохождение школы у крупных специалистов в этой области,

занятия вместе с ними, обучение у них методу исследования. Говоря о наличии средств для исследования, мы имеем в виду наличие научных публикаций, необходимых для исследования данной проблемы, существование документов, материалов, других исторических следов, относящихся к изучаемой теме. Так как научное произведение появляется лишь на основе внимательного изучения всех тех трудов, которые до этого по данной теме были созданы, путем дополнения и исправления их недостатков, если у них таковые обнаружены. Если же по этой проблеме никаких трудов досель не было написано, то это нужно выяснить и провести новое исследование на основе изучения ранее не изученных новых материалов.

Дастан об Огузе. Перевод и исследование «Огуз-наме» Рашид ад-Дина

Общий план произведения

Труд, подготовленный Заки Валиди Тоганом, издавна занимавшегося тюркскими дастанами. После смерти ученого произведение было подготовлено к печати и издано Тунджером Байкарой. Этот труд представляет собой в основном перевод части из книги Рашид ад-Дина Фазлаллаха «Джами'ут — Таварих», названный им «История огузов и тюрков». С. 17–78.

Вторую часть произведения составляют примечания, относящиеся к тексту дастана (с. 81–114). В этих построчных примечаниях освещены некоторые особенности тюркской истории, относящиеся к доисторическому мифическому периоду. В этой части и издатель Т. Байкара сделал одно-два частных добавления.

Третья часть — «Замечания, относящиеся к дастану об Огузе» (с. 115–152). В этой части вначале речь идет о месте, времени и условиях создания «Дастана об Огузе», во втором разделе — о правителях, династиях, личностях и событиях в «Дастане об Огузе». Третий раздел посвящен результатам исследований «Дастана об Огузе». Заки Валиди Тоган 26 июня 1970 года, находясь в больнице Джеррах-паша, продиктовал автору этих строк «Результаты исследований «Дастана об Огузе». Это

были последние результаты его научного творчества. Месяц спустя ученый скончался.

Этот труд был переиздан второй раз без изменений.

История огузов и тюрков

Тюркские хронисты и искусные сказители повествуют так. Пророк Нух при дележе земной поверхности между сыновьями старшему сыну Яфесу отдал восточные страны вместе с Туркестаном и все те стороны. Яфес, по рассказам тюрков, взял себе прозвище Олджай-хан. Он жил как кочевник. Его зимовья и летние кочевья были в Туркестане, летние месяцы он проводил на Ортаке и Кёртаке, рядом с городом Ипанч, а зимние месяцы проводил в тех же окрестностях (получивших известность как Каракорум), в местности под названием Борсук в Каракумах. Там были два города: один Талас, другой Кары Сайрам, у второго города были очень большие сорок ворот. (Сегодня там живут мусульмане тюрки. Близко к стране Кунчы, или Кайду.) Столица Олджай-хана находилась там. У него был сын по имени Дхиб Явку. Смысл слова *дхиб* — трон и место постоянного жительства, *явку* означает предводитель народа. Он был великим и признанным падишахом. У него были четыре почтенных и славных сына: Кара-хан, Ор-хан, Кюр-хан и Кюз-хан. Кара-хан, будучи наследником, стал вместо отца падишахом. У него родился очень счастливый сын, который обладал достоинствами, необходимыми падишаху. Три дня и три ночи после рождения не брал грудь матери. Мать потеряла надежду, что он выживет и была встревожена и печальна. Однажды во сне видела, как сын говорил ей: «Если ты хочешь, чтобы я сосал твою грудь, осознай и признай единосущность Бога, воспринимай это как возложенную на тебя обязанность». Женщина три ночи видела это во сне. Ввиду того, что этот народ по религии был еще кафром, женщина не могла происшедшее событие объяснить им. Она тайно от мужа перешла на веру Бога. Подняв руки к небу, помолилась и сказала: «О Боже, внемли мне, несчастной, придай моему молоку вкус, который бы понравился этому ребенку». Огуз в то же мгновение, ухватившись за грудь матери, стал сосать ее молоко. Когда прошел год, отец...

Примечания

3а — Это имя, написанное в вариантах рукописей и ...* читаю «Олджай». В издании: Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л., 1958. — пишется в форме Амылджа и Алынжа.

4а — Как сказано в „Истории Туркестана“ З. В. Тогана (с. 14), севернее озера Балхаш. И в походах Тамерлана упоминается как Ортак и Кёртак. (ZN, I, 470). Ортак находится у устья Сарысу, Каракаралы — вблизи от Акмолы, между реками Сарысу, Жамансу и Манака. Абу-л-Гази Бахадур-хан перепутал их с Улутау и Кичитау. У Ч. Валиханова (новое издание, I, 142, 647) Сарысу указан в восьми километрах южнее от железнодорожной станции Джанарык, но это ошибочно.

4б — В дастане об Огузе Ортак показывается взаимосвязанным с Яфенч (Ипанч-...*). Этот город находился в окрестностях нынешнего города Аягёз — Сергиополь или даже на том же месте. Этот город, названный у Кашгари и Джувейни Яфенч, по-тюркски произносился Япанджи. Это название Япан (может быть, Чапан), по-видимому, означает колонию торговцев, продававших чапаны (халаты). Часть из них были прибывшие из Средней Азии *шалджи*, то есть население *города, продающего шали*. Часть из них поселилась в окрестностях Казани, у болгар и эти местности получили названия шалджи, япанджи.

4в — В данном месте Рашид ад-Дин Фазлаллах, вне всякого сомнения, правильно написанное в подлиннике слово Каракум — пустыня, прилегающая к пустыне Борсук в районе Арка в Казахстане, — перепутал с Каракорумом в Моголистане. Здесь взятое в квадратные скобки представляет собой добавления Рашид ад-Дина Фазлаллаха, и в последующих текстах его добавления будут заключены в квадратные скобки. Определенное издателями Валиханова место Борсука в Каракумах было правильным («Сочинения» Чокана Валиханова, новое издание, I, с. 648).

5а — Кары Сайрам сегодня известный город под именем Сайрам. Казгурт — гора и город с аналогичным названием. Исмаил-ата в произведении «Хадикат уль-Арифин» упоминает о Сайраме и Исфижабе как о двух соседних городах. *Кары* означает старый, возможно, существовали два Сайрама в виде

* Отточия оригинала. — Примеч. пер.

Старого Сайрама и Нового Сайрама. (Однако выше, в 830 строке, упомянутый здесь как город Талас будет упоминаться как Кары Талас). Тюрки из Сайрама прибыли и обосновались также на Уральских горах, сегодня их село известно под названием Сайран. Авторы примечаний к русскому переводу (1,78) и авторы примечаний к трудам Валиханова Казыгурт ошибочно прочитали как Кары-гурт. Преемники Ахмеда Ясави Исмаил-ата и Исхак-ата, оба выходцы из Казыгурта, свои прозвища писали в форме «Казыгурти» («Хадикат уль-Арифин», рукопись Кабулской публичной библиотеки, не пронумерована).

ба — Кунджы был внуком сына Джучи по имени Орда. Во время войн между Кубилаем и Кайду он был на стороне Кайду. (Рашид ад-Дин, издание Хетагурова, 1/1, 81, 178; II, 66; издание Ализаде, 1, 469; издание Блоше, 93–98). Кунджы, или Коюнджы был в очень дружественных отношениях с ильханидами Аргун и Газан ханами.

Место, время и условия создания «Дастана об Огузе»

«Дастан об Огузе» целиком повествует о событиях доисламской эпохи. Когда был найден вариант дастана, использованный Рашид ад-Дином, вокруг горы Казыгурт жили уже тюрки мусульмане. Однако до того как дастан принял данный вид, у него существовал вариант, созданный в доисламскую эпоху. В то время были еще живы воспоминания о том, как от границ Хорасана до Таласа и Сайрама жили племена *канглы* и *уйгур* (гур), в Гуре, Гуржестане, Памире, Фергане и Чу — *карлуки*, в районе Бухары и Хорезма — *канглы*, в пространстве от Самарканда до Алмалыка — *уйгуры*, а восточнее их на Памире, в горах Алай и Тенгри правили *карлуки*. Эти воспоминания у Дакики и Асади Туси представлены вместе с иранскими преданиями в последовательности, как будто одни из них являются продолжением других.

Экземпляр, который воспользовался Рашид ад-Дин, был создан в то время, когда рассказы и предания о борьбе сельджуков с Шах-Меликом были известны в подробностях. Однако прошло достаточно времени, чтобы эти события могли быть смешаны с преданиями X века о потомках Токсурмуша. Вместе с тем в это время в повествования о Шах-Мелике были

примешаны и другие предания. Огузы в то время вели кочевой образ жизни в пространстве от Алмалыка и Балхаша до центральной части сегодняшнего Казахстана, называемой Сары-арка, и до Борсукских Каракумов. Их кочевая жизнь напоминала образ жизни казахов, которых мне довелось наблюдать в начале века. Они очень хорошо и подробно помнили то время, когда ими в древние времена правили *ябгу* из рода *кай*.

Во всяком случае некоторые места этих преданий записаны для салурских беев из уст народных сказителей.

Предания о Казан Алпе, который был предводителем *салуров* во времена их переселения из средней части гор Тенгри к Хорасану, рассказывались все еще в живой форме. Также эти предания отражают времена, когда *салуры* вместе с *баяндырами*, то есть вместе с ханами *аккойунов* жили в Иране, в Иранском Азербайджане и на границе Турции, вокруг Гёкчегель — озера Ван. *Баяндыры*, так же как и несколько гуннских племен, поселились около озера Гёкчегель — озера Ван еще в V веке по христианскому летосчислению. А *салуры* лишь ненамного раньше сельджуков, в 1000 году, пришли из Хорасана и просоединились к *баяндырам*.

Другие произведения

«Справочник по тюркской культуре»:

Текст, распространенный 16 октября 1965 года

Мы знаем, что являемся в истории великой нацией. И сегодня пребываем в состоянии великой нации и государства. Ныне в науке представляется общепризнанным, что тюрки распространили в мире не только формы военной организации, но и некоторые основные формы общественной организации и государственного управления, что истоки средневекового искусства, усвоенные и ставшие затем в Иране и во всем мусульманском мире основой, в значительной степени возникли у тюрков, что тюркские дастаны оказали огромное влияние на возникновение героических эпосов у народов древней Азии. Сейчас настойчиво проводится мысль о том, что все это необходимо свести воедино и оценить по достоинству. У нас все еще находятся люди, которые называют тюркские дастаны «небылицами, рассказанными у камелька», и восхищаются

только эпосом древних греков. Они твердят о том, что все формы общественной организации и городской культуры мы восприняли от жителей Анатолии, живших здесь до тюрков. Эти люди свыклись с мыслью о том, что турки в древности на своей родине за пределами Турции в области искусства не создали никаких великих произведений и что изданный ЮНЕСКО большой труд об истории искусства тюрков представляет собою научную истину. К сожалению, они эти мысли пропагандируют как самые революционные и передовые идеи в различных государственных изданиях. Всестороннее описание собственной культуры на турецком языке для всего народа и в особенности для учащихся средней и высшей школы, перевод этого труда на иностранные языки, чтобы показать нашу культуру всему миру — это самый великий долг, стоящий перед нами. В 1948 году, когда знаменитый ученый Тойнби выступал с лекциями в Стамбульском университете, ему было сказано, что он в своих трудах не пишет о культуре тюрков, а ведет речь о влиянии на тюрков культуры других народов. На это он ответил, что свои произведения пишет, опираясь на книги, написанные на европейских языках, что исследователь не в состоянии самостоятельно исследовать все культуры, что в то время как югославы, румыны, болгары написали и издали труды о своих культурах на европейских языках, турки до сих пор эту работу не выполнили. Издавна один из самых больших наших недостатков заключается в том, что мы не сосредоточили воедино сведения обо всех сторонах нашей культуры, разбросанных в произведениях, написанных как в Турции, так и за рубежом, и не ознакомили с ними другие народы.

Из-за крайней подвижности тюрков в жизни изменчива и история тюркского народа, поэтому и произведения, им созданные, разбросаны во многих концах мира. Эти произведения изучались учеными разных специальностей, работавшими над всесторонним исследованием проблем нашей культуры, и поэтому все эти сведения находятся в разобщенном состоянии, и значительная часть наших культурных достижений приписывается другим народам. Например, серьезные исследования по истории искусств, одежды, общественным и правовым отношениям тюрков сейчас проводятся в Америке, в России исследуется история городской культуры, жилище, охота, пища, музыка, животноводство, история сельского хозяйства,

исследования, посвященные старой тюркской письменности, проводятся в Финляндии, Дании, Германии, а материалы, относящиеся к науке и истории литературы тюрков, опубликованы во Франции, Венгрии, Индии и Японии. При таком состоянии дел для создания произведения, которое охватило бы все стороны тюркской культуры, есть необходимость организации международного сотрудничества.

Разумеется, и у нашего собственного народа есть авторитетные ученые, которые занимаются изучением различных сторон истории нашей культуры, и они в состоянии оказать помощь в написании фундаментальной настольной книги по истории нашей культуры. Однако некоторая часть этих ученых из-за незнания иностранных языков не в состоянии воспользоваться первоисточниками, написанными на русском, персидском, арабском, урду, китайском языках. Есть необходимость подобные первоисточники и, например, монографии, изданные на русском, японском, венгерском языках, перевести на турецкий и в виде рукописей (если уж издание их представляется делом сложным) собрать в одном из научных учреждений, чтобы ими могли пользоваться специалисты, занимающиеся историей нашей культуры. Например, в Турции есть историки, занимающиеся историей права, экономики, сельского хозяйства, урбанизма тюрков. Если им предоставить все источники по этим направлениям, то будут созданы условия, чтобы и на нашем языке написать еще более совершенные труды.

С другой стороны, самые важные памятники тюркской культуры в нашей стране уцелели, а первоисточники хранятся в наших библиотеках и музеях. Однако фотографии культурных памятников, хранящихся в других странах, микрофильмы рукописей или экземпляры трудов, изданных за рубежом, до сих пор в одно место не собраны. Например, из изданных произведений, отражающих результаты археологических раскопок, проводимых с прошлого века в Средней Азии, Китае и Индии, у нас имеются лишь немногие. Все это можно было бы сейчас собрать в центре, созданном при комитете, взявшем на себя обязательство подготовить и издать «Справочник по тюркской культуре». Как видим, создание «Справочника по тюркской культуре» довольно трудное дело и потребует немалых затрат. Однако это дело, вне сомнения, обладает не меньшей значимостью, чем сооружение моста, строительство цементного завода или открытие средней школы. На междуна-

родном конгрессе востоковедов, состоявшемся в 1951 году в Стамбуле, было принято решение подготовить и издать труд («Fundamenta») о тюркской культуре, языке и литературе. Но все старания это решение претворить в жизнь руками турков не могли быть осуществлены из-за того, что не было выделено на это дело ничтожное количество денег в размере 2 тысяч долларов в год. Турецкая делегация, принявшая участие в международном конгрессе востоковедов в Новом Дели (в начале 1964 года), добилась принятия решения, чтобы тома «Fundamenta», посвященные культуре турков, были отделены от основных томов и изданы как отдельная новая серия (в девяти томах) под руководством самих турецких ученых с названием «Справочник по тюркской культуре». Однако, несмотря на многократные обращения по этому поводу в правительственные учреждения, занимающиеся этими делами, вот уже два года не выделяются ассигнования для подготовки и издания этих трудов. Установлены связи с теми иностранными учеными, которые примут участие в подготовке этого труда со своими статьями, а в Голландии фирма «Mouton» выразила готовность опубликовать этот труд. Мы верим, что в недалеком будущем будут приняты все меры, направленные на освобождение исследований по национальной культуре от иностранного влияния, и это святое дело будет доведено до конца.

*Председатель комитета по изданию
«Справочника по тюркской культуре»
проф. Заки Валиди Тоган*

От редакционной коллегии
«Справочника по тюркской культуре»
Циркуляр № 2

И западные востоковеды, и турецкие специалисты пришли к единому мнению, что давно настало время, наподобие носителям различных иных культур — индо-германским, славянским, индийским и иранским, о языке и культуре которых опубликованы книги энциклопедического характера («Compendium» и «Grundriss»), и по вопросам филологии и культуры тюркских народов создать книги энциклопедического характера, где были бы собраны и обобщены все те материалы, кото-

рые существуют в разрозненном виде во множестве источников и книг. XXII конгресс востоковедов, состоявшийся в 1951 году в Стамбуле, принял решение подготовить в трех томах «Основы тюркской филологии». Два тома, посвященные тюркскому языку и его диалектам, были выпущены с помощью ЮНЕСКО, третий том, посвященный истории, готовится к печати издательским комитетом. XXVI конгресс востоковедов, состоявшийся в Дели в 1964 году, по предложению делегации Турции принял решение выпустить в девяти томах (а теперь, по решению в Равелло, — в десяти) «Справочник по тюркской культуре», который охватил бы все вопросы, оставшиеся вне филологических проблем тюркской культуры. Для его подготовки был создан в Стамбуле международный комитет из турецких, европейских, американских и азиатских ученых. Этот справочник будет подготовлен в двух сериях: на турецком и английском языке. Первую серию обязалось взять на себя Турецкое министерство просвещения, а о судьбе серии на английском языке Комитет ведет переговоры с голландскими фирмами.

В результате обсуждения и переписки с учеными, принимающими участие в написании этого труда, Комитет по изданию подготовил программу, 3 и 14 августа 1964 года в Стамбуле на расширенном совещании с участием иностранных тюркологов программа получила окончательный вид и была вручена в соответствующие органы Турецкого правительства. Эту программу высылаем в виде приложения к данному сообщению.

Вместе с циркуляром об условиях издания книги особо будут высланы листы, где будут названы авторы, участвующие в подготовке томов, с указанием взятых ими на себя тем и содержащих окончательную формулировку глав, разделов, параграфов.

*Комитет по изданию
«Справочника по тюркской культуре»*

17 октября 1966 года

Программа «Справочника по тюркской культуре»

Данная программа «Справочника по тюркской культуре» представляет собою окончательный вариант, принятый Комитетом по подготовке и изданию на заседаниях от 3 и 14 августа 1965 года в Стамбуле и 28 сентября 1966 года в Равелло.

Первый том

Введение в исследование тюркской культуры, всего 530 с.

Часть первая.

Предисловие

Первоисточники политической и культурной истории тюрков в хронологическом порядке, 240 с.

1 — Первые культурные связи тюрков с другими народами, 43 с.

Следы этих связей: а) в языке [2]; б) в истории и дастанах [3]; в) в археологии [4]; г) в антропологии [5]; д) в этнографии [6]; е) первые связи с Китаем [7]; ж) связи с Палео-Сибирью и народами Дальнего Востока [8]; з) связи с народами Ирана [9]; и) связи с народами Индии [10]; к) связи с монголами и тунгусами [11]; л) связи с угро-финскими народами [12]; м) связи со славянскими и германскими народами [13]; н) связи с кавказскими народами [14].

2 — Исторический период, начавшийся в Хиунг-ну, всего 20 с.

а) хиунг-ну [15]; б) жуван-жуван, среднеазиатские авары и тю-кю [16]; в) кушаны и эфталиты [17]; г) гёктюрки [18]; д) Иран сасанидов и культурные центры, возникшие на границе Индии [19]; е) уйгуры и киргизы [20].

3 — Западные тюрки: 20 с.

а) европейские гунны [21]; б) западные авары [22]; в) хазары [23]; г) волжские булгары и сабиры (сувары) [24]; д) дунайские булгары [25]; ж) печенеги, куман-кипчаки [26].

4 — Первые мусульманские тюркские государства, всего 25 с.

а) мусульманские тюркские эмиры и военные группы в Хорасане, газневиды [27]; б) караханиды [28]; в) каракытай, поздние уйгуры и их соседи — немусульманские тюркские государства онгутов, кирайтов, найманов, ябагу, йемеков и государства других рассеянных «татарских» племен [29].

5 — Мусульманские тюркские государства Передней Азии, всего 35 с.

а) тюрки в войсках омеядов и аббасидов, тюрки в Самарре, потомки Тулуна в Египте, ихшиты [30]; б) великие сельджуки [31]; в) римские (Византийские) сельджуки [32]; г) хорезмшахи [33]; д) тюркские династии в Афганистане и Индии: туглукиды, халачи, египетские и индийские кёлемени [34].

6 — Тюрки в Средней Азии в XIII–XV века, всего 35 с.

а) Чингиз-хан и четыре улуса [35]; б) Джучиев улус [36]; в) ильханиды [37]; г) наследники ильханидов [38]; д) улусы Чагатая и Улуг юрта, роль уйгуров буддистов в Улуг юрте [39]; е) Тимур и тимуриды [40]; ж) тимуриды в Индии [41]; з) поздний период Золотой Орды, Казанское, Крымское, Астраханское и Западносибирское ханства [42]; к) кара- и аккойуны [43]; и) тюрки в Иране во времена сафавидов, тюркская культура в Иране во времена Надир-шаха и каджаров [44].

7 — Османцы, всего 35 с.

8 — Среднеазиатские ханства в XVI–XIX века, узбекские, ногайские, казахские, бухарские, кокандские, хивинские и кашгарские ханства, 20 с. [46].

9 — Развитие в последний период, 5 с. [47].

Часть вторая.

Первоисточники по истории искусства
и архитектуры тюрков: всего 110 с.,
сюда же относится 20 с. иллюстраций.

1 — Ранняя культурная жизнь тюркских народов и их самые первые связи с соседями в области искусства, всего 10 с.

а) искусство скифов и пазырык [48]; б) искусство Кушана и эфталитов и тюрки [49]; в) гунны, искусство, развиваемое ими в Средней Азии и Европе [50]; г) влияние на тюркское искусство Китая, Индии и древнего Ирана [51].

2 — Связи с евразийской кочевой культурой, всего 10 с.

а) культура Сибири [52]; б) тюркские произведения в Монголии [53]; в) искусство анимизма и произведения искусства металлообработки [54]; г) юрта и ее виды [55].

3 — Культура оседлых тюрков: оседлая культура гёктюрков, уйгуров, киргизов, уренгойцев, басмилцев и тюркишлеров, их памятники, всего 120 с.

а) гектюрк [56]; б) круг тюркишев [57]; в) уйгуров [58]; г) взаимоотношения китайского и уйгурского искусства [59]; д) искусство рисунка у уйгур [60].

4 — Произведения тюрков в исламский период, всего 10 с.

а) Самарра [61]; б) искусство караханидов [62]; в) сельджукское искусство в Иране и Турции [63]; г) направление сельджукского искусства [64]; д) глазурь караханидов-сельджуков [65]; е) искусство у газневидов [66]; ж) тюркское искусство в Индии [67]; з) связи с Китаем и Тибетом [68]; к) связь с исламом [69].

5 — Период уйгуров и чингизидов, всего 15 с.

а) Новое наступательное влияние уйгурского и китайского искусства во времена чингизидов [70]; б) на Дальнем Востоке и Ханбалыке [71]; в) у ильханидов [72]; г) в Золотой Орде, Хорезме и у болгар [73].

6 — Искусство времен анатолийских княжеств и османцев, всего 35 с.

а) связи с сельджукским искусством [74]; б) архитектура [76]; в) миниатюра [77]; каллиграфия [78].

7 — Искусство времен тимуридов в Средней Азии и Индии, всего 15 с.

а) архитектура времен Тамерлана [79]; б) в это же время искусство миниатюры [80]; в) садовая архитектура того же периода [81]; г) туркменская, кара- и аккойунская школы в тюркском искусстве [82]; д) тюркские ремесленники во времена сафавидов [83]; е) узбекская, кыпчакская школы в тюркском искусстве [84].

Часть третья.

Экономическая жизнь, всего 25 с.

1 — Особенности экономической жизни тюрков [85].

2 — Уход за скотом. Конь в истории, дастанах и фольклоре [86].

3 — Дороги и средства перевозки [87].

4 — Сельское хозяйство и торговля у тюрков [88].

5 — Металлургия, кузнечное ремесло [89].

6 — Османская экономика до конца XVI века [90].

7 — Османская экономика с XVII века [91].

8 — Система мер и деньги [92].

9 — Налоговые системы [93].

10 — Библиография по этим вопросам [94].

Часть четвертая.

Социальная жизнь тюрков, всего 15 с.

1 — Общие проблемы социальной жизни тюрков [95].

2 — Феодальная организация, положение родов, обмен сообщениями [96].

3 — Сходство и различия феодальной организации с монголами [97].

4 — Положение женщины у тюрков, вопрос о положении личности и семьи [98].

5 — Библиография по социологии тюрков [99].

Часть пятая.

Тюркское право, всего 20 с.

1 — Общие вопросы тюркского права [100].

2 — Обычное право скифов и огузов. Пережитки законов Чингиз-хана [101].

3 — Османские «законы» и «каноны» [102].

4 — Общие свойства обычного права у казахов, киргизов и якутов [103].

5 — Библиография [104].

Часть шестая.

Этнография тюрков, всего 15 с.

1 — Тюркские племена в прошлом и сегодня, проблемы этнографии тюрков [105].

2 — Типы тюрков [106].

3 — Вопросы тюркского фольклора [107].

4 — Проблемы прошлой и современной музыки тюрков [108].

5 — Вопросы антропологии тюрков [109].

6 — Библиография [110].

Седьмая часть.

Наука у тюрков, всего 20 с.

Проблемы истории наук у тюркских народов и сегодняшнее состояние научной жизни [111].

Восьмая часть.

Литература у тюрков, всего 25 с.

- 1 — Вопросы о языках и литературах тюркских народов и сегодняшняя литература [112].
- 2 — Вопросы о народной литературе тюркских народов [113].

Часть девятая.

Религиозная жизнь тюрков, всего 30 с.

- 1 — Вопрос о шаманизме [114].
- 2 — Буддизм в Средней Азии и у тюрков [115].
- 3 — Христианство, иудаизм, манихеизм и другие религии у тюрков [116].
- 4 — Ислам у тюрков в прошлом и сейчас [117].

Часть десятая.

Взаимное влияние в области языка и литературы между тюрками и соседними с ними народами, тюрки в мировой литературе, всего 30 с.

- 1 — Взаимное влияние тюрков и их соседей в сфере языка [118].
- 2 — Общие сведения о литературных произведениях, пословицах, стихах, народных поверьях и порицающих сказаниях, рассказах и романах угро-финнов, монгол, русских и народов Китая, Индии, Ирана, Кавказа, Передней Азии, Восточной Европы, в которых содержатся сведения о тюрках [119].
- 3 — Библиография, относящаяся к этой части [120].

Второй том

Тюркское искусство и архитектура

Краткий обзор подробной программы, над которой ведется работа. Особенности каждой исторической эпохи, ее архитектура, изобразительное и декоративное искусство являются предметом отдельного рассмотрения.

Исторические особенности тюркского искусства и архитектуры [1]. Взаимоотношение между скифским и тюркским искусством [2]. Связи между кушанским, эфталитским, индийским и тюркским искусством [3]. Влияние на искусство тюрков искусства Китая и Ирана, Согдианы, Тохара и Хорезма [4]. Искусство Алтая и Южной Сибири, период гуннов [5]. Кочевническое искусство, развившееся в Монголистане во времена гёктюрков и уйгуров, анимистическое искусство, юрта [6]. Искусство оседлых тюрков, развившееся во времена гёктюрков, уйгуров и киргизов в восточном и западном Туркестане. Городские, басмил, тёргишы и онгуты. Влияние Китая в это время [7]. Искусство гуннов, авар, хазар и печенегов, огузов в Восточной Европе [8]. Тюркское искусство в Самарре в исламский период [9]. Караханиды [10]. Газневиды [11]. Искусство индийских кёлеменов [12]. Искусство Хорезма и его окрестностей, огузов в начале XII века [13]. Сельджукское искусство в Иране, Ираке, Азербайджане, Сирии, Анатолии. В это время керамика, горное дело, искусство резьбы по дереву, ковроткачество и текстильное производство [14]. Искусство мамлюков Сирии и Египта [15]. Тюркское искусство во времена чингизидов, на Дальнем Востоке и Ханбалыке, в улусе Чагатая в Туркестане, в Золотой Орде, Хорезме, у болгар, в Крыму, у казахов и во времена сибирских ханов [16]. Искусство, развитое ильханидами в Иране и Азербайджане, керамика и текстиль, металлические изделия [17]. Искусство анатолийских беев, керамика, горное дело, резьба по дереву и ковроткачество [18]. Ранний Османский период, керамика, горное дело и др. [19]. Искусство во времена Тамерлана и тимуридов, керамика, горное дело, резьба по дереву, ковровое дело и текстиль, переплетное дело у бабуридов в Индии [20], у туркмен [21], у ранних узбеков [22], в восточном Туркестане [23]. Искусство, керамика, горное дело, ковровое, текстильное и переплетное дело в период поздних османцев

[24]. Тюркское начало в искусстве сафавидов [25]. Искусство среднеазиатских ханств после XVI века [26]. Виды развившихся в различные исторические периоды искусств, которые необходимо исследовать в целостном виде: письменность и каллиграфия [27], жилище, дом, крыша и их виды, развившиеся в Средней и Передней Азии, внутреннее убранство дома, кухня, виды пищи и напитков [28]. Тюркское градостроительство в различные исторические периоды [29]. В различные периоды садово-парковое строительство, кочевья [30]. Искусство строительства дорог и мостов [31]. Религиозные учреждения [32]. Общественные здания и караван-сарай [33]. Кладбища и надмогильные камни [34]. Формы одежды и мотивы текстиля [35].

Третий том

Особенности, внесенные тюрками в экономическую жизнь стран, где они проживали

Введение [1]. Уход за скотом [2]. Лошади и их породы, тюркские лошади в китайских и исламских источниках [3]. Конь в произведениях искусства [4], в народной литературе [5]. Верховая и иная сбруя для лошадей [6]. Породы верблюдов, коров, овец и коз [7]. Двухколесные повозки и телеги [8]. Кузнечное и горное дело у тюрков [9]. Изготовление оружия и его виды у тюрков [10]. Сельское хозяйство и землеустройство, организация торговли в различные периоды и в различных сферах, «совместные» организации [12]. Караванные пути, караван-сарай как центры торговли, погреба, укрепления, организация прохода через горные ущелья [13]. Предметы торговли, торговля коврами, текстильными, шелковыми изделиями [14]. Торговля у уйгур и караханидов, правила торговли согласно «Кутадгу билигу» и другим источникам [15]. Торговля во времена монголов и тимуридов [16]. Экономика в Османский период до конца XVI века [17]. Система мер и деньги в различные периоды тюркской истории после X века [18]. Доставка бумаг и денег [19]. Чеканка монет у тюрков [20]. Система налогов и таможенная пошлина, система клеймения [21].

Четвертый том

Общественная жизнь тюрков

Историческое введение [1]. Земельная собственность у кочевников и оседлых, собственность на колодцы, озера и леса [2]. Феодалная организация в различные исторические периоды [3]. Сравнение с феодалной организацией различных других народов [4]. Семейная и родовая жизнь у тюрков [5]. Дворцовое воспитание у тюрков, в особенности у караханидов, сельджуков, чингизидов, тимуридов и османцев [6]. Положение женщин у тюрков, роль женщины в общественной и государственной жизни [8]. Почта и система информации [9]. Названия родов и личные имена у тюрков [10].

Пятый том

Право у тюрков

Право у тюрков, историческое введение [1]. Обычаи скифов и тюрков [2]. Право у гуннов, гектюрков и уйгуров [3]. Законы Чингиз-хана [4]. Законы Тамерлана [5]. Османские законы (ясак), «Каноны султана» и шариат [6]. Обычное право у казахов и киргизов [7]. Обычное право у якутов [8]. «Уложения» правителей и нормы народного «правления», ставшие основой возникновения законов [9]. Новые «собрания законов» в различные исторические периоды по отделению гражданских законов от религии и их результаты [10]. Государственное устройство у тюрков [11]. Военная организация у тюрков [12]. Военное искусство тюрков и организация военного производства [13]. Мореплавание у тюрков и у туркмен, населявших побережье Каспийского моря, организация этого дела [14]. Мореплавание у ранних османцев [15].

Шестой том

Этнография и антропология тюрков

Введение [1]. Внешний облик тюрков [2]. В различные периоды тюркские костюмы, османские костюмы [3]. Материальная культура тюрков, этнография тюрков [4]. Фольклор

тюрков [5]. Музыка и музыкальные инструменты тюрков [6]. Театр тюрков и тюркские увеселительные игры [7]. Виды борьбы тюрков и их знаменитые борцы [8]. Танцы и развлечения тюрков [9]. Спорт у тюрков [10]. Что написано в различные исторические времена различными народами о характере тюрков [11]. Тюркские племена в прошлом и сегодня [12]. Племена, сегодня живущие в Средней Азии, и их части [13]. Племена, живущие сегодня на Кавказе, в Иране и в целом в Передней Азии [14].

Седьмой том

Наука у тюрков

Введение, современная научная жизнь [1]. Выдающиеся ученые в отдельных научных областях [2]. Ученые и писатели, пишущие труды на арабском [3], персидском [4], урду [5], китайском [6], русском и западноевропейских языках [7]. Медицина и ветеринария у тюрков [8]. Тюрки, пишущие труды по военным и спортивным темам [9]. Библиотечное дело у тюрков [10]. Коллекционирование произведений культуры у тюрков [11]. Письменности, применяемые тюрками [12]. Письменность, применяемая сейчас [13].

Восьмой том

Литература тюрков

Основные проблемы тюркской народной литературы [1]. Доисламская тюркская литература [2]. Восточнотюркская литература исламского периода [3]. Западнотюркская литература исламского периода [4]. История у тюрков [5]. Отголоски тюркской культуры в произведениях, написанных на урду, арабском, персидском языках [6]. Современная литература тюркских народов до года составления данной книги [7].

Девятый том

Религиозная жизнь тюрков

Развитие религий, распространившихся в различные исторические периоды в Средней Азии. Шаманизм [1]. Манихеизм

[2]. Христианство в Средней Азии [3]. Христианство у тюрков Передней Азии, караханидов, в Восточной Европе, у куманов и кыпчаков [4]. Иудаизм у тюрков [5]. Буддизм у тюрков [6]. Ислам у тюрков [7]. Религиозные и нерелигиозные календари, праздники и торжества у тюркских народов [8].

Десятый том

Тюрки в мировой литературе

Культурные связи тюрков с соседними народами [1]. Связи, свидетельствующие о взаимном языковом влиянии тюрков с китайцами, тибетцами и корейцами [2], индусами [3], иранскими народами [4], арабами [5], римлянами и итальянцами [6], народами Средней и Восточной Европы [7], монголами, тунгусами и нетюркскими народами Сибири [8], с финно-угорскими народами и народами Урала [9]. Проявление взаимного влияния в сфере материальной культуры, языка и фольклора [10]. Записи в литературе этих народов, касающиеся тюрков [11]. Записи, стихи, рассказы и романы о тюрках в целом в мировой литературе [12]. Библиография трудов, в которых отражены связи тюрков с этими народами [13].

Проф. Заки Валиди Тоган

Проф. Карл Ян

14 августа 1965 года

Проф. З.Ф.Фындыкоглу

Проф. Халиль Иналджик

Эмель Эсин

При обсуждении этой программы на заседании Комитета по подготовке «Справочника по тюркской культуре», организованном в июле — августе, принимали участие проф. Октай Арсланапа, доктор Е. Грубе, проф. Халаши-Кун, проф. К. Менгес, проф. Д. Синор. 28 сентября 1966 года на заседании, состоявшемся в Равелло, были рассмотрены и завершены те части программы первого и второго томов, где речь идет о доисламском периоде истории. В этом последнем заседании принимали участие следующие ученые: проф. Д. А. Бойл (Манчестер), проф. Н. Эгами (Токио), госпожа Э. Эсин, проф. Т. Ганджеи (Лондон), проф. Б. Огель (Анкара), проф. Карл Ян (Утрехт), проф. О. Прицак (Гарвард), проф. Д. Синор (Блумингтон), проф. А. Заянчковский (Варшава) и проф. З. В. Тоган.

Имена историков и приблизительное число страниц статей,
им порученных

Первый том

- [1] 1 с. З. В. Тоган.
- [2] 3 с. Проф. О. Прицак (Гарвард) и Рясянен (Хельсинки), Бьёрн Коллингер.
- [3] 3 с. З. В. Тоган.
- [4] 5 с. Проф. Йеттмар (Гейдельберг).
- [5] 3 с. Проф. Йеттмар.
- [6] 3 с. Проф. З. В. Тоган.
- [7] 5 с. Проф. Самолин (Фармингтон) (Беркли) и доктор проф. Б. Огель (Анкара).
- [8] 3 с. Проф. Н. Эгами (Токио), проф. Окладников (Ленинград), доктор У. Йогансен (Гейдельберг), Исенбике Тоган (Стамбул).
- [9] 3 с. Проф. Аалто (Хельсинки).
- [10] 5 с. О языке — проф. К. Менгес. О религии и культуре — проф. Аалто (Хельсинки), проф. В. Рубин (Берлин) и Эрдели (Будапешт), Вальдшмидт (Гёттинген).
- [11] 4 с. Проф. Н. Поппе (Сиэтл), О. Прицак.
- [12] 3 с. Проф. Д. Синор (Блумингтон) о языке. Проф. Йоки (Хельсинки) о культуре.
- [13] 4 с. Гейне Гельдерн (Вена), проф. Сегледи (Будапешт) и О. Прицак.
- [14] 4 с. Проф. Харматта (Будапешт).
- [15] 6 с. Б. Огель и О. Прицак.
- [16] 2 с. Б. Огель.
- [17] 2 с. Проф. З. В. Тоган.
- [18] 6 с. Политическая жизнь — проф. Масао Мори (Токио) и общественная жизнь — проф. Б. Огель (Анкара).
- [19] 3 с. Проф. Фрай и З. В. Тоган.
- [20] 3 с. Политика — проф. Гамильтон (Париж). Общественная жизнь — проф. Б. Огель.
- [21] 3 с. Проф. О. Прицак (Гарвард).
- [22] 2 с. Проф. О. Прицак.
- [23] 4 с. Заянчковский (Варшава) и проф. Д. М. Данлоп (Кембридж), Зия Буниятов (Баку), О. Прицак.
- [24] 4 с. З. В. Тоган.

- [25] 2 с. О.Прицак.
[26] 4 с. О.Прицак.
[27] 3 с. Проф. Босворт.
[28] 15 с. З. В. Тоган.
[29] 7 с. О. Прицак, Тамура.
[30] 5 с. Проф. Фикрет Ышытлан (Стамбул).
[31] 10 с. Проф. Мехмет Кеймен (Анкара).
[32] 10 с. Проф. Осман Туран (Анкара).
[33] 5 с. З. В. Тоган.
[34] 5 с. Проф. Азиз Ахмад (Карачи) и проф. Халёк Ахмад (Алигарх).
[35] 4 с. З.В.Тоган.
[36] 4 с. Проф. Б.Шпулер (Гамбург).
[37] 4 с. Б.Шпулер, К. Ян (Буддизм в период чингизидов).
[38] 3 с. Доктор Г.М.Смит (Беркли).
[39] 3 с. Проф. К.Ян (об улусе Чагатая) и Б.Огель (о Старшем джуге).
[40] 5 с. З. В. Тоган.
[41] 3 с. Проф. Мухаммед Сахир (Карачи).
[42] 5 с. Проф. Халиль Иналджик и проф. Акдес Нимет Курат (Анкара).
[43] 3 с. Проф. Фарук Сумер (Анкара).
[44] 3 с. Проф. Мартин Диксон (Принстон).
[45] 35 с. Проф. Халиль Иналджик, проф. Узунчаршылы (Государственное устройство и наука).
[46] 20 с. З. В. Тоган.
[47] 9 с. Проф. Халиль Иналджик, З. В. Тоган и Йылмаз Озтуна.
[48] 3 с. Проф. С.И.Руденко (Ленинград), Б.Огель.
[49] 2 с. Госпожа Эмель Эсин (Стамбул), Грабар (Анн Арбор).
[50] 3 с. К.Йеттмар, Б.Огель и Самолин.
[51] 2 с. Аллад (Париж), Малер и Самолин.
[52] 2 с. Проф. Окладников (Ленинград).
[53] 3 с. Доктор Йисл (Прага), Б.Огель и Трыярский (Варшава).
[54] 2 с. К.Йеттмар (Гейдельберг) и Харва (Хельсинки), Х.Кошай, Д.Кераметли.
[55] 3 с. Харва и С.Руденко, Х.Кошай.
[56] 3 с. Б.Огель (Анкара).
[57] 3 с. Кызласов (Фрунзе, Кыргызстан).

- [58] 3 с. Проф. Б.Огель, Э.Эсин и проф. Отто-Дорн (Анкара), Ямада.
- [59] 2 с. Эмель Эсин и мистер Малер (Нью-Йорк).
- [60] 2 с. Эмель Эсин, Б.Огель и О.Прицак.
- [61] 2 с. Доктор Грубе (Метрополитен Музеум. Нью-Йорк).
- [62] 3 с. Эмель Эсин и Грубе.
- [63] 3 с. Проф. Эттингхаузен (Вашингтон), проф. О.Арсланапа (Стамбул), проф. Отто-Дорн (Анкара) и Мехмет Ундер (Анкара, генеральный директор археологических музеев).
- [64] 2 с. Эттингхаузен (Вашингтон), проф. О.Арсланапа (Стамбул) и Доктор Э.Грубе.
- [65] 1 с. Э.Эсин, Грубе, проф. Отто-Дорн и доктор Шераре Еткин (Стамбул).
- [66] 1 с. Грубе, Бомбачи.
- [67] 1 с. Э.Эсин и мистер Х.Гетц.
- [68] 1 с. Доктор Б.Огель, Малер, Туччи.
- [69] 1 с. Мистер Грабар (Анн Арбор) и Пиндер Уилсон (Лондон).
- [70] 3 с. З. В. Тоган, Эттингхаузен.
- [71] 3 с. Б.Огель.
- [72] 3 с. Малер, З. В. Тоган.
- [73] 1 с. З. В. Тоган и Грубе.
- [74] 5 с. Проф. Арсланапа.
- [75] 5 с. Проф. Абдулла Куран (Анкара) и проф. Седат Эльдем.
- [76] 10 с. Кемаль Чыг (Дворец Топкапы), доцент Х.Карамгаралы (Анкара).
- [77] 2 с. Э.Эсин и Мередит Оуэнс (Британский музей).
- [78] 3 с. Проф. Сюхейль Унвер (Стамбул) и проф. Т.Ганджеи.
- [79] 3 с. М.Денисов (Москва) и Й.Смолик (Вена).
- [80] 3 с. З. В. Тоган, И.Щукин (Бейрут), Эттингхаузен.
- [81] 1 с. Доктро Айтёре (Анкара).
- [82] 1 с. Доктор Щукин, Грабар, Волоу и Грубе.
- [83] 2 с. Доктор Стюарт С. Уэлч (Гарвард), проф. Мартин Диксон, Грубе и З. В. Тоган.
- [84] 2 с. С.Уэлч, проф. М.Диксон (Принстон) и З. В. Тоган.
- [85] 2 с. Доктор Лоуренс Крейдер (Вашингтон) и З. В. Тоган.

- [86] 3 с. Доктор Гельмут Герман (Мюнхен), С.З.Зиманов (Алматы, Казахстан), доктор Матиас Германс.
- [87] 3 с. З. В. Тоган — караванные пути, Исенбике Тоган — организация укреплений и застав, ущелий, Али Генджели — организация курьерской службы.
- [88] 3 с. Проф. Яхья Гуламов (Ташкент) и Бахаэддин Огель.
- [89] 1 с. З. В. Тоган и доктор Анхеггер.
- [90] 3 с. Проф. Лютфи Гёчер (Стамбул), доцент Халиль Сахиллиоглу (Стамбул).
- [91] 3 с. Асым Сюрея (помощник по экономике в сельскохозяйственном банке, Анкара).
- [92] 1 с. З. В. Тоган, Федоров-Давыдов (Ленинград), проф. Карл Ян (Утрехт), проф. Мустафа Акдаг (Анкара).
- [93] 3 с. З. В. Тоган, проф. Ализаде (Баку), проф. Халиль Иналджик.
- [94] 4 с. Проф. Лютфи Гёчер и З. В. Тоган.
- [95] 5 с. Проф. Зияэддин Фахри Фындыкоглу (Стамбул).
- [96] 3 с. З. В. Тоган и Лоуренс Крейдер (Огайо).
- [97] 2 с. Лоуренс Крейдер.
- [98] 3 с. З.Ф. Фындыкоглу и Тезер Ташкыран.
- [99] 3 с. З.Ф.Фындыкоглу.
- [100] 4 с. Проф. Халиль Иналджик.
- [101] 3 с. З. В. Тоган и проф. Д.А.Бойл (Манчестер).
- [102] 5 с. Халиль Иналджик.
- [103] 5 с. Проф. Д.Учок (Анкара), Абделькадир Инан (Анкара), С. З. Зиманов (Алматы).
- [104] 3 с. Халиль Иналджик и Д.Учок.
- [105] 3 с. Доктор Рашоньи, А.Инан, Х.Кошай.
- [106] 2 с. З. В. Тоган.
- [107] 3 с. Проф. Орхан Аджыпаямлы (Анкара).
- [108] 3 с. Гюльтекин Урансой (консерватория, Анкара), Метин Анд (Анкара).
- [109] 2 с. Доктор У.Йогансен (Гейдельберг).
- [110] 2 с. Доктор У.Йогансен (Гейдельберг).
- [111] 20 с. Проф. Хамид Дильган (Стамбул) и З. В. Тоган.
- [112] 15 с. Проф. Фахир Из и Февзие Абдуллах Тансель — западно-тюркская литература до сегодняшнего дня. Проф. Бомбачи — восточно-тюркская лите-

ратура с начала до XVI века. З. В. Тоган — восточно-тюркская литература с XVI века до сегодняшнего дня. Проф. Ахмет Джафероглу — азербайджанская литература, XIX век. Проф. Турхан Ганджеи — азербайджанская литература XX века до сегодняшнего дня.

- [113] 10 с. Проф. Абделькадир Инан (Анкара).
 [114] 10 с. Абделькадир Инан и Холеда (Хельсинки).
 [115] 5 с. Проф. Вальдшмидт (Гёттинген).
 [116] 5 с. Проф. Б.Шпулер.
 [117] 10 с. Проф. Г.Янски, проф. Осман Туран и Абдуллатиф Невзат Аязбек (Стамбул).
 [118] 6 с. Проф. О.Прицак, проф. Каллендар (Лунд) и проф. Рясянен (Хельсинки).
 [119] 20 с. Проф. Масао Мори (Токио) — о Китае, проф. Азиз Ахмад — об Индии, проф. А.Йоки (финно-угры). Тюрки в европейской литературе эпохи Ренессанса — проф. Д.Синор (Блумингтон), проф. Прицак (Восточная Европа), Н.Поппе (монголы).
 [120] 4 с. Проф. Синор.

Второй том

- [1] 5 с. Эттингхаузен и З. В. Тоган (история).
 [2] 5 с. С.И.Руденко (Ленинград) и К.Йеттмар (Гейдельберг).
 [3] 5 с. Эмель Эсин, Грабар (Анн Арбор), Аллад (Париж).
 [4] 5 с. К.Йеттмар, Аллад (Париж), Грабар.
 [5] 15 с. К.Йеттмар, проф. Окладников (Ленинград), проф. Б.Огель (Анкара).
 [6] 15 с. Проф. Б.Огель, Доктор Йисл (Прага) и доктор Ру (Париж), Трыярский (Варшава).
 [7] 15 с. Кызласов (Фрунзе, Кыргызстан), Э.Эсин, Эгами и Б.Огель.
 [8] 15 с. К.Йеттмар, проф. Немет Дьюла (Будапешт), Эрдели (Будапешт).
 [9] 10 с. Доктор Грубе (Метрополитен Музеум, Нью-Йорк).
 [10] 40 с. Э.Эсин, Грубе, З. В. Тоган (история).
 [11] 10 с. Проф. Бомбачи (Неаполь), Грубе.

- [12] 10 с. Э.Эсин, проф. Гётц (США).
- [13] 10 с. Проф. Осман Туран (история), Э.Эсин, проф. Фарук Сумер (Анкара).
- [14] 10 с. Проф. Грабар (Анн Арбор), Грубе, Эттингхаузен, проф. Арсланапа, проф. Отто-Дорн (Анкара) и Э.Эсин.
- [15] 15 с. Проф. Халаши-Кун (история), Грабар и Грубе.
- [16] 20 с. Малер (Нью-Йорк), Б.Огель, Эсин и Грабар.
- [17] 15 с. Проф. З. В. Тоган (история), Уилбер (США), и И.Щукин (Бейрут).
- [18] 15 с. З. В. Тоган (история), Грубе, Арсланапа.
- [19] 20 с. З. В. Тоган (история), Э.Эсин, Арсланапа, проф. Кемаль Еткин (Анкара).
- [20] 30 с. З. В. Тоган (история), Грабар, Волоу (США), Э.Эсин, Грубе, проф. Гётц (о моголах Индии).
- [21] 10 с. Проф. Сумер (история), Э.Эсин и Грабер, Грубе, Волоу.
- [22] 5 с. З. В. Тоган (история), Э.Эсин и Грубе.
- [23] 5 с. Э.Эсин и З. В. Тоган.
- [24] 20 с. Иналджик (история), К.Еткин, Арсланапа, Экрем Айверди, Седат Эльдем, Грубе.
- [25] 20 с. З. В. Тоган (история), Стюарт К.Уэлч (Asia House Gallery, Гарвард), проф. Мартин Диксон (Принстон).
- [26] 15 с. З. В. Тоган и М.Диксон, Х.Кошай.
- [27] 5 с. Проф. Сюхейль Унвер (Стамбул).
- [28] 20 с. Проф. Абдулла Куран (Анкара), Хамид Кошай (Анкара). О домах и юртах — сокращенное изложение трудов Кахарузена и Алихана Букейханова.
- [29] 10 с. О городской культуре в Восточной Азии — краткое изложение перевода труда Лаврова. О Передней Азии — Н.Зернетский (Баку).
- [30] 10 с. З. В. Тоган и Айхан Айтёре (Стамбул).
- [31] 5 с. Проф. О.Арсланапа, проф. Орхан Гюнсой.
- [32] 10 с. Проф. О.Арсланапа.
- [33] 10 с. Проф. О.Арсланапа.
- [34] 10 с. Проф. Сюхейль Унвер.
- [35] 5 с. Проф. Отто-Дорн (Анкара), проф. Ямада (Осака).

Третий том

- [1] 10 с. Проф. Сабри Ульгенер (Во вводной части будут излагаться и различия экономической жизни степных, лесных, горных и равнинных регионов).
- [2] 50 с. Доктор Гельмут Герман (Вена), Доктор Матиас Германс (Мюнхен), Проф. Зиманов (Алматы), будет переведен труд Добросмыслова об уходе за скотом у казахов и киргизов.
- [3] 15 с. З. В. Тоган.
- [4] 15 с. Э.Эсин.
- [5] 10 с. А.Инан, Доктор Шюкрю Эльчин (Анкара), Керим Юнт (Стамбул), Ф.Кырзыоглу (Анкара).
- [6] 15 с. Э.Эсин, Доктор Йогансен (Гамбург), Ахад Биккул (Дворец Топкапы).
- [7] 5 с. Сабри Ульгенер.
- [8] 10 с. Ахад Биккул, Огель, Э.Эсин.
- [9] 25 с. З. В. Тоган, Доктор Анхеггер (Стамбул), Ф.Кырзыоглу (Анкара).
- [10] 15 с. Шерефеддин Эрэль.
- [11] 15 с. Проф. Яхья Гуламов (Ташкент).
- [12] 25 с. Халиль Иналджик, З. В. Тоган (о компаниях, товариществах).
- [13] 25 с. Огель (о торговых путях внутренней Азии и северных регионов), З. В. Тоган (о торговых путях Средней и Западной Азии), Исенбике Тоган (охрана дорог, организация укреплений и застав).
- [14] 40 с. Проф. Лютфи Гёчер (Стамбул), доцент Халиль Сахиллиоглу (Стамбул).
- [15] 30 с. З. В. Тоган (включая хазар и поволжских булгар).
- [16] 30 с. З. В. Тоган.
- [17] 50 с. Лютфи Гёчер, Х.Сахиллиоглу и Мустафа Акдаг.
- [18] 50 с. Лютфи Гёчер и Х.Сахиллиоглу.
- [19] 25 с. З. В. Тоган, Карл Ян и Федоров-Давыдов (Ташкент, Душанбе).
- [20] 25 с. Федоров-Давыдов или переводы его книг и статей, Ибрахим Артук, Сахиллиоглу.
- [21] 20 с. Проф. Абделькадир Ализаде (Баку), З. В. Тоган и Омер Лютфи Баркан.

Четвертый том

- [1] 30 с. З.Ф.Фындыкоглу.
- [2] 55 с. Проф. Зиманов (Алматы), доктор Лоуренс Крейдер (Огайо).
- [3] 75 с. Доктор Лоуренс Крейдер (Вашингтон), Ализаде (Баку), З. В. Тоган, Б.Огель, Мори (Токио).
- [4] 50 с. Лоуренс Крейдер (Вашингтон) и доктор Марио Гринаски (Рим).
- [5] 50 с. Фындыкоглу, Рашоньи, доцент Бахрие Учок (Анкара), Абделькадир Инан (о казахах и киргизах).
- [6] 30 с. Узунчаршылы (об османцах), жизнь простонародья — проф. Хильми Зия Улькен, Назмие Тоган (Средняя Азия и Крым), Доктор Мухаммед Сахир (Карачи, кёлемены Индии, бабуриды).
- [7] 30 с. Проф. Афет Инан (Анкара), Э.Эсин, Тезер Ташкыран (Стамбул).
- [8] 50 с. Фындыкоглу. Фахретдин Кырзыоглу, проф. Фарук Сумер, А.Инан.
- [9] 40 с. Доктор Алиакбер Генджели (Стамбул), З. В. Тоган.
- [10] 10 с. Фындыкоглу и Рашоньи.

Пятый том

- [1] 10 с. Халиль Иналджик.
- [2] 25 с. З. В. Тоган и проф. Джошкун Учок (Анкара).
- [3] 15 с. Проф. Бойл (Эдинбург), З. В. Тоган.
- [4] 20 с. З. В. Тоган.
- [5] 10 с. З. В. Тоган.
- [6] 60 с. Халиль Иналджик.
- [7] 70 с. Сокращенные переводы трудов Гродскова и Добросмыслова.
- [8] 50 с. Сокращенный перевод трудов Красовского.
- [9] 25 с. З. В. Тоган.
- [10] 25 с. Халиль Иналджик и З. В. Тоган (об ильханидах, Золотой Орде и потомках Чагатая).
- [11] 25 с. Абдуллатиф Невзат Аязбек и Халиль Иналджик.
- [12] 50 с. Сокращенный перевод трудов генерала Иванина.
- [13] 25 с. Перевод труда Павлековского-Холевана.

Шестой том

- [1] 10 с. З. В. Тоган, Рашоньи.

- [2] 20 с. З. В. Тоган.
- [3] 50 с. Хамит Кошай, Энисе Енер.
- [4] 25 с. Проф. Хасан Эрен (Анкара).
- [5] 50 с. Проф. Орхан Аджыпаямлы (Анкара).
- [6] 50 с. Гюлтекин Урансой (Консерватория, Анкара).
- [7] 25 с. Метин Анд, Ш.Эльчин (Анкара), Проф. Х.Риттер (Карагёз) и проф. Бомбачи (Неаполь).
- [8] 20 с. Доктор Карл Дим (Кёльн).
- [9] 25 с. Метин Анд.
- [10] 40 с. Б.Огель (общее), З. В. Тоган (лыжи и охота), Э.Эсин (охота).
- [11] 10 с. З. В. Тоган (в исламских источниках), Масао Мори (в китайских и японских источниках), Рашоньи (у финно-угров).
- [12] 25 с. Абделькадир Инан, Рашоньи, Доктор Ярринг (Стокгольм), проф. Фарук Сумер.
- [13] 10 с. Рашоньи, Ярринг и Абделькадир Инан.
- [14] 50 с. Фарук Сумер (Анатолия), М.Алиакбер Топчубаши (Париж), Али Азертекин (Стамбул).

Седьмой том

- [1] 10 с. Проф. Хамид Дильган (Стамбул) и З. В. Тоган (современная научная жизнь).
- [2] 35 с. Проф. Хамид Дильган.
- [3] 25 с. Проф. Шинаси Алтындаг (Анкара), мистер Аббас Аззави (Багдад), проф. Мустафа Джевад (Багдад), проф. А.Гараибе (Амман).
- [4] 25 с. Проф. Тарлан Али Нихад (Стамбул), доктор Афшар Ирадж, доктор Аббас Кхой Зерьяб, Яр Шатыр.
- [5] 10 с. Проф. Азиз Ахмад (Карачи), проф. Мухаммед Сабир (Карачи), Хермелинк.
- [6] 5 с. Б.Огель и Масао Мори, Нидхэм (Кембридж).
- [7] 15 с. Проф. Акдес Нимет Курат (Анкара) и доктор А.Хофман (Утрехт).
- [8] 25 с. Проф. Сюхейль Унвер.
- [9] 15 с. Проф. Хамид Дильган.
- [10] 25 с. Музаффер Гёкман (Стамбул. Директор Публичной библиотеки).
- [11] 10 с. Музаффер Гёкман.

[12] 25 с. Доктор Дёрфер (Гёттинген), проф. Батманов (Фрунзе).

[13] 25 с. Доктор Дёрфер (Гёттинген).

Восьмой том

[1] 50 с. Орхан Шаик Гёкйай (Стамбул) и Абделькадир Инан.

[2] 25 с. Проф. Бомбачи (Неаполь).

[3] 50 с. З. В. Тоган (до конца XIX века), проф. Аюби Акрам (Алигарх), Турхан Ганджеи.

[4] 50 с. Проф. Фахир Из (до конца XIX века).

[5] 4 с. Проф. Шерифеддин Туран (Анкара).

[6] 6 с. Мухаммед Али Муваххид (Тегеран), Мухаммед Танджи.

[7] 10 с. Фахир Из, Орхан Шаик Гёкйай и проф. Джафероглу, Февзи Тансель и проф. Турхан Ганджеи, М.Алиакбер Топчубаши (должно быть доведено до момента написания книги).

Девятый том

[1] 50 с. Проф. Осман Туран и Абделькадир Инан.

[2] 25 с. Проф. Сейид Хасан Такизаде (Тегеран).

[3] 25 с. Проф. Б.Шпулер (Гамбург).

[4] 25 с. Б.Шпулер.

[5] 25 с. Проф. Заянчковский (Варшава), М.Шишман (Париж) и доктор Хикмет Танью (Анкара).

[6] 10 с. Проф. Вальдшмидт (Гёттинген).

[7] 20 с. Абдуллатиф Невзат Аязбек, Г.Янски (Вена).

[8] 50 с. О.Туран и А.Инан (включая стихи и тексты на тюркских языках, читаемых при исполнении религиозных обрядов) и доктор Менучихр Муртазави (Тебриз).

Десятый том

[1] 20 с. З. В. Тоган и Халиль Иналджик.

[2] 25 с. Масао Мори, Б.Огель, Аалто (в вопросах взаимосвязи корейского и тюркского языков).

[3] 10 с. Проф. Азиз Ахмад, проф. Халик Ахмад Низами (Алигарх) и Шериф аль-Хасан.

[4] 20 с. Проф. Яр Шатыр (Тегеран) и доктор Дёрфер (Гёттинген).

[5] 15 с. Проф. Мухаммед Танджи (Фас).

- [6] 10 с. Дьюла Моравчик (Будапешт) и проф. Бомбачи.
- [7] 10 с. Сегледи, О.Прицак. Тюрки в европейской литературе в эпоху Ренессанса. Проф., доктор Синор.
- [8] 25 с. Проф. Поппе (Сиэтл), проф. Ахмед Темир (Анкара), проф. Менгес (Нью-Йорк) и проф. Ренхен (Улан-Батор).
- [9] 25 с. Рясянен (Хельсинки) и проф. А.Й.Йоки (Хельсинки).
- [10] 10 с. По отдельной программе.
- [11] 15 с. По отдельной программе.
- [12] 15 с. По отдельной программе.
- [13] 20 с. Проф. Д.Синор (Блумингтон).

ДОПОЛНЕНИЯ

Из «Воспоминаний»

Ризаэтдин Фахретдин

В том году в Оренбурге стал выходить журнал «Шура» под руководством выдающегося ученого Ризаэтдина Фахретдина. В том же году он выпустил труд, посвященный жизни и философскому учению глубоко уважаемого мною Абу-л-Ала Маарри. Книгу я прочитал еще в ауле. Отправился к Ризаэтдину Фахретдину, близкому другу моего отца. Он принял меня как взрослого. Жил в отдельном доме, принадлежащем Рамиевым, которые также субсидировали издаваемый журнал. Мы довольно долго говорили с ним об истории, литературе, особенно о Маарри. Разумеется, я не стал посвящать его в «Сказание о сорока фарзах». Высказал свое желание учиться. Он немного знал и по-русски, показал мне русские исторические книги, в том числе также «Историю» Соловьева. И этот разговор напоминал своеобразный экзамен. Я поведал ему о своих колебаниях — учиться ли мне в русской школе или отправляться в Сирию. Он посоветовал остаться в своей стране.

Ризаэтдин Фахретдин в 1926 году, по пути в хадж, останавливался в Стамбуле и жил в гостинице «Саматья». Он вспоминал о нашем разговоре в Оренбурге в 1908 году и о своем совете учиться на русском языке. «Было бы очень жаль, если бы вы тогда не остались в России, — сказал он, — ибо, если бы вы тогда отправились в Сирию, не смогли бы выполнить ту историческую миссию, которую совершили в годы революции среди восточных тюрков. Из тех наших интеллигентов, кото-

рые уехали в Турцию, лишь Юсуф Акчура и Ахмед Агаоглы смогли оставить заметный след в культуре этого региона».

Я посетил дом и поэта Закира Рамиева, субсидировавшего издание журнала «Шура». С ним я познакомился еще на золотых приисках «Султан» на восточном склоне Ирендыкских гор, когда мы направлялись вместе с отцом в Троицк. Стихи его были прелестны, он прекрасно знал чагатайскую литературу.

В этом же году на обложке журнала «Шура» в красивом оформлении было напечатано четверостишие Алишера Навои такого содержания: «О всевышний, зная о моей любви и следуя моим желаниям, ты создал косы моей любимой длиной в ее рост» (однако на самом деле эти стихи принадлежат, кажется, золотоордынскому поэту XIV века Хорезми). Я сказал Закир-бею о том, как хороша эта поэтическая выдержка, и прочитал наизусть еще кое-что из Навои, оставшееся у меня в памяти. Он тут же записал эти стихи в свою тетрадь. Кстати, я прочитал также следующие стихи Навои, которые мне самому очень нравились: «На чужбине человеку нет радости, ни трудом, ни ученостью не добьется он благодарности. В золотой клетке прекрасный цветок может расцвести, но на чужбине соловью не дадут свить гнездо даже среди колючек».

Закир Рамиев бесспорно понял, что смысл стихотворения весьма соответствует моему состоянию и настроению. Я рассказал ему о своем желании отправиться в Казань и поступить там в инородческую учительскую семинарию. Он одобрил мое намерение. Я не стал ему объяснять свое жалкое материальное положение. Тем не менее он посоветовал мне встретиться с редактором газеты «Вақыт» («Время») Яруллой Валиевым. На другой день тот вручил мне от имени Закир-бея 50 рублей.

Закир-бей разговаривал предельно искренне. Он спросил меня, где я читал стихи Навои. Я рассказал, что «Диван» есть у отца и в Алагуяне у Каскынбая, а печатная «Хамса» имеется у Бикбулата-хазрата в Сайране. Следовательно, в ту пору Закир-бей еще не видел «Хамсы» и «Дивана» Алишера Навои, а читал только его «Мухакамат уль-люгатайн».

Нравственные понятия Ленина

На заседание комиссии, рассматривавшей вопросы Башкортостана, приглашали и меня. В мае эта комиссия вынесла ре-

шение, состоящее из пяти пунктов. За подписями Калинина и Ленина оно было официально провозглашено как постановление Советского правительства. Наша республика объявлялась самостоятельной в делах юстиции, просвещения и сельского хозяйства, тогда как в сфере внешних сношений, экономики, финансов, почты и телеграфа, дорог и транспорта передавалась в подчинение РСФСР, уравниваясь в правах с обычными губерниями. Управление башкирскими войсками отныне будет осуществлять не командование Туркестанского военного округа, а Заволжского. Из членов комиссии Каменев выступил против такого решения, отражающегося на нашей независимости. Он же сказал мне о существовании замысла слить Башкортостан с Уфой и еще несколькими русскими уездами, но проведение его в жизнь временно откладывается.

На другой день после провозглашения этого постановления я снова встретился с Лениным. Я сказал ему: «В марте 1919 года мы приняли соглашение. Оба поставили под ним свои подписи. Права одной угнетенной нации востока, хотя и не в полной мере, были признаны. Через четырнадцать месяцев и они превратились в прах». «На каком основании Вы поднимаете такие нравственные проблемы? Какой вы революционер? Чего ради цепляетесь за эти соглашения? Наше с вами соглашение — лишь клочок бумаги, который никого ни к чему не обязывает», — ответил он. «Мы верили, что люди в своих отношениях должны опираться на уважение к такого рода бумажным клочкам», — ответил я. На что Ленин сказал: «Ошиблись. В нашей среде Вы заметите и другие особенности. Я серьезно и искренне желаю вашего сотрудничества с нами в общероссийском и мировом масштабе. Вам не к лицу поднимать спор из-за подписи, которая в другое время при иных обстоятельствах вынужденно была поставлена на клочке бумаги. Сами увидите, предстоят очень важные дела». Судя по этим словам, он желал бы видеть меня среди своих товарищей, принимающих участие в делах всероссийского масштаба. Желание, кажется, вполне серьезное. Перед моим уходом он дал мне какие-то бумаги: «Прочитайте, потом поговорим. Только набросайте ваши мысли на бумаге».

В ту пору в гостинице «Метрополь» видные советские руководители вели между собой довольно откровенные беседы. Тогда еще не была так сильно развита слежка за членами партии. Случались интересные беседы. Рассказав председателю

Советской Украины Петровскому о проектах конституций национальных республик и о встречах с Лениным, я спросил его шуточно: «Для достижения своей цели Ленин готов прибегнуть к любым средствам. А раз так, если сказать ему, что завтра произойдет мировая революция, но для этого нужно сегодня вечером обвенчаться с собственной матерью, пошел бы он на это?» Петровский ответил, ничуть не сомневаясь: «Разумеется. Ленин на все смотрит с точки зрения тактики. Например, он бы прикинул: если об этом венчании распространится слух в народе, не падет ли наш авторитет в обществе? Равно как взгляды Ленина не основаны на религии, так они и не ограничены моралью и обычаями. Он подчиняет нравственность интересам классовой борьбы пролетариата. Многие союзники большевиков — лишь временные попутчики. Часть из них отошла от нас, считая, что Ленин раздает фальшивые векселя. Соглашения, о которых Вы мне рассказывали, в свое время были необходимы, и потому имели некоторое значение. Однако в таких щекотливых ситуациях я не смог быть таким же решительным, как Ленин». «Ленин действительно убежденный интернационалист? — спросил я его. — Или на него влияют иные русские национальные идеи?» Петровский ответил: «Ленин как деятель, желающий осуществить коммунизм в мировом масштабе, внационален, но когда он ведет речь об интернационализме применительно к инородцам России с точки зрения истории, географии, экономики, то делает это лишь для отвода глаз. В этом смысле он великоросс. По его мнению, кратчайший путь к коммунизму обеспечит не столько поддержка малых наций, сколько опора на такие великие народы, как русский, английский, китайский и на их империалистические традиции».

Другой раз при беседе с Петровским с глазу на глаз я задал еще и такой вопрос: «Григорий Иванович, вы двадцать пять лет в рядах партии, дружите с Лениным. Защищает ли он национальные интересы великороссов? Или то, что в восточных регионах держит шовинистов, — всего лишь вопрос тактики? Почему по отношению к составляющим меньшинство восточным коммунистам он применяет понятие «мелкая буржуазия»? Петровский ответил следующим образом: «Интересы великороссов Ленин защищает даже в большем объеме, чем Петр Великий. Освободив великорусскую нацию от пут капитализма, преобразовав ее в великое социалистическое общест-

во, он надеется превратить ее в образец для других народов. Интересы русского народа Ленин ставит выше интересов других подвластных России народов, то есть он, не будучи великорусским шовинистом, всю политику, однако, ведет в пользу великороссов. На деле мы, украинцы, по проблемам Украины расходимся с нашими националистами, но тем не менее даже нам приходится с Лениным вступать в постоянные споры. Он не может мыслить иначе о народах, находящихся под пятой русских. Создалась такая ситуация, что мы частенько некоторые вещи остерегаемся говорить ему в лицо. В своем сочинении «Против течения» Ленин показал себя последовательным защитником малых народов. Теперь же, как и многие другие его товарищи, он таких, как вы, революционеров и членов партии из числа малых народов представляет как выразителей интересов мелкой буржуазии. Пока вы безоговорочно не примете точку зрения великороссов, вам обоснованно и без оснований будут приклеивать ярлык мелкой буржуазии. Поскольку нашим общим врагом будет оставаться капитализм и капиталистический империализм, между коммунистами великороссами и коммунистами из числа мелких наций сохранятся эти двусмысленные, фальшивые отношения. Это следует воспринимать как неизбежность и примириться».

Эти слова, услышанные из уст одного из самых близких, самых искренних друзей Ленина, я передал кому-то из своих надежных сторонников — представителей тюркского Востока. Если не ошибаюсь, это был Турар Рыскулов. Он, в свою очередь, написал об этом в письме одному из своих сторонников-коммунистов в Букейской Орде. При разговоре я упомянул, что Петровского, очевидно, побудил к той откровенности имевший место какой-то спор между ним и Лениным.

В те дни из Турции приехал некий доктор Фуад Сабит. Несмотря на то, что он был давним турецким патриотом, к коммунизму относился весьма положительно. Мне даже показалось, что его коммунистические убеждения были очень глубокими. Один из татарских деятелей, вернувшихся после учебы в Турции (кажется, это был астраханец Наджиб Асри), встретился с доктором Фуадом и передал ему то самое письмо Рыскулова, предварительно переведенное с казахского на турецкий. Вернувшись в Анкару, доктор Фуад показал письмо Мустафе Кемаль-паше. В тот период связи между Россией и Турцией были очень оживленными. Так я позднее узнал, что со-

держание моих бесед в московском «Метрополе» через друзей и в виде письма дошло до Турции и вызвало там интерес. Я был очень удивлен этим.

Григорий Петровский был тем человеком, который глубже, чем кто-либо другой, раскрыл мне моральные принципы Ленина и его отношение к русской нации. Естественно, он полагал, что я, как и он сам, исхожу из мысли: пусть, мол, мой народ терпит от великороссов что угодно, но мы остаемся верными Ленину, и потому говорил со мной так откровенно. Однако позже я узнал, что его доброе отношение ко мне не изменилось и после того, как я уехал из Москвы и присоединился к движению борьбы против Советов. Об этом сказал Турару Рыскулову Рудзутак, с которым у меня сложились такие же доверительные отношения, как и с Петровским.

О нравственных принципах Ленина и его отношении ко всякого рода соглашениям я говорил на состоявшемся в декабре 1924 года в Берлине «Конгрессе левых социалистов» (в нем принимал участие и председатель левых социалистов Италии Пьетро Ненни). Это мое выступление было опубликовано в Германии и в русской левосоциалистической печати («Знамя борьбы», №№ 9–10. «Klassenkampf» 14.1.1925). В речи на том конгрессе и опубликованных статьях говорил следующие слова: «Мы, азиаты, обманулись, сохранив верность клочкам бумаги, которые, по мнению Ленина, не имеют никакой ценности. Раньше мы представляли Ленина личностью, отличающейся от ташкентского Колесова, оренбургского Цвиллинга, Артема из Центра. Теперь выяснилось, что между этими людьми и Лениным нет никаких различий». После публикации постановления ЦИК от 19 мая 1920 года некоторые деятели Башкортостана, записавшиеся в Коммунистическую партию, вышли из нее. На вопрос Самойлова, зачем они это сделали, те ответили: «Мы не можем состоять в партии, которая нарушила Соглашение и приняла постановление от 19 мая». В своих воспоминаниях Самойлов говорит об этом сам.

Письмо,
отправленное в сентябре 1920 года
на имя В. И. Ленина

Исходя из начатой ЦК РКП(б) политики становится ясно, что и Вы, как и Артем с товарищами, в политике по отноше-

нию к восточным нациям хотите принять за основу идеи настоящих русских шовинистов. Товарищ Троцкий, проанализировав в Уфе все эти вопросы, понял, что все дела этого человека* представляют собою цепь провокаций. Вне всякого сомнения, он эти вопросы в Центральном Комитете осветил правильно, тем не менее новая империалистическая политика осталась господствующей.

Возглавлявшие Тюркскую комиссию товарищи Фрунзе и Куйбышев, как ранее и Троцкий, проводимую ЦК политику считали двуличной, нечестной и открыто говорили об этом на заседаниях, состоявшихся после отстранения от руководства Рыскулова и меня. Наши же друзья, являющиеся членами партии, должны будут способствовать господству старого, традиционного русского империализма в замаскированной форме. О том, что среди туркестанских народов будут искусственно возбуждены классовые противоречия, такие местные националисты, как Рыскулов и Валидов будут выведены как классовые враги местного пролетариата, среди местной интеллигенции будут подготовлены «октябристы» — люди, верные русскому империализму, и мы будем вытеснены ими, открыто говорилось на заседаниях Тюркской комиссии. Только знайте, мы не станем искусственными классовыми врагами местных крестьян и не покоримся попытке сделать нас объектом всеобщего издевательства. Возможно, вы найдете жертву, которая вам так нужна, но мы такой жертвой не станем. Съезд восточных народов в Баку ясно продемонстрировал нашим землякам, участвовавшим в этом съезде, что посягательство на права туркестанцев — не дело отдельных местных коммунистов, а собственная политика ЦК. Поведение членов ЦК Зиновьева и Радека перед участниками съезда с Востока напоминало поведение комиссаров, вышедших навстречу толпе невежественных крестьян на крестьянских съездах, созванных в 1917 году непосредственно после революции. Были запрещены выступления делегатов по подготовленным на родине текстам, с помощью охраняющих красных частей заставили их молчать и принять решения, заранее подготовленные и присланные из Москвы. Приращение проблем восточных наций до правовых вопросов местного уровня, сведение их к проблеме села неопровержимо доказывает, что ЦК ведет свою политику в ложном направлении. Искусственно возбужденные классовые противо-

*Имеется в виду Ф. А. Сергеев (Артем). — *Примеч. пер.*

речия в аулах восточных народов ЦК сможет поддерживать лишь путем террора. В своих замечаниях на тезисы товарища Ленина по колониальному вопросу, которые затем были зачитаны им на съезде Коминтерна, я уже писал, что на Востоке социальная революция неосуществима на основе искусственного классового расслоения, что социальная революция у этих народов — явление чрезвычайно сложное. Если капиталисты и рабочие европейских наций, объединившись, стремятся к завоеванию колоний, то крестьяне и рабочие колониального Востока будут также вынуждены объединяться со своими богачами. Вы, видя, что у восточных народов нет проявлений классового расслоения, тем не менее обвиняете их интеллигенцию, превращая одну ее часть «в мелкобуржуазного националистического классового врага», а из другой части делаете «левых октябристов». Не раз и этих «левых октябристов» будете выводить в число классовых врагов. Уничтожив их, будете формировать все новых и новых «левых октябристов». Наконец, таким образом вы останетесь лицом к лицу с неграмотным местным крестьянином, не знающим ничего, кроме своего осла и быка, лопаты и мотыги. Я не верю, что вы сумеете изменить ваше недоверие к местной интеллигенции в масштабе всего Туркестана. В крайнем случае предоставили бы местной интеллигенции возможность заниматься восстановлением жизни на территории Советской Бухары, организованной после бегства эмира.

Ахмет-Заки Валидов

Письмо,
отправленное в феврале 1923 года
на имя В. И. Ленина*

Глубокоуважаемый Владимир Ильич!

Заранее знаю, что из-за Вашей болезни это письмо не будет Вам ни вручено, ни прочитано. Но копии этого письма я отправлю многим своим друзьям и сподвижникам, и оно станет историческим документом. Товарищ Сталин при посредстве товарища Рудзутака прилагает усилия вернуть меня в партию. Он делает вид, что не знает о моем письме в Центральный Комитет из Баку, написанном в 1920 году, где я открыто

* Письмо написано перед эмиграцией из Туркестана в Иран.

объявил о своей деятельности против Москвы, о своем присоединении к басмаческому движению. Кто же вам будет верить после того, как Соглашение, подписанное 20 марта 1919 года Вами, Сталиным, мною и моими товарищами, спустя четырнадцать месяцев было перечеркнуто Постановлением от 19 мая 1920 года, подписанным лишь Вами и Сталиным? После опубликования этого односторонне принятого постановления, я, встретив Вас, выразил свой протест. Вы же тогда Соглашение, принятое 20 марта 1919 года, соизволили назвать «клочком бумаги». Кстати, по этому Соглашению у Башкортостана должна была быть собственная армия, подчиненная непосредственно центральному советскому командованию. Ныне по Постановлению от 19 мая 1920 года наши войска лишены этого статуса, переподчинены Заволжскому военному округу, командованию этого округа предоставлено также право по своему усмотрению дробить и реформировывать существующие воинские части. Фактически башкирские войска перестали существовать. На основании подобного же Постановления вы «Уфимскую губернию присоединили к Башкортостану», на деле эта лукавая мера означает не что иное, как присоединение Башкортостана к Уфимской губернии. В этой связи объявленные советским правительством 20 ноября 1917 года в обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» права этих народов на самоопределение, «вплоть до отделения от России» в корне перечеркиваются Постановлением от 19 мая 1920 года. После поражения башкир, казахов и туркестанцев в этой борьбе в истории юго-восточных мусульман России начинается новый этап: борьба внутри России не обеспечила права мусульман, и это достойно сожаления, поэтому с нашей эмиграцией из Советской России борьба перейдет на международный уровень. Моя цель будет заключаться в том, чтобы требования этих народов довести до сведения мировой общественности. Далее в этом письме будут рассматриваться отдельные стороны нашего угнетенного положения.

Ныне великорусская нация свою политику, направленную против интересов наций и племен, оказавшихся в ее подчинении, начинает решительно претворять в жизнь не только в экономической и социальной сфере, но и в области культуры. «Восточный университет», созданный в прошлом году, приобрел качество некоего центра, осуществляющего эту политику. При Центральном Комитете появилась группа специ-

алистов по восточным делам. Центральный Комитет, собрав некоторых представителей восточных народов, оказавшихся в зависимости от Советов, повелел им готовить необходимые материалы для этих «специалистов по Востоку». Эти представители Востока издали несколько книг и брошюр. Но мысли, опубликованные от их имени, навязаны великорусскими специалистами. Некоторые пункты «конституций», написанных ими для своих стран, были исключены, даже не удостоившись обсуждения. В данное время самое важное дело, которым занимаются Восточный университет и специалисты по Востоку, — создание литературных языков для народов на основе фонетики их местных диалектов. В определении принципов этого мероприятия нерусские коммунисты играли лишь роль советников. В последнем номере журнала «Красный Восток», издаваемом специалистами Восточного университета, дагестанец Гумер Алиев пишет, что если на Северном Кавказе для тюркских языков будет принят алфавит кириллицы, результатом этого будет христианизация этих народов, поэтому они, как азербайджанцы, должны пользоваться латинским алфавитом, вопросы об алфавите и литературном языке должны решаться не под руководством русских, они должны решаться местными специалистами под руководством самостоятельных правительств самостоятельных областей, сформированных в условиях национально-политической свободы. Такого рода статьи, а также попытки некоторых азербайджанских специалистов посредством журнала «Красный Восток» объединить всех тюрков-мусульман вокруг одного литературного языка вызывают недовольство великорусских специалистов. Проф. Поливанов выступил против азербайджанцев Шахтахинского и Джалиля Гулиева, которые на одном из совещаний, где принимали участие также узбекские и казахские специалисты, защищали идею создания общего алфавита на латинской основе для всех тюркских народов. Проф. Поливанов и другие русские говорили о том, что если будет принят латинский алфавит, позже он будет заменен кириллицей, каждый тюркский диалект, общее число которых доходит до сорока, получит особый алфавит. Шахтахинский объяснил, что каждый из тюркских народов не в состоянии обеспечить существование литературного языка. Дальнейшее совершенно ясно: Вы вместе с Вашими великорусскими товарищами, начав с лишения простого народа их языка и письменности, не перестанете держать их за шиворот, пока не достиг-

нете их окончательного обрусения. Разница между Вашими словами о вручении нациям их неотъемлемых прав в их собственные руки, содержащимися в Вашем труде «Против течения», и проводимой Вами сейчас политикой велика.

Весной 1919 года, когда мы по организационным делам наших войск находились в Саранске, присланный Вами представитель Зарецкий в течение месяца на многочисленных собраниях разъяснял нашему народу, что лишь Советское правительство впервые в истории решит вопрос о самостоятельности нашего угнетенного народа, о создании национального правительства и национальной армии. И я в «Правде» опубликовал статью соответствующего содержания. После этого не прошло и четырех лет, политика Ваша осуществилась в диаметрально противоположном направлении. Возможно, РКП слова о свободе наций будет распространять в далеких от России Азии и Африке и после всех этих событий. Однако истина заключается в том, что в Туркестане великорусские коммунисты испытывают ненависть к таким правдивым коммунистам, как Григорий Сафаров, публикующий статьи против продолжения здесь царской колониальной политики. Они охотно «разъясняют» коммунистам местного происхождения «теорию» о том, что мелкие народы для больших наций не что иное, как мелкая рыбешка для кита.

Товарищ Артем, будучи в Башкортостане, некоторым местным коммунистам, наряду с уверениями, что мы будем жить в самостоятельной республике, откровенно говорил о том, что советская (русская) культура, кроме Китая и Индии, будет безраздельно господствовать во всей Восточной Азии. Якобы этому не сможет противостоять ни один местный язык или культура, эти языки будут использованы лишь для распространения идей коммунизма. Эти и тому подобные слова многократно повторялись во многих местах. Нет никакого сомнения в том, что эти слова не останутся в пределах России, распространятся дальше, и в конечном счете дело дойдет до того, что врагом номер один каждого народа, желающего жить самостоятельно, но оставшегося под вашей рукой, окажется Советская Россия.

При обмене мнениями с Вами по поводу Ваших тезисов «Колониальный и национальный вопрос» я уже имел возможность высказать обо всем этом некоторые свои мысли. Впоследствии эти тезисы я прочитал в журнале «Коммунистический интернационал» (№ 11). Вы утверждали, что после осуществления ди-

ктатуры пролетариата в мировом масштабе необходимым условием установления социалистического режима в странах с «отсталыми нациями» будет помощь «передовых наций» (в том числе и ранее угнетавших наций). Это означало, что в Индии английские, в Туркестане русские, в Африке французские или бельгийские рабочие организации будут продолжать колониальную политику. Еще в 1915 году в Уфе доводилось беседовать с Вашими ближайшими друзьями, тогда речь не шла о том, что планируемый вами социалистический режим будет осуществляться в качестве террористического режима, попирающего все человеческие права. И что же мы видим теперь? Разве цель революций заключалась во всем этом? Пятаков, в ходе дискуссии о профсоюзах поставивший перед Вами этот вопрос, был прав. Он говорил, что не следует отнимать волю рабочего класса, который кровью и потом осуществил революцию. Если бы в России идеи социализма не оказались в плену имперских традиций, то какой смысл создавать для зависимых народов алфавиты и создавать новые литературные языки из их разговорных диалектов?

И Роза Люксембург совершенно правильно предупреждала, что если идеи социализма встанут на путь приспособления к желаниям великих наций, находящихся под влиянием традиций империализма, то от этого не следует ждать добра.

Вздоровев, возможно Вы сами сумеете исправить допущенные ошибки.

Ахмет-Заки Валидов

Прощальное письмо башкирскому народу*

За права и свободу нашего народа я боролся по мере своих сил. Движение наше в Туркестане, так же как и в Башкирии, вдохновило на борьбу бесчисленное множество соотечественников. В этом деле принимало участие множество людей из Турции, Дагестана, Азербайджана и даже Афганистана, наконец, оно привлекло и Энвера-пашу**. К сожалению, война

* Письмо написано в феврале 1923 года накануне эмиграции из Туркестана в Иран.

** Энвер-паша (1881–1922) — лидер Турецкой буржуазно-демократической революции 1908 года, военный министр, вице-генералиссимус, то есть главнокомандующий. Политик с чрезвычайно сложной судьбой. — *Примеч. пер.*

с Польшей завершилась в пользу Москвы. Если бы эта война продлилась еще несколько месяцев, Энвер-паша, наступая из Байсун Гузара, а басмачи Самаркандской губернии из Джизак Нурата, смогли бы завоевать Самарканд и Бухару. Для подрыва железной дороги во многих местах был подготовлен динамит. В августе железная дорога со стороны Кызыларват и Сырдарьи была бы закрыта для Красной Армии. К сожалению, Москва получила возможность направить сюда большие военные силы. Несмотря на то, что в августе наши дела окончательно приняли дурной оборот, я с целью продолжения борьбы вел в августе организационную работу по сосредоточению басмачей Шахрисяба и Самарканда, башкирских, татарских и казахских офицеров в области Байсун для соединения их с Энвером-пашой. Но неблагоприятные события нарастали. Энвер-паша пал в бою*.

Именно в это время (в сентябре) тайно созданный Конгресс Туркестанского национального объединения поручил мне продолжить эту работу за рубежом, написать ее историю, довести до сведения мировой общественности, представить наши требования в качестве международных проблем. Этим делом намереваюсь заниматься, поселившись в Европе или Турции. Однако на реальность необходимо смотреть прямо: нынешний уровень нашего движения, то есть движение, борьба на уровне областей за достижение уступок со стороны Советов, не дали желаемых результатов. Сейчас нация в положении овцы, попавшей в волчьи зубы.

Но этот вопрос в будущем будет стоять на более высоком уровне, необходима организация борьбы в иных формах. Вопрос о власти Советов в России, после того как она завершилась в качестве внутренней борьбы, в дальнейшем превратится в проблему межгосударственных отношений. В конечном счете этим вопросом займутся великие державы. Более того, данный вопрос перерастет и компетенцию великих держав и превратится в мировую проблему.

Советы, распространяя лживые слова об освобождении наций и колоний, приспособили теорию социализма, защищающую интересы и права рабочих, к желаниям эгоистической нации, подверженной империалистическим традициям. Я напи-

* Энвер-паша погиб в 1922 году в стычке с частями Красной Армии.
— Примеч. пер.

сал два письма об этом и переправил их сегодня Рудзутаку, одному из советских руководителей в Ташкенте. Письма предназначены для вручения Ленину и Сталину (сообщившему мне, кстати, о моем прощении), а также другим их соратникам. Проводимая ими в дальнейшем политическая программа — обеспечение господства русского языка и культуры не только в России, но и в сопредельных областях Европы и Азии. Даже призыв к устройству социализма в мировом масштабе является одним из способов достижения этой цели. Русификация всего мира — задача неосуществимая. Но эту истину (опасность) в других странах быстро понять не смогут. Поэтому независимым, свободным народам необходимо разъяснять империалистическую сущность русского вопроса. Даже в Хиве всего этого не понимали за четыре месяца до уничтожения русскими их собственного правительства. Возможно, для понимания этих истин каждая нация некоторое время должна быть под властью русских. В любом случае сейчас на нашей родине не следует допускать никаких волнений и восстаний. Движения, подобные выступлению Сулеймана Мурзабулатова, сегодня нанесут вред нашему народу. Об этом я послал ему письмо из Бухары. К счастью, кажется, больших потерь не было.

* * *

По мере своих возможностей вы должны обращать внимание на следующие вопросы:

1) Занимайтесь учебой молодежи, готовьте из нее технических специалистов.

2) Внедрите в души способных людей желание, оторвавшись от частных хозяйственных дел, войти в кооперативы, укрепиться в советских аппаратах, взять на себя обязательства служить на этом поприще своему народу. Об этом я уже говорил на собрании в Стерлитамаке в августе 1919 года.

3) Не жалейте усилий для защиты религии и языка. Самые гнусные притеснения будут совершены на этих двух основах, то есть на основе религии и языка. В этой связи не будет никакой возможности иметь какую-либо организацию, так как она попадет в подчинение советских учреждений и будет служить их интересам. Поэтому борьбу за религию и язык придется вести средствами как в рамках закона, так и скрытно.

4) К следующему этапу борьбы готовьтесь будучи уверенными в том, что она превратится в проблему международного уровня. В этот период тюрки Поволжья и Приуралья должны верить, что им борьбу нужно вести в единстве с Туркестаном.

В этой связи детям дома нужно разъяснять, как с 1917 года мы вели эту борьбу. Если народы свободного мира не смогут объединиться и противостоять против распространения большевизма, и большинство народов Азии встанет на путь советской власти, то коммунизм как теория, наиболее сильно раздувающая пламя межнациональных раздоров, приведет к войне между самими этими народами. Мы живем в такое время, когда в мире развиваются самые различные, в том числе торговые, связи. Поэтому неумение России пользоваться старыми торговыми путями между Востоком и Западом приведет к плачевным результатам. Русские не смогут ассимилировать тюркские народы в течение одного века, так как этот процесс зависит также от успехов русификации на Кавказе, на Украине. К тому же нации, ставшие жертвами русификаторской политики, не останутся без движения. Если будет расти численность русских, увеличится численность и других. В этой связи напишу некоторые свои мысли, не считите за пророчество: империалистические поползновения русских и стремление совершить революцию приведут к тому, что все происходящее в России будет казаться самыми великими событиями XX века, связанными с судьбами всех народов. Однако из-за неумения сдерживать свои аппетиты русские на основе этих событий будут преследовать лишь свою корысть. Великие события, которые возникнут как последствия этого, дадут нам новые возможности для оживления. Такие регионы, как Туркестан, где мусульман живет много, сумеют воспользоваться этим положением. В это время так же, как евреи в Израиле верят в возрождение своего государства, наши должны жить с верой и разъяснять все подрастающему поколению. Мы в зарубежных государствах будем заниматься этим вопросом. Вопреки всему я верю, что до этих дней освобождения наше поколение не успеет исчезнуть совсем. Мы в Башкортостане развернули национальное движение на законной основе, на основе решений курултаев создали регулярные войска и открыто боролись, открыто излагали свои мысли на страницах национальной печати и в школах. В Туркестане же это движение как недовольство и волнение началось до нашего прихода, большинство ба-

смачей было под влиянием фанатичных мулл. Мы в это движение внесли национальную идею, идеал национального движения. Наконец к этому делу присоединился великий исторический деятель со своими офицерами.

Все эти дела не из тех, которые люди могли бы забыть за несколько лет, даже в течение одного-двух поколений. Из-за верности тюркского народа идее независимости в его памяти до сих пор живы воспоминания, относящиеся к временам своей самостоятельности: о Джанибек-хане, Тамерлане, Кучуке и его сыновьях Каип-хане и Аблай-хане. Даже те тюркские племена, которые в древние времена оставались в меньшинстве среди других народов, забывали или почти забывали свой язык, при появлении возможности поднимались и вновь создавали государства. Такие племена, как туюхуны, шато и таугачи среди китайцев, карлыки и калачи среди индийцев, арпаты среди угро-финнов, огузы, агачерийцы и аккойуны среди иранцев, арабов и курдов, несмотря на то, что остались в меньшинстве, сохранили свое бытие, а позже создали государства и вошли в историю. История этих племен — восхитительный пример для подражания.

Испытываю желание обнародовать все это, описав в виде романов. Миф об Эргенеконе свидетельствует о возрождении одного мужественного тюркского сообщества тогда, когда другим казалось, что оно на грани полного исчезновения. Мы переживаем в настоящее время среди русских один из самых страшных периодов своего исторического существования, но страх не сковал нас. Лично я сам, хорошо зная наше прошлое, даже в часы самых больших неудач не впал в отчаяние. Вышеупомянутые народы ради свободы покидали даже родину, но вновь обретали независимость. Наш народ, как трава пырей: если в земле останется хотя бы маленький его кусочек, вскоре распространяется на весь сад. Если бы в 1917–1922 годы мы не воспользовались возможностью подняться на борьбу и остались бы без движения, то нам трудно было бы воспользоваться такой же возможностью в будущем. Эта возможность длилась очень короткое время, однако мы сумели ею воспользоваться. Совершенные нами дела, так же как и дела Кучук-султана, его сына Мурат-султана, Бишай-султана, его сына Ырыс Махмут-султана, Султангирея (Карасакала), Батырши, Салавата, Аблая и Кенисары, оставят после себя великие воспоминания. Стихи, байты, сотворенные в ходе

этой борьбы, невозможно заставить забыть. Разумеется, враг приложит много усилий, чтобы заставить вас забыть их. Но неопубликованное в России будет опубликовано за границей. Россия не сможет удерживать свои границы вечно закрытыми. Если литературу, распространяющую идеи о свободе и национальном освобождении, наши не смогут прочитать на родине, прочитают за рубежом. Только пусть не ввергает нацию в безнадежность террористическая власть, кажущаяся сегодня неизбежной. Вера и совесть наша, наша любовь к независимости будут указывать пути освобождения и призывать вперед.

Возникновение партии «Эрк»

Организация партии «Эрк» («Воля») была задумана в 1919 году. Весною же этого года одновременно, но независимо друг от друга группы социалистов в Ташкенте и в Темясове (Башкирии) решили образовать туземные социалистические партии, могущие войти в Третий Интернационал как самостоятельные члены последнего. В ноябре того же года представители ташкентских, бухарских, киргизских и башкирских социалистов, случайно собравшиеся в Москве, решили объединить работу по организации национально-социалистических партий, была намечена программа единой партии из 12 пунктов. К весне 1920 года выяснилось, что ЦК Коммунистической партии России не допустит легального существования туземной социалистической партии, хотя бы и входящей в Коминтерн. Тогда представители организуемой партии, собравшись в июне того же года, решили организовать свою партию во что бы то ни стало, нисколько не стесняя себя ни программой, ни уставом Третьего Интернационала. В сентябре того же 1920 года во время съезда народов Востока работала в Баку организационная комиссия партии, куда, помимо лиц, имена которых теперь в советских условиях упомянутыми быть не могут, входили Валидов и Джанизаков, был выработан проект новой программы, состоящей из 27 пунктов. Та же комиссия, в обновленном составе, без Джанизакова, но с включением Абдулхамид Арифова (тогда военного комиссара Бухарской Советской Республики), на заседаниях 7–10 января 1921 года, в Бухаре, приняла для организации наименование «Туркистан Социалистлар Тюдеси» или, короче, «Тюде», т. е. «Группа,

или Круг социалистов Туркестана». В апреле того же года (15–18 апреля) состоялся в Бухаре же «расширенный совет Тюде», куда, помимо Валидова и Арифова, входили также представители туземных социалистов Киргизской (Казахстан) и Хорезмской (Хива) Республик и вышеупомянутый проект программы из 27 пунктов был скомкан в 9 пунктах. «Совет партии», состоявшийся в начале 1926 года, переименовал «Тюде» в «Социалист ЭРК Фиркаси», т. е. «Туркестанскую социалистическую партию ЭРК», и утвердил программу из 9 пунктов в следующем окончательном виде (8–9 января).

Программа Туркестанской социалистической партии «Эрк»*

Теоретическая часть**

При всем пока что слабом развитии промышленности количество рабочего класса в городах Туркестана с каждым днем растет. Однако защищать свои классовые интересы против местных и иностранных эксплуататоров и играть доминирующую роль в политической жизни и в хозяйственном строительстве страны рабочий класс может только при условии организованности в профессиональные союзы и в самостоятельную рабочую партию. При условии, если эта партия сумеет не оставаться замкнутой профессиональной организацией рабочего класса, а установит сотрудничество рабочих и крестьянства (дехканства) на основе общих интересов. Прочность союза рабочих и крестьян в Туркестане обусловлена тем, что судьба огромного большинства дехканства, работающего на текстильные фабрики, слишком тесно связана с судьбой рабочих тех же фабрик. Если европейские рабочие стремятся стать хозяевами средств производства в Европе, то туркестанские рабочие и хлопкоробы одинаково заинтересованы в развертывании национализированной текстильной промышленности у себя в Туркестане. Туркестанский рабочий и крестьянин-хлопкороб будут, при наличии общей политической организации, пред-

* Национальная библиотека РБ. Ф. 78185. — *Примеч. пер.*

** Документ написан на русском языке и печатается в редакции оригинала. — *Примеч. ред.*

ставлять собою внушительную социально-политическую силу по сравнению с той частью крестьянства, которая обрабатывает хлеб. Партия «Эрк» считает себя той политической организацией, которая объединяет классы революционных рабочих и дехканства Туркестана.

Социализм выведет угнетенные классы поработенных, как туркестанцы, народов Азии из умственной темноты замкнутого Востока на светлую арену современной жизни, из области суеверий — в область мировой действительности, из этническо-родовых границ — в поле жизни международной классово-борьбы, социализм приучит их к сотрудничеству и общению с другими народами. Социализм переделает хозяйственное мышление трудящихся туркестанцев, в большинстве — крестьян, завязшее в болоте темной кишлачной жизни и в замкнутых полурелигиозных цехах городских кустарей и ремесленников, заставит их заниматься вопросами мирового хозяйства, вопросами переустройства на новых началах всей экономической жизни человечества. Каким бы экономически отсталым ни являлся Туркестан, воспитательное значение социализма будет здесь огромным. Основанная на экономическо-классовых принципах социалистическая партия и пропаганда социализма будут способствовать еще и тому, чтобы и другие политические партии в этой восточной стране так же организовывались только на экономической базе, чтобы религиозные и личные моменты не могли играть роли в организации политических партий и чтобы в основу школы и вообще народного образования были положены тоже только жизненные, хозяйственные принципы.

Туркестан, находящийся в настоящее время под властью одной из империалистических держав, не может развиваться экономически, как это следовало бы по его географическим и природным условиям, так как страна эта — пока что в ней хозяевами являются завоеватели и пока что рядом с ними существуют туземцы — должна находиться в состоянии постоянной войны. Дело в том, что нацией-завоевательницей являются в Туркестане русские, а русская колониальная политика, в отличие, например, от английской в Индии, основана на идее полной и окончательной русификации завоеванных областей. Русский империализм поставил себе определенную цель: обосноваться в Туркестане окончательно, превратить край в истинно русский, заменить туземное большинство населения

большинством переселяемых из Европейской России русских, обратить Туркестан в базу для своих дальнейших грабительских завоеваний в Средней, Южной и Восточной Азии. Русский империализм добивается этой своей цели путем применения различных мероприятий, как, например: вооруженное истребление или ограбление туземцев отдельных районов с целью захвата их земель или по поводу восстаний, вызываемых часто действиями или провокацией самих империалистов. Мероприятия хозяйственные, как, например, постоянное и последовательное вымогательство земли и воды. Богатейшие плодородные и густонаселенные долины Южного Туркестана переживают теперь эпоху бесчеловечного опустошения, из-за отбора земли у туземцев, веками ее обрабатывавших, отбора земли для водворения в них новых колониальных армий, прибывающих из России, чуждых интенсивной оросительной культуре. Оседлые и полуседлые туземцы Северного Туркестана тоже лишаются своих плодородных обрабатываемых земель, казах-киргизы, уже перешедшие в оседлость, вытесняются в пустыни. Проведение новых магистральных каналов, устройство фабрик (например, текстильных) и заводов (например, металлообрабатывающих) допускается тоже исключительно в целях переселения русских. Наиболее выгодная в наше время для сельских хозяев определенных поясов земли культура — хлопок — тоже превращена в орудие полного порабощения туземцев. Сеется хлопок принудительно, при принудительном же сокращении посевов хлеба и риса. Не допускается расширение посевов хлеба даже тогда, когда оно лучше обеспечило бы рост посевов промышленных растений. Все это делается для того, чтобы поставить туземное население в отношении хлеба в полную зависимость от России. Между тем в жизни России бывают моменты, когда она даже при желании не может доставить в Туркестан необходимое количество хлеба, как это случилось в 1917–1918 годы, когда погибло от голода до двух миллионов туземцев. Усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и тракторы отпускаются прежде всего русским переселенцам или туземный кишлак ставится в зависимость от соседнего русского поселка в отношении воды и даже сельскохозяйственного орудия.

Такие меры не могут не вызывать у трудящихся туземцев известного недоверия или даже вражду к новшествам в области хозяйства, исходящим от русских. Между тем нация-завое-

вательница, монополизировавшая в своих руках дело информации других культурных народов о состоянии своих колоний, систематически внедряет в сознание просвещенных обществ, что она завоевала в Средней Азии девственный край, населенный дикими туземцами вроде краснокожих, враждебно относящимися ко всяким новшествам в хозяйстве, что здесь культура внедряется только силой завоевателей, что туземцы обречены на «естественное» вымирание, что их места займут «законные хозяева» страны, колонисты, которые «законно» же их ассимилируют, что русские превращают дикую страну в Америку. Туземец же Туркестана не имеет возможности вывести продукты своего труда на мировой рынок, не может сноситься с другим миром, объяснять культурным народам и тем более их рабочим, что промышленность и усовершенствованные системы и орудия в сельском хозяйстве, которые он от души хотел бы у себя развить, преподносятся ему как средство смерти. Туземцы не только никогда не противились нововведениям в народном хозяйстве, наоборот, сами, будучи представителями древнейшей и несравненно высшей, по сравнению с русской, земледельческой культуры, с самого начала оккупации края обращались к русским властям с просьбой ремонта старых и проведения новых оросительных каналов (например, в низовьях Сырдарьи), охраны саксаульных лесов в областях сыпучих песков и постройки мостов и т. д., но напрасно. Русская экономическая политика в Туркестане всегда вызывала только войны и восстания, но отнюдь не энтузиазм туземцев, между тем производительность труда во всех странах, также и в колониях, зависит теперь от СОЗНАНИЯ и ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ трудящихся.

Ввиду изложенного партия «Эрк» в области экономики ставит своей главной задачей хозяйственное возрождение Туркестана путем заинтересования преобладающего в нем туземного населения. Осуществление этой задачи зависит от открытия дверей Туркестана для всех народов, от соединения его железными дорогами со всеми соседями в Азии, именно Индией, Персией и Китаем и от освобождения его, таким образом, от монополии рынков со стороны русских железнодорожных линий. Только при этих условиях Туркестан сможет раскрыть остающиеся до нашего времени скрытыми в его недрах или известные, но еще не использованные природные сокровища, организовать свои внутренние экономические ресурсы. Только

тогда Туркестан сумеет использовать системы своих больших рек, проводить великие магистральные каналы, расширить ирригационную сеть, привлекая технические силы и материальную мощь всех культурных народов, сможет привлечь для поселения вновь орошенных пространств кочевников степи, родственные или экономически себе равные соседние народы, сможет увеличить таким образом густоту своего населения. Наконец Туркестан, только при условии снятия монополии его общения с остальным миром, при условии нормальной связи со своими соседями, сможет приравнять заработную плату своих рабочих к зарплате рабочих других стран.

Вступление экономической жизни Туркестана в указанное естественное русло всецело зависит от его политической независимости. Империалистическое иго державы-победительницы, угнетающее все классы туземного населения, препятствует проявлению классовой дифференциации в Туркестане, к тому же еще промышленно отсталом. Рабочий класс Туркестана даже при теперешних условиях сумел показать, что он в грядущем культурно-экономическом возрождении страны явится важным фактором и что он выделит из своей среды действительных общественных работников. Однако рост городской жизни, развитие промышленности и увеличение туземного рабочего класса до такой степени, чтобы он мог приобрести еще более внушительное, доминирующее положение и в политической жизни Туркестана, всецело зависит от того, чтобы страна эта, завоевав политическую независимость, могла сама обрабатывать свое сырье и хлопок, сама добывала и обрабатывала свои металлы и стала бы, как это было в ее прошлом, страной, производящей текстиль и обрабатывающей металл. Завоеватели Туркестана, для того чтобы навсегда обеспечить свое господство, приняли, кроме вышеперечисленных, еще много других мер, как-то: недопущение туземцев к обучению военному искусству, поддержание остатков отжившего феодализма, основ родового и патриархального строя, искусственно вызывая, для своих политических целей, племенные раздоры, пресечение путей развития сильной и жизнеспособной национальной культуры Туркестана с учетом современных условий, насаждение на место веками развивавшейся общетуркестанской культуры нежизнеспособных родовых «культур», должествующих, по планам завоевателей, служить переходными этапами к полной ассимиляции туземцев, сохранение монопо-

лии профессионально-технического образования в руках господствующей нации, исключение возможности для туземного населения получать образование в других европейских странах и знакомиться с другими культурами, более высокими по сравнению с культурой порабитителей, возвеличивание, вместо этого, культуры господствующей нации в глазах нации поработенной. Однако держава империалистическая никогда не достигнет ни цели полной русификации края, ни цели ассимиляции туземного населения, какие бы меры она ни принимала. Единственным результатом этих мероприятий является то, что энергия и силы всех классов туземного населения, вместо того чтобы применяться в положительных работах для его собственного культурного развития, нормального хозяйственного строительства, напрасно тратятся на борьбу с вредными и пагубными для будущности страны мероприятиями империалистов. Только политическая независимость избавит население Туркестана от такой напрасной траты энергии, так необходимой и ценной для его культурно-экономического возрождения.

Восстановление независимости Туркестана, завоевание трудящимся классом руководящей роли в политической жизни страны могут быть достигнуты легальными, мирными способами работы среди населения и, в то же время, путями революционными. Идея независимости Туркестана является идеалом для всех классов угнетенной национальности и потому временное совпадение и солидарность борьбы различных классов угнетаемой нации против порабитителей вполне естественны, но и в дни одновременной, совместной борьбы за общую цель трудящийся класс не может ни на минуту отказываться от сохранения своего классового лица. Проходят те времена, когда туземная буржуазная интеллигенция, оставляя нетронутыми экономические вопросы и выдвигая на их место лишь общенациональные лозунги, могла вести за собой народные массы. Наоборот, буржуазия колониальных и полуколониальных стран вступает на путь ясного сознания своей классовой сущности и открытой защиты своих классовых интересов. Мелкобуржуазно-демократические группировки Азербайджана, Туркестана и некоторых соседних азиатских стран, остававшиеся до последнего времени разрозненными или колебавшиеся между социалистами и чистой буржуазией, тоже начали, в годы послевоенной революции, организовываться как класс. Некоторые из этих группировок открыто выступают в своей лите-

ратуре с пропагандой необходимости для этих азиатских стран развития национального капитала, сосредоточенного в руках прогрессивно-радикальной туземной буржуазии, объявляя себя, в то же время, носителями интересов и идеологами этого национального капитализма. Перед такими фактами, являющимися несомненным признаком культурного развития этих стран, для представителей класса трудящихся и рабочих Туркестана и для той части туземной интеллигенции и молодежи, которая усвоила за годы революции идеи социализма, организоваться в самостоятельную социалистическую партию стало совершенной необходимостью.

Политические партии туземной несоциалистической интеллигенции способны работать лишь среди буржуазии своей нации, и в борьбе за независимость колонии они не могут опираться на какое-либо сильное международное объединение. Революционные же социалисты этих стран, считающие, что цели полной свободы и независимости угнетенных народов и колонии могут осуществиться при победе социализма во всем мире и при образовании международной федерации социалистических обществ, будут опираться на интернациональное объединение политических сил, борющихся против мирового капитализма и империализма. В силу этого на партию трудящегося класса и на социалистов колониальных стран, несмотря на их слабость в настоящее время, объясняющуюся общей отсталостью колоний, ложится большая ответственность за политическую судьбу этих стран. Только через эти социалистические партии борьба за независимость колонии и угнетенных национальностей становится подлинной частью борьбы всех угнетенных и мирового пролетариата за свободу и социализм. При этом социалистические партии колоний и угнетенных народов должны учесть опыт русской революции. Русская революция показала, что: а) пролетариат империалистической нации не может скоро освободиться от взглядов на колонии и угнетенных их же буржуазией народы, насажденных среди него той же буржуазией, и полагает, что получение продуктов и сырья из колонии и сбыт в них товаров метрополий может производиться только при условии сохранения системы насилия. То поколение пролетариев метрополии, которое унаследовало власть от буржуазии, несмотря на официальное признание прав колонии, на практике ничем не отличается от своей буржуазии и тем внедряет среди трудящихся туземцев взгляд

на социалистов метрополии как на худший, чем даже буржуазия, лицемерный элемент угнетателей, при этом лозунг освобождения колонии употребляет только как средство пропаганды в свою пользу в колониях других, конкурирующих с ним, империалистических держав. Русская революция, с другой стороны, показала, б) что социалисты метрополии, в то время, когда социализм осуществляется только в одной стране, выказывают свое исключительное доверие ко всякому централизованному элементу империалистической нации в колониях и относятся недоверчиво к туземному пролетарию как к элементу децентрализации и верность туземного пролетария социализму измеряют лишь его верноподданностью в отношении господствующей нации в целом. Социалисты метрополии этого поколения свое недоверие к туземному пролетарию и социалистам умеют прикрывать лозунгом «единого фронта против мирового империализма». Между тем опытами годов «пролетарской колониальной политики», усовершенствовавшей прежнюю переселенческую и ассимиляционную систему, ускорившей ее применение новыми «революционными» методами, поддерживающей устои феодализма и родового строя как противоядия против нежелательного для «господствующего пролетария» объединения туземцев вокруг единой, жизнеспособной национальной культуры, доказано, что это «доверие» к одним и «недоверие» к другим вызваны лишь категорическим решением данного поколения пролетариев империалистической нации сохранить свое господство в колониях и даже довершить дело ассимиляции и экономического поглощения. Социал-коммунисты метрополии в тех же целях не допускают ни существования отдельных национально-социал-коммунистических партий, ни образования национальных фракций в составе общей коммунистической партии, которая должна оставаться монолитно-единой русской. Эти обстоятельства русской революции с несомненностью доказали, что пролетарии метрополии и колонии, господствующей и угнетенной нации могут понять друг друга только при посредстве третьего элемента, при посредстве сильного социалистического интернационала, независимого морально и материально от пролетариата нации, господствующей над данной колонией. Несомненно, что взаимоотношения пролетариев угнетенной и угнетающей национальностей будут таковыми и в других колониях Азии, Африки и Австралии.

Лучшие и искренние, последовательные социалисты, благосклонно относящиеся к свободе колонии и нации, — выходцы из первого поколения пролетариата, как это имело место в России, оказались слабыми и не способными влиять на массы. Партия «Эрк» верит, что социалистический интернационал сумеет стать решающей мировой политической силой и действительно представлять интересы угнетенных, когда в основу его организации будет положено деление человечества не на государства, а на национальности, когда в нем будут занимать надлежащее место и иметь реальное значение представители социалистических партий угнетенных народностей и колоний, и что она, партия «Эрк», в таком интернационале будет так же полезна, как и представители социалистических партий иных колоний и угнетенных наций.

Партия верит, что она в будущем станет самой сильной и сплоченной политической организацией Туркестана, что зрелый и революционный элемент трудового дехканства также сгруппируется вокруг него и что, таким образом, рабочие и трудовое дехканство страны будут через нее представлены в семье международного социализма.

Текст программы партии «Эрк»,
исходящей из вышеизложенных основных положений:

1. В области экономической жизни должны быть проводимы следующие начала: 1) земля, водные артерии и леса принадлежат всему народу и предоставляются в его пользование безвозмездно; 2) горная промышленность, обработка недр земли, железные дороги должны быть национализированы полностью и должны находиться в исключительном ведении Туркестанского государства; национализация остальных отраслей промышленности должна проводиться в соответствии с целями быстрейшего поднятия экономического состояния страны и улучшения материального положения рабочих; 3) должны быть поддерживаемы коллективные начала в сельском хозяйстве, при этом оросительные работы и система туземного коллектива *хашар*, общественные работы по проведению арыков, поддержка и управление оросительных систем и т. п. объединяющие моменты в туркестанском сельском хозяйстве должны быть рассматриваемы как наиболее подходящая база для построения туземной общественной жизни на новых социалистических началах и для внедрения идей коллективизма вообще.

Проведение новых, больших, современного типа каналов, сооружение таких же шлюзов, регулирующих системы больших рек, постройка современных всетуркестанских гидроэлектрических станций в туркестанских горах и управление ими должны сделать коллективизм и строительство общенациональными усилиями в будущем основой всего народного хозяйства страны; 4) всемерное стремление к индустриализации сельского хозяйства, развитие во всех районах Туркестана интенсивной культуры, приостановление наступательного характера русской экспансивной, неполивной культуры против оросительно-удобрительной, в особенности в северных областях края (в Казахстане); 5) заселение вновь орошаемых земель прежде всего кочевниками или невольными кочевниками страны; 6) прекращение дальнейшего переселения русских, увеличение густоты населения путем водворения в городах и во вновь орошаемых местах переселенцев из родственных туркестанцам или вообще неимпериалистических народов Азии и Европы, как татар, персов, индийцев, неимпериалистических народностей Восточной Европы и т. д.; 7) единый подоходный налог, устанавливаемый парламентом; 8) развитие всех видов кооперации и открытие государственных кредитных банков; 9) последовательный переход к современному типу городского строительства, распланирование туземных городов по европейскому образцу, проведение водопроводов, канализаций, установление сети связи и передвижения в туземных городах по этим новым планам, тем самым ликвидируя деление городов на европейские и туземные.

2. Меры, необходимые для разрешения рабочего вопроса: 1) рабочие и профессиональные организации, существующие во всех культурных странах, профессиональные союзы, рабочие кассы, примирительные камеры, страхование жизни и т. п. должны быть созданы и в Туркестане как органы полноправные и могущие защищать интересы трудящегося класса. При этом должны быть приняты все меры к тому, чтобы туземный рабочий — как через практические работы в этих профессиональных организациях, так и путем обучения в специально для них открытых школах и курсах по профессиональному делу — окончательно воспринял методы современного профессионального строительства и чтобы туземный рабочий везде в Туркестане мог сам управлять собою, без помощи «организаторов» или «инструкторов» поработителей страны;

2) разрешение рабочего вопроса и улучшение рабочей жизни на фабриках и заводах, находящихся в ведении государства, должны быть поставлены на такую высоту, которая могла бы служить образцом для частных предприятий.

3. Партия «Эрк» будет бороться за полную независимость Туркестана и за его появление на международной арене как самостоятельной, самодовлеющей силы в соответствии с его географическим положением и естественно-экономическими особенностями в Центральной Азии.

4. Формой государственного правления Туркестана, освобожденного от ига империалистов извне, феодалов и духовенства внутри, должна быть демократическая республика. Источником власти является парламент, выбранный на основе прямого, тайного и равного избирательного права, земские и городские самоуправления должны быть организованы на тех же началах. Демократический режим и свободные выборы, не имеющие в Туркестане традиции буржуазного руководства, должны быть ограждены здесь от давления капиталистов и буржуазии и должны обеспечить появление из среды наиболее угнетенных и низких в культурном отношении слоев населения свежих народных сил.

5. Независимости и народовластия партия будет добиваться всеми лояльными и мирными путями. Однако, ввиду возможности завоевания и удержания народовластия только при наличии национального войска, партия будет выдвигать как требование обязательную воинскую повинность и всеобщее воинское обучение. В то же время партия и при режиме иностранной оккупации будет поддерживать всякую борьбу против монополии высшего командования в руках империалистической нации, против вывода туземных войсковых частей из пределов Туркестана и раздробления туземного войска на мелкие единицы в составе больших войсковых объединений империалистов.

6. Национальный вопрос в Туркестане вообще и вопрос о национальных меньшинствах в частности должны разрешаться путем обобщения демократического избирательного права для всех национальностей и путем предоставления национальностям полной возможности пользоваться государственными школами и другими общественными учреждениями, естественными богатствами страны, землей и водой, мероприятиями государства по организации социального труда и по

борьбе с безработицей — пропорционально к величине каждого народа. При этом партия будет бороться всеми силами против феодализма, его наследия и против родового начала, служащих всегда орудием интриг империалистов, будет поддерживать меры по укреплению единой национальной туркестанской культуры для этнографических групп, принадлежащих к преобладающей в стране расе и до сего времени не успешных или не претендующих на оформление своей особой национальной культуры. Помимо того, создание — обычного и религиозного права и судеустройства отдельных племен — единого, современного правопорядка и суда также должно способствовать ликвидации родовых традиций и неравенства.

7. Народное просвещение в Туркестане должно быть направлено прежде всего к быстрейшему материальному и духовному прогрессу населения; к укреплению народовластия и раскрепощению туземцев от оков монополии финансово-промышленного и технического знания, железнодорожного дела, телеграфа, телефона, трамвая, электростроительства и т. д. в руках переселенцев империалистической нации (к тому должны оставаться на правах граждан и в независимом Туркестане); к коренной отмене всех следов классового и сословного неравенства; к созданию новой демократической народной культуры взамен еще существующих институтов феодализма. Применение систем трудовой школы, всеобщее бесплатное начальное образование и, наконец, ознакомление туркестанцев с культурой подлинной Европы непосредственно в школах цивилизованных стран — составляют основные требования партии в области народного просвещения. Органы народного образования, обеспеченные государством, должны быть в пропорциональном пользовании всех народностей и классов. Инертность и равнодушное отношение более отсталых слоев населения не дают оснований предоставить их долю в распоряжение более состоятельных, ревностных и пронырливых слоев. Вместе с тем партия, принимая во внимание игнорирование в прошлом просветительных интересов наиболее отсталых слоев и трудящегося класса населения, будет, как при составлении, так и при пропорциональном распределении государственного бюджета по народному образованию, уделять особое внимание на наверстывание потерянного этими слоями населения и национальностями страны.

8. В вопросах религии должен быть применен принцип полной свободы совести, взгляд на религию как на частное дело каждого гражданина и полное отделение церкви от государства. Правительство должно следить только за тем, чтобы религиозные обряды совершались без нарушения общественного порядка и чтобы не велась религиозная пропаганда, могущая служить политическим целям, и чтобы она не являлась орудием в руках внутренних и внешних врагов прогресса и национальной независимости Туркестана.

9. Партия «Эрк» верит, что борьба трудящихся классов колониальных народов против капитализма и империализма завершится только при условии международной солидарности. Поэтому она будет стараться всю свою деятельность согласовывать с международным освободительным движением и войдет в такой Социалистический Интернационал, который сможет действительно обеспечить согласованность борьбы угнетенных классов капиталистических стран с революционно-освободительными движениями колониальных и малых народов.

Башкир*

Башкир (самоназвание *башкорт*) — название тюркского народа, живущего на южном и среднем Урале, а Башкортостан — название края, где проживает этот народ. Сегодня среди республик Советской России есть республика с этим названием. По переписи 1897 года численность башкир достигла 1 492 944 человек (в их число вошли и 117737 тептярей). Есть доказательства, свидетельствующие о том, что башкиры так же как и жившие по реке Идиль-Эдиль, т. е. в Поволжье, булгары, переселились сюда из южной части западного Туркестана (См. например, предания о предках по имени Кенже и о географических названиях в кн.: *Zeki Velidi Togan. Türk tarihi dersleri. İstanbul, 1927. S. 125.* Вместе с тем то, что они с начала христианского летосчисления живут на нынешних местах расселения, подтверждается сведениями в географии Птолемея (III, 5, 22, 24 и IV, 14, 9, 11), где приводятся названия, написанные в форме Παυριται, Γηουνοι, Ταβνοι, Βορουσκοι и Σονοβηνοι, которые можно сопоставить со словами башкир

* Başkırt // İslâm Ansiklopedisi. İstanbul. 1943. Cilt 2. S. 328–332.

и названиями их родов *гайне*, *табын*, *бурач* и *сувын*. С другой стороны, то, что родина башкир находится на Урале, подтверждается и легендами предков енисейских кыргызов (Публ. *Zeki Velidi Togan. Ibn Fadlan. S. 187, 327*), и в дастане об Огузе (См.: *Rasid ad-Din. Paris. Bibl. Nat. Suppl. Pers., 1364, var. 134 a*). Башкир означает *беш* (пять) *огур*. И миф в иранских сказках о том, что на севере Хазарского моря живет народ по имени *гурксер* (*курт-баш*), показывает, что этимологические предания народа о смысле этого названия — *курт-баш*, *башкурт* — очень древнего происхождения. Среди тюркских племен, которые правили мадьярами, были и башкирские племена *юрматы* и *еней*. Однако предположение о том, что они были мадьярами, еще в первой половине XIII говорившими на мадьярском языке и лишь во времена монголов воспринявшими тюркский язык (См.: *G. Nemeth. Magna Hungaria. S. 95; KCsA, III, 73.*), опровергается утверждением Махмута Кашгари о том, что языки башкир и *йемеков*, то есть северных кыпчаков, близки друг к другу. По существу, Абу-л-Гази (Бахадур) хан также утверждает, что большинство башкир относится к кыпчакам. И Шамс ад-Дин Димашки (умер в 1327 г.) причисляет башкир монгольской эпохи к кыпчакским племенам. Средневековые арабские авторы название башкир пишут как *башжырт* (Истахри), *башгирд* (Ибн Фадлан), а в Худуд аль-аламе (KCsA, II, 52 и далее) они упоминаются следующим образом: «соседствующие с малочисленными хифжахами *ягсун яусу*» и «соседствующая с *хифжахами* маджария». Истахри пишет о башкирах, живущих в горной, лесной стране, внутренние области которой мало населены, центр которой находится на расстоянии 25-дневного перехода от племени *булгар*, стоявшего в то время над башкирами. Горы, с XIII века известные как Уральские, Бируни называет Башкирскими горами. Самолучно изучавший религию, нравы и характер башкир и область их проживания, Ибн Фадлан пишет о том, что в 922 году, перейдя реку Ягынды (современное название — Ярынды) в районе нынешней Уральской области, бывшей в то время местом кочевья огузских биев, его спутники приняли меры защиты от нападения южных родов башкир, живших в тех местах. Он рассказывает о том, как после перехода рек Кинель и Сук, то есть приблизившись к границам булгар, они увидели первые юрты башкир. По свидетельству этого автора, башкиры целиком были шаманистами, но среди них попадались и му-

сульмане, один из которых сопровождал в пути арабскую делегацию (См.: *Ibn Fadlan*, S. 35 и далее, 147–156). В 1135 году прошедший через область башкир Абу Хамид аль-Андалузи рассказывает о том, как башкир по имени Дауд, сын Али, принявший ислам, сообщал ему в Анатолии, в Конье о могилах «людей высокого роста». О стране башкир Идриси также дает достаточно подробную информацию, соединив сведения, полученные им от современных ему рассказчиков, со сведениями из перевода географии Птолемея. Например, он говорит о городах Немжан, Гурхан, Карукая (Каракая(?)) по течению рек Яик и Эдиль-Идиль (Ак-Эдиль), где производятся железные и медные изделия, оружие, и о том, что добытые здесь беличьи и бобровые шкурки вывозились в близкие и дальние пределы. Причиной путаницы сведений о башкирах и мадырах, содержащихся в исламских источниках, послужило существование названий «внутренние башкиры» и «внешние башкиры». Во всяком случае эти названия у Идриси кажутся понятиями, имеющими предельно определенный смысл. Действительно, и Эвлия Челеби в своей «Книге путешествий» живущих на Уральских горах башкир (в отличие от живущих в степях между Иделью и Уралом) называет «хештеки внутренней страны».

Известно и то, что в X веке, после миграции огузов от Устьюрта, связи башкир с Хорезмом усилились. Привозимые вплоть до XIX века в Хиву с Урала, Страны башкир, продукты, *как* (пастила) и изготовленную из бересты узорчатую посуду и кружки еще Бируни перечислял среди вещей, доставляемых «в Хорезм из страны тюрков». С другой стороны, Ибн Фазлаллах аль-Умари (умер в 1348 г.) указывает, что большая часть жителей Мангышлака состоит из бурзян. Бурзянцы и сегодня являются одним из башкирских родов. Вместе с тем нам хорошо известно и то, что башкиры, поныне живущие на юге Аральского моря в окрестностях Чимбая среди каракалпаков, обосновались там очень давно, и между этими двумя народами были союзные отношения и время от времени по собственной воле башкиры становились подданными каракалпакских ханов (См.: *Zeki Velidi Togan*. Bugünkü Türkistan. Yeni tabı. S. 204 и далее).

В монгольскую эпоху башкиры уже исповедовали ислам. Например, Якут и Казвини пишут, что они, встретив в исламских государствах некоторых башкир из Венгрии, узнали от

них о том, что их предки приняли ислам при посредстве болгар и лишь после приобщения к исламу переселились в Венгрию. Согласно сведениям, полученным Ибн Фазлаллахом аль-Умари от анатолийского купца Хасана Руми, башкирами в период монгольского господства управлял отдельный казый. Сохранившийся недалеко от Уфы рядом с селом Чишмы мавзолеем, где похоронен казый по имени хаджи Хусаин-бек Эмир Умар Тараби ат-Туркестани, скончавшийся в 1342 году, до сегодняшнего дня является местом паломничества.

Башкиры служили в войсках потомков Чингиз-хана. Среди башкир, служивших ильханидам в Иране и мамлюкам в Египте и Сирии, были эмиры, снискавшие известность (например, во времена Газан-хана подавивший в Анатолии восстание Сулемиша — Эмир-башкир, бывший на службе у Олжайту — Саркан-башкир). Среди служивших в Египте известны Насир ад-Дин Насир аль-Башкурди (обладал чудесным поэтическим дарованием), Ала ад-Дин Башкурт ан-Насири, Санджар ар-Рукни аль-Башкирди и Илм ад-Дин Башкурди (высоконравственный государственный деятель, назначенный султаном Кылавуном наместником в Сирии).

После распада золотоордынского государства область восточнее рек Агидель и Кама осталась за чингизидами, потомками Шейбана, а область юго-западнее этих рек находилась под управлением ногайских мурз. В 1469 году в походе казанского хана Ибрагима против русских принимали участие и башкиры.

Страной башкир Тура-ханы (шейбаниды) управляли в XV и XVI веках. У этих ханов, живших в восточной части Урала в городах провинции Тура, одна из ставок находилась в Башкортостане напротив нынешнего города Стерлитамака вблизи горы Тура-тау, а другая — недалеко от Уфы по реке Калмаш в местечке, называемом *Хан ордасы*. Могила одного из туринских ханов, скончавшегося в 1468 году, была обнаружена в недавнем прошлом (См.: «Красная Башкирия», 2.10.1938). «Орда» правившего страной башкир Али-хана, сына последнего из Туринской династии Кучум-хана, также была найдена вблизи Уфы (см.: *Ötemiş Hacı. Tarih-i Dost Sultan*, мой личный экземпляр, 736). Во главе ногайских мурз, правивших юго-западными башкирами, шли основатели династии Эдигей и Нуретдин (в башкирском произношении — *Моразым*, до сего времени среди них о нем бытуют дастаны и поются песни). Этот мурз

за свою беспокойную жизнь завершил среди башкир и скончался в 1411 году. В середине XVI века управление страной башкир в свои руки взял казанский хан Хак Назар, а мурза Ак Килембет с родом *табын* и Кара Килембет с родом *мин* в 1657 году вместе со своими ногайцами откочевали на Кубань. Тем не менее другие мурзы, оставшиеся на востоке от Идели, сохранили свое господствующее положение. Очень важна деятельность в стране башкир во второй половине XVI века Иштиряка-мурзы (сына Тин Ахмеда) и Уруса-мурзы (сына Исмагила). Урус-мурза в своих письмах османскому султану Сулейману Кануни призывает его захватить Поволжье. Однако ни этот человек, ни сыновья шейбанида Кучум-хана Алихан и Ишим-султан не смогли воспрепятствовать экспансии русских на востоке от Идели.

Русские, захватив Казань и Астрахань, по Идели и Яику в 1584 и 1586 годах стали возводить новые и восстанавливать старые крепости (Яицк, Самара, Бирск, Уфа), что встретило протест со стороны Уруса-мурзы. В своем письме, отправленном царю Ивану IV, он писал, что *башкиры-истеки* платят дань ему и поэтому попытка русских взимать с них дань будет означать вмешательство в его внутренние дела (См.: *Пекарский И.* Когда основаны города Уфа и Самара. 1872. С.8). Русские довольствовались тем, что с башкир брали только символическую дань в виде нескольких собольих шкурок и, подтвердив их права времен ханского владычества, попытались привлечь их к воинской службе (1606 г.). Тем не менее русские постепенно, путем кровавых войн, захватили эту область. В 1629 году башкиры в подданстве русских составляли лишь 888 дворов, а после 1700 года их число достигло 7100 дворов (См.: *Новиков В.* История Уфимского дворянства. 1878. С. 75). В годы русского господства управление и внутренняя жизнь области долгое время оставались традиционными. Население состояло из следующих сословий: *мурзы* (по-русски — князья), потомки татарских и монгольских аристократов; *беи* (по-русски — старшины) и *тарханы*; *асаба* (арабское слово, по-русски — вотчинники), обладающие наследственными правами (*икта*) на землю и служившие в войсках; *тептяри* (от слова *дэфтар* — тетрадь), служивший в войсках различный сельский ясачный люд, безземельные жители (*бобыли*, в древности у тюрков и монголов *богул* — пленник) и связанные с деревней кочевые *туснаки*.

У юрматынских башкир еще в 1649 году, когда они стали подданными России, их мурзы, беи, тарханы для обсуждения общих политических вопросов собирались на *йыйын* (курултай) в местечке *Хан түбәһе* вблизи нынешней деревни Хажы, а круг лиц, причастных к государственным делам, назывался *дуван* (исламский термин — *диван*). Роды вотчинников (*асаба*), имея центром улус Юрматы, были разделены на четыре дороги:

1) по Ногайской дороге, идущей в южном направлении, жили роды *мин, миркит, табын, юрматы, сарт, сураш, тамьян, тилеу, катый, кыпчак, бурзян, усерган (канлы)*;

2) по Казанской дороге, идущей в западном направлении, жили роды *каршин, канлы, кайлы, елдят, гэрэ, еней, байлар, елан, кыргыз, буляр*;

3) по Сибирской дороге, идущей в восточном направлении, жили роды *кудей, табын, кыпчак (сувын), танып, унгар, мырзалар, сарт (бухарцы), кувакан, барын-табын, кара-табын, катый*;

4) по Осинской дороге, идущей на север, жили роды *тазлар, уран, ирэкте, гайна, салавуш, кырк-уйле*.

Они и в период русского владычества оставались жить на собственных землях.

Ввиду того что русские имели намерение основательно укрепиться в этой области, борьба между ними и башкирами была достаточно упорной. Многочисленность и масштабы их бунтов и восстаний побудили русского историка Н. Дубровина применить по отношению к башкирам оценку «самые злые враги русского владычества на востоке» (См.: *Н. Дубровин*, 1884, I, 253). Эта борьба после принятия казахскими ханами российского подданства, проникновения русских в бассейн реки Яик и строительства нескольких крепостей, в середине XVIII века наконец окончилась. Первое большое восстание началось в 1661 году под предводительством Сайта Батыра (или Сайт Джафар) в западном Башкортостане. В ходе этих восстаний, повторявшихся в виде борьбы с перерывами в два года, башкиры совершали набеги, доходившие до Дебрецена во внутренней Венгрии (См.: *Zeki Velidi Togan. Bugünkü Türkistan. S.102*). В связи с этими событиями Эвлия Челеби, путешествовавший в Дагестан и Крым, называет башкир, следуя ногайцам, *хешдек*, то есть *иштек*. И в письме Уруса-мурзы царю

Ивану IV и в произведениях Абу-л-Гази Бахадур-хана башкиры упоминаются под названием *иштэк* или *истэк*. Эвлия Челеби сообщает, что он видел башкир в ходе их борьбы против русских и даже встретил в это время (1665–1676 гг.) двух принцев (Абугу и Кучук-султана, первый из которых сын вышеупомянутого Ишим-султана, потомка шейбанида Кучум-султана, а второй — внук). Более того, Эвлия Челеби сообщает о том, что некоторые из этих башкир выразили желание войти в подданство к Османскому государству и предложили им начать войну на русской границе против наступления русских и калмыков.

По мнению Эвлия Челеби, хешдеки, то есть башкиры — «чрезвычайно преданные му'мины и мусульмане», будучи чрезвычайно мужественными, имеют очень остро отточенные сабли. Они едят конину, вина не пьют, а на голове носят шляпы, напоминающие графин (Подробнее см.: *Evliya Çelebi. Seyahat-name*. VII, 761, 811–825, 835–836).

В 1672 году башкиры вновь напали на русских в Уфе и в других городах, уничтожая и сельское население, поэтому Российское правительство в 1675 году в башкирских областях, находившихся в подданстве России, под угрозой смертной казни запретило кузнечное ремесло, так как башкиры все свое оружие делали сами. Они постоянно приурочивали свои выступления ко времени, когда можно было воспользоваться переживаемыми Россией внутренними и внешними трудностями. В этом отношении снискали особую известность два предводителя из числа потомков упомянутого Кучум-хана — по имени Акай-султан и Каип-султан, которых и сами русские именовали «священные султаны».

Османские источники сообщают, что в 1710 году иштеки (то есть башкиры) прислали в Стамбул посла по имени Пехливан Кул и просили оказать им помощь в уничтожении 40000 русских в крепости Терек в отместку за убийство русскими их султана (Каип-султана, сына вышеупомянутого Кучук-султана) (См.: *Raşid. Tarih*. III, 327). Это последнее восстание достигло широкого масштаба, и походы башкир с участием сельского населения татар достигли мест вблизи Казани. Но царь Петр I это движение, длившееся 17 лет, подавил. Наконец в 1728 году в Москве после переговоров с одним из башкирских беев, Янчурой, был достигнут мир на гуманных условиях, по которому город Уфа объявлялся губернским центром.

Однако восточные башкиры, стремясь к подданству казахских и каракалпакских ханов, продолжали борьбу за свою независимость. Между тем русские стремились прибрать к своим рукам казахских ханов и в целях отделения Казахстана от страны башкир по реке Яик стали возводить крепости. Ввиду этого башкиры, признав своим ханом Каип-хана, сына каракалпакского хана Бахадура, подняли новое восстание (1735 г.). Для подавления этого восстания русские прибегли к крайне жестоким мерам, массовым убийствам, сжигали людей, заперев их в мечетях, сажали их на колья.

Во главе начавшегося в 1739 году нового движения башкир встал калмыцкий принц Шуна, снискавший известность под именами Карасакал и Султангирей (в казахских и алтайских дастанах известен как Шуна Батыр). После борьбы, длившейся в течение двух лет, русские одержали победу, скрывшийся у казахских ханов Шуна в душе народа оставил очень глубокий след. Отрывки алтайских дастанов, посвященных ему, опубликовал Радлов, а башкирские — Игнатьев. Необходимо отметить, что и после этого восстания строжайший запрет на кузнечное дело для башкир был повторен, и в 1737 году столь же строго запретили их общие йыйыны (курултаи). Тем не менее и после этого восстания башкиры, недовольные стремлением России продолжать заселение их земель русскими, в 1755 году вновь поднялись под предводительством Батырши-абыза, и различные роды начали истреблять на своих землях русских чиновников и солдат, сожгли русские фабрики и церкви. Но в это время стараниями генерала Неплюева, до этого служившего русским послом в Стамбуле, были испорчены отношения между калмыками и башкирами, и восстание было обречено на неудачу, а их самоотверженный предводитель был казнен в Петербурге в 1756 году после попытки к бегству. Но эти меры усмирения не привели к длительному успокоению: в 1774 году башкиры вновь поднялись под предводительством старшины Кудейской волости Юлая и его сына Салавата, пожгли русские фабрики, но и это восстание было подавлено вместе с потерпевшим в то время поражение бунтом русского казака Пугачева.

Царица Екатерина, проводя политику умиротворения и привлечения на свою сторону башкир, разделила область соответственно их древним традициям на 12 родовых бейств (кантонов) (1798 г.), более того, организовала из башкир пол-

ки с сохранением их традиционного внешнего вида, но без огнестрельного оружия, вооруженных лишь луком со стрелами. Эти полки, участвуя в войне против Наполеона, дошли до Парижа. Среди некоторых французских и немецких писателей, видевших башкирских воинов в Европе, возник интерес к Востоку (Например, об интересе Гете к ним см.: *Schaefer H. H. Goethe's Erlebnis des Ostens. S. 11*). Но эти полки были расформированы в 1862 году, а родовые бейства (кантоны) были упразднены еще в 1861 году. Башкиры, до этого времени находившиеся в ведомстве иностранных дел, с 1872 года окончательно были приравнены к другим русским подданным. До 1881 года некоторые небольшие башкирские войсковые части сохранялись, но теперь были упразднены и они. Все же в земельных вопросах и в делах внутреннего управления они подчинялись особому закону — «Положению о башкирах».

В ходе революции 1905 года какого-либо важного движения среди башкир не наблюдалось. После революции 1917 года башкиры вновь пришли в движение. В 1917 году 1–10 мая, основываясь на решении Всероссийского мусульманского съезда, требовавшего автономии для областей, населенных тюрками-мусульманами, участвовавшие на нем делегаты от башкир для организации самоуправления собственной области образовали комитет из трех человек, куда вошли Заки Валиди, Сагит Мирас, Аллаберды Ягафар. Они вступили в связь и достигли взаимопонимания с казаками и киргизами, создали первый башкирский конгресс. Этот конгресс принял решение: «Башкиры, объединившись с тюркскими народами на востоке и юго-востоке, борющимися за достижение автономии (т. е. с казаками и туркестанцами), будут добиваться осуществления автономии» (Башкорт аймағы. Өфө, 1925, 3-сө бит). Были организованы Центральное шуру, на основе старого кантонального деления области — кантонные (*тәбәк*) шуру, а осенью началось формирование воинских частей, центром был определен Караван-сарай в Оренбурге. Национальное правительство было сформировано под предводительством адвоката Юнуса Бикбова. В 1918 году башкирские воинские части были расформированы красными, правительство распущено, а его члены взяты под стражу и заключены в тюрьму в Оренбурге. Однако 2 апреля часть города, где находилась тюрьма, была на короткое время захвачена белыми и члены правительства смогли скрыться в Уральских горах. Наконец на Восточном Урале

и в Западной Сибири башкиры сформировали 2 дивизии, и их правительство вновь вернулось в Оренбург. Войска, включая в себя и казахско-киргизские части, под командованием генерала Ишбулатова были превращены в отдельный Башкирский корпус. Однако в тот период англичане, опасавшиеся усиления немцев на Украине и Кавказе, не желали существования в Уральском регионе киргизских и башкирских национальных войск и потребовали их расформирования. Соответственно этим требованиям генерал Колчак объявил о роспуске Башкирского правительства и его войска.

В 1919 году, ввиду отступления белых, находясь в окружении красных, правительство Башкортостана заключило мир с Советами с условием, что сохранятся их войска и во внутренних делах им гарантируется самостоятельность (19 марта 1919 года). После этого башкиры и казахи добивались объединения, определив своим общим центром Оренбург, но этот план был отвергнут.

Центром Казахстана был определен город Оренбург, а Башкортостана — Стерлитамак. В это время Башкортостан остался в пределах Малой Башкирии, где большинство населения было тюркским. Ее площадь составляла 84874 км², население — 1259059 человек, из которых 65–72% — турки. Председателем правительства был Юмагулов. Хотя это правительство сформировало и привело в порядок войско из 27000 солдат, после 14-месячной совместной деятельности с Советами оно отказалось от дальнейшего сотрудничества с ними, некоторые ушли в Туркестан для участия в движении басмачей против Советов. В дальнейшем в Башкортостане было полностью установлено советское управление, а войско расформировано. Советы, присоединив к Башкортостану Уфимскую губернию, большинство населения которой составляли русские, образовали Большую Башкирию и центром определили Уфу. В результате общая площадь составила 151840 км², население достигло 2975400 человек, из которых турки составляют 51% (данные 1935 года).

Язык башкир близок к казахскому и татарскому и находится между ними. Под управлением Советов этот язык был превращен в письменный. Ныне на нем начали издавать книги.

Библиография: *G. Nemeth. Magna Hungarica (Beiträge zur his. Geographie des Orients. Ed. von Mžik. Wien, 1929.*

S.92–98); В.Филоненко. Башкиры. Уфа, 1915; А. Фисмэти. Башкортостан географияһы. Өфө, 1924; По истории восстаний см.: А. Battal. Kazan Türkleri. İstanbul, 1925. S. 82–86, 92–95, 100–108, 117–126; Башкирские восстания XVII и первой половины XVIII века / Отв. ред. А.Чулошников М.; Л., 1936; А. Добросмыслов. Башкирские бунты в 1735, 1736, 1737 годах. Оренбург, 1900; Труды Научного общества по изучению быта, истории и культуры Башкирии. Стерлитамак, 1922. Вып. 1, 2; Башкирский краеведческий сборник /Материалы общества по изучению Башкирии. Уфа, 1926. Вып. 1.; Ш. Тунеев. Башкортостанда инкилап тарихы. Өфө, 1926; Об этнографии и антропологии башкир см.: С. Руденко. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 1. Пг., 1916; Ч. 2. Л., 1925; W. Youferow. Études ethnographique sur les Baschkirs. Paris, 1881; J. Wastl. Baschkiren. Ein Beiträge zur Klärung der Rassenprobleme Osteuropas. Wien, 1938; Д. Никольский. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. Спб., 1899 (На с. 348–378 дается полная библиография о башкирах); R. Lach, H. Yansky. Baschkirische Gesäng. Wien, 1939; О башкирском языке см.: G. Mészáros. Magna Ungaria. Budapest, 1910. S. 101–144; Башкорт аймағы. Өфө, II, 1926.

Исенбике Тоган,
профессор истории
г.Анкара

Вспоминая отца...*

Когда я задала отцу первый осознанный вопрос, мне было пять лет. Мы находились в библиотечной комнате в здании Баязет Соганага. Отец, приподняв очки на лоб, стоя перелистывал книги. Я спросила его: «Сколько тебе лет?» Он ответил:

* Togan İsenbike. Babam Zeki Velidi Togan'ı anarken // İnmeyen Bayrak: Ölümünün Yirmidördüncü Yılında Ahmet Zeki Velidi Togan'ı Anma Münasebetiyle. İstanbul, 1994. S. 7–20.

«Много, не запомнишь!» «Все равно скажи», — настаивала я, и он сказал: «Пятьдесят пять». Следовательно, это происходило в 1946 году.

В это время я уже немного понимала, что мой отец известный человек. Знала также, что и в тюрьму он попал из-за своей известности. Именно в это время к нам домой начали приходиться «дяди». Они воевали в армии СССР, попали в плен к немцам, а затем на стороне немцев воевали против Советов. В моем детском сознании запечатлелось, что их основным желанием тогда было «посмотреть мир». Они знали по-русски, научились говорить по-немецки, но каких-либо дипломов у них не было. Они считали, что предлагаемая им в Турции работа не соответствует их уровню и возможностям, полагали, что они достойны лучшего. Впоследствии эти «дяди» постепенно покинули Турцию. Среди этой приезжей молодежи были и земляки моего отца — башкиры. Издалека пришли и куда-то далеко уехали. Я тогда была уже в состоянии понять, в какую новую жизнь окунается мой отец, разговаривая с ними. Когда отец в 1951 году занимался организацией XXII Международного конгресса востоковедов, эти «дяди» оказывали ему помощь в некоторых делах. Со стороны отца у нас не было никаких родственников, эти земляки внесли тогда в наш дом родственную теплоту. Однако больше всего в мою детскую память врезалось то, как отец с ними разговаривал, применяя множество незнакомых нам слов, как в ходе малопонятных нам разговоров он, совершенно забыв то, что окружало его сегодня, удалялся от нас в другой мир. Один из старых его учеников проф. Энвер Конукчу сказал как-то: «Мы никогда не смогли отвлечь учителя от тоски по родине».

Вспоминая отца в день 24-летия его кончины, я думаю, Бог нам дал сейчас возможность понять, чем объяснялась его неизбывная тоска по родине. После разрушения Берлинской стены в 1989 году, запрещения в декабре 1991 года Коммунистической партии и распада Советского Союза, наблюдая из окна своего дома происшедшие гигантские перемены в Восточной Европе и Азии, в особенности в тюркском мире, я вижу отца и себя связанными с Башкортостаном. Поэтому в этой статье я намерена писать о том, что мы узнали нового о нашем отце после нашего с братом Сябидеем посещения Башкортостана, благодаря, выражаясь как в старину, «открытию дорог» и в ре-

зультате бесед с башкирами, приезжавшими в Турцию изучать наследие отца и встретиться с нами.

Люди, близко знавшие отца, большею частью вспоминают его некоторые своеобразные привычки, и по этому поводу передаются из уст в уста даже некоторые рассказы. Однако в этих рассказах ударение делается на особенности его характера или привычек, которые выделяли его среди других, ставили особняком. Я же считала, что мой отец, зная себе цену, не испытывал нужды и желания походить на других, оставался всегда самим собой. То, что в основе этого поведения лежало еще и чувство одиночества, я начинаю понимать только сейчас.

Одна из своеобразных его привычек была связана с чаепитием. В Турции чай пьют из стеклянных стаканчиков и при этом придается значение крепости чая, определяя ее по цвету, который должен напоминать «кровь зайца». А отец любил пить чай из чашек, положив туда абрикосовую пастилу, помешивая ложечкой, пока он не станет мутным. Я никак не могла понять пристрастие отца пить мутный чай и иногда пыталась по-своему просветить его, говоря: «Отец, чай пьют из стеклянной посуды». На что он отвечал с улыбкой: «Яйцо учит курицу». В декабре 1990 года во время празднеств в Башкортостане, устроенных в честь 100-летия со дня рождения отца, я заметила, что там многие в чай кладут пастилу, которую называют *kak*. Позже в Турции я узнала, что и у нас, в местности Кыршехир, пастилу в народе называют точно так же. Очень любят *kak* из земляники и смородины, изготовленный особым способом. Дикая земляника поспевает в конце июня, в это время башкиры, живущие в городах, независимо от занимаемого в социальной иерархии положения, едут в деревни к родственникам собирать землянику и дома делают пастилу. Отец пастилу покупал на рынке, но хотел, чтобы очень любимые им варенье и лапша, мелко нарезанные кусочки теста, приготавливались дома. Отец был в душе очень привязан к родине, иногда напевал песни, и его глаза наполнялись слезами. Но в повседневной жизни никогда он нам не объяснял «там то делается, там так делается» или что-то в этом роде. Он нас старался посвятить не в обычаи и традиции, а объяснял, какова действительность. И в «Воспоминаниях» он поступает точно так же. Однако он в повседневной жизни оставался верен многим родным обычаям. А мама, предки которой со стороны отца бы-

ли ногайцами, а со стороны матери — крымскими татарами, постоянно нам объясняла обычаи и традиции своих родных, проживающих в Румынии. Поэтому я привыкла думать, что привычки отца — это его собственные, личные особенности, не более того. Теперь я понимаю, что отец нашел способ свою неизбывную тоску по родине в какой-то мере удовлетворять сохранением обычаев, привычных ему с детства. Кроме того, после 20-х годов в течение двадцати лет лишенный семейной жизни, он образовал для себя некий культурный островок. Они частенько спорили с мамой, и в большинстве случаев этот спор возникал из-за различий в бытовых обычаях, которыми они смолоду следовали, так как были выходцами из разной культурной среды тюркского мира. Например, то, что отец ел конину и колбасу из конского мяса — *казы* — для матери не было привычным явлением. Правда, отец мамы, как ногаец, тоже якобы изредка потреблял *казы*. Но среди родственников, продолжавших традиции крымских татар, потребление *казы* не может быть встречено с одобрением. Однажды кто-то из знакомых принес конину, на что мама отреагировала с неудовольствием, считая, что такая пища не может пойти на пользу здоровью. И была, несомненно, права. Но отец перевел проблему в плоскость межплеменных отношений, сказав: «Брось эти привычки крымских татар», — чем немало нас, детей, позабавил. И после этого эпизода отец при случае не отказывался ни от конины, ни от *казы*. В ходе всех этих дискуссий по поводу здоровья, племенных различий и мы не преминули попробовать и конину, и знаменитое в тюркском мире *казы*.

В это время отец иногда брал в руки курай и наигрывал или пел народные песни. Он тяжело пережил смерть своего самого близкого друга и земляка Галимзяна Тагана, умершего в 1948 году в Гамбурге, выехал в горы Болу, напоминавшие, по его словам, Уральские горы, пел там народные песни, любимые другом, не пытаясь сдерживать слез. Позже я не обращала особого внимания на то, играет отец временами на курае или нет. Не знаю также, что стало с его инструментом. Зимой 1990 года в Башкортостане нам показали документальный фильм об отце. И мне трудно было удержаться от слез, когда в конце фильма я узнала мелодию, которую отец часто наигрывал на курае. У режиссера фильма Абдразакова я спросила, что это за мелодия. Он объяснил мне, что это башкирская

народная песня «Илсе Файса», то есть песня о путешественнике, мечтающем вернуться домой и высечь на скалах Уральских гор историю. И только тогда я поняла, почему отец после 1957 года, когда мы построили себе дом, перестал играть на своем курае. Он, ничего нам не объяснив, не стал брать в руки свой инструмент. Следовательно, вместе с тоской по родине в его душе жила и надежда, что он сможет увидеть родину еще раз. Но потеряв надежду, он отстранил от себя и тоску. В это время он стал обращать больше внимания на подготовку учеников и в 1960–1970 годы уделял много времени определению научных направлений, по которым нужно было готовить последователей.

Розалия Султангареева, работающая научным исследователем в отделении языка и фольклора в Институте истории, языка и литературы в Уфе, на торжествах, посвященных отцу, в 1990 году спела одну песню. Она обладает исключительным дарованием исполнительницы. Перед тем, как исполнить песню, она поведала о том, как записала ее в 1988 году. По преданию, эта песня родилась в Баймакском районе после пребывания там отца со своими войсками. Отец очень любил музыку, поэтому повелел, чтобы в каждой воинской части были свои кураисты и певцы. Существуют два варианта легенды о возникновении песни. По одному варианту, якобы песня сочинена им самим. По другому варианту, автор песни — народ. Отличие *йыр* (песни) и *көй* у башкир, как мне объясняли, определяется тем, что песня имеет автора, а *көй* — плод творчества самого народа. Когда исполнялся этот *көй*, отец со своими сподвижниками был гостем в доме одного очень уважаемого почтенного человека. Этот человек позже научил исполнять эту мелодию сына, а сын передал это своеобразное наследие своей дочери Асме Вахитовой. Розалия Султангареева с волнением рассказала о том, что простые люди в то время, «когда имя Заки Валиди страшно было произносить вслух», сохранили эту песню, тайно передавая ее из уст в уста. Слушая этот рассказ, я думала о том, насколько могут отличаться друг от друга официальное понимание истории и историческое сознание народа, передаваемое из уст в уста, и насколько последнее бывает ближе к действительности. Официальные исторические взгляды подвержены слишком быстрым изменениям, кроме того, иногда отдельные события могут и замалчиваться. Мы, историки, придавая большое значение написанному в

книгах, однако, оставляем без внимания воззрения, бытующие в семье, и теряем их безвозвратно. Мы обязаны изучать и те следы истории, что живут в сознании народа, сохранить их, объективно описать.

После вышеописанного случая я стала у наших друзей, приезжающих из Башкортостана, спрашивать: «Когда Вы впервые слышали имя Заки Валиди?». Естественно, мне хотелось узнать также, когда и как стали меняться их взгляды об отце. Первый раз я задала этот вопрос Амиру Юлдашбаеву, который начал переводить произведения отца на башкирский язык. Он рассказал, что имя Валидова впервые услышал где-то вне дома и, придя домой, спросил отца: «Кто такой Валидов?». Отец же ему ответил: «Это один учитель. Во время революции собрал отряд, чтобы не дать башкирские земли Советской власти».

Вначале в турецких, затем в английских книгах я прочитала, что отец как руководитель башкирского национального движения снискал широкую известность. С одним из авторов, профессором Гарвардского университета Ричардом Пайпсом даже вступила в переписку и в своих письмах выразила мысль, что хотя книга по времени написания и достаточно близка к происходившим событиям, однако в описанном Валидове я не узнаю своего отца, так мне хорошо известного по дому.

Между тем рассказ отца Амира Юлдашбаева, выходца из деревни Хайбуллинского района, вполне соответствовал тому образу моего отца, который сформировался у меня в семье. Особенно важно было то, что эти слова были сказаны жителем деревни. Деревенский башкир, простой представитель того народа, который так любил мой отец, помнил его как учителя, и это было преисполнено глубокого смысла. И действительно, в сущности своей он был учителем. Как-то мама спросила его: «Дорогой, ты так часто вспоминаешь свою родину, если бы вернулся сейчас, назначили бы тебя главой правительства?». На что отец ответил: «Нет, Назмия, если бы я вернулся, жил бы в своей деревне и учительствовал».

Эту статью я писала в штате Юта, США, куда была приглашена для чтения лекций в университете. Отправляясь в путь, я никак не предполагала, что и здесь «встречусь» с отцом. Статью для сборника, издаваемого к 24-летию со дня смерти отца, нужно было подготовить как можно быстрее. Об этих своих заботах я рассказала руководителю научного

центра Среднего Запада профессору Лунсу Гиффену, на что он ответил: «Знаете, я ведь присутствовал на похоронах Вашего отца. Я пришел с визитом к ныне покойному Муаммеру Озергину, он сказал, что сегодня состоятся похороны Тогана. Я отправился на похороны. Присутствовал я и на похоронах Фуада Кёпрюлю, где Ваш отец с большим волнением произнес прощальную речь. Мне удалось запечатлеть этот момент на фотопленке». На следующий день он принес слайды, где были запечатлены сцены из похорон Фуада Кёпрюлю в их семейном мавзолее. Фотослайды, запечатлевшие отца в момент его выступления с прощальным словом, хорошо выражают его теплые чувства к этому великому ученому и человеку. Фуад Кёпрюлю сыграл очень важную роль в переезде отца в Турцию в 1925 году. Отец очень любил его и посвятил ему свою книгу, и по выражению лица отца можно понять чувства, которые он испытывал к этому человеку. Мне давно не приходилось встречать досель не известную мне фотографию отца, которая так живо отражала бы испытываемые им чувства. Я объяснила профессору Гиффену, что если бы он смог предоставить мне их копии, я смогла бы их отправить в Башкортостан для открываемого там музея, посвященного жизни и творчеству отца.

Музей новый, построен в Ишимбайском районе, в родной деревне отца Кузяново, на том месте, где стоял дом деда. Облик дома и внутренняя обстановка восстанавливаются по рассказам 88-летней родной сестры отца Сара-апа. В музей будут посланы и другие найденные в Юте фотографии отца. Эти фотографии запечатлели моего отца в 1957 году в доме Салахеддина Эртюрка в Нью-Йорке. В то время отец по приглашению профессора Эдварда Аллворта (подготовившего несколько ученых из представителей Средней Азии) читал лекции в Колумбийском университете. В это же время в Америке Салахеддин Эртюрк готовил свою докторскую диссертацию по философии педагогики, и они часто встречались. Сын Салахеддина Эртюрка Коркут Эртюрк, профессор экономики университета Юта, является ныне моим коллегой по Средневосточному техническому университету в Анкаре. Сестра Коркут-бея Якын Эртюрк рассказала обо мне своей матери, и она, поняв наше желание иметь эти фотографии, выслала нам слайды. Поступление этих фотографий из семейного архива Эртюрков побудило меня начать новое дело, ранее не приходившее мне в го-

лову: собрать те фотографии отца, которые отсутствуют в наших семейных альбомах. Поэтому я и попросила копии слайдов у доктора Гиффена. Сейчас в музее, выстроенном в родной деревне отца, появляется возможность при помощи различных собранных материалов как можно полнее представить в музее жизнь и деятельность отца в окружении его друзей, учеников, близких.

Действительно, дороги открылись, и мы получили возможность, с одной стороны, представить молодые годы столь близкого нашему сердцу отца в той среде, где он вырос, с другой стороны, с благодарностью вспоминаем его в Турции, Стамбуле, где он провел половину своей жизни, подготовил учеников, написал большинство своих трудов, построил счастливую семью и вспоминаем его в обществе «Турецкий очаг», членом которого он стал сразу после своего приезда в эту страну, имел счастье быть коллегой покойного Хамдуллаха Субхи Танрыовера. Я желаю, чтобы моего отца и на том свете не оставляла милость божья.

Н. Тоган, И. Арыджанлы, Т. Байкара

Бумаги, отложившиеся в результате деятельности А. Заки Тогана и размещенные им по папкам*

Все свои бумаги Заки Валиди Тоган сохранял в хорошо упорядоченном виде. Копии, выписки, библиографические сведения, накапливавшиеся в процессе научной работы, он помещал в папки небольшого формата, названные им *малым фондом*. Мы просмотрели 160 единиц нумерованных и около 40 единиц ненумерованных папок этого фонда. Материал последних весьма неоднороден, некоторая часть его заслуживает перемещения в соответствующие нумерованные папки, поэтому ненумерованные папки *малого фонда* необходимо обработать заново.

* A. Zeki Togan'ın kendi tasnifine göre mesai evraki / Hazırlayanlar Nazmiye Togan (eşi), Doç. Dr. İsenbike Arıcanlı (kızı), Doç. Dr. Tuncer Baykara (öğrencisi) // Fen-Edebiyat Fakültesi Araştırma Dergisi. Ord. Prof. Dr. Ahmet Zeki Velidi Togan Özel Sayısı. Erzurum: Atatürk Üniversitesi Basımevi, 1985. Fasikül 1. Sayı 13. S. 33-58.

Ниже мы остановимся в основном на нумерованных папках. Мы присвоили новые номера 160 папкам *малого фонда* и со- проводили сведения о них следующими пометами:

- (-) мало информации
- (+) много материала, использованного в качестве примечаний и библиографических сведений в опубликованных работах
- (++) обзоры редких или рукописных книг
- (+++) записи — результаты авторской работы
- (+++ О) материалы опубликованных книг и статей
- (+++ Б) сведения о рукописях в различных библиотеках
- (Рк) необработанные материалы (копии, подборки произведений других авторов и т.д.)

Мы просмотрели также и папки большого формата, составившие *большой фонд*, и *рукописи произведений*, — всего 62 нумерованные и 84 ненумерованные папки. В них отложилась исчерпывающая информация о научных трудах и деятельности Заки Валиди. Естественно, мы постарались хотя бы в общих чертах раскрыть содержание нумерованных папок *большого формата*. Поскольку ненумерованные папки требуют переработки, мы выбрали из них только подготовительные материалы и неопубликованные работы.

Папки большого формата

1 а. Партийные программы.

Программа партии «Эрк»; тезисы доклада на заседании Национального объединения в Москве в 1927 г. (Так! — Р. Б.); Новая туркестанская партия и др.

1 б. Бумаги Туркестанского национального объединения.

2. Башкирский областной совет.

3 а. История басмачества.

Записи муллы Таваккуля.

3 б. Записи басмаческой интеллигенции.

4. Проблемы общетюркской культуры.

Статья «Проблемы национальной культуры и способы их разрешения»; записи об отношениях между народом и племенами; заметки о газете «Иль», Гаязе Исхаки и его политической деятельности.

5. Татаро-башкирские проблемы.
Гаяз Исхаки, Садри Максуди (Арсал), Заки Валиди и Абделькадир Инан: материалы их полемики.
6. Рукописи в библиотеках Турции.
О рукописях в библиотеках городов Токат, Амасья и Чорум, в библиотеках имени Иззета-ага, имени Садреддина Коньяви и Музея Мевляны в г. Конье.
7. «Современный Туркестан и его недавнее прошлое».
Первые черновики; немецкий перевод и корректура.
8. «Страна тюрков в иллюстрациях».
Макет 100-страничного издания с готовыми клише и подписями к 300 иллюстрациям.
9. Материалы по истории башкир.
10. «История башкир».
Готово к публикации.
11. История Туркестана после 1917 г.
Машинописная статья «За независимый Туркестан в 1917–1924 гг.» с заметками о терминах «Улу Туркестан» и «Тюркили».
12. Материалы о жизни и творчестве аль-Бируни.
13. «Жизнь и творчество аль-Бируни».
Готово к публикации.
14. Об «Аль-Канун аль-Мас'уди».
Статья «Географическая широта и долгота в трактате «Аль Канун аль-Мас'уди», 88 с. турецкого и 70 с. немецкого текста.
15. «Шу'б-и Панджгане».
Копии и заметки о рукописи Рашид ад-Дина «Шу'б-и Панджгане», хранящейся в павильоне Реван дворца Топкапы.
16. Байсунгуровская академия.
Статья «Реляция главы Байсунгуровской академии», 14–15 с.
17. Рашид ад-Дин и его произведения.
Готовые фрагменты и собранные записи к работе «Рашид ад-Дин и его произведения».
18. Ибн А'сем аль-Куфи.
Законченная статья об Ибн А'семе аль-Куфи, 7 с.; законченная статья «Значение сведений Ибн А'сема об арабских завоеваниях в Хорасане и на Кавказе», 5 с. на английском языке.

19. «Хан-наме». Законченная статья об эпосе «Хан-наме», 23 с. машинописи на английском языке.
20. «Ахбар ад-Девлет ад-Дейлемия». Фотокопия произведения, снятая Министерством просвещения, и заметки о нем.
21. Иллюстрированные рукописи стамбульских библиотек. Материалы к опубликованной на английском языке работе «О миниатюрах в библиотеках Стамбула».
22. «Бедаи аль-векайи». Рукописная копия произведения.
23. «Музеккир аль-ахбаб».
24. «Хамаса». Текст работы Нихата Четина на звание доцента, посвященной «Китаб Хамаса ва-з-Зурафа», 1964 г.
25. «Тарих аль-баб ва-ль-абваб». Рукописная копия произведения, выполненная Али Гендели.
26. Poleмика о тюркской культуре. Записи «Тюркский национальный тип», «Известия о тюрках», «Культура Туркестана» с обсуждением одноименных терминов; статья «Впечатления о тюркской истории и этнографии», 10 с.
27. Джелаледдин Руми и Шемс-и Тебризи. Различные заметки.
28. «Алишер Навои: Жизнь и творчество», т. 1. Готово к публикации.
29. «Алишер Навои: Жизнь и творчество», т. 2. Иллюстрации, рукописи стихов и незавершенные записи.
30. Коневодство у тюрков. Статья на немецком языке «О чудо-конях древних тюрков».
31. Перенаселенность. Записи и неопубликованные статьи на немецком языке о перенаселенности в Средней Азии.
32. Саки. Записи и материалы о саках.
33. Начальные стадии тюркской истории. Материалы для второго тома «Всеобщей истории тюрков».

34. Статья «Расцвет Турецкой империи», опубликованная в Нью-Йорке.
35. «Основы тюркской филологии».
36. Методология в исторических исследованиях и восприятие тюрками своей национальной истории.
37. Способы реформирования и модернизации чагатайского языка.
38. Туркестан.
Черновики «Современного Туркестана...», написанные на латинском алфавите.
39. «Общество изучения Туркестана».
Деятельность «Общества изучения Туркестана и Азербайджана» в 1927–1932 гг.
40. Турецкие научные общества.
Уставы Академии, Комитета по делам сочинений и переводов, других обществ и комитетов.
41. Кризис культуры у тюрков.
Статья 1927 г. и другие записи.
42. Ценные произведения в стамбульских библиотеках.
Статья «О хадисах и тюркском национальном стиле», записи о рукописных произведениях.
43. Ценные произведения в турецких библиотеках.
Свод материалов под общим названием «Предметный указатель тем и исследований по тюркской истории, археологии, этнографии и литературе».
Т. 1: «Тарихи-и Дост Султан» Отемиша-хаджи.
Т. 2: «Литературная и научная жизнь в Туркестане в эпоху Тимура и тимуридов». Часть 1. 622 с.; Часть 2. 583 с. (включая 156 с. оглавления).
Т. 3: «Ценные произведения в турецких библиотеках». Часть 1 (Нет сведений); Часть 2: Статьи о литературе восточных тюрков. С. 179–358 тетради большого формата, 2 с. предисловия. Дата: 9 ноября 1926 года.
44. Западный Туркестан и Междуречье.
Записи по исторической географии, некоторые написаны другим лицом.
45. Восточный Туркестан.
Записи о Восточном Тянь-Шане и Джунгарии.
46. Историческая география.
Записи о бассейне Волги, Булгарии, буртасах, Нижнем Поволжье, Хазарии и золотоордынских городах.

47. Амударья.
Статья «Сведения аль-Бируни о низовьях Амударьи» на немецком языке.
 48. История железа и стали.
Различные записи.
 49. Серия «Всеобщая история тюрков».
Записи под заглавием «Политическая жизнь в Гёктюркском каганате».
 50. Политическая и общественная жизнь Азии в XIII–XIV вв.
Ханы улуса Чагатай: Лекции 1932 г.; хронология Тимура и тимуридов.
 51. Дискуссии об «Основах тюркской филологии».
Проекты и переписка.
 52. Османская история.
Отдельные записи и вырезки.
 53. Лекция в Генеральном штабе.
Текст лекции 1958 г. о событиях в Венгрии.
 54. Записи лекций В. В. Бартольда.
Оригинал, машинописный текст и корректура «Лекций по истории турецких народов Средней Азии».
 55. Первый исторический конгресс 1932 г. в Анкаре.
Вырезки и заметки.
 56. Мустафа Кемаль-паша.
Деятельность Турецкого исторического общества; переписка с Ататюрком.
 57. Воспоминания.
1) *Материалы.*
2) *Первоначальная редакция.*
 58. Факультетские и университетские бумаги.
 59. Деятельность кафедры всеобщей истории тюрков.
 60. «Журнал Института исламских исследований».
 61. «Туркестанское культурное общество».
 62. Региональное сотрудничество в развитии: Культурное объединение Турции, Ирана и Пакистана.
- Необработанные материалы и неопубликованные статьи
в нумерованных папках большого формата
1. Текст казахского дастана «Какая свадьба без Канбера!».
 2. Статья о Махмуте Кашгари и его сочинении.
 3. Текст лекции «Современное положение тюркских народов», прочитанной в г. Бурсе 25 августа 1926 г.

4. Статья «Общий обзор начальных этапов истории тюркской культуры», 10 с. машинописи.
5. Статья «Отражение истории древних тюрков в дастанах», 9 с. машинописи.
6. Статья «Двоецарствие у турков» на немецком языке, 21 с. машинописи.
7. Статья «Чагры-бек», 3–4 с. машинописи на немецком языке.
8. Статья «Проблемы литературного языка тюркских народов, находящихся под властью России и Китая», 13 с. машинописи.

Папки малого формата

1. (+) Библиография Туркестана.
2. (-) Юриспруденция и законоведение в Туркестане и Турции.
3. (-) Экономическая жизнь в Турции.
4. (-) Перепись населения: данные о народах, нациях и племенах.
5. (-) Воспоминания путешествовавших по Туркестану.
6. (-) Афганский Туркестан и афганские тюрки.
7. (-) Иранские, азербайджанские и иракские тюрки. Южно-иранские тюрки-кашкайцы.
8. (-) Политическая жизнь Азербайджана.
9. (-) Театр и искусство в Башкортостане.
10. (-) Азербайджанская литература, театр и искусство.
11. (++) Мнения и дискуссии о проблемах изящных искусств, музыки и театра у тюрков.
12. (-) Туркестанские студенты в Турции и Европе.
13. (++) Туркестанские беженцы в Турции и Европе.
14. (++) Узбеки.
15. (-) Казахская интеллигенция.
16. (-) Киргизская интеллигенция.
17. (++) Казанско-татарская интеллигенция.
18. (-) Азербайджанцы и дагестанцы.
19. (-) Сырдарья.
20. (++) Бассейны рр. Талас, Чу, Иль и Иссыккуля.

Подробная рукописная карта мест стоянок к северу от Тянь-Шаня на караванном пути из Туркестана в Китай.

21. (+) Догуннский Туркестан.
22. (++) Сведения греков и римлян о Туркестане.
23. (+) Гунны: события, народ, население.
24. (+++) Монголы и ротацизм в их языке. Туранцы на юге Азии.
Записи лекций.
25. (+++) Арийские народы: хорезмийцы, асы, аланы и согдийцы.
Записи лекций.
26. (+++ О) Тохарцы, юэджи, кушанцы, эфталиты и другие.
27. (+++) Гёктюрки, тургиши и токузогузы.
Статья «Связи между гёктюрками и сасанидским Ираном в начале VII в. и события в Западной Азии», 15–20 с.
28. (++) Китайские сведения о доисламской жизни Туркестана.
29. (+++) Доисламская тюркская культура и культурные связи.
Незаконченная статья «Культурные тюрки в Хорасане» и записи.
30. (+) Археологические раскопки в Монголии и Восточном Туркестане.
Гёктюркские и уйгурские памятники.
31. (+++) Арабское владычество в Туркестане и распространение ислама среди тюрков.
Статья «Абу Муслим и распространение ислама среди тюрков», 4 с.
32. (+) Саманиды, газневиды.
33. (+++ О) Караханиды.
Материалы к работе, тиражированной на ротаторе.
34. (Рк) Западные тюрки: болгары, хазары.
Турецкий текст под заглавием «О булгарах» и различные записи.
35. (++) Огузы и сельджуки.
36. (+++) Печенег и кыпчаки.
Записи о кыпчакских родах, упоминаемых Джувейни, Рукнеддином Байбарсом, Ибн Халдуном и Димашки, а также о племени улу-борло, 8 с.
37. (++) Уйгуры и карлуки.
38. Рашид ад-Дин и его произведения.
1) (Рк) Копия мешхедской рукописи «Джами ат-таварих», 341 с., раздел об ильханидах.
2) (+++) Выписки из других редакций «Джами ат-таварих»

39. (+) Мусульмане и дунгане в северо-западном Китае.
40. Пропущен авторами публикации. — *Примеч. пер.*
41. (++) Улус Чагатай и потомки Удегея.
42. (++) Золотая Орда.
43. (++) Иранские династии ильханидов, джелаирилов и кертидов.
44. (++) Тимур.
45. (+) Тимуриды и бабуриды в Индии.
46. (Рк) Шейбаниды и астерханиды.
- 1) «Убайдуллах-наме» Тыныша бин Мухаммада аль-Бухари. Без номера. Рукопись Национальной библиотеки г. Кабула, 381 л.
- 2) «Тарих-и Субхан Кули-хан». Рукопись Национальной библиотеки г. Кабула. Копия или выписки, 31 л.
- 3) «Тарих-и Убайдуллах Хани» Мир Мухаммада Бухари Мунши. Копия или выписки, 71 л.
- 4) «Тарих-и Муким Хани» Мухаммада Юсуфа Мунши бин Ходжа Бекка. Копия или выписки с надписью: «Сделал за два дня, с 12 сентября, понедельника, до 14 сентября, среды, 1923 г.»
- 5) Рукопись, 12 л. с надписью: «Произведение написано в Индии во времена шаха Джихана, когда Субхан Кули-хан был престолонаследником в Балхе, а астерханид Абдулазиз-хан основал свое ханство в Бухаре».
47. (++) Восточный Туркестан от монгольской эпохи до нашего времени.
- «Знаменитые люди Восточного Туркестана: Мансур-эфенди». Записано учащимися педагогического училища г. Эдирне.
48. (+) Калмыки, монголы Великого Юрта.
49. (+++) Казахские ханы и казахи. Казахские племена до начала XX в.
- 1) (Благосклонное?) (Так! — Р. Б.) отношение русских к Кени Сары, 8 с.
- 2) Статья об Абдулхайре, 11 с.
- 3) Шеджере казахских султанов.
- 4) Казахи и Алаш Орда в восстании 1916 г., 4 с.
50. (+) Бухарские мангыты, Бухарское ханство.
51. (+) Шейбаниды и кунгратиды в Хиве.
52. (++) Кокандские ханы.

53. (+++ и Рк) Ногайцы.
Копия рукописи «О прославленном и знаменитом Эдиге-беке и его потомках», 9 с.; библиотечные записи августа-сентября 1929 г. в Вене, 40 с.
54. (-) Кучум и сибирские ханы. Сибирские и тобольские ханы.
55. (+) Казанские ханы.
56. (+++) Крымские ханы и крымские тюрки.
Статья «Об археологии и искусстве Крыма», 3 с.; статья «Об истории Крыма», 4 с.
57. (+++ О) История анатолийских сельджукидов и османцев.
58. (+++) История Азербайджана до начала XX в. Тюркские племена в Азербайджане в XX в.
Статья на немецком языке «О племенах Южного Ирана бахарлу и каскай», 10 с.; «Послемонгольская эпоха», 4-я тетрадь; «Эпоха сельджукидов и атабеков», 6-я тетрадь; «Монгольская эпоха», 3-я тетрадь.
59. (+) Сефевиды, Надир-шах, каджары.
60. (-) Тюркские и туранские племена в Восточной Европе и на Балканах.
61. (-) Жизнь и численность тюркских племен в разных странах.
62. (-) Жизнь таджиков.
63. (++) Культура Хорезма. Улемы в Хорезме.
64. (-) Знаменитые туркестанцы до XX в., их биографии.
65. (+++) Хорезм.
66. (++) Дискуссия о религии у древних тюрков и в Туркестане, о религиозной жизни и шаманизме.
67. (+++) Буддизм у тюрков.
Статья «Буддизм», 4 с.
68. (+) Манихейство и зороастризм.
69. (-) Христианство у тюрков.
70. (-) Данные о современном шаманизме.
71. (+++ О) Архитектура, изящные искусства и музыка у древних тюрков и в Туркестане.
Материалы к статье «Байсунгур Мирза: жизнь и творчество».
72. (-) Металлургия у тюрков.
73. (-) Тюркский обиход в домах и шатрах.
74. (++) Структура государства и двора.
75. (-) Военная система у тюрков.

76. (+++O) Картография.
Материалы к статье «Карта Махмута Кашгари».
77. (+++) Метрология, нумизматика.
Статья на немецком языке «Монеты Бухары», 9 с. машинописи; статья на немецком языке «Монеты Хорезма», 8 с. машинописи.
78. (++) Денежная система, система мер и весов в монгольскую эпоху.
79. (++) Деньги, монеты.
80. (+++) Календарь: исчисление лет, месяцев, недель и дней.
«Уйгурское летосчисление», 40–50 с. записей и исследований; «Тугамское (Так! — Р. Б.) летосчисление», обширные записи и исследования.
81. (+) Обычное право.
82. (–) Древнетюркские имена.
83. (–) Древнетюркская музыка и спорт у тюрков.
84. (–) Животноводство у древних тюрков.
85. (–) Тюркские и монгольские языки.
86. (–) Народная музыка казанских татар.
87. (–) Восточнотуркестанская и таранчинская народная литература.
88. (+++) Об эпосе «Хан-наме».
Статья «Связи между тюркскими и иранскими дастанами о войнах древнего Ирана с тюрками».
89. (+++ O) Общие соображения о тюркских дастанах и библиография.
90. (++) Древнейшие легенды, Эргенекон, Яджудж Маджудж, романы об Искандере.
91. (Рк?) Шаманистский эпос.
1) Алтайско-абаканские легенды.
2) Алтайско-туленгютские легенды.
92. (++) Деваддари, письмо Улу Ай Ата.
93. (+++) Кёроглу.
Текст лекции 1925 г. в Анкарском отделении общества «Туркестанский очаг».
94. (Рк) «Юсуф-бек Бозоглан» и другие узбекские и туркменские легенды.
Выписки из «Юсуф-бек Бозоглан».
95. (+++) «Манас».
Собственные записи.

96. (Тексты) Тексты различных дастанов.
97. (+++) «Сказания о Хамзе». *Статья, посвященная сказаниям о Хамзе, 3 с.*
98. (+) Общие соображения о тюркской литературе.
99. (+) Гёктюркские тексты.
100. (-) Уйгурские тексты.
101. (+) Махмут Кашгари.
102. (++) Кыпчакские и хорезмийско-тюркские памятники.
103. (Рк) Стихотворения Ясави. *Заметки «Сочинение Сейида Ахмеда Маргинани о тюркских шейхах»; статья «Поэты Туркестана: произведения Шемседдина Сулеймана Бакыргани и других поэтов», 36 с., Стамбул, 1926 г.; двустишия Ходжи Ахмеда Ясави.*
104. (+++ О) «Мукаддимат аль-адаб».
105. (+++) Литературные образцы чагатайской эпохи.
 1) Копия «Дивана» Латифи.
 2) «Сведения о тюркской литературе Средней Азии», 20 с., январь 1924 г.
 3) Статья «Рассуждения о произведениях Шайбак-хана», 13 с.
 4) Статья «Ходжи в Восточном Туркестане в XVIII–XIX вв. и Якуб-бек», 14 с.
106. (++) Чагатаиды в Кашгаре и их произведения.
107. (++) Записи о мусульманских источниках.
108. (Рк) Ибн аль-Факих. *Копия мешхедской рукописи.*
109. (+) Османские путешественники на Востоке.
110. (Рк) «Тарих-и Дост Султан» Отемиша-хаджи.
111. (+++) Идриси. *Копии различных карт Идриси, выполненные Заки Валиди Тоганом.*
112. (+++ Б) Рассылка книг. *Список адресатов.*
113. (+++ Б) Моя библиотека и проблемы комплектования и устройства библиотек.
114. (+++ Б) Личные библиотеки Фуад-бея, Юсуфа Акчуры, Хаккы Тарика, Коюноглу и др.
115. (+++ Б) Библиотеки Средней Азии, Самарканда, Ташкента, Мешхеда, Кабула и Тегерана. *Статья на русском языке «Список книг специального шкафа Кабульской национальной библиотеки», 1924 г.*

116. (+++ Б) Мусульманские произведения в европейских библиотеках.
Париж, 1923 г.; Берлин, 1924 г.; Париж, 1928 г.; о рукописях библиотеки г. Гота и венских библиотек.
117. (+++ Б) Рукописные произведения в стамбульских библиотеках.
В тетрадях по названиям библиотек.
118. (+) Поездка в Конью в 1929 г.
119. (+++ Б) Анатолийские библиотеки.
17 тетрадей по названиям городских библиотек.
120. (-) Египетские библиотеки.
121. (-) Турецкие журналы.
122. (+) Перечень научных исследований о Востоке.
123. (-) Журналы и конгрессы востоковедов.
124. (+) Выдержки из различных трудов и комментарии к ним.
125. (-) Известные мне востоковеды.
126. (-) Новая европейская литература о Востоке.
127. (-) История Индии и бабуриды.
128. (+) Индия: современное положение.
129. (-) О древнем Востоке.
Вавилон и Ассирия.
130. (-) Арабы и арабская литература.
131. (-) История Египта.
132. (++) Иран: древняя история и археология.
133. (+) Иран в исламскую эпоху.
134. (+) Иран: современное положение.
135. (+++) Персидская литература.
Статья «Произведения Насир-и Хосрова в Стамбуле» о его рукописи «Бустан аль-укуль», 6 с. машинописи на немецком языке.
136. (-) Афганцы и Афганистан.
137. (+) Нетюркские народы Кавказа: грузины и армяне.
138. (+++) К истории славян и русских.
«Сравнение тюркского и русского национального характера», записи слушателя.
139. (-) Финские народы.
140. (-) Соображения об исламе.
141. (-) История ислама и его мазхабы.
142. (-) Географические памятники ислама.
143. (+) Исламский мир сегодня и размышления о нем.

144. (–) Из истории влияния мусульманского Востока на Запад.
145. (–) Восточный театр, кинематограф и кинофильмы.
146. (+) Математические науки в мусульманском мире и история техники.
147. (–) Различные научные проблемы.
148. (–) О музее вакуфов.
149. (+++ Б) Занятия в библиотеке дворца Топкапы.
150. (+++) Прибытие казахов в Турцию.
151. (+++ Б) Мусульмане в России.
Библиотечные записи 1954 г. в Англии и 1967 г. в Америке.
152. (+++ Б) Поездка в Индию.
Поездка 1964 г. и библиотеки.
153. (+++ Б) Записи в библиотеке Честер Битти.
154. (+++ Б) Тегеранские библиотеки.
Занятия в библиотеках в 1956, 1963 и 1965 гг.
155. (+++ Б) Личная библиотека У. Э. Д. Аллена в Дублине.
156. (+++ Б) Занятия в европейских библиотеках.
Издания о мусульманах Советской России; занятия в библиотеках Германии в 1967–1968 гг.
157. (+++) Хотанские документы.
Записи под заглавием «Известия семи китайских монахов-принцев, направлявшихся в Хотан в 925 г.».
158. (+++) Хафиз Абру.
Предисловие к произведению «Тимур и тимуриды», готовому к изданию; статья «Земля тюрков в XIV–XV вв.».
159. (+++) Аль-Фараби.
Текст лекции 29 декабря 1950 г. «Происхождение, характер, личная жизнь аль-Фараби и сохранившиеся его стихи».
160. (–) Соображения о Туркестане, в частности о монгольском, тимуридском и узбекском периодах его истории.
161. (+++ Б) Записи о поездках по Анатолии и о ее библиотеках.

Неопубликованные книги и статьи Заки Валиди Тогана

Неопубликованные книги

Несколько произведений, написанных еще в 1927 г., затерялись в типографиях. Одна книга не вышла из печати вследствие реформы алфавита. Из неопубликованных в нашем распоряжении сейчас находятся:

1. «История Тимура и тимуридов».

Эта книга была полностью закончена в 1932 г., а позже была дополнена, при жизни автора машинописного текста сделано не было. В 1963–1964 учебном году она была доработана на лекциях, и конспекты ассистента Гюльчин Чандарлыоглу, студентов Тунджера Байкары, Ремзи Гюджю и некоторых других были тиражированы на ротаторе после авторской правки. Текст переведен на современный алфавит, отпечатан на машинке и в объеме 528 страниц готов к публикации.

2. «Об аль-Бируни».

Книга состоит из нескольких статей, частично вошедших в издание на английском языке «Бируниева картина мира».

1) Некоторые новые сведения аль-Бируни о географии и этнографии Средней, Восточной и Северной Азии и Восточной Европы, 114 с. с примечаниями. Готово к публикации.

2) «Аль-Бируни и его произведения» была напечатана только до 40-й страницы.

3. «История башкир».

Книга посвящена одной из самых близких Заки Валиди тем. Машинописный текст, 160 с., был подготовлен к изданию при жизни автора.

4. «Алишер Навои: Жизнь и творчество».

В свое время книга была сдана в набор, который, однако, был прекращен после событий 1944 г. и больше не возобновлялся. Первый том, 276 с. машинописи, готов к публикации. Второй том представляет собой рукописный текст и иллюстрации.

5. «Рашид ад-Дин: Жизнь и творчество».

На машинке отпечатано только 60 с., остальные — в рукописи.

6. «История саков».

Первый том девятитомной серии «Всеобщая история тюрков», о публикации которой автор договорился с издательством «Тюркие Йайынэви». Существующий текст, 160 с. машинописи, готов к изданию.

7. «Легенды о происхождении тюрков».

Книга представляет собой результат исследования тюркских дастанов, кроме «Дастана об Огузе». Большая часть текста существует в машинописи. Эта книга будет доработана и издана д-ром Тунджером Байкарой.

8. «Туркестан в иллюстрациях».

Готовые клише, около 300 иллюстраций и тексты к ним. Подготовлен план постраничного размещения иллюстраций. Они относятся к 1940-м годам и частично уже устарели, но, с другой стороны, именно благодаря этому они и сами превратились в исторические документы.

Неопубликованные статьи

1. «О чудо-конях древних тюрков».

18 с. машинописи на немецком языке.

2. «За независимый национальный Туркестан».

Самостоятельные тексты на турецком и английском языках, всего 60 с. машинописи.

3. «Ибн А'сем аль-Куфи».

7 с. на английском языке.

4. «Реляция главы Байсунгуровской академии», 14 с.

5. «Древнетюркский дастан «Хан-наме» и его историческое значение».

Текст доклада, прочитанного 13 ноября 1948 г. на Турецком историческом конгрессе, 20 с.

6. «Сведения аль-Бируни о железе и стали».

Более 20 с. машинописи на немецком языке.

7. «Обращение в редакцию „Айын Тарихи“».

Статья датирована 21 августа 1925 г. и посвящена внутриполитической борьбе в России в 1917–1918 гг., 20 с.

8. «Позднечагатайская литература».

Статья предназначалась для публикации во втором томе «Основ тюркской филологии» и стала поводом для полемики, 27 с. машинописи.

9. «О племенах, составлявших государство эфталитов».

Текст доклада на английском языке, 4 с. машинописи.

10. «Рецензии работ Леона Каёна и Шаванна».

Статья переведена на новый алфавит Назмией Тоган, 16 с. машинописи.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

А

- Аалто [П.] 236, 245
 Абе, Такео 148
 Абдин-бей 30, 152
 Абдал, Муса 207
 Абдразаков [А.Г.] 289
 Абдулазиз-хан 301
 Абдуллатиф-мирза 207
 Абдулхайр 301
 Абдураззак Самарканди 197
 Аблай-хан 159, 262
 Абуга 282
 Абу-л-Ала Маари 247
 Абу-л-Гази (Бахадур), хан
 № 190, 219, 277, 282
 Абу Муслим 300
 Абу Саид-хан 195, 196, 203,
 204
 Абу Хамид аль-Андалузи 278
 Агаоглу, Самед 40, 41
 Агаоглы, Ахмет 248
 Адамс 174
 Аджыпаямлы, Орхан 239,
 244
 Адывар, А. Аднан 36
 Азертекин, Али 244
 Аззави, Аббас 244
 Азиз, Ахмад 49, 158, 237,
 240, 244, 245
 Айверди, Экрем 241
 Айтёре, Айхан 238, 241
 Акай-султан 282
 Акдаг, Мустафа 239, 242
 Ак Килембет 280
 Ак-килен 185
 Аксарай 193, 195, 197
 Аксункур № 148
 Акчура, Юсуф 17, 19, 31, 68,
 132, 189, 190, 248, 304
 Ала ад-Дин Башкурт ан-На-
 сири 279
 Алаэддин Эртене 196
 Александр Македонский 209;
см. также Искандер
 Алёч, Кязым 141
 Али, халиф 207
 Али Акбар № 150
 Али Кушчу 207
 Али-хан 279, 280
 Али, Хасан 138, 139, 142
 Алиев, Гумер 256

* Цифры за номерами отсылают к библиографическим описаниям, а остальные – к страницам книги. Имя Заки Валиди в данном указателе не учитывалось.

- Ализаде, Абделькадир 154,
220, 239, 242
Аллад 237, 240
Алляр Суфи 182, 183
Аллворт, Эдвард 292
Аллен У.Э.Д. 306
Алтындаг, Шинаси 48, 244
Алукай, Махмут 59
Алишер — *см.* Навои, Али-
шер
Алынджа 219; *см. также*
Олджай-хан
Амирхан, Равиль № 416
Амирхан, Фатих 157
Амылджа 219; *см. также*
Олджай-хан
Анд, Метин 239, 244
Анхеггер [Р.] 239, 242
Апанай 7
Арат, Рашит Рахмети 18, 49;
см. также Рахмети, Ра-
шит
Аргун-хан № 165, 206, 220
Арифов, Абдулхамид 263,
264
Арпа 195
Арсал, Садри Максуди 295;
см. также Максуди,
Садри
Арсланапа, Октай 235, 238,
241
Артём (Сергеев Ф.А.) 252,
257
Артуку, Ибрахим 242
Арыджанлы, Исенбике 7,
293; *см. также* Тоган,
Исенбике
Арыкан, Саффет 39
Асади Туси 220
Асри, Наджиб 251
Атабинен, Решид Саффет 55
Атай Ф.Р. 40
Ататюрк 19, 29–31, 33, 34,
36, 65, 66, 152, 164, 189,
190, 298; *см. также*
Мустафа Кемаль-паша
Атеш, Ахмет 18, 59
Атийа, Азиз Сурйал № 166
Атсыз, Хюсейн Нихаль 34,
40, 41, 54, 55, 73
Аттар 183
Афрасьяб 191
Ахмад, Халик 237
Ахмеди 194, 195, 197
Ахмет 79
Ахмет-шах 14; *см. также*
Ахметша
Ахметша 14, 63; *см. также*
Ахмет-шах
Ачина 198
Ашик-паша 67
Ашикпашазаде 207
Ашмарин Н.И. 17, № 18
Аюби, Акрам 245
Аязбек, Абдуллатиф Невзат
240, 243, 245

Б

- Багатур-хан 195
Базен, Луи 48, 156, 157,
159–162, 165, 167–169
Байкара, Тунджер 5–8, 10,
12, 13, 52, 57, 135, 178,
217, 293, 307, 308

- Байсунгур Мирза № 167,
№ 179, 295, 302, 308
- Бакыргани, Шемседдин
Сулейман 304
- Бангоглу, Тахсин 43, 57
- Банзаров, Доржи 18
- Барак 206
- Баркан, Омер Лютфи 78,
191, 242
- Бартольд В.В. 17, 27, 28, 33,
59, 63, 67, 72, № 16, № 129,
№ 430, 129, 132, 200–204,
298
- Батманов [И.А.] 245
- Батырша-абыз 262, 283
- Баха ад-Дин Накшбенд 30,
№ 316, № 364, 180
- Баязит Йылдырым (Молние-
носный), султан № 207
- Баязитов, Ильяс 187
- Баяр, Джеляль 47, 189
- Бейли [Г.] 148
- Бендерлиоглу, Атиф 161
- Бекаи, мевляна № 106
- Бектюрей, Шевки 157
- Беркес, Ниязи 34, 66
- Биги (Бигиев), Муса Джар-
уллах № 211, № 212
- Бикбов, Юнус 284
- Бикбулат-мулла 182, 248
- Биккул, Ахад 242
- Бильгич, Эмин 174
- Бируни (аль-Бируни) 27, 29,
35, 64, 78 № 126, № 139,
№ 180, № 241, № 242, 130,
131, 134, 209–211, 277, 278,
295, 298, 307, 308
- Бишай-султан 262
- Блейк [Р.] 130
- Блоше [Э.] 220
- Богородицкий В.В. 17, 131
- Бойл Д.А. 235, 239, 244
- Бомбачи [А.] 238–240, 244, 245
- Боратав, Пертев Наили 48,
№ 291, № 295, 156, 157,
162, 165, 168, 169
- Босворт [К.Э.] 174, 237
- Букейханов, Алихан 241
- Булгаков Р.М. 7, 8
- Буниятов, Зия 236

В

- Валери, Поль 209
- Вали-мулла 13–14, 61, 63,
181, 186
- Валид-бай 13
- Валиев, Ярулла 248
- Валиханов, Чокан 18, 219, 220
- Вальдшмидт 236, 240, 245
- Вамбери Г. № 30, 132
- Вассаф 197
- Вастл Й. 286
- Вахитова, Асма 290
- Вейль [Г.] 25
- Вильданов А. № 418, № 429
- Виттек П. 64, 67, 131
- Волоу 238, 241

Г

- Габдулла, шейх 182
- Газан-хан № 316, № 364,
193–195, 203, 204, 206,
220, 279

- Гайсин Р. № 410
 Гален 211
 Галиб, Решид 31, 33, 34
 Галаятудинов, Ишмухамет
 № 433
 Гамильтон [Дж.] 236
 Ганджеи, Турхан 235, 238,
 240, 245
 Гараибе А. 244
 Гардизи 199
 Гареев А. № 424
 Гаскаров 157
 Гаспринский (Гаспралы),
 Исмаил 14, 63, № 318
 Гафури, Мажит № 319
 Гейгер [В.] 35
 Гейikli 207
 Гельдерн, Гейне 236
 Гендели, Али 296
 Генджели, Алиакбер 239, 243
 Герман, Гельмут 239, 242
 Германс, Матиас 239, 242
 Гёкалп, Зия № 87
 Гёкбилъгин № 296
 Гёкйай, Орхан Шаик 57,
 138, 245
 Гёкман, Музаффер 244
 Гельпынарлы, Абдулбаки 59,
 165
 Гёте № 136, № 209, 188, 284
 Гётц Х. 238, 241
 Гёчер, Лютфи 239, 242
 Гийом А. № 251
 Гисмати, Абдулла 286
 Гиффен, Лунс 292, 293
 Гольд-Фернек А. 35
 Грабар 237, 238, 240, 241
 Грёнбек К. 48, 156, 164
 Гринаски, Марио 243
 Гродсков 243
 Гроссет Р. 72
 Грубе Э. 235, 238, 240, 241
 Грум-Гржимайло [Г.Е.] 175
 Гуиди, Микельанджело 131
 Гуламов, Яхья 239, 242
 Гулиев, Джалиль 256
 Гульсум 185
 Густав, Рихард № 123
 Гюдю, Ремзи 307
 Гюльшехри 194
 Гюналтай, М. Шемседдин 32,
 33, 190
 Гюнсой, Орхан 241

Д

- Дакики 220
 Данлоп Д.М. 148, 236
 Дауд, сын Али 278
 Девлетшах Самарканди 196
 Дени Ж. 25, 47, 48, 156, 168
 Денисов М. 238
 Дёрфер [Г.] № 328, 156, 245
 Джами 206
 Джанибек-хан 63, 196, 262
 Жансевер, Хасан Ферид 138
 Джанизаков 263
 Джафероглу, Ахмет 240, 245
 Джевад, Мустафа 244
 Дживдет [Ахмед] 14
 Дживдет М. 27, 190
 Дживляль, Омер 147-149
 Дживляледдин Вань Циншан
 № 288, 148
 Дживляледдин Руми 187, 296
 Дживляледдин Хасан бин Му-
 таггар аль-Хилли 206
 Дживхан-шах 301

Джувейни 176, 197, 219, 300
 Джучи 171, 192, 196–200, 227
 Диваев [А.А.] № 46
 Диксон, Мартин 159, 237,
 238, 241
 Дильган, Хамид 50, 239, 244
 Дильмухаметов А. № 417
 Дим, Карл 244
 Димашки 277, 300

Екатерина II, царица 283
 Елисеев, Вадим 165, 166
 Елисеев, Серж 165
 Емельянов 17
 Енер, Энисе 244

Зайнулла-ишан 61
 Залеман [К.Г.] 63
 Замахшари № 324
 Зарецкий 257
 Затоевский 157
 Захау Э. 25
 Заянчковский А. 157, 235,
 236, 245

Ибн А'сем аль-Куфи № 202,
 295, 308
 Ибн Биби 197
 Ибн Кайим аль-Джавзи 187
 Ибн Таймия 187
 Ибн Фадлан 24, 35, 64, 78,
 № 130, № 137, № 203,
 № 332, 130, 133, 145,
 191, 277, 278

Диоскур 211
 Добросмыслов А.И. 242, 243,
 286
 Допш А. 35, 59, № 133
 Дост Султан 279, 297, 304
 Дрезден 148
 Дубровин Н. 280
 Дхиб Явку 218
 Дюма Л. 158

Е

Еничай, Фахри 149
 Еренсе 63
 Еткин, Кемаль 241
 Еткин, Шераре 238

З

Зейф 35
 Зернетский Н. 241
 Зерьяб, Аббас Кхои 244
 Зёльх Й. 35
 Зиманов С.З. 239, 242, 243
 Зиновьев 253
 Зубейр, Хамид 27
 Зулейха 188, 189

И

Ибн Фазлаллах аль-Умари
 203, 278, 279
 Ибн Факих (Ибн аль-Факих,
 Ибнуль-Факих) 42, № 66,
 № 68, № 201, № 204,
 304
 Ибн Халдун 19, № 32,
 № 333, 190, 300
 Ибрагим, хан 279
 Иван IV, царь 280, 282

- Иванин [М.И.] 243
 Игнатъев [Р.Г.] 283
 Идельгужа К. № 74
 Идриси 278, 304
 Из, Фахир 48, 50, 174, 239, 245
 Иззет-ага 295
 Илери, Тевфик 161
 Илм ад-Дин Башкурди 279
 Илмасын Ябгу 199
 Иналджик, Халиль 50, 235, 237, 239, 241–243, 245
 Инан, Абделькадир 7, 23, 25, 26, 28, 36, 50, 239, 240, 242–245, 295
 Инан, Афет-ханым 68, 189, 243
 Инанч, М.Х. 11, 73
 Инёню, Исмет 36, 38–40, 42, 137, 138, 140–142
- Ирадж, Афшар 244
 Исенбике — см. Арыджанлы, Исенбике; Тоган, Исенбике
 Искандер 303; см. также Александр Македонский
 Исмагил 280
 Исмагилов М. 5
 Исмаил-ата 219, 220
 Исмаил, Кязым 149
 Истахри 277
 Исхак-ата 220
 Исхаки, Гаяз 294, 295
 Исхаки, Саадет № 132
 Ишбулатов 285
 Ишим-султан 280, 282
 Ишрай, Тахсин 174
 Иштиряк-мурза 280
 Иш-туган 14

Й

- Йетмар К. 166, 236, 237, 240
 Йисл 237, 240
 Йогансен У. 236, 239, 242
- Йогурдун, Омюр 174
 Йоки А. 236, 240, 246
 Йорга [Н.] № 141
 Йылдырым Д. 9

К

- Каён Л. 200, 308
 «Казакбай» № 102
 Казан Алп 221
 Казвини, Мирза Мухаммед Хан 25, № 248
 Казвини, Хамдуллах (Хамдаллах) Мюстевфи № 194, 278
 Казый 186
 Каип-хан (Каип-султан) 159, 262, 282, 283
- Кайгусуз 207
 Кайду 220
 Кале П. 35
 Калинин 249
 Каллендар 240
 Кам, Ферид 27
 Каменев 249
 Канбер 298
 Кампфмейер [В.] 131
 Карабекир, Кязым 36
 Кара Килембет 280

- Карамагаралы Х. 238
 Карамышев, Юсуф 182
 Карасакал — см. Султангирей
 Кара-хан 218
 Карими, Фатих 157
 Каскынбаевы 61, 184–186
 Каскынбай, Ибрагим 53,
 181–186
 Каскынбай, Шамсетдин 181,
 182, 184, 248
 Катанов Н.Ф. 17, 18, 54, 75,
 № 17, 129, 131, 132, 180
 Кафалы, Мустафа 58
 Кафесоглу, Ибрахим 51, 58
 Кафи 14
 Кахарузен 241
 Казн К. 166, 169
 Кени Сары (Кенисары) 262,
 301
 Кендже 276
 Кераметли 237
 Кёймен, Мехмет 237
 Кёпрюлю, Мехмет-паша 70
 Кёпрюлю, Фуад 26, 27, 61,
 64, 66, № 239, 130, 144,
 152, 156, 165, 292, 304; см.
 также Кёпрюлюзаде М.Ф.
 Кёпрюлюзаде М.Ф. 26–31,
 34, 68, № 87; см. также
 Кёпрюлю, Фуад
 Кёроглу № 339, 303
 Кирк Дж. № 246
 Колесов 252
- Коллингер, Бьёрн 236
 Колчак [А.В.] 133, 285
 Кононов А.Н. 219
 Конукчу, Энвер 287
 Копперс В. 35
 Коркмаз А. 9
 Корш [Ф.Е.] № 42
 Кошай, Хамит З. 50, 237,
 239, 241, 244
 Коюноглу 304
 Кралик Д. 35
 Крамерс Й.Х. № 244
 Красовский 243
 Крейдер, Лоуренс 148, 238,
 239, 243
 Кубилай 220
 Кузеев Р.Г. № 429
 Кузян 13
 Куйбышев 253
 Кунджы (Коюнджы) 220
 Куран, Абдулла 238, 241
 Курат, Акдес Нимет 237, 244
 Кутлуг-хан 199
 Кутлукшах 203
 Кут-оглан-хан 199
 Кучук-султан 262, 282
 Кучум-хан 279, 280, 282, 302
 Кызласов [Л.Р.] 237, 240
 Кылавун, султан 279
 Кырзыоглу, Фахреддин 55,
 57, 242, 243
 Кюз-хан 218
 Кюр-хан 218
- Л**
- Лавров В. 157, 241
 Лалериш, Мухаммед Хан-
 ишан 63
 Латифи 304
 Лах Р. 286
- Лекок [А.] фон 25, № 88
 Ленин В.И. 22, 76, № 406,
 № 411, № 412, 133, 179–
 181, 248–252, 254, 260
 Лермонтов [М.Ю.] 183

Лёвенталь, Рудольф 159
Лигети [Л.] 167

Магия 185

Максуди, Садри 20, 21, 32,
33, 62, 68, № 122; *см.*
также Арсал, Садри
Максуди

Максудов, Нияз 16

Малер 237, 238, 241

Мансур бин Нух 70

Мансуроглу 160

Мансур-эфенди 301

Мардамшин Р. № 424

Марджани (аль-Марджани),
Шихабеддин (Шигабетдин)
14, 16, 63, № 5, № 35, № 40,
№ 47, № 52, № 53, № 55,
158

Маркварт И. 25, 175

Масис, Анри 209

Мас'уди (аль-Мас'уди) 295

Махмуд-бей 189

Махмут Кашгари 25, № 113,
168, 219, 277, 298, 303,
304

Махтумкули № 22, № 23,
№ 101

Мелик Эшреф 196

Менгес К. 235, 236, 246

Менгу Тимур 195

Менцель Т. № 129

Месарош Д. 286

Мехмет II Фатих (Завоева-
тель) 163, 206, 207

Мехмет-паша Сокуллу 163

Мжик [Г.] 131, 285

Миллер А.А. 166

Люксембург, Роза 258

Лютфи № 37, № 38

M

Минорский В.[Ф.] 25, 72, 175

Миньяна А. 69

Мир Мухаммад Бухари
Мунши 301

Мирас (Мирасов), Сагит 284

Моравчик, Дьюла 246

Мордтманн Й. 25

Мори, Масао 50, 175, 236,
240, 243-245

Моюнчур 67

Мубаракшах Гури № 114

Муваххид, Мухаммед Али
245

Мугаттаров Г. № 421

Муким Хани 301

Муллагул 15, 75

Мурадым 63, 279

Мурат-султан 262

Мурзабулатов, Сулейман 260

Муртазави, Менучихр 245

Муса-хан 195

Мустафа Кемаль-паша Гази
(Победитель) 27, 133, 251,
298; *см. также* Ататюрк

Мутон 155, 224

Мухаммад Юсуф Мунши бин
ходжа Бекка 301

Мухаммед, пророк 54, 136

Мухаммет Якшимбет-улы 23

Мухаммет-хан 195, 196

Мухсин-и фани, шейх № 101

Мюллер Ф.В.К. 25

Мюстевфи Хамдуллах — *см.*
Казвини, Хамдуллах
(Хамдаллах) Мюстевфи

Н

Наби-хаджи 188
 Навои, Алишер (Али Шер)
 38, 78, № 151, № 152,
 № 157, 148, 182–184, 207,
 248, 296, 307
 Надим аль-Джиср № 344
 Надир-шах, Афшар 171, 207,
 227, 302
 Назмие — *см.* Тоган, Назмие
 Накшбенд — *см.* Баха ад-
 Дин Накшбенд
 Наливкин [В.П.] № 36, № 428
 Наполеон 284
 Насир ад-Дин Насир аль-
 Башкурди 279
 Насир ад-Дин Туси № 271

Насир-и Хосров 305
 Насиров Р. № 405
 Насыри, Каюм № 53
 Нафиса-ханым 23, 24
 Немет, Дьюла 240, 277, 285
 Ненни, Пьетро 252
 Неплюев [И.И.] 283
 Нельдеке Т. 25
 Нидхэм 244
 Низами, Халик Ахмад 245
 Никольский Д. 286
 Новиков В. 280
 Нур, Риза 25, № 152, 140
 Нуретдин (Мурадым) 279
 Нух, пророк 218
 Нуширван 196

О

Обен [Ж.] 148, 164
 Огель, Бахаэддин 235–244
 Огуз 51, 78, № 379, № 384,
 № 395, 174, 217–220, 308
 Озергин, Муаммер 292
 Озёндер Дж. 9
 Озтуна, Йылмаз 237
 Окладников А.П. 175–178,
 236, 237, 240
 Олджайту 194, 195, 199, 203,
 204, 206, 279
 Олджай-хан 218, 219; *см.*
также Яфес, Амылджа,
 Алынджа

Омер Унгар-ага 38
 Онгунсу Х. 38, 43
 Орбай, Кязым 39
 Орда 220
 Ореобасис 211
 Оркия 185
 Оркун, Х. Н. 26, 138
 Ор-хан 218
 Орхонлу, Ченгиз 55
 Отемиш Хаджи 64, 279, 297,
 304
 Отто-Дорн К. № 171, 238, 241
 Оуэнс, Мередит 238

П

Павел 211
 Павлековский-Холеван 243
 Пайпс, Ричард 291

Пейо (Пельо) П. 25, 175
 Пекарский И. 280
 Петр Великий, царь 250, 282

Петровский Г.И 250–252
 Пехливан Кул 282
 Пирс, Ричард 159
 Поливанов [Е.Д.] 256
 Поппе Н. 236, 240, 246

Радек 253
 Радлов В.В. 63, 201, 202, 283
 Райландс, Джон 69, 70
 Райт, Уолтер № 215
 Рамзи, Мурат № 5, 158
 Рамиев, Закир 247, 248
 Ранке, Леопольд фон 204
 Раух, Георг фон 166
 Рахмети, Рашит 36, 63; *см.*
также Арат, Рашит Рахмети
 Рашид ад-Дин № 258, № 297,
 № 311, № 379, № 384,
 № 395, 148, 177, 197, 206,
 217, 219, 220, 277, 282, 295,
 301, 307
 ар-Рашид бин аз-Зубайр
 № 325

Сабахаддин Али 140
 Сабир, Мухаммед 244
 Сабит, Фуад 251
 Сагди, Габдрахман 157
 Садреддин Коньяви 295
 Саиб, Исмаил 27
 Саит 79, 182
 Саит Батыр 280
 Саит Бахадыр № 426
 Салават [Юлаев] 262, 283
 Салихов, А. № 415, № 423,
 № 428, № 430, № 433
 Салур Казан № 343

Прицак О. 235–238, 240, 246
 Птолемей 276, 278
 Пугачев [Емельян] 280, 283
 Пулат Джинсанг 204
 Пятаков 258

Р

Рашоньи Л. 50, 239, 243, 244
 Ренхен 246
 Риттер Х. 244
 Романов, Михаил Федорович,
 царь № 25
 Романовы, династия № 24
 Росс, Денисон 25, № 140
 Розенталь Ф. № 333, 190
 Ру 240
 Рубин В. 236
 Руденко С.И. 157, 237, 240,
 286
 Рудзутак 252, 254, 260
 Рукнеддин Байбарс 300
 Рыскулов, Турар 251–253
 Рюштю, Тевфик 189
 Рясянен [М.] 236, 240, 246

С

Сами-паша, Кемаледдин 25
 Самойлов 252
 Самолин [В.] 236, 237
 Санджар, Недждет 138
 Санджар ар-Рукни аль-Баш-
 кирди 279
 Сара-апа 292
 Сараджоглу, Шюкрю 39, 40,
 59
 Саркан-башкир 279
 Сартон Г. 131
 Сарч О.Дж. 46
 Сары Тула 184

- Сатлык-улы 14, 63
 Сатыбек-хатун 196
 Сафаров, Григорий 257
 Сахиллиоглу, Халиль 239, 242
 Сахир, Мухаммед 237, 243
 Сегледи 50, 236, 246
 Сезгин, Фуад 45
 Сейид Ахмед Маргинани 304
 Селевк 209
 Селим I Явуз (Грозный), султан 180, 193
 Синор Д. 235, 236, 240, 246
 Смит Г.М. 237
 Смолик Й. 238
 Соловьев [С.М.] 247
 Сталин 22, 133, 180, 254, 255, 260
 Субхан Кули-хан 301
 Сулейман I Кануни (Законодатель), султан № 337, 171, 280
 Сулейман-хан 196
 Сулемиш 279
 Султан Ахмет Джелаир 196
 Султангареева, Розалия 290
 Султангирей (Карасакал) 262, 283
 Султан Увес Джелаир 196
 Сумер, Фарук 237, 241, 243, 244
 Сунгу, Ихсан 43, 146
 Сюбидей — см. Тоган, Сюбидей
 Сюрея, Асым 239
 Сююмбике № 48

Т

- Табари 70
 Тавакуль-мулла 294
 Таган, Галимзян (Алимджан) № 193, № 435
 Таймас, Абдулла Баттал 48, № 434, 286
 Такизаде, Сейид Хасан № 284, 245
 Тамерлан 171, 184, 196, 219, 228, 231, 233, 262; см. также Тимур
 Тамура 237
 Танджи, Мухаммед 245
 Тансель, Февзи Абдуллах 239, 245
 Тандоган Н. 40
 Танрювер, Хамдуллах Субхи 27, 42, № 351, 293
 Танью, Хикмет 245
 Тарик, Хаккы 304
 Тарлан, Али Нихад 244
 Тарфани, Полат 59
 Тауэр 164
 Ташкыран, Тезер 239, 243
 Тевеккюли (Тюкли) 196
 Текин, Талат 67
 Темир, Ахмед 49, 245
 Тешнер Ф. № 237, № 252
 Тимур 30, 58, № 117, № 163, № 183, № 207, № 260, № 273, № 274, № 290, № 378, № 443, 148, 164, 190, 191, 205, 206, 227, 297, 298, 301, 306, 307; см. также Тамерлан
 Тимурташ-бей 196
 Тин, Ахмед 280
 Типеев, Шамси 286
 Тоган, Исенбике 38, 236, 239, 242, 286

- Тоган, Назмие 7, 38, 174,
243, 291, 293, 308
Тоган, Сюбидей 38, 55, 287
Тойнби 169, 222
Токсурмуш 220
Топчубаши, Алиакбар 160,
244, 245
Троцкий 22, 133, 253
Трыарский [Э.] 237, 240
Туг, Салих 45
Тугай Тимур-хан 196
Тукай, Габдулла № 20
Тули 171
Тулун 227
Туран, Осман 50, 161, 237,
240, 241, 245
Туран, Шерифеддин 245
Тургай-оглан 195
Турсун-бей 207
Туччи 238
Тыныш бин Мухаммад аль-
Бухари 301

У

- Уатт, Монтгомери 174
Убайдуллах Хани 301
Удегей 171, 301
Узунчаршылы, Исмаил
Хаккы 11, 237, 243
Уилбер 241
Уилсон, Пиндер 238
Улугбек 15, 148, 180, 205, 207
Ульгенер, Сабри 50, 242
Улькен, Хильми Зия 243
Умми Камал 184
Уммульхаят 14
Унвер, Сюхейль 238, 241, 244
Ундер, Мехмет 238
Уран, Хильми 137
Урансой, Гюльтекин 239, 244
Урус-мурза 280, 281
Учок, Бахрие 243
Учок, Джошкун 239, 243
Уэлч, Стюарт 238, 241

Ф

- Фаизханов, Хусаин № 10
аль-Фараби 306
Фахреддин-паша 24
Фахретдинов, Ризаэтдин 157,
247
Фахри, Зияэддин 190
Федоров-Давыдов [Г.А.] 239,
242
Ферран Ж. 25
Филоненко В. 286
Фрай [Р.] 130, 236
Френ Х. 145
Фрунзе № 90, 253
Фындыкоглу, Зияэддин Фах-
ри 50, 235, 239, 243
Фыратлы, Фехим 149

Х

- Хабибназар Сатлык-улы 14,
15, 63
Хаджибейли, Джейхун 161
Хайдар Мирза Дуглат № 131,
№ 198
Хак Назар, хан 280

- Хаксинс Дж. 166
 Халаши-Кун 50, 235, 241
 Халиди, Ахун Курбангали 158
 Халфины № 21
 Хамза 304
 Хамдуллах Субхи — см.
 Танрыовер, Хамдуллах
 Субхи
 Хамидуллах, Мухаммед 45,
 59, № 256
 Хаммер-Пургшталь [И. фон] 69
 Ханджар Ф. 166
 Харва 237
 Харматта 236
 Хасан Руми 279
 Хафиз Ширази 184, 206
 Хафиз Абру 196, 306
 Хениш 164
 Хеннинг [В.Б.] 148
 Хермелинк 244
 Хетагуров [Л.А.] 220
 Хисматуллин А. № 405
 Холеда 240
 Хондемир № 196
 Хорезми 248
 Хофман 244
 Худаяр-хан № 45
 Хулагу 195, 206
 Хулюси, Рагиб 28
 Хусаин-бек Эмир Умар Та-
 раби ат-Туркестани 279
 Хусейн Джелаир 196
 Хусейн Джиср 79
 Хызыр-мулла 14

Цвиллинг 252

- Чагатай 171, 197, 198, 227,
 231, 243, 298, 301
 Чагры-бек 299
 Чакмак, Февзи 38–40
 Чандарлыоглу, Гюльчин 58,
 307
 Честер Битти [А]. 70, 306
 Четин, Нихат 296
 Чингиз (Чингиз-хан) 25, 58,
 № 160, № 292, № 376,
 № 385, № 441, № 447,
 164, 171, 176, 189, 191,
 194, 196, 198, 205, 206,
 227, 229, 233, 279
 Чобан, эмир 195, 196, 203
 Чоджу Кысар 196
 Чора Батыр № 132
 Чулошников А. 286
 Чурак Кузьян-улы 13
 Чыг, Кемаль 238

- Шаванн [Э.] 308
 Шаде, Артур № 240
 Шайбак-хан № 85, 304
 Шатыр, Яр 244, 245
 Шафи, Мухаммад № 260,
 № 283, 164
 Шафиков Г. № 431
 Шах-Мелик 220

- Шахрух № 208
 Шахтаhtинский 256
 Шедер Г.Г. 284
 Шеель Х. 47, 156, 160, 167, 168
 Шейбан 279
 Шейх Хасан-младший 195, 196
 Шейх Хассан-старший 195, 196
 Шемс Иджи 190, 191
 Шемс-и Тебризи 296
- Шереф аз-Заман Мервези (Мервский) № 189, 176
 Шериф аль-Хасан 245
 Ширмехмет-бей 174
 Шишман М. 245
 Шпулер Б. № 172, № 285, 237, 240, 245
 Штадмиллер Г. 166
 Штейн С.А. 25
 Шуна (Шуна Батыр) 283
 Шурман 148

Ш

Щукин И. 238, 241

Ы

Ырыс Махмут-султан 262
 Ырысмухаммет 24

Э

- Эвлия Челеби 278, 281, 282
 Эгами Н. 235, 236, 240
 Эдиге-бек (Эдигей) 63, 279, 302
 Эдхем, Халиль 149
 Эльдем, Седат 238, 241
 Эльчин, Шюкрю 242, 244
 Эмин 11
 Эмин-бей 174
 Эмир-башкир 279
 Энвер-паша 23, 133, 152, 258, 259
 Энвери 193, 195, 197
 Эргюдер М. 141
- Эрдели 236, 240
 Эрден, Али Фуад 41, 42
 Эрен, Хасан 168, 244
 Эрзи, Аднан 57
 Эртюрк, Коркут 292
 Эртюрк, Салахетдин 292
 Эртюрк, Якын 292
 Эрэль, Шерефеддин 242
 Эсендал, Ш. М. 40, 41
 Эсин, Эмель 50, 235, 237, 238, 240–244
 Эттингхаузен Р. 50, 238, 240, 241

Ю

Юджель, Хасан А. 40

Юлай [Азналин] 283

- Юлдашбаев, А.М. 5, 7–9,
№ 407, № 413, № 420,
№ 422, № 429, № 431,
№ 432, № 434, № 435,
291
Юмагулов [Х.Ю.] 285
- Юнт, Керим 242
Юрдакул, Мехмет Эмин
№ 188
Юсуф-бек Бозоглан 303
Юферов В. 286

Я

- Явуз, Хильми 66
Ягафар, Аллаберды 284
Языджи-оглу 183
Якуб-бек 304
Якубовский [А.Ю.] 166
Якут 278
Ялантуш, эмир 159
Ялчынташ, Невзад 174
Ямада 238, 241
Ян, Карл 50, 72, 131, 148,
235, 237, 239, 242
- Янски, Герберт 56, 71, 240,
245, 286
Янчура 282
Ярринг [Г.] 244
Ясави, Ахмед 182, 220, 304
Ясперс К. 209
Яфес 218; *см. также* Ол-
джай-хан
Яшке Г. № 233, № 245, 159

Содержание

Тунджер Байкара и его книга	5
Предисловие к настоящему изданию	9
Предисловие к турецкому изданию	11
Часть первая. Жизнь	13
1890—1915	
Семья. Детство. Учеба	13
Учеба в дальних краях	16
1916—1922	
Политическая деятельность	19
Борьба в Туркестане: 1920—1922	23
1923—1925	
Годы исканий: Иран, Афганистан, Индия и Европа	24
1925—1932	
Первые годы в Турции	26
Прибытие	26
Первые дни в Анкаре	27
Работа в университете	28
Турецкий Исторический конгресс и Заки Валиди	31

	1932–1939
Учеба и преподавание в Европе	35
	1939–1948
Вновь в Турции	36
Возвращение	36
Дело 1944 года	39
	1948–1970
Пора успехов	43
Попытки создать новые институты и кафедры	43
XXII Конгресс востоковедов 1951 года	46
Проблема «Основ тюркской филологии»	48
«Справочник по тюркской культуре»	49
События последних лет жизни	51
Часть вторая. Ученый и мыслитель	53
Физический и духовный облик	53
Педагогическая деятельность	56
Историк и ученый	61
I Исторический конгресс: Опустынивание Средней Азии	65
Дискуссия о племенах кай и кайы	66
Термин ясама	67
Заки Валиди и исторические учреждения	68
Мировоззрение Заки Валиди	74

- Библиография Заки Валиди
78
- Библиография произведений
79
- Список машинописных текстов
127
- Приложения. Фрагменты произведений**
129
- «Биография Заки Валиди Тогана»
129
- «Автобиография профессора Заки Валиди Тогана»
131
- Т. Байкара. «Ординарный профессор
доктор Заки Валиди Тоган»
134
- «В Канцелярию Председателя для передачи
Великому Национальному Собранию»
137
- «Одна из задач,
стоящих перед Стамбульским университетом»
143
- «Ошибочное направление, проявившееся в международной
инициативе относительно истории тюркских народов»
156
- Заки Валиди Тоган: Записи 1970 года
173
- «Значение сведений мусульманских источников
о положении во Внутренней Азии в X–XI веках»
175
- Т. Байкара «О «Воспоминаниях» Заки Валиди Тогана»
178
- Фрагменты «Воспоминаний»
182
- «Сцены из жизни башкир. Ибрагим Каскынбай»
182
- «Царизм и мусульманство.
Праздник свободы совести в Мелеузе»
186
- «Ататюрк»
189
- «Введение во всеобщую историю тюрков»
191

Общий план произведения	191
Часть I. Ильханиды	193
Часть II. Удельная система	197
Часть III. Закон и религия	204
«Методология исторических исследований»	208
Общий план произведения	208
Метод 1. Различие между культурой и цивилизацией. Бируни о греческой цивилизации	209
Метод 2. О пользе истории	212
Метод 3. Главные черты методологии исторических исследований	214
«Дастан об Огузе: Перевод и исследование «Огуз-наме» Рашид ад-Дина»	217
Общий план произведения	217
История огузов и тюрков	218
Примечания	219
Место, время и условия создания «Дастана об Огузе»	220
Другие произведения	221
«Справочник по тюркской культуре»: Текст, распространенный 16 октября 1965 года	221
От редакционной коллегии	
«Справочника по тюркской культуре». Циркуляр №2	224
Программа «Справочника по тюркской культуре»	226

Дополнения

247

Из «Воспоминаний»

247

Ризаэтдин Фахретдин

247

Нравственные понятия Ленина

249

**Письмо, отправленное в сентябре 1920 года
на имя В. И. Ленина**

252

**Письмо, отправленное в феврале 1923 года
на имя В. И. Ленина**

254

Прощальное письмо башкирскому народу

258

«Возникновение партии «Эрк»»

263

«Программа Туркестанской социалистической партии «Эрк»»

264

«Башкир»

276

И. Тоган. «Вспоминая отца...»

286

Н. Тоган, И. Арыджанлы, Т. Байкара.**«Бумаги, отложившиеся в результате деятельности
А. Заки Тогана и размещенные им по папкам»**

293

Указатель имен

309

Редактор Г. Б. Рафикова-Данилова**Художник И. С. Файрушин****Художественный редактор М. Ш. Бишев****Технический редактор З. Г. Чингизова****Корректоры А. В. Ниязова, О. И. Каюмова****ИБ №5693**

Сдано в набор 14.05.97. Подписано к печати 09.12.97. Формат бумаги 84x108 1/32. Бумага офсетная №1.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Условн. печ. л. 17,22. Усл. кр. отт. 17,22.

Учетн. издат. л. 17,56. Тираж 4000 экз. Заказ № 18. Цена свободная.

Башкирское издательство «Китап». 450001, Уфа, ул. Левченко, 4а.

Набор, верстка и изготовление фотоформ — «ЛИК-ТМ», 450001, Уфа, проспект Октября, 2.

тел. (3472) 249700, 240980, 450005, а/я 20.

Уфимский полиграфкомбинат. 450001, Уфа, проспект Октября, 2.